

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 4 (99)
2021

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов,
доктор юрид. наук, доц.

Заместитель главного
редактора:
С.В. Пахомов,
канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Назаров С.Н.** Проблемы правового регулирования
прокурорских проверок в условиях реформы
контрольной (надзорной) деятельности 7
- Козлов Д.В., Левицкая Е.А.** Подходы к правовому
регулированию риэлторской деятельности в России
и зарубежных странах 11

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Заброда Д.Г., Капранов А.В., Кудовба О.Н.** Основные подходы
к определению понятия «формы несения службы
участковыми уполномоченными полиции» 15
- Майоров В.И., Понежина Л.Ю.** О роли дорожного надзора
госавтоинспекции в обеспечении безопасности дорожного
движения 22
- Капранова Ю.В.** Формы и методы формирования и повышения
электоральной активности как объекта управления 29
- Негодаева Е.Г.** Актуальные вопросы привлечения
к административной ответственности за превышение
нормативов допустимого воздействия на окружающую среду 36

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

- Фатхи В.И.** К вопросу о признании долгового обязательства,
возникшего из кредитного договора, заключенного
одним из супругов, общим долгом 41
- Желонкин С.С.** Развитие договоров в сфере банковской
и иной финансовой деятельности в рамках реализации
концепции развития гражданского законодательства 47

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Безручко Е.В.** Противодействие должностной преступности
мерами криминологического характера в условиях
современной реальности 52
- Теохаров А.К., Резвых Р.С.** Особенности личности
несовершеннолетнего осужденного и их влияние
на процесс ресоциализации 58
- Александров С.А.** Фиктивное банкротство гражданина:
признаки объективной стороны состава преступления 64

Выпускающий редактор:
Е.А. Диговцова

Над выпуском работали:
Е.Е. Пелехатая,
Н.А. Чуб,
В.С. Степанова,
Н.А. Тапашева

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
17.12.2021
Выход в свет
22.12.2021

Формат 60x84/8
Объем п. л. 27,5.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 130.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена подписки на издание
за минимальный подписной
период – 352.86 руб.

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

Котельникова О.А., Загорьян С.Г., Стешич Е.С. Некоторые проблемные вопросы квалификации развратных действий (ст. 135 УК РФ)	69
Бондарева Е.А. Средства противодействия коррупции в сфере публичных закупок в условиях глобализации	72
Ткаченко Н.Н., Кузнецова К.А. Исторические аспекты становления и развития профилактики безнадзорности преступлений и правонарушений несовершеннолетних	78
Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Витвицкий А.А. Правовая основа противодействия семейно-бытовому насилию	85
Хилюта В.В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции	93

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Росинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия?	100
Ляхов Ю.А. Незаконный ведомственный интерес в уголовном процессе России	106
Гриценко Т.В., Солонникова Н.В. Проблемные аспекты заключения под стражу в уголовном процессе России	109
Багаутдинов Ш.Ф. Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве	114
Михайлова О.Г. Реализация несовершеннолетним лицом права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела	121
Шестакова Л.А. Нравственно-правовые основания уголовно-процессуальной деятельности в цифровую эпоху	126
Якубина Ю.П., Диденко Н.С. Проблемные аспекты прокурорского надзора за предварительным следствием	130

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Криминалистика: от уголовной регистрации к совершенным информационным системам	135
Зиновьева Н.С. Некоторые тактико-криминалистические проблемы привлечения специалистов для получения зашифрованной информации с устройств мобильной связи и тактика изъятия устройств связи	148
Лугинец Э.Ф., Тихонов В.В., Лугинец Е.А. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных и следственных подразделений при противодействии организованным группам (преступным сообществам), действующим в сфере криминального автобизнеса	153
Еремин С.Г., Решняк О.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: некоторые методы исследования компьютерных хозяйственно-финансовых операций при расследовании экономических преступлений	160
Кулешов Р.В. Способы совершения преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности в контексте криминалистической классификации указанных преступлений как элемент интегрированной криминалистической методики расследования	165

Иванов П.И. Оптимизация расследования преступлений (частная криминалистическая методика и ее возможности)	172
Миронов Г.Ю. Факторы, порождающие рецидивную преступность, как элемент криминалистической характеристики	177
Шатов Д.В., Попов В.В. К вопросу о возможностях стоматологической идентификации	180
Бондарева Г.В. Некоторые вопросы производства обыска и выемки электронных носителей информации	185
Денисов С.Л. Отдельные аспекты планирования расследования мошенничества в сфере страхования	189
Климова Я.А. Особенности криминалистической характеристики механизма преступлений, совершенных несовершеннолетними: современный аспект	192

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мясников А.П. К вопросу о правовой основе современной избирательной системы	196
Искалиев Р.Г., Пономаренко А.В. Современное состояние организационно-структурного обеспечения подразделений ЭБППК ОВД Российской Федерации и перспективы его совершенствования	201
Михайлов С.В., Шпак А.В. Ответственность за неисполнение обязанности репатриации	208
Панасенко В.Н. К вопросу эффективности деятельности центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей	213

Трибуна молодого ученого

Иваньшина А.Э. «Признание своей вины»: сущность и соотношение со схожими категориями	216
Мысливцева Т.Ю. О некоторых проблемах, возникающих при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, на примере сбыта наркотических средств	221
Цветков В.А. Привлечение специалиста к расследованию преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества: проблемы и предложения по их минимизации	226

CONTENTS

SCIENTIFIC AND THEORETICAL SECTION / SCIENTIFIC AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF LEGAL ACTIVITY

Nazarov S.N. Problems of legal regulation of prosecutor's inspections in the conditions of reform of control (supervision) activities	7
Kozlov D.V., Levitskaya E.A. Approaches to the legal regulation of real estate activity in Russia and foreign countries	11

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS; ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Zabroda D.G., Kapranov A.V., Kudovba O.N. Main approaches to the definition of the concept of «forms of service by the district police officer»	15
Mayorov V.I., Ponezhina L.Y. On the role of road supervision of the state automobile inspectorate in ensuring road safety	22
Kapranova Yu.V. Forms and methods of formation and increase of electoral activity as an object of management	29
Negodaeva E.G. Actual issues of involvement to administrative responsibility for exceeding the standards of permissible impact on the environment	36

CRIMINAL LAW AND CIVIL LAW ANALYTICS

Fatkhi V.I. On the issue of recognizing a debt obligation arising from a loan agreement concluded by one of the spouses as a common debt	41
Zhelonkin S.S. Development of contracts in the sphere of banking and other financial activities within the framework of implementation of the concept of development of civil legislation	47

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL ENFORCEMENT LAW

Bezruchko E.V. Countering official crime with measures of a criminological character in the conditions of modern reality	52
Teokharov A.K., Rezvykh R.S. Features of the personality of a minor convicted person and their impact on the process of resocialization	58
Aleksandrov S.A. Fictitious bankruptcy of a citizen: features of the objective aspect of Corpus Delicti	64
Kotelnikova O.A., Zagorian S.G., Steshich E.S. Some problematic issues of qualification of depraved acts (article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation)	68
Bondareva E.A. Anti-corruption means in public procurement in the context of globalization	72
Tkachenko N.N., Kuznetsova K.A. Historical aspects of the formation and development of the prevention of neglect of crimes and delinquency of minors	78
Keidunova E.R., Vitvitsky A.A., Mavrenkova E.A. Legal basis for countering domestic violence	85
Khilyuta V.V. Guilt in criminal law: looking for a new concept	93

CRIMINAL PROCEEDINGS

Rossinskiy S.B. Involvement as an accused: nodal act of the criminal prosecution or result of preliminary investigation?	100
Lyakhov Yu.A. Illegal departmental interest in Russian criminal proceedings	106
Gritsenko T.V., Solonnikova N.V. Problematic aspects of detention in Criminal Proceedings in Russia	109
Bagautdinov Sh.F. Legal representatives of juvenile accused, suspect, defendant in criminal proceedings	114

Mikhailova O.G. Realization by a minor of the right to defense at the stage of initiation of a criminal case	121
Shestakova L.A. Moral and legal basis criminal procedural activities in the digital age	126
Yakubina Yu.P., Didenko N.S. Problematic aspects of prosecutorial supervision of the preliminary investigation	130

CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES; FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

Volynskiy A.F., Prorvich V.A. Criminalistics: from criminal registration to perfect information systems	135
Zinovieva N.S. Some tactical and forensic problems of attracting specialists to obtain encrypted information from mobile communication devices and tactics of withdrawal of communication devices	148
Luginets E.F., Tikhonov V.V., Luginets E.A. Actual issues of interaction between operational and investigative units in countering organized groups (criminal communities) operating in the field of criminal car business	153
Eremin S.G., Reshnyak O.A. Forensic accounting expertise: some methods of researching computer economic and financial operations in investigating economic crimes	160
Kuleshov R.V. Methods of committing crimes in the field of extremist and terrorist activities in the context of the Criminalistic classification of these crimes as an element of an integrated forensic investigation methodology	165
Ivanov P.I. Optimization of crime investigation (private Criminalistic methodology and its possibilities)	172
Mironov G.Yu. Factors that generate recidivism as an element of Criminalistic characteristics	177
Shatov D.V., Popov V.V. To the question of the possibilities of dental identification	180
Bondareva G.V. Some issues of search and seizure of electronic media	185
Denisov S.L. Some aspects of insurance fraud investigation planning	189
Klimova Ya.A. Features of the Criminalistic characteristics of the mechanism of crimes committed by minors: the modern aspect	192

ISSUES OF IMPROVING INDUSTRY LEGISLATION

Myasnikov A.P. On the issue of the legal basis of the modern electoral system	196
Iskalev R.G., Ponomarenko A.V. State of art of the organizational and structural support of the Economic Security And Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the prospects of its improvement	201
Mikhailov S.V., Shpak A.V. Responsibility for failure to fulfill the obligation of repatriation	208
Panasenko V.N. On the issue of the effectiveness of the activities of temporary detention centers for juvenile offenders	213

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Ivanshina A.E. «Confession of guilt»: the essence and correlation with similar categories	216
Myslivtseva T.Yu. Features of investigation of crimes committed with the use of the Internet on the example of sales of narcotic drugs	221
Tsvetkov V.A. Involvement of a specialist in the investigation of crimes related to the organization of an extremist community: problems and proposals for their minimization	226

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).

9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.

12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.163
ББК 67.411

© 2021 г. Назаров Сергей Николаевич,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.
E-mail: nazarovdon@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется реформирование контрольной (надзорной) деятельности в условиях становления процессов рыночного регулирования, обуславливающих снижение, но не исключение административного воздействия на хозяйствующие субъекты. Принятие в 2020 г. новых законов о контрольно-надзорной деятельности вызывает необходимость в оптимизации правового регулирования надзорных проверок, осуществляемых органами прокуратуры.

Ключевые слова: контрольная (надзорная) деятельность, контрольно-надзорные мероприятия, риск-ориентированный подход, прокуратура, прокурорская проверка.

Nazarov Sergei Nikolaevich – Professor of the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROSECUTOR'S INSPECTIONS IN THE CONDITIONS OF REFORM OF CONTROL (SUPERVISION) ACTIVITIES

The article analyzes the reforming of control (supervisory) activities in the conditions of the formation of market regulation processes, leading to a decrease, but not exclusion of administrative impact on business entities. The adoption in 2020 of new laws on control and supervisory activities raises the need to optimize the legal regulation of supervisory audits carried out by the prosecutor's office.

Keywords: control (supervisory) activity, control and supervisory measures, risk-oriented approach, prosecutor's office, prosecutor's checking.

Развитие российской экономики на основе свободы экономической деятельности (главном принципе рыночной экономики) изменило формы воздействия государства на экономическую деятельность.

На смену государственному управлению в сфере экономики, основанному на постоянном и непосредственном вмешательстве государственного аппарата в экономическую деятельность, пришло государственное регулирование, создающее условия для развития предпринимательства.

Главным принципом эффективного регулирования рыночной экономики становится государственное содействие, а не вмешательство в эту сферу гражданского общества, что обуславливает снижение, но не исключение административного воздействия на хозяйствующие субъекты.

В качестве административно-правового средства обеспечения этой задачи выступает государственный контроль (надзор) за испол-

нением законодательства, регулирующего правоотношения в сфере предпринимательства.

До принятия 08.08.2001 Федерального закона № 134-ФЗ [1] деятельность органов контроля и надзора регулировалась многочисленными и разрозненными законодательными актами о государственном контроле (надзоре) по отдельным направлениям деятельности. Закон впервые установил общую правовую основу контрольной (надзорной) деятельности.

Но, несмотря на введение общей правовой основы контрольной (надзорной) деятельности, предусматривающей ограничения в проведении проверок, органы контроля (надзора) продолжали проводить масштабные проверки предпринимателей без каких-либо поводов и оснований.

Сложившаяся ситуация ненадлежащего исполнения контролирующими органами правового регулирования проверочной деятельности потребовала введение дополнительных мер, обеспечивающих реальное

исполнение органами контроля (надзора) законодательных требований.

Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ [2] была введена обязанность органов контроля (надзора) согласовывать все проверки с органами прокуратуры. Эта мера дала определенный положительный результат. Она повлияла на системные проблемы в организации контрольно-надзорной деятельности.

Сложившаяся еще в советский период ее модель не обеспечивала в современных условиях безопасность результатов деятельности подконтрольных субъектов путем государственного контроля.

Возникла необходимость в формировании новой системы контрольно-надзорной деятельности, основанной на концентрации ограниченных ресурсов государства в зонах наибольшего риска, в целях предотвращения причинения вреда охраняемым законом ценностям при одновременном снижении административной нагрузки на добросовестных хозяйствующих субъектах.

Принятым Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ [3] был установлен новый порядок формирования системы обязательных требований, включающих в себя определенность, системность, открытость, предсказуемость и исполнимость.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – ФЗ № 248-ФЗ) [4] был закреплен риск-ориентированный подход, согласно которому выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности. Были усилены процессуальные основы контрольно-надзорной деятельности и правовые гарантии поднадзорных субъектов.

Обновление законодательства о контрольно-надзорной деятельности актуализирует необходимость оценки правового регулирования надзорной деятельности прокуратуры – «общенадзорных» проверок прокуратуры.

Новое правовое регулирование, сохраняя за прокуратурой осуществление надзора за органами специализированного контроля (надзора) путем дачи согласия на проведения контрольных (надзорных) мероприятий и дей-

ствий, не распространяется на порядок проведения самих прокурорских проверок.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17.02.2015 № 2-П указал, что на деятельность прокуратуры не могут автоматически быть распространены общие подходы к организации и проведению специального (ведомственного) государственного контроля (надзора), но при этом правовое регулирование характера и содержания надзорной деятельности прокуратуры должно отвечать конституционным требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм, понятных поднадзорным субъектам, позволяющих им иметь реальные возможности для эффективной защиты своих прав и законных интересов [5]. Игнорирование такого подхода повлекло оспаривание в 2015 г. конституционности отдельных положений Закона «О прокуратуре РФ».

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ ряд положений закона о прокуратуре, связанных с регулированием прокурорской проверки, допускающих возможность произвольного усмотрения прокурора на основе его собственной субъективной оценки (неограниченная дискреция), ввиду правовой неопределенности был признан не согласующимся с принципом связанности органов прокуратуры с законом и правом, вытекающим из Конституции Российской Федерации.

В Федеральный закон «О прокуратуре РФ» [6] были внесены соответствующие изменения, усилившие процессуальную основу прокурорских «общенадзорных» проверок (введена регламентация сроков проверки, необходимость составления заключительного акта по итогам проверки независимо от ее результатов и др.).

Принятие новых нормативных правовых актов о контрольно-надзорной деятельности актуализирует необходимость в продолжении оптимизации правового регулирования прокурорских «общенадзорных» проверок.

Следует отметить несоответствие терминологии, используемой в ФЗ № 248-ФЗ и Законе «О прокуратуре РФ». Так, ФЗ № 248-ФЗ именует контрольно-надзорным мероприятием саму проверку, выделяя два ее вида – документарную и выездную, а также контрольную закупку, мониторинговую закупку, выборочный контроль, инспекционный визит и рейдовый осмотр.

В Законе «О прокуратуре РФ» в качестве мероприятий указываются исследования, испытания и экспертизы, тогда как в ФЗ № 248-ФЗ они именуются контрольными (надзорными) действиями.

Важной законодательной новацией является требование о реализации контрольно-надзорных мероприятий только посредством тех конкретных действий, которые указаны в законе (ст. 65 ФЗ № 248-ФЗ). Невыполнение этого требования влечет недействительность результатов контрольного (надзорного) мероприятия (ч. 9 ст. 91 ФЗ № 248-ФЗ). Эта новация отвечает требованию правовой определенности действий и решений при осуществлении контроля и надзора.

Закон «О прокуратуре РФ» содержит лишь отдельные из предусмотренных в ФЗ № 248-ФЗ проверочные действия – получать объяснения у должностных лиц и граждан по поводу нарушений законов, что соответствует опросу и получению письменных объяснений, предусмотренных ФЗ № 248-ФЗ, требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов и материалов или их копий. Иные проверочные действия, предусмотренные в ФЗ № 248-ФЗ, в Законе «О прокуратуре РФ» отсутствуют.

В Законе «О Прокуратуре» указывается возможность проведения прокурором исследований, испытаний, специальных экспертиз для получения дополнительной информации как основания для продления проверки. Содержание же этих действий Закон «О прокуратуре РФ», в отличие от ФЗ № 248-ФЗ, не раскрывает.

Закон «О прокуратуре РФ» не выделяет у прокуратуры документарную и выездную проверки, как это предусмотрено в ФЗ № 248-ФЗ. Но конкретный перечень контрольных (надзорных) действий, которые можно совершать в ходе документарной проверки согласно ФЗ № 248-ФЗ (получение письменных объяснений; истребование документов; проведение экспертизы), содержится и в Законе «О прокуратуре РФ».

В связи с этим в закон «О прокуратуре РФ» следует внести соответствующие изменения.

Что касается выездной проверки, то в ФЗ № 248-ФЗ был конкретизирован перечень действий органов специализированного контроля (надзора). Перечень включает в себя: осмотр, досмотр, опрос, получение письменных объяснений, истребование документов, отбор проб (образцов), инструментальное обследование, испытание, экспертиза и эксперимент (ч. 8 ст. 73 Закона).

Закон «О прокуратуре РФ» не предусматривает возможность проведения таких надзорных действий, как осмотр, досмотр, отбор проб (образцов), инструментальное обследование и испытание. Возможно, не все эти действия востребованы при проведении прокурорских проверок, однако необходимость в осмотре и отборе проб (образцов) существует.

Реализация этих действий особенно актуальна для природоохранных прокуратур.

К сожалению, данную проблему не решает возможность привлечения прокурором к проверке специалистов, поскольку это не меняет сущность проверки. Будучи правомочными осуществлять всю совокупность предусмотренных в ФЗ № 248-ФЗ действий при проведении собственных проверок, специалисты, привлеченные к участию в прокурорской проверке, имеют иной статус, ограничивающий их рамками правового регулирования Закона «О прокуратуре РФ».

Это соответствует позиции Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П, согласно которой участие в проведении прокурорской проверки представителей (сотрудников) других государственных органов допускается именно в целях осуществления вспомогательных (экспертно-аналитических) функций и не предполагает самостоятельного осуществления ими проверочных действий в интересах соответствующих государственных органов.

Таким образом, имеется необходимость в оптимизации правового регулирования надзорных проверок, осуществляемых органами прокуратуры, с учетом обновленного правового регулирования контрольно-надзорной деятельности.

Литература

1. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (над-

Bibliography

1. Federal Law of 08.08.2001 № 134-FL «On the Protection of the rights of Legal entities and individual entrepreneurs during State control (supervision)» // SZ RF. 13.08.2001. № 33 (p. I). St. 3436.

зора)» // СЗ РФ. 13.08.2001. № 33 (ч. I). Ст. 3436.

2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6249.

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ 2020. № 31. Ст. 5006.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

5. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201502200032>.

6. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366; СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; СЗ РФ. 1999. № 7. Ст. 878; СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830; СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3608; СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3416; СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16; СЗ РФ. 2014. № 52. Ст. 7538.

2. Federal Law of 26.12.2008 № 294-FL «On protection of rights of legal entities and individual entrepreneurs when implementing the state control (supervision) and municipal control» // SZ RF. 2008. № 52. St. 6249.

3. Federal Law of 31.07.2020 № 247-FL «On compulsory requirements in the Russian Federation» // SZ RF. 2020. № 31. St. 5006.

4. Federal Law of 31.07.2020 № 248-FL «On State Control (Supervision) and municipal control in the Russian Federation» // SZ RF. 2020. № 31. St. 5007.

5. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201502200032>.

6. Federal Law of 17.01.1992 № 2202-1 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. № 8. St. 366; SZ RF. 1995. № 47. St. 4472; SZ RF. 1999. № 7. St. 878; SZ RF. 2007. № 24. St. 2830; SZ RF. 2009. № 29. St. 3608; SZ RF. 2010. № 27. St. 3416; SZ RF. 2011. № 1. St. 16; SZ RF. 2014. № 52. St. 7538.

© 2021 г. Козлов Денис Валерьевич,

доцент кафедры международного права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

Левицкая Елена Алексеевна,

доцент кафедры международного права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ РИЭЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения деятельности риэлторов в России и других странах, различные модели ее регулирования в мире. Анализируется применимость к данным правоотношениям гражданского законодательства и специального законодательства, защищающего потребителей.

Ключевые слова: риэлторская деятельность, защита прав потребителей, возмездное оказание услуг, модели правового регулирования деятельности риэлторов, договор с участием потребителя.

Kozlov Denis Valerievich – Associate Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Levitskaya Elena Alekseevna – Associate Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF REAL ESTATE ACTIVITY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article deals with the issues of legal support for the activities of realtors in Russia and other countries, various models of its regulation in the world. The applicability of civil legislation and special laws on consumer protection to these legal relations is analyzed.

Keywords: realtor activity, consumer rights protection, paid provision of services, models of legal regulation of realtors' activities, a contract with the participation of a consumer.

На протяжении последних десяти лет активно обсуждается необходимость принятия специального федерального закона о порядке оказания риэлторских услуг в РФ [1], вызванная спецификой услуг, обилием практических проблем и споров, вытекающих из соответствующих правоотношений. Однако, несмотря на внесение в Государственную Думу ряда законопроектов на подобную тематику, на сегодняшний день подобного закона не существует, и нормативным источником в настоящий момент для договора риэлторских услуг выступает гл. 39 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ).

С научной точки зрения риэлторские услуги относятся к оказанию услуг как одной из разновидностей объектов гражданских прав. В отличие от сферы работ при услугах не появляется нового материального объекта, результат услуг всегда носит невещественный характер. При этом правовое регулирование распространяется как на процесс оказания услуг, так и на полученный результат. Здесь

кроется ключевое отличие от основного объекта гражданских прав – имущество [2]. Имущество уже существует на момент совершения юридических действий, а результат услуг проявляется только после их оказания.

Львиная доля риэлторских услуг оказывается в целях приобретения недвижимости для личного и семейного использования. Поскольку данные цели не связаны с предпринимательскими отношениями и покупателем недвижимости выступает гражданин, к ним дополнительно применяются статьи законодательства, защищающего потребителей. Для продавца-предпринимателя данные нормы в основном носят императивный характер и не могут быть изменены в его пользу по соглашению сторон (ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Фактически можно говорить, что договор с участием потребителя носит в себе черты публичного договора и/или договора присоединения. В таких договорах контрагентами обычных граждан являются предприниматели,

в том числе и коммерческие организации. Они обязаны заключать договор с любым желающим на одинаковых для всех условиях. Исключения могут предусматриваться только законодательством. Иными словами, цена договора, условия выполнения работ или оказания услуг, иные договоренности сторон должны совпадать во всех документах. Однако ряду граждан допускается предоставлять льготы, улучшающие их положение.

Таким образом, исполнитель в публичном договоре не может отказаться от совершения своих действий, если у него есть подобная возможность. Это выступает исключением из общего правила о свободе договора.

Исходя из вышеизложенного, потребительское законодательство ориентировано в главную очередь на защиту интересов граждан и, соответственно, на установление обязанностей коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей. К числу основных прав потребителей в отношении услуг следует отнести:

- право на закрепление гарантийного срока на услугу;
- право на безопасность услуги и информацию о ней;
- право на исправление недостатков готовой вещи;
- право на отказ от исполнения договора без объяснения причин.

Соблюдение данных прав является обязанностью контрагентов потребителей, и при их нарушении они несут ответственность.

Следует отметить, что подобный уровень законодательного регулирования считается незначительным по мировым меркам. Так, некоторые авторы выделяют жесткую, среднюю и мягкую модели правового регулирования риэлторской деятельности, относя к последней и Россию [3].

В большинстве государств западной Европы и США существуют специальные законы о риэлторской деятельности. Кроме того, правила оказания подобных услуг подлежат обязательному лицензированию, а сами риэлторы обязаны объединяться в рамках саморегулируемых организаций. Таким образом, за рубежом действует более высокий уровень защиты со стороны государства и профессионального сообщества в отношении риэлтерской деятельности.

Не менее важно, что риэлторы и помогающие им в оформлении сделок с недви-

жимостью нотариусы в иностранных правовопорядках несут значительную финансовую ответственность перед своими клиентами за допущенные ошибки.

Согласно подходу англо-американской правовой семьи, к числу обязанностей риэлтора относят необходимость действий в пользу клиента, следование инструкциям, раскрытие доступной информации, проявление осмотрительности и заботливости. В дополнение закрепляется возможность лишения риэлтера права на вознаграждение при нарушениях с его стороны. В наиболее тяжелых случаях на риэлтора возлагается обязанность возмещения клиенту убытков [4].

С правоприменительной точки зрения основной интерес вызывает содержание договора, обеспечивающего рассматриваемые отношения сторон. Согласно нормам ГК РФ, договор считается заключенным, когда стороны согласовали все существенные его условия. К числу таковых в договоре услуг относится только предмет договора. Однако практика выработала структуру договора риэлторских услуг, в которую помимо предмета входят следующие положения: место исполнения договора, срок его действия, сумма вознаграждения (цена) и порядок расчетов, правомочия сторон по договору, ответственность сторон по договору, правила разрешения споров. Такие положения являются общепризнанными в целом для договора услуг.

Кроме того, следует упомянуть, что вся посредническая деятельность на рынке сделок с недвижимостью входит в сферу действия потребительского законодательства. Это вытекает из п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» от 28.06.2012 № 17. Всеми учеными риэлтерская деятельность признается разновидностью посреднических услуг.

Она включает в себя исследование рынка, подборку объектов недвижимости, которые предлагаются гражданам для их покупки или аренды, помощь в выставлении недвижимости на торги, оформление всех необходимых документов, проведение самих сделок. В результате договор возмездного оказания услуг потребителю-покупателю недвижимого имущества в правоприменительной практике выступает одной из разновидностей риэлторского договора.

Таким образом, правовыми источниками данной деятельности на сегодняшний день

можно признать ГК РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей» (далее – Закон). Также имеет значение судебная практика, принятая на основе и для развития вышеуказанных нормативных актов.

Анализируя конкретные договоры возмездного оказания услуг покупателю недвижимого имущества, оценивая правомерность их условий, следует исходить именно из соотношения данных источников.

Какое же практическое значение может иметь при разрешении возникающих споров специальное законодательство?

Закон является одним из двух главных источников, регулирующих данный договор возмездного оказания услуг потребителю-покупателю недвижимого имущества.

Согласно ст. 1 ГК РФ, свобода договора, равенство его участников, запрет на постороннее вмешательство признаются краеугольными камнями гражданского законодательства. В соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны вольны сами определять все условия своих договоренностей, если иное не предусмотрено законодательством.

Получается, что лица вправе заключить договор между собой, закрепив в нем любые положения, явно не противоречащие законодательству.

Однако та же ст. 1 ГК РФ предполагает, что участники гражданского оборота действуют добросовестно и не вступают в сделки с целью навредить друг другу. При этом каждая из сторон не может пользоваться своим привилегированным положением, затруднениями или недостатком знаний у другого контрагента и тем более вводить его в заблуждение. Такие действия являются нарушением права.

Более того, в дополнение к общему подходу гражданского права действуют и специальные нормы, устанавливающие иные правила применительно к конкретным правоотношениям. В частности, ст. 422 ГК РФ предполагает необходимость соответствия договора иным обязательным правилам, дополняющим законодательство.

В Законе как раз и содержится ряд императивных норм, устанавливающих обязанности и предписывающих определенное поведение для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей. Согласно ст. 16 Закона, любые условия, ограничивающие потребителей сверх установленных правил, автоматически считаются недействительными.

Если при исполнении такого договора у обычного гражданина возникают убытки, их возмещают в полном объеме.

Дополнительные платные работы не могут осуществляться без согласия потребителя. Во избежание споров такое согласие носит письменный характер. От них можно отказаться и потребовать возврата перечисленных денежных средств.

В результате некоторые части Закона не могут быть изменены в договоре даже с согласия самого потребителя. Коммерческий контрагент обязан действовать в соответствии с Законом даже при их противоречии с ГК РФ и договором. В противном случае его действия автоматически признаются недействительными. Свобода договора в отношениях с потребителем существенно ограничена.

Следовательно, при анализе конкретных договоров об оказании услуг риэлторами покупателю недвижимости, а также при рассмотрении возникающих споров первоначально необходимо применять нормы Закона и только при их отсутствии следует изучить нормы гл. 39 ГК РФ и положения самого договора. Если вопрос однозначно урегулирован нормами Закона, иные нормы законодательства уже не применяются.

При этом следует учитывать вопрос о возможности применения к спорам, вытекающим из правоотношений «потребитель-риэлтор» договорной подсудности. Согласно ст. 17 Закона, при подаче потребителем иска в суд с целью защиты своих прав он имеет право выбора.

Иск направляется в суд по месту нахождения или месту жительства ответчика, там, где расположен его филиал, по месту проживания самого потребителя, месту заключения или исполнения договора.

Аналогичное правило содержится и в п. 7 ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ). Обращение в суд по любому из этих мест считается правомерным, несмотря на условия, прописанные в конкретном договоре.

Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17, исковое заявление потребителя не может быть возвращено по основаниям оспаривания территориальной подсудности, что является еще одним подтверждением вышеуказанного правила. Однако это применяется при подаче потребителем искового заявления о защи-

те своих прав.

В случае, когда с иском обращается исполнитель, то вопросы подсудности регулируются специальным законодательством – ГПК РФ.

Стандартное условие – это рассмотрение спора по месту нахождения или жительства ответчика. Допускаются исключения. По соглашению сторон территориальная подсудность может измениться до начала рассмотрения дела по существу. Ограничения на изменение подсудности установлены ст. 26, 27 и 30 ГПК РФ.

Поскольку правила о подсудности споров с участием потребителя прописаны в ст. 29 ГПК РФ, то формально не запрещено применение договорной подсудности к спорам с участием потребителей.

В то же время следует подчеркнуть, что договорная подсудность может применяться

только с согласия потребителя, если он возражает, то должна действовать общая норма – спор там, где расположен ответчик. Если иск подан к потребителю, то в случае его возражения против применения договорной подсудности, дело должно передаваться в суд по месту жительства потребителя.

Следовательно, нормы о договорной подсудности могут применяться в спорах с участием потребителей. Подобное положение само по себе права потребителя не нарушает. Однако если потребитель возражает, то спор должен рассматриваться по месту его жительства, что в целом соответствует концепции повышенной охраны его прав, которая должна являться основой для разрешения любых споров с его участием.

Литература

1. Проект Федерального закона № 1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью» (внесен 22.06.2016 депутатами ГД Д.В. Ушаковым, М.В. Емельяновым, А.В. Руденко, С.А. Дорониным) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Долинская В.В. Объекты в гражданском праве и смежные понятия // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2018. Т. 5. № 1.

3. Цацулин А.Н., Беляков В.Ю. Зарубежные модели регулирования риэлторской деятельности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 12 В.

4. Рудяков А.Н. Правовое регулирование гражданских отношений в сфере риэлтерской деятельности: сравнительно-правовое регулирование: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2013.

Bibliography

1. Draft Federal Law № 1106182-6 «On intermediary (agency) activities in the real estate transactions market» (introduced on June 22, 2016 by deputies of the State Duma D.V. Ushakov, M.V. Emelyanov, A.V. Rudenko, S. Doronin) // LRS «ConsultantPlus».

2. Dolinskaya V.V. Objects in civil law and related concepts // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2018. Vol. 5. № 1.

3. Tsatsulin A.N., Belyakov V.Yu. Foreign models of regulation of real estate activity // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. № 12 В.

4. Rudyakov A.N. Legal regulation of civil relations in the field of real estate activity: comparative legal regulation: author. ... dis. cand. jurid. sciences. M., 2013.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 351.74
ББК 67.629

© 2021 г. Заброда Дмитрий Григорьевич,

профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: zabroda_dg@mail.ru

Капранов Алексей Владимирович,

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: Kapranov-61@yandex.ru

Кудовба Оксана Николаевна,

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

E-mail: oxana.kudovba@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ФОРМЫ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ»

Авторами охарактеризованы основные подходы к дефиниции «формы несения службы участковыми уполномоченными полиции». Проанализированы научные публикации и учебные издания, в которых раскрывается содержание рассматриваемой категории, выделены признаки данного понятия и предложена его авторская формулировка.

Ключевые слова: *участковый уполномоченный полиции, форма несения службы, служебные обязанности, дефиниция.*

Zabroda Dmitry Grigoryevich – Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Kapranov Alexey Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Forensic Science and Criminalistics, Rostov State University of Economics (RINH), PhD in Law, Associate Professor.

Kudovba Oxana Nikolaevna – Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

MAIN APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF «FORMS OF SERVICE BY THE DISTRICT POLICE OFFICER»

The authors characterize the main approaches to the definition of «the form of service by the district police officer». Scientific publications and educational publications are analyzed, in which the content of the category under consideration is revealed, the signs of this concept are highlighted and its author's formulation is proposed.

Keywords: *district police officer, form of service, official duties, definition.*

Законодательством Российской Федерации установлено, что защита граждан от противоправных посягательств, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются предназначением и главной обязанностью полиции. При этом основным субъектом реализации этой функции являются подразделения полиции общественной безопасности, в первую очередь, служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП).

Так, в 2020 г. УУП рассмотрено около 13,4 млн заявлений и сообщений граждан, что составляет почти 40 % от всех обращений, поступивших в органы внутренних дел, в результате чего 2,4 млн правонарушителей привлечены к административной ответственности, к более чем 2,4 млн граждан применялись меры профилактического воздействия. Установлены обвиняемые (подозреваемые) по 288,9 тыс. преступлениям, разыскано 4,2 тыс. лиц,

Административное право и процесс; административная деятельность

скрывавшихся от органов следствия, дознания, суда. Также на 4,8 % (до 74,5 тыс.) уменьшилось количество преступлений, совершенных на бытовой почве, а в сфере семейно-бытовых отношений – на 9,5 % (до 28,9 тыс.), в том числе зафиксировано на 11,6 % (5,4 тыс.) меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 6,1 % (7,2 тыс.) – средней тяжести, на 4,1 % (15,8 тыс.) – легкого вреда здоровью, на 4,8 % (35,2 тыс.) – фактов угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью [1; 2].

Изучение результатов деятельности территориальных органов МВД России по исполнению административного законодательства показывает наличие тенденции к снижению общего числа административных правонарушений, пресеченных сотрудниками полиции: в 2015 г. их было выявлено 11,45 млн, в 2020 г. – 7,4 млн. УУП было пресечено 2 718 897 правонарушений (37,3 %), среди них – 70,5 % административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, ответственность за которые установлена законодательством субъектов Российской Федерации [3].

Несмотря на некоторое улучшение криминогенной ситуации в целом по стране, а также позитивные показатели, отражающие деятельность УУП, руководство нашего государства обращает их внимание на необходимости повышения эффективности выполнения предоставленных полномочий. В частности, В.В. Путин указал, что «они (*участковые уполномоченные полиции* – курсив автора) должны владеть ситуацией на своей территории, чаще общаться с жителями, своевременно выявлять назревшие конфликтные ситуации, активнее работать с гражданами из, так называемых, групп риска. Тем более, что с прошлого года участковым предоставлены дополнительные полномочия, как вы знаете, для пресечения разного рода противоправного поведения. Нужно этими полномочиями грамотно и, главное, своевременно пользоваться. В противном случае отсутствие должной реакции, халатное отношение к своим обязанностям могут обернуться трагедией» [4].

Президент России определил приоритетные для УУП задачи, реализация которых требует совершенствования применения имеющегося у них арсенала форм и методов служебной деятельности, повышения качества исполнения служебных обязанностей, активного использования предоставленных УУП полномочий.

В связи с этим актуальным и своевременным является исследование сущности форм

несения службы УУП, уточнения их понятия и раскрытия содержания.

В частности, современные проблемы в деятельности службы УУП исследовались в публикациях С.Ю. Анохиной, М.В. Барышникова, А.Г. Бачурина, А.А. Беженцева, А.А. Гайдукова, А.Г. Гришакова, М.В. Давыдова, В.А. Джемелинского, И.В. Зырянова, Е.В. Кашкиной, М.В. Костенникова, Р.Н. Кучмезова, Н.С. Куликовой, Б.В. Маслова, А.В. Новикова, Ю.А. Прибытко, А.Г. Репьева, А.В. Савоськина, Р.А. Семенюка, Д.А. Сергеевой, В.А. Соколова, А.В. Равношкина, К.Д. Рыдченко, М.Е. Труфанова, А.В. Хандогиной, А.С. Шиенковой и др.

Изучение научных публикаций и учебных изданий показало наличие дефицита в комплексном исследовании современных форм несения службы УУП. В частности, принятие в 2019 г. нового нормативного правового акта, регламентирующего деятельность службы, привело к введению в теорию и практику ряда видов деятельности УУП, которые ранее не исследовались специалистами или анализировались с учетом действующего ранее законодательства.

По нашему мнению, к ним следует относить: автоматизацию деятельности УУП с применением Сервиса обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД Российской Федерации; включение в число задач УУП и «осуществление превентивных мер по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими непогашенную (неснятую) судимость»; установление режима несения службы УУП, связи и контроля, в том числе и с использованием современных средств подвижной радиотелефонной, радио- и проводной связи; закрепление перечня основных форм несения службы и определение общего порядка их применения; расширение форм профилактического воздействия, осуществляемого УУП; уточнение показателей ежедневной отчетности УУП и др.

В целом указанные новшества направлены на оптимизацию предупредительной деятельности УУП и связаны с внедрением в практику положений законодательства, регулирующего основы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Также продолжается совершенствование ведомственного правового регулирования отдельных форм предупредительной деятельности полиции. Например, принят приказ МВД России, определяющий порядок объявления органами внутренних дел Российской Федерации

официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [5]; внесены изменения в порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [6]; разработан проект приказа МВД России, регламентирующий порядок профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения [7].

В то же время считаем, что комплексное изучение форм несения службы УУП позволит выявить особенности их правового регулирования, проблемы в осуществлении, а также высказать предложения по их совершенствованию.

Целью данной статьи является характеристика основных подходов к формулированию понятия «формы несения службы участковым уполномоченным полиции».

Достижение этой цели предусматривает решение следующих задач: уяснение происхождения терминов, составляющих данное определение; анализ нормативных и научных подходов к пониманию их сущности форм и установление соотношения с другими понятиями, раскрывающих внешнее проявление деятельности полиции (например, «формы деятельности полиции», «формы административной деятельности полиции», «формы несения службы» и др.); выделение признаков, отражающих сущность рассматриваемой нами категории; формулирование определения понятия «формы несения службы УУП».

Рассматривая происхождение слова «форма», следует отметить, что этимологически, по отдельным источникам, оно заимствовано в XVII в. из польск. *«forma»* (лат. *«Forma»*) – «форма, вид», «наружность, облик», вероятно, того же корня, что *«foris»* – «снаружи» [8].

В толковых словарях слово «форма» (немецкое – *«Form.»*, латинское – *«Forma»*) означает: 1. Способ существования содержания (во 2 знач.), неотделимый от него и служащий его выражением. Единство формы и содержания. 2. Внешнее очертание, наружный вид предмета и др. [9].

В справочной философской литературе определение «форма» (Ф.) употребляется в соотношении с понятием «содержание» (С.) как категории, отражающие взаимосвязь двух сторон природной и социальной жизни [10].

С морфологической точки зрения существительное «несение» характеризует действие по

глаголу «нести» [11]. Под «несением службы» в некоторых словарях понимается «выполнение каких-либо обязанностей, поручений» [12].

Категория «форма» применительно к тем или другим видам полицейской деятельности используется в законах и подзаконных актах. Например, в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в аспекте форм профилактического воздействия (ст. 17–27) [13]; в ФЗ «О полиции» – форм охраны общественного порядка (п. 6 ч. 1 ст. 12) [14].

Формы несения службы закреплены в Уставе патрульно-постовой службы полиции. Например, в п. 44 указано, что несение службы может осуществляться на одном или нескольких маршрутах (постах); п. 64 устанавливает режим непрерывного несения службы нарядами ППСП на внешних постах и маршрутах в различных температурных режимах; пп. 66, 69 указывают место несения службы; пп. 187–189 регулируют основные формы организации ППСП в сфере пассажирских перевозок; особенности несения службы в различные условия отдельно установлены в других частях Устава [15].

Опыт Республики Казахстан свидетельствует, что несение службы на патрульных участках нарядами полиции является «формой выполнения оперативно-служебной задачи», что соответствует положению ранее действовавшего Устава патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности [16].

В указанных правовых актах приводится перечень соответствующих форм, однако их понятие в контексте несения службы не раскрывается.

В связи с этим предлагается обратить внимание на пп. «а» – «р» п. 8 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, в котором определено, что «в соответствии с законодательством Российской Федерации содержание и объем прав, обязанностей и ответственности военнослужащих зависят от того, находятся ли они при исполнении обязанностей военной службы или нет», а также перечислены случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы [17].

В свою очередь, анализ текста приказа МВД России № 205 от 29.03.2015 позволяет сделать вывод, что в нем «несение службы» отождествляется с «исполнением служебных обязанностей» (п. 1 Инструкции) [18].

Под категорией «служебные обязанности» в законодательных и нормативных актах МВД России понимаются «обязанности по замещающей

Административное право и процесс; административная деятельность

должности» [19, ч. 1 ст. 9; 21, п. 180]. При этом выделяют «основные» и «служебные» обязанности (ст. 27 ФЗ «О полиции», пп. «а» п. 5 Дисциплинарного Устава органов внутренних дел Российской Федерации) [14; 21].

Служебные обязанности и права УУП (помощника УУП) конкретизируются в должностном регламенте (должностной инструкции) [20].

В учебной литературе обязанности УУП предлагается разделить обязанности на: основные и дополнительные [22]; главные, основные и вспомогательные [23]; общие полицейские (ст. 12, 13 ФЗ «О полиции»), основные как сотрудника полиции (ст. 27, 28 ФЗ «О полиции») и специальные [24–27].

В контексте исследования нами предлагается выделять блоки обязанностей, выполняемых УУП в процессе реализации: а) возложенных на него задач, предусмотренных п. 9 и 10 Инструкции; б) основных форм несения службы (п. 22 Инструкции).

Приведем примеры обязанностей УУП в соответствии с предложенной нами классификацией. Так, в процессе выполнения возложенных на него задач УУП обязан: нести службу в форменной одежде с огнестрельным оружием с двумя снаряженными магазинами (п. 13 Инструкции); осуществлять свою деятельность по утвержденному графику несения службы (п. 14 Инструкции); проходить инструктаж перед заступлением на службу (п. 16 Инструкции); находиться на доступной подвижной радиотелефонной, радио- или проводной связи с непосредственным руководителем или оперативным дежурным территориального органа (п. 18 Инструкции); прибывать в территориальный орган или отдел полиции и докладывать о проделанной работе непосредственному руководителю (начальнику), в их отсутствие – ответственному от руководства территориального органа или оперативному дежурному, а также вносить информацию в ежедневный отчет (п. 19 Инструкции); осуществлять деятельность на обслуживаемой территории либо в служебном помещении, расположенном на административном участке (п. 21 Инструкции).

Значительное число обязанностей УУП закреплены в законодательных и подзаконных актах, регулирующих деятельность органов внутренних дел и полиции в целом, производство по делам об административных правонарушениях, по уголовным делам, применение мер государственного принуждения. Например, в одном из должностных регламентов для УУП было перечислено 50 обязанностей (учитывающих и особенности не-

сения службы в сельской местности). При этом наиболее конкретизированной является обязанность УУП, возникающая при получении информации о дорожно-транспортном происшествии [28].

В другом должностном регламенте обязанности УУП сформулированы путем отсылки к соответствующим статьям ФЗ «О полиции» (п. 1–9, 11–19, 21, 24, 26–39, 41 ч. 1 ст. 12), ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 12), Дисциплинарного устава органов внутренних дел (п. 5, 6); приказу МВД России № 205 (полностью); перечисления общих трудовых обязанностей, в том числе и связанных с соблюдением антикоррупционного законодательства, основных навыков; выделения обязанностей УУП при выполнении им задач на обслуживаемом административном участке.

К обязанностям по несению службы относятся: знать территорию административного участка, систему дорог, расположение и режим работы предприятий, учреждений, организаций не зависимо от форм собственности, места хранения культурных и товарно-материальных ценностей, места стоянок автотранспорта, иные особенности; владеть информацией о задействованных на обслуживаемом административном участке в охране общественного порядка силах и средствах, представителях общественных объединений правоохранительной направленности; знать руководителей средних, средне-специальных образовательных учреждений, комендантов общежитий, частных охранных предприятий и служб безопасности, общественных формирований, представителей национальных диаспор, их контактные телефоны; владеть информацией о количестве совершенных на административном участке преступлений, в т. ч. на территории средних, средне-специальных образовательных учреждений, их виды, способы, места и время совершения, обстоятельства, способствовавшие их совершению; лиц, поведение которых в установленном законом порядке контролируется сотрудниками органов внутренних дел; данные о потерпевших; знать и выявлять места концентрации лиц с противоправным поведением, а также места, где чаще всего допускаются нарушения общественного порядка и совершаются преступления; проводить среди населения обслуживаемого административного участка разъяснительную работу о способах и средствах правомерной защиты от преступлений,

административных правонарушений и иных противоправных посягательств, информировать население по указанным вопросам с использованием органов местного самоуправления, общественных объединений, предприятий, учреждений организаций; изучать складывающуюся на административном участке оперативную обстановку; проводить отчеты перед населением на обслуживаемом административном участке; налаживать доверительные отношения с гражданами [29].

Выявлению признаков понятия «формы несения службы участковыми уполномоченными полиции» будет способствовать обращение к научным публикациям и учебным изданиям.

Поиск по запросу «формы несения службы» в электронных библиотеках («КиберЛенинка», eLIBRARY.RU, каталога РГБ) показал, что эта категория не была еще предметом самостоятельного исследования, а встречается в перечне ключевых слов к научным публикациям, изучающим общую проблематику деятельности ППС, УУП и других подразделений полиции.

В то же время в административно-правовой науке формы деятельности полиции рассматриваются как производные от форм государственного (публичного, административно-публичного) управления, а также их связи с компетенцией конкретного сотрудника полиции как представителя исполнительной власти.

Наиболее емким, по нашему мнению, является общее определение форм управления, данное Ю.Н. Стариловым, в соответствии с которым – это «внешнее выражение практической реализации функций и методов управления, – самого управляющего воздействия, конкретных действий, производимых в процессе осуществления исполнительной власти, административной деятельности» [30].

В контексте деятельности полиции приемлемо использовать понятие, сформулированное В.С. Климченя, «это внешнее организационно-правовое, практическое выражение управленческой деятельности, совершаемое ОВД (должностным лицом) в пределах его компетенции, направленное на выполнение задач по обеспечению общественного порядка и общественной

безопасности на улицах, площадях и в иных общественных местах, создание условий для реализации прав и свобод граждан, защиту жизни, здоровья, чести, достоинства человека и гражданина, нравственности, собственности физических и юридических лиц от противоправных посягательств, которое вызывает последствия юридического характера или имеет определенное юридическое значение» [31].

Обобщая изученные нами материалы, предлагаем к основным признакам форм несения службы УУП относить: назначение – определение характера действий УУП, направленных на достижение поставленных перед ним целей и задач; административно-правовая природа – урегулированность основных служебных обязанностей УУП административно-правовыми нормами; однородность – сходство действий, которые уполномочен совершать УУП, по виду административно-правовой деятельности (контрольно-надзорной, юрисдикционной, исполнительной); ярко выраженная профилактическая направленность полномочий УУП, целью реализации которых является устранение факторов, создающих угрозы правам и свободам граждан, правопорядку и общественной безопасности; тесная связь с другими формами деятельности полиции: оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, аналитической и информационной; ориентированность на население, проживающее на административном участке; комплексный характер применяемых способов осуществления (сочетание мер убеждения и принуждения, правовых и неправовых форм деятельности); систематический характер – повторяемость проводимых мероприятий, частота которых регулируется нормативными актами МВД России и решениями руководителей территориальных ОВД.

Таким образом, под формами несения службы УУП предлагается понимать урегулированные преимущественно административным законодательством, однородные по своему характеру и правовой природе группы действий, с помощью которых обеспечивается выполнение возложенных на УУП служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке.

Литература

1. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma_2020_OOP_i_PP.pdf.
2. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/Godovoy_otchet_za_2019_OOP_i_PP.pdf.

Bibliography

1. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma_2020_OOP_i_PP.pdf.
2. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/Godovoy_otchet_za_2019_OOP_i_PP.pdf.

Административное право и процесс; административная деятельность

3. Обзор о результатах деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению административного законодательства в 2019 г. (без учета ГУОБДД и ГУВМ). М., 2020.

4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>.

5. Приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» // СПС «Гарант».

6. Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «Гарант».

7. Проект приказа МВД России (по состоянию на 09.10.2019) «О проведении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения» // СПС «КонсультантПлюс».

8. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D1%84/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0>.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

10. Философский словарь. М., 2001.

11. URL: <https://www.slovogriz.ru/morfologicheskii-razbor/sushhestvitelnoe/%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

12. URL: <http://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

13. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

14. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Гарант».

15. Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с Уставом патрульно-постовой службы полиции)» // СПС «Гарант».

16. Приказ МВД РФ от 18.01.1993 № 17 «О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции» (утратил силу) // СПС «Гарант».

3. Review of the results of the activities of the territorial bodies of internal affairs on the implementation of administrative legislation in 2019 (excluding the GUOBDD and GUVM). Moscow, 2020.

4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>.

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 119 dated 04.03.2020 «On certain issues of the announcement by the internal Affairs bodies of the Russian Federation of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes, administrative offenses, the resolution of which is attributed to the competence of the police, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior» // LRS «Garant».

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 08.07.2011 № 818 «On the procedure for the implementation of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» // LRS «Garant».

7. Draft order of the Ministry of Internal Affairs of Russia (as of 09.10.2019) «On conducting a preventive conversation by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the inadmissibility of continuing antisocial behavior» // LRS «ConsultantPlus».

8. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D1%84/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0>.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2006.

10. Philosophical Dictionary. M., 2001.

11. URL: <https://www.slovogriz.ru/morfologicheskii-razbor/sushhestvitelnoe/%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

12. URL: <http://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>.

13. Federal Law № 182-FL of 23.06.2016 «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» // LRS «Garant».

14. Federal Law № 3-FL of 07.02.2011 «On the Police» // LRS «Garant».

15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 80 dated 29.01.2008 «Issues of organizing the activities of combatant units of the patrol and post service of the police (together with the Charter of the patrol and post service of the police)» // LRS «Garant».

16. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 17 dated 18.01.1993

17. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СПС «Гарант».

18. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС «Гарант».

19. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

20. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Гарант».

21. URL: <https://rg.ru/2012/11/12/ustavdok.html>.

22. Зырянов И.В. Правовое положение участкового уполномоченного полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4.

23. Виноградова В.С. Обязанности полиции как элемент ее правового статуса // Вестник Мариупольского державного университета. 2012. № 2–3.

24. Настольная книга участкового уполномоченного полиции: методическое пособие. М., 2013.

25. Барышников М.В. Обязанности полиции: учебное (практическое) пособие. Орел, 2014.

26. Комментарий к Наставлению по организации деятельности участковых уполномоченных полиции. Домодедово, 2015.

27. Гайдуков А.А. Обязанности участкового уполномоченного полиции при несении службы на административном участке: лекция. Барнаул, 2015.

28. Должностной регламент (должностная инструкция) участкового уполномоченного полиции отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних ОМВД России по Б-му р-ну. ОМВД России по Б-му р-ну, 2017.

29. Должностной регламент (должностная инструкция) участкового уполномоченного полиции отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних ОМВД России по С. р-ну капитана полиции Б. ОМВД России по С. р-ну, 2019.

30. Старилов Ю.Н. Административное право. Ч. 2. Воронеж, 2007.

31. URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/33/1/30_032.pdf.

«On measures to improve the organization of the patrol and post police service» (expired) // LRS «Garant».

17. Decree of the President of the Russian Federation № 1495 dated 10.11.2007 «On approval of the General Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation» // LRS «Garant».

18. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.03.2019 № 205 «On the service of the district police commissioner in the serviced administrative area and the organization of this activity» // LRS «Garant».

19. Federal Law № 342-FL of 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «Garant».

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 50 dated 01.02.2018 «On Approval of the Procedure for organizing service in the Internal Affairs bodies of the Russian Federation» // LRS «Garant».

21. URL: <https://rg.ru/2012/11/12/ustavdok.html>.

22. Zyryanov I.V. The legal status of the district police commissioner // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4.

23. Vinogradova V.S. Duties of the police as an element of its legal status // Bulletin of the Mariupol State University. 2012. № 2–3.

24. The desk book of the district commissioner of the police: methodical manual / Edited by S.I. Girko, Yu.N. Demidova. Moscow, 2013.

25. Baryshnikov M.V. Duties of the police: a training (practical) manual. Orel, 2014.

26. Commentary to the Manual on the organization of the activities of district police commissioners. Domodedovo, 2015.

27. Gaidukov A.A. Duties of the district police commissioner when serving at an administrative station: lecture. Barnaul, 2015.

28. Official regulations (job description) of the precinct police commissioner of the Department of precinct police commissioners and Juvenile Affairs of the OMVD of Russia in the B-mu district. OMVD Rossii po B-mu R-nu, 2017.

29. Official rules (job description) police commissioners of the Department of police officers and juvenile OMVD Rossii po S. p-well of a police captain B. OMVD Rossii po S. R-nu, 2019.

30. Starilov Yu.N. Administrative law. Part 2. Voronezh, 2007.

31. URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/33/1/30_032.pdf.

© 2021 г. Майоров Владимир Иванович,

профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России.
E-mail: 1955715@rambler.ru

Понежина Людмила Юрьевна,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ponezhina-lyudmila@yandex.ru

О РОЛИ ДОРОЖНОГО НАДЗОРА ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена анализу реализации Госавтоинспекцией МВД России дорожного надзора, осуществляемого в рамках федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения. Определен предмет дорожного надзора, который имеет смежные области с государственным строительным надзором и государственным надзором за обеспечением сохранности дорог федерального значения, проведено их разграничение. Проанализированы обязательные требования, соблюдение которых является предметом дорожного надзора. Авторами раскрыта специфика мер, предпринимаемых сотрудниками Госавтоинспекции при выявлении нарушений обязательных требований. Определены основные проблемы осуществления дорожной деятельности и дорожного надзора.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, безопасность дорожного движения, дорожная деятельность, Госавтоинспекция, дорожный надзор, обязательные требования.

Mayorov Vladimir Ivanovich – Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponezhina Ludmila Yurievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ON THE ROLE OF ROAD SUPERVISION OF THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE IN ENSURING ROAD SAFETY

The article is devoted to the analysis of the realization by the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the road supervision, carried out within the framework of the federal state supervision in the field of road safety. The subject of the road supervision which has adjacent areas with the state construction supervision and the state supervision over the preservation of roads of federal importance is defined, their distinction is carried out. The mandatory requirements, compliance with which is the subject of road supervision, are analyzed. The author reveals the specifics of measures taken by the staff of the State Automobile Inspection when revealing violations of mandatory requirements. The main problems of the performance of road activity and road supervision are defined.

Keywords: control and supervisory activities, road safety, road activities, State Automobile Inspectorate, road supervision, mandatory requirements.

Стремительное развитие автомобилизации в условиях недостаточного внимания к проблемам организации дорожного движения, совершенствования дорожной деятельности, планирования землепользования приводит к росту травматизма и гибели людей в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). Как отмечается в Докладе Всемирной организации здравоохра-

нения о состоянии безопасности дорожного движения (далее – БДД) в мире, опубликованном в 2018 г., травмы в результате ДТП являются основной причиной смерти детей и молодых людей в возрасте 5–29 лет, а общее число погибших в дорожных авариях ежегодно достигает 1,35 млн человек [1].

Во многих зарубежных подходах и концепциях, направленных на обеспечение БДД,

подчеркивается приоритетное значение формирования безопасной дорожной инфраструктуры. Так, широкую известность получила шведская стратегия «нулевой смертности» (Vision Zero), которая базируется на этических принципах нетерпимости гибели людей или получения тяжелых травм в результате ДТП и недопустимости отношения к подобным авариям как к неизбежному злу автомобилизации. Основная идея Vision Zero состоит в том, что «люди – участники дорожного движения делают ошибки», поэтому основная ответственность за дорожную безопасность возлагается на проектировщиков и строителей дорожно-транспортной инфраструктуры, которые должны учитывать влияние человеческого фактора [2], и с помощью строительных и планировочных решений, мер по организации дорожного движения минимизировать вероятность ДТП. В настоящее время аналогичные стратегии приняты многими странами Европы, а также в отдельных городах США и Канады.

Стратегия «устойчивой безопасности» (Sustainable Safety) была разработана в Нидерландах и также уделяет большое внимание мерам по совершенствованию дорожно-транспортной инфраструктуры для повышения БДД. Суть стратегии состоит в «предотвращении создания небезопасных условий дорожного движения» [3] за счет:

- 1) формирования монофункциональных дорог: (магистральные дороги, подъезды и дороги в жилых кварталах – каждая из которых выполняет свою функцию (магистральная дорога обеспечивает бесперебойное движение транспортного потока и не должна проходить через жилые массивы);

- 2) обеспечения однородности скорости и направлений на дорогах (особенно при высокой средней скорости движения) – разделение потоков;

- 3) дорожной среды, соответствующей ожиданиям участников дорожного движения (отсутствие неожиданных изменений на дорогах);

- 4) дорожной среды, обеспечивающей предотвращение ДТП или снижающей тяжесть их последствий («прощающие дороги») [4, с. 58].

В России деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог объединена в понятие «дорожной деятельности». Соблюдение установленных обязательных требований при осу-

ществлении дорожной деятельности является важным условием обеспечения БДД. В 2020 г., по данным МВД России, на месте каждого третьего ДТП (48 879 – 33,7 %) были зафиксированы нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию автомобильных дорог. В таких ДТП погибло 4 996 чел., было ранено – 61 294 чел. [5, с. 18].

Государственный надзор за соблюдением обязательных требований к БДД при осуществлении дорожной деятельности реализуется Госавтоинспекцией МВД России в рамках федерального государственного надзора в области БДД (далее – федеральный надзор) [6].

Федеральный надзор Госавтоинспекции за соблюдением требований при строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог во многих нормативных и научных источниках также именуется как «дорожный надзор» [7]. На наш взгляд, данное понятие вполне применимо для надзора в отношении дорожной деятельности, в связи с чем именно его мы будем использовать в настоящей статье.

Предметом дорожного надзора является соблюдение обязательных требований безопасности к строительству, реконструкции, ремонту и эксплуатационному состоянию автомобильных дорог, дорожных сооружений, железнодорожных переездов, линий городского электрического транспорта, а также к установке и эксплуатации технических средств организации дорожного движения [8].

Анализ предмета дорожного надзора Госавтоинспекции показывает, что надзорные полномочия в отношении автомобильных дорог распределены между несколькими ведомствами, каждое из которых контролирует соблюдение обязательных требований, относящихся к их компетенции.

Так, Ростехнадзором в рамках государственного строительного надзора проверяется наличие разрешения на строительство и соответствие выполнения работ и применяемых строительных материалов, а также выполнение требований ч. 2, 3 и 3, 1 ст. 52 Градостроительного кодекса РФ.

В свою очередь Ространснадзор осуществляет проверку соблюдения требований к обеспечению сохранности автомобильных дорог общего пользования федерального значения (далее – АДОПФЗ), в отношении присоединения объектов дорожного сервиса, объектов другого функционального назначе-

Административное право и процесс; административная деятельность

ния к АДОПФЗ или прекращения движения транспортных средств по АДОПФЗ;

3) установленных Техническим регламентом Таможенного союза ТР ТС 014/2011 «Безопасность автомобильных дорог» [11] (далее – ТР ТС 014/2011) при проведении ремонта и при содержании АДОПФЗ.

Под обязательными требованиями, в соответствии с легальным определением, понимаются «установленные нормативными правовыми актами условия, ограничения, запреты, а также обязанности граждан и организаций, направленные на защиту охраняемых федеральными законами ценностей» [9].

Обязательные требования, проверка которых осуществляется в рамках дорожного надзора Госавтоинспекции, содержатся в значительном числе нормативных правовых актов. В соответствии с требованиями законодательства о контрольно-надзорной деятельности перечень данных нормативных актов и их частей утверждается МВД России и подлежит ежегодной актуализации. Действующий перечень [10] включает 17 нормативных правовых актов Российской Федерации и ТР ТС 014/2011.

Следует отметить, что современная реформа контрольно-надзорной деятельности предусматривает существенные изменения в правовом регулировании обязательных требований, в том числе в области безопасности дорожного движения (далее – БДД). Начиная с 2019 г., Правительством РФ было принято решение использовать инструменты регуляторной политики, в первую очередь «регуляторную гильотину» для пересмотра требований к бизнесу и совершенствования всего контрольного процесса [12].

Концепция «регуляторной гильотины» предполагает отмену нормативных правовых актов Правительства РФ и федеральных министерств (ведомств), поэтому данные группы актов, содержащие обязательные требования в области БДД, в большинстве своем были отменены с 1 января 2021 г. Однако их отмена не предусматривала образование вакуума в правовом регулировании, поэтому соответствующими органами государственной власти были разработаны и приняты новые нормативные правовые акты, регламентирующие те же отношения.

Подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие требования к обеспечению БДД при осуществлении дорожной деятельности, за исключением Правил дорожного

движения и нескольких приказов Минтранса России, к 1 января 2021 г. были полностью заменены на новые. Тем не менее, регламентированные ими требования существенного сокращения или изменения не претерпели – это обусловлено тем фактом, что федеральные законы остались за рамками «регуляторной гильотины». Структура современной российской правовой системы предполагает принятие широкого круга подзаконных нормативных правовых актов, уточняющих положения федеральных законов. В области БДД это выражается в принятии различных правил, порядков, положений, которые подробно определяют требования к осуществлению деятельности, последовательность реализации конкретных процедур и т. д. Таким образом, «регуляторная гильотина» как инструмент сокращения требований к бизнесу не оказала значительного влияния на работу субъектов дорожной деятельности.

Дорожный надзор Госавтоинспекции осуществляется преимущественно в отношении ЮЛ и ИП путем проведения проверок и иных мероприятий, закрепленных в Административном регламенте дорожного надзора. Данный документ в настоящее время отчасти является устаревшим, поскольку контрольно-надзорная деятельность в нем регламентирована в соответствии с нормами Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ, однако с 1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», также регулирующий отношения в рассматриваемой области. Нормы старого Закона сохраняют свое действие в отношении некоторых видов федерального контроля (надзора), но федеральный государственный надзор в области БДД к ним не относится. Поэтому представляется необходимым обновление всех административных регламентов МВД России, принятых для осуществления федерального государственного надзора в области БДД, а также самого положения о данном виде надзора.

Проводимая реформа контрольно-надзорной деятельности отличается определенной непоследовательностью [13], следствием чего явилась ситуация «двойного регулирования» – одновременного действия двух законов, регулирующих идентичные правоотношения. Тем не менее, текущий период следует рассматривать

как переходный, в рамках которого должно быть осуществлено принятие подзаконных актов, соответствующих нормам нового законодательства о контроле и надзоре.

Возвращаясь к исследованию дорожного надзора, следует указать, что для повышения эффективности обеспечения БДД большое значение имеют меры, предпринимаемые сотрудниками Госавтоинспекции при выявлении нарушений обязательных требований.

Сотрудники Госавтоинспекции обладают правом выдачи широкого круга документов, положения которых обязательны к исполнению поднадзорными субъектами, поэтому представляется необходимым раскрыть специфику некоторых из мер.

Выдача требования о прекращении противоправных действий относится к правам сотрудников полиции, закрепленным в п. 1 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон «О полиции») [14]. В компетенции сотрудников Госавтоинспекции находится выдача подобных требований в целях устранения угроз безопасности граждан. В них должны быть указаны подлежащие устранению нарушения законодательства РФ о БДД, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения БДД, а также срок, до которого необходимо устранить данные нарушения.

Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, урегулировано в ст. 29.13 КоАП РФ. Сотрудники Госавтоинспекции вправе внести представление субъектам транспортной деятельности и их должностным лицам, которые в течение месяца обязаны рассмотреть представление и сообщить о принятых мерах. Общая ответственность за неисполнение представлений контрольно-надзорных органов в установленные сроки урегулирована ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ, однако за неисполнение представлений сотрудников Госавтоинспекции ответственность наступает по ч. 27 ст. 19.5 КоАП РФ.

Внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, также относится к правам сотрудников полиции (п. 12 ч. 1 ст. 13 Закона «О полиции»). Данная мера может быть применена исключительно к руководителям и должностным лицам организаций, а

ответственность за неисполнение представления сотрудников Госавтоинспекции следует по ч. 27 ст. 19.5 КоАП РФ.

Следует также отметить, что за повторное неисполнение предписания или представления инспекторов федерального надзора в области БДД должностные и юридические лица привлекаются к ответственности по ч. 28 ст. 19.5 КоАП РФ, устанавливающей повышенные санкции [15].

Возбуждение дела об административном правонарушении в отношении субъекта транспортной деятельности может быть предпринято в случаях, если для этого имеются достаточные основания или если другие (в том числе вышеперечисленные) меры не возымели должного воздействия.

Должностные лица Госавтоинспекции вправе составлять протоколы об административных правонарушениях практически по всем статьям гл. 12 КоАП РФ и отдельным статьям других глав – 5.23, 8.22, 8.23, 11.22. Согласно отчетным данным, в 2020 г. при осуществлении дорожного надзора по фактам наличия недостатков в содержании дорог и улиц было выдано 320 006 предписаний об устранении нарушений обязательных требований. Большинство предписаний (65 %) получили юридические лица. На дорогах местного значения юридическими лицами получено три из четырех предписаний.

За невыполнение включенных в предписания требований было возбуждено 10 112 дел об административных правонарушениях, из которых 90 % возбуждены в отношении юридических лиц. При этом 82 % таких дел были инициированы за невыполнение требований предписаний на дорогах местного значения. Высокая доля невыполненных требований предписаний юридическими лицами свидетельствует об их меньшей эффективности в сравнении с предписаниями, выдаваемыми должностным лицам, несмотря на то, что ответственность юридических лиц в 3–4 раза превышает размеры административных штрафов, предусмотренных для должностных лиц [16]. Подобная разница во многом следует из того факта, что ответственные должностные лица в случае получения административного штрафа обязаны уплачивать его из личных средств, в то время как административные штрафы, назначенные в отношении юридических лиц, уплачиваются за счет средств учреждения (организации).

Административное право и процесс; административная деятельность

Для Госавтоинспекции проблема выполнения включенных в предписания требований всегда являлась крайне острой, вследствие чего в 2015 г. МВД России разработало законопроект, вводящий повышенную ответственность за неисполнение, в том числе повторное, предписаний и представлений должностных лиц Госавтоинспекции. В 2017 г. данный законопроект был принят, дополнив ст. 19.5 КоАП РФ частями 27 и 28 [17], однако, как следует из рассмотренных выше статистических данных, существенного влияния на выполняемость предписаний он не оказал.

В контексте темы исследования следует обратить внимание на специфику нарушений обязательных требований, выявляемых в ходе дорожного надзора. Официальная статистика таких нарушений представлена преимущественно по фактам зафиксированных дорожно-транспортных происшествий.

Так, в 2020 г. наиболее частыми нарушениями обязательных требований явились:

- плохая различимость горизонтальной дорожной разметки – 26 204 ДТП (53,6 %);
- отсутствие дорожных знаков в необходимых местах – 10 908 ДТП (22,3 %);
- недостатки зимнего содержания – 5 539 (11,3 %);
- неправильное применение либо плохая видимость дорожных знаков – 4 958 ДТП (10,1 %);
- отсутствие пешеходных ограждений в необходимых местах – 4 595 ДТП (9,4 %).

Компаративный анализ количества ДТП, погибших и раненных в них людей, позволяет выделить опасные нарушения обязательных требований, на месте которых наблюдаются наиболее высокие процентные показатели погибших и пострадавших. Например, в каждом шестом ДТП зафиксировано отсутствие, плохая различимость горизонтальной разметки проезжей части (26 204 ДТП), в таких авариях 2 317 чел. погибло, 32 861 – было ранено.

Также высокие величины травматизма и смертности наблюдаются в ДТП, сопровождающихся следующими нарушениями:

- а) неровное дорожное покрытие – 433 ДТП, 107 погибло, 529 ранено;
- б) отсутствие тротуаров (пешеходных дорожек) – 3 650 ДТП, 534 погибло, 4 189 ранено;
- в) неудовлетворительное состояние обочин – 2 283 ДТП, 465 погибло, 3 052 ранено;

г) отсутствие направляющих устройств и световозвращающих элементов на них – 299 ДТП, 90 погибло, 425 ранено;

д) отсутствие освещения – 3 478 ДТП, 798 погибло, 3 849 ранено;

е) недостаточное освещение – 637 ДТП, 140 погибло, 663 ранено;

ж) неисправное освещение – 1 008 ДТП, 211 погибло, 1 081 ранено;

з) отсутствие временных технических средств организации дорожного движения в местах проведения работ – 436 ДТП, 99 погибло, 576 ранено [18].

Приведенные цифры свидетельствуют, что неудовлетворительное состояние улично-дорожной сети оказывает значительное негативное влияние на безопасность дорожного движения. Вышеизложенное приводит к заключению о необходимости усиления дорожного надзора Госавтоинспекции за соблюдением требований безопасности при осуществлении дорожной деятельности. Для субъектов дорожной деятельности вопросы обеспечения БДД зачастую не являются приоритетными. Область управления дорожным хозяйством в целом характеризуется наличием ряда проблем. По справедливому замечанию М.А. Кретьева, действующие правовые акты «не обеспечивают создание эффективной организационной структуры и системы управления дорожным хозяйством, способных обеспечить удовлетворение спроса пользователей в безопасном, бесперебойном, с расчетными скоростями движении транспорта по дорогам общего пользования» [19].

Современная система управления дорожным хозяйством, включающая федеральный, региональный и муниципальный уровни, характеризуется полной децентрализацией. Общая протяженность дорог общего пользования на территории Российской Федерации в 2020 г. составила 1 553 663 км, в числе которых 987 788 км – местного значения, 505 454 км – регионального и межмуниципального значения, 60 431 км – федерального значения. Из чего следует, что по протяженности преобладающими являются дороги местного значения; именно на таких дорогах происходит наибольшее количество ДТП. Вместе с тем органы местного самоуправления, осуществляющие дорожную деятельность в отношении местных дорог, зачастую проводят крайне непоследовательную политику в области обеспечения БДД, что не позволяет добиться существенного снижения смертности и травматизма в ДТП.

К тому же, осуществление дорожной деятельности, обеспечение БДД относятся к расходным обязательствам соответствующих муниципальных образований. Однако далеко не все местные бюджеты обладают необходимым количеством средств даже для надлежащего содержания дорог.

Таким образом, в России имеются существенные препятствия не только для системного повышения безопасности дорожной инфраструктуры, но и для поддержания ее в нормативном состоянии. Следствием этого является невозможность быстрого сокращения аварийности и смертности в дорожном движении. Дорожный надзор Госавтоинспекции выявляет нарушения обязательных требований в поднадзорной сфере, однако его эффективность является недостаточно высокой –

многие нарушения обнаруживаются уже по факту совершенных ДТП, а выявленные нарушения своевременно не устраняются, несмотря на внесение и выдачу соответствующих предписаний (представлений). В этой связи обладает актуальностью разработка правовых и организационных мер по повышению выполняемости предписаний и представлений, выдаваемых уполномоченными органами в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности. Нарушения обязательных требований должны выявляться и устраняться своевременно, а не по факту уже свершившихся ДТП – это противоречит законодательному определению обеспечения БДД как деятельности, направленной на предупреждение причин и условий ДТП, снижения тяжести их последствий.

Литература

1. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565684>.

2. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1 (88).

3. G. Schermers, P. van Vliet. Sustainable Safety. A preventative road Safety Strategy for the Future; 2nd Edition, Rotterdam, December. 2001.

4. Печатнова Е.В., Кузнецов В.Н. Анализ особенностей успешных зарубежных стратегий по повышению безопасности дорожного движения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84).

5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год: информационно-аналитический обзор. М., 2021.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2013 № 716 «О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения» (вместе с Положением о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения) // СЗ РФ. 26.08.2013. № 34. Ст. 4446.

7. Домрачев Д.Г. Дорожный надзор Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России. Киров, 2009.

8. Приказ МВД России от 30 марта 2015 № 380 «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Фе-

Bibliography

1. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565684>.

2. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society // *Filosofiya prava*. 2019. № 1 (88).

3. G. Schermers, P. van Vliet. Sustainable Safety. A preventive road Safety Strategy for the Future; 2nd Edition, Rotterdam, December. 2001.

4. Pechatnova E.V., Kuznetsov V.N. Analysis of the features of successful foreign strategies to improve road safety // *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2019. № 3 (84).

5. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020: an information and analytical review. М., 2021.

6. Resolution of the Government of the Russian Federation № 716 of August 19, 2013 «On Federal state supervision in the field of road traffic safety» (together with the Regulation on Federal State supervision in the field of road traffic safety) // *SZ of the Russian Federation*. 26.08.2013. № 34. St. 4446.

7. See Domrachev D.G. Road supervision of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Kirov, 2009.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of March 30, 2015 № 380 «Administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the performance of the state function for the implementation of federal state supervision in the field of road safety in terms of compliance with the requirements of the legislation of

дерации исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения в части соблюдения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 31 июля 2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. URL: <https://мвд.пф/folder/23242072>.

11. Решение Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 № 827 «О принятии технического регламента Таможенного союза «Безопасность автомобильных дорог» (вместе с «ТР ТС 014/2011. Технический регламент Таможенного союза. Безопасность автомобильных дорог») // СПС «КонсультантПлюс».

12. Майоров В.И. Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика // Административное право и процесс. 2019. № 11.

13. Голодникова А.Е., Ефремов А.А., Цыганков Д.Б. Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ре-регулирования? // Закон. 2021. № 2.

14. Федеральный закон от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1).

16. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. М., 2021.

17. Федеральный закон от 07 марта 2017 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

18. URL: https://мвд.пф/Deljatelnost/plan_checks.

19. Кретов М.А. Административно-правовое регулирование дорожного хозяйства Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития. Тюмень, 2016.

the Russian Federation on road safety, rules, standards, technical norms and other requirements of regulatory documents in the field of road safety during the construction, reconstruction, repair and operation of highways» // LRS «ConsultantPlus».

9. Federal Law № 247-FZ of July 31, 2020 «On Mandatory requirements in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

10. URL: <https://мвд.пф/folder/23242072>.

11. Decision of the Customs Union Commission № 827 of October 18, 2011 «On the adoption of the Technical regulations of the Customs Union» Road Safety «(together with) TR CU 014/2011. Technical regulations of the Customs Union. Road safety) // LRS «ConsultantPlus».

12. Mayorov V.I. Modernization of the control and supervision system: a new regulatory policy // Administrative law and process. 2019. № 11.

13. Golodnikova A. E., Efremov A. A., Tsygankov D. B. Under the sign of the «regulatory guillotine»: how to break the vicious circle of deregulation and re-regulation? // Law. 2021. № 2.

14. Federal Law № 3-FZ of February 07, 2011 «On the Police» // LRS «ConsultantPlus».

15. See the Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30 2001 № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1 (p. 1).

16. Law enforcement activities in the field of road safety in 2020. Information and analytical review. M., 2021.

17. Federal Law № 26-FZ of March 07, 2017 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

18. URL: https://мвд.пф/Deljatelnost/plan_checks.

19. Kretov M.A. Administrative and legal regulation of the road economy of the Russian Federation: state, problems, prospects of development. Tyumen, 2016.

© 2021 г. Капранова Юлия Витальевна,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ

В статье электоральная активность рассматривается как объект управления электоральными процессами. Анализируются формы, методы, закладывающие основы электоральной активности, а также формы, средства и приемы различного характера (организационно-процедурные, пропагандистско-просветительские), применяемые в целях повышения электоральной активности. На основе российского законодательства изучается потенциал современных форм и методов по формированию и повышению электоральной активности молодежи. Обосновывается необходимость оптимизации механизма формирования электоральной активности избирателей с учетом тенденции нарастающей цифровизации избирательных процессов.

Ключевые слова: избирательная активность, явка, выборы, избирательный процесс, избиратель, цифровизация, молодежь.

Kapranova Yulia Vitalievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

FORMS AND METHODS OF FORMATION AND INCREASE OF ELECTORAL ACTIVITY AS AN OBJECT OF MANAGEMENT

The article considers electoral activity as an object of electoral processes management. The forms and methods that lay the foundations of electoral activity, as well as forms, means and techniques of various types (organizational and procedural, propaganda and educational) used to increase electoral activity are analyzed. On the basis of Russian legislation, the potential of modern forms and methods for the formation and increase of electoral activity of young people is studied. The necessity of optimizing the mechanism of formation of electoral activity of voters taking into account the trend of increasing digitalization of electoral processes is substantiated.

Keywords: electoral activity, turn out, elections, electoral process, voter, digitalization, youth.

Участие граждан в избирательном процессе как внешний аспект электорального поведения оценивается электоральной активностью. Вопросы исследования электорального поведения как в отечественной, так и зарубежной науке проводятся достаточно широко в рамках юриспруденции, психологии, социологии, политической науки. В науке и практике различных государств давно осуществляются поиски способов по повышению электоральной активности. В этой связи исследование электоральной активности как объекта управления избирательными процессами в аспектах анализа форм и методов ее формирования и повышения на основе российского конституционного опыта очень актуально.

Избирательный процесс как форма реализации норм избирательного права выражает динамику и структуру участия граждан в осуществлении власти. В совокупности они образуют политико-правовую основу функцио-

нирования институтов системы представительной и выборной демократии. Выборы преследуют генеральную цель – формирование публичных органов власти с участием населения, а также реализацию гражданами своих избирательных прав. В демократическом обществе выборы необходимы для связи общества с государством. Одной из важнейших функций выборов в аспектах явки избирателей является легитимация политической системы, которая заключается в признании сформированного органа народом, возможности представительному органу использовать мандат доверия граждан и принимать от имени народа ключевые решения, в том числе законы.

Вопросы управления электоральными процессами традиционно рассматриваются в юридической литературе в рамках управления избирательной системой, партийного строительства [1]. Управление избирательными процессами охватывает статику, динамику

Административное право и процесс; административная деятельность

и перспективу управления. Государство, воздействуя на электоральные процессы, не только устанавливает правила, структуру, организацию, статус субъектов избирательных процессов, взаимоотношения различных участников избирательных процессов, но и оказывает влияние, не вмешиваясь в свободу выбора граждан, на внешнюю сторону электорального поведения, формируя и активизируя его. Одной из целей управления электоральными процессами выступает формирование условий для осознанной явки избирателей (в том числе молодежи) на избирательные пункты для реализации ими своих избирательных прав, т. к. явка и легитимность, качество демократии, находятся в определенном соотношении.

Как отмечается в научной литературе, электоральная активность представляет собой относительный показатель участия населения в выборах, измеряемый количественно по явившимся избирателям и проголосовавшим в итоге, по отношению к списочному составу избирательных списков [2]. Показатели электоральной активности позволяют отразить действительную картину степени вовлеченности граждан с активной гражданской позицией в решении своей будущей жизни и, как следствие, жизни страны.

Электоральная активность как понятие, выводимое через явку, определяется моделями доминирующего электорального поведения в обществе [3]. Явка избирателей – это доля избирателей, имеющих право голоса, фактически отдавших свои голоса во время выборов.

В политической науке электоральное поведение измеряется двумя подходами, в рамках первого явка зависит от корреляционных факторов: социальный статус, религия, система ценностей, политические предпочтения и т. п., во втором акцентируется внимание на индивидуальном выборе избирателя [4].

Электоральная активность – форма электорального поведения, представляющая собой действия или бездействие граждан в процессе избирательных кампаний, обусловленные совокупностью целей и ценностей, убеждений и установок [5].

В более широком исследовательском аспекте электоральная активность может рассматриваться как одна из составляющих избирательной активности, а та, в свою очередь, составляющей политической активности

населения. Электоральная активность в форме явки на выборы выступает позитивным явлением в противовес электоральной пассивности, неявке, абсентеизму, в целом характеризующим общественно-политическую активность индивида, его заинтересованность в социализации и интегрированности в общество, в стремлении изменить политическую жизнь, способствовать прогрессу общества [2].

Таким образом, электоральная активность представляет многоаспектную составную часть электорального поведения, включающую в себя показатели явки (неявки) избирателя, обусловленные наличием у него определенных избирательных установок, а также сознательный выбор кандидата(ов), партии, общественного объединения в день выборов того или иного органа государственной власти или местного самоуправления.

Следует констатировать, что в настоящее время выборные процессы различных уровней характеризуются снижением электоральной активности населения в целом. Многочисленные исследования показывают, что электоральное поведение граждан, независимо от возраста, в большей степени становится индифферентным, т. е. безразличным по отношению к выборам. Присутствует большое количество различных факторов (психологических, исторических, социальных, экономических и прочих), которые влияют на отсутствие интереса у населения, в том числе у молодого поколения к избирательным процессам. Среди них: сложившаяся социально-экономическая обстановка в стране к моменту выборов (подъем, упадок, депрессия); уровень выборов (процент явки обратно пропорционален степени уровня выборов, большее внимание уделяется выборам единоличным и государственным); демографическая обстановка (демографические «провалы» и уменьшение количества граждан, достигших избирательного возраста); уровень электоральной культуры и правовой культуры в целом и т. д.

Следует отметить, что причины неявки на выборы молодежи, к которой, согласно законодательству, относятся лица от 14 до 30 лет [6], а в некоторых субъектах Российской Федерации – до 35 и более лет, могут иметь как причины институционального характера, так и причины, обусловленные социально-психологическими характеристиками данной группы населения. В совокупности они, переплетаясь, могут влиять на форми-

рование пассивного или активного поведения молодежи в той или иной сфере, в том числе избирательной. Имеются в виду такие черты молодежи, как неустойчивость и внутренняя противоречивость, активный поиск своего места в жизни, радикализм, стремление выделяться, критика при усвоении общепринятых социальных норм и ценностей, стандартов поведения, объединение в неформальные группы по интересам, формирование специфической молодежной субкультуры, высокий уровень социальной и территориальной мобильности, широкое владение интернет-коммуникацией, нередко сопряженное с интернет-аддикцией (зависимостью от пользования Интернетом, виртуальной реальности), высокой восприимчивостью к информационному воздействию через Интернет и др. Особенности психики молодежи таковы, что при грамотно подобранном ресурсе идеологического влияния можно легко оказать психологическое воздействие на данную группу населения, распространяя в ней потенциально опасно скрытую информацию различного вида, подрывающую основы конституционного строя, демократические и духовно-культурные ценности российского общества, манипулируя его сознанием на данном этапе личностного формирования [7] и формируя нигилизм, абсентеизм, негативные избирательные установки, протестное настроение и др. В этом плане показателен положительный опыт отдельных зарубежных стран, запрещающих своей молодежи пользоваться отдельными иностранными социальными сетями и сайтами. Так, например, в Китае после введения в 2003 г. проекта «Золотой щит» ряд социальных сетей оказались под запретом в целях обеспечения национальной безопасности в силу объективных причин, в том числе после крупных беспорядков в одном из районов страны [8]. Таким образом, в центре внимания государственной политики по публичному управлению электоральными процессами должны находиться стратегии по формированию и повышению электоральной активности молодежи как будущего ядра электората.

Анализ форм, закладывающих основы электоральной активности, позволяет относиться к ним, прежде всего, правовое воспитание, государственную молодежную политику, обучающие, прививающие ценности демократии, гражданского общества, конституци-

онных прав и свобод. В совокупности они активизируют участие молодежи в политической жизни страны. Они многообразны, представляют собой совокупность различных способов (воспитание, обучение, просвещение, пропаганда), предпринимаемых государством по вовлечению молодежи в политические процессы, связанные с формированием электоральной культуры. Методы формирования: беседы, рассказ, игра, лекция, дебаты, диспут, инструктаж, демонстрация и др.

В данном направлении в России учреждена и реализуется государственная молодежная политика. Принят ряд нормативных правовых актов, направленных на мобилизацию молодежи как активного общественного ресурса, способствующих вовлечению молодого поколения в различные общественные объединения и движения. Среди них: «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [9], «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» [10], «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» [11], в том числе Молодежная электоральная концепция [12], принятая в 2014 г., призванная совершенствовать и реализовывать основные направления и наиболее эффективные формы работы по более широкому вовлечению молодежи в избирательный процесс. Таким образом, часть молодежной политики и отдельные ее структурные элементы ориентированы на формирование электоральной активности. Как отмечалось, Молодежная электоральная концепция закладывает основы и правового воспитания, просвещения, пропаганды электорального поведения и активности, но в целом отчетливо наблюдается несовершенство нормативной базы, механизмов реализации и ресурсной базы [13].

В этой связи представляется, что подходы государства к формированию электоральной активности молодежи должны иметь больший масштаб, перспективно развитие такой формы повышения электоральной активности молодежи, как воспитание, причем и молодежи, и детей. Представляется возможным сделать вывод, что проблема низкой электоральной активности молодежи коренится не только в недостаточной правовой культуре и действиях-бездействиях государства по ее культивированию, но и в низком политическом индексе самоопределения молодежи,

Административное право и процесс; административная деятельность

молодые избиратели не считают участие в выборах жизненно важным событием.

Указанное свидетельствует, что в рамках управления избирательными процессами, тактикам и стратегиям, связанными с повышением электоральной активности молодежи, следует придать больший масштаб, захватив комплексно целый ряд задач, поставив их в качестве приоритетных в векторе государственной политики воспитания и образования в стране в целом, закладывая определенные ценностные установки, начиная с первых шагов социализации личности. В данном вопросе целесообразно изучить опыт отдельных зарубежных стран и рассмотреть вопрос об ограничении доступа детей и молодежи в Интернете к определенным ресурсам, исходя из целесообразности обеспечить нравственное благополучие, жизнь и здоровье ребенка. Безусловно, цифровизацию остановить нельзя, это реальность, однако для полноценного нравственного воспитания Интернет необходимо использовать во благо, например, обеспечить доступ к библиотекам, музеям, образовательным ресурсам, к полезной информации о культуре, здоровье, быте и т. д., без опасения родителей, что ребенок почерпнет запрещенную информацию, несущую вред здоровью, угрозу жизни, нравственному воспитанию. В этом плане дистанционный формат в перспективе может развиваться в полноценную диалоговую площадку, в рамках которой будут формироваться избирательная мотивация и установки. Например, через онлайн-обучающие платформы молодежь будет получать достоверную избирательную информацию, осуществлять связь с кандидатами (партиями) до выборов, во время выборов и после них. Избиратель только тогда будет активен и проголосует, когда сможет быстро, легко и доступно изучить биографию, профессиональные качества и деятельность кандидата, историю создания и репутацию общественного объединения, партии. Это особенно важно в аспектах выполненных пунктов предвыборных обещаний, наказов избирателей, работы с гражданами.

В настоящее время фокус внимания по вовлечению и активизации по участию в выборах осуществляется периодически, от выборов к выборам. Он сосредоточен на возрастной группе, начиная с граждан 18 лет как потенциальных носителей права голоса. В этой связи представляется, что формировать

электоральную активность необходимо раньше, с первых шагов социализации ребенка, когда закладываются первые паттерны (образцы поведения), являющиеся базовыми и определяющие модель поведения конкретного индивидуума в обществе. Выбор – неотъемлемый элемент жизни каждого сознательного человека, это навык, от развития которого зависит успешность, реализованность, конкурентоспособность личности в той или иной сфере. Через разработку программ воспитания и обучения в учреждениях, где ребенок впервые проходит социализацию, можно легко, доступно, в игровой форме прививать духовно-культурные ценности, базовые национальные установки, традиции и символы, в том числе знания о добре и зле, свободе и несвободе, вседозволенности, собственной ответственности, честности, долге, вариативности мира и свободной воли ребенка при выборе тех или иных вариантов поведения. Далее следует формировать электоральную активность в семье, обществе через образовательные учреждения всех уровней, волонтерские и общественные организации, политические партии и др. Именно при таком широком подходе возможно сформировать конституционное правосознание, чувство патриотизма, ответственности, долга, лежащие в основе электорального менталитета, и существенно повлиять на явку.

Следует отметить, что необходимо разграничивать формы, закладывающие (формирующие) основы электоральной активности, и формы повышения электоральной активности. К методам повышения электоральной активности молодежи следует относить применяемые в рамках организации избирательной кампании средства и приемы, позволяющие вовлекать все большее количество участников в избирательные процессы. К ним следует относить предпринимаемые государством меры, способствующие повышению интереса к конкретным выборам, побуждающие население активно участвовать в избирательной кампании, влияющие на рост явки в день выборов, а так же стратегии, применяемые кандидатами в своей агитационной кампании, заинтересованными в привлечении электората. Эти средства и приемы могут иметь организационно процедурный и избирательный пропагандистско-просветительский характер. Среди пропагандистско-просветительских технологий повышения

электоральной активности в России применяются следующие: популяризация конкурсов на тему избирательных процессов, материальное и моральное поощрение выборщиков, впервые пришедших на выборы, пропаганда в образовательных учреждениях, освещение в СМИ очередных выборов, социально-культурные акции с участием кандидатов, общение кандидатов с гражданами, информационная реклама программы кандидата (партии) и др.

К организационным мерам, повышающим процент явки избирателей, возможно отнести те положения избирательного законодательства, которые оптимизировали российское избирательное законодательство в аспектах прозрачности, доступности и снижения затрат на проведение выборов. К указанным мерам можно отнести введение в 2014 г. федеральным законом на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации смешанной избирательной системы. Во-первых, в силу применения пропорциональной системы голоса избирателей, отданные за партию, не набравшую большинство, не пропадают, во-вторых, в силу применения мажоритарной избирательной системы относительного большинства возможность быть избранными депутатами получили беспартийные самовыдвиженцы, что в совокупности повысило качество демократии и уровень доверия граждан к выборам. Сокращение большого числа избирательных кампаний через организацию выборов различного уровня в единый день голосования (первоначально – весной и осенью, а затем – исключительно осенью), снижение затрат на избирательные кампании – все это мобилизовало избирателей. Согласно ст. 10 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее ФЗ № 67-ФЗ) с 2005 г. выборы проводятся во второе воскресенье сентября года, соответственно, избиратели легко один раз в год в выходной день, учитывая благоприятный температурный режим данного периода года, в разных субъектах Российской Федерации могут найти время проголосовать, за исключением выборов Президента Российской Федерации и досрочных выборов. Перенос в 2016 г. выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с декабря на единый день голосования в сентябре также диктовался

экономической целесообразностью, экономией бюджетных средств в связи с проведением второй федеральной избирательной кампании в году и одновременно удобством проведения избирательных кампаний единовременно, повышением явки. Необходимо в качестве способа повышения электоральной активности отметить и метод организации досрочного голосования на выборах в течение нескольких дней. Данный метод был успешно применен и при голосовании на общероссийском голосовании по поправкам к Конституции Российской Федерации с 25 июня по 1 июля 2020 г., и на выборах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, иных представительных органов субъектов Российской Федерации 17–19 сентября 2021 г. Формально юридически это стало возможным в связи с принятием поправки в п. 16 ст. 65 ФЗ № 67-ФЗ. Объективными причинами принятия решений по проведению голосования в несколько дней выступили неблагоприятная эпидемиологическая обстановка в России и мире (COVID-19) и обусловленные ею опасения массового скопления граждан в единый день голосования, в который сложно будет обеспечить защиту от риска заражения всех явившихся избирателей. Согласно данными информационного центра ЦИК, на выборах 2021 г. в совокупности явка проголосовавших очно и дистанционно составила 51,72 % от числа избирателей, включенных в списки избирателей [14], и это выше, чем на выборах депутатов седьмого созыва, где применялось исключительно очное голосование. В этой связи применение дистанционного электронного голосования возможно признать в качестве меры повышения электоральной активности. Очевидно, что сам факт применения дистанционного голосования не может напрямую влиять на повышение электоральной активности в аспектах индивидуального выбора, но в аспекте упрощения явки, безусловно, может. В настоящее время данный метод является одним из наиболее перспективных в повышении электоральной активности, в том числе и вовлечении молодежи в избирательные процессы через Интернет, учитывая социально-психологические характеристики данной группы, современную реальность, опыт таких зарубежных стран, как Эстония, Германия, Австрия, Великобритания, Швейцария и иных.

Таким образом, следует отметить, что рассматривая электоральную активность как объект управления в сфере избирательных процессов, следует различать в ее содержании явку как внешнее выражение избирательных установок и ценностей, а также индивидуальное сознательное вовлечение в избирательный процесс, проявляемое через предпочтение в день выборов конкретного кандидата, соответственно, формы и методы формирования электоральной активности, а также формы и методы ее повышения. Процессы формирования и повышения электоральной активности теснейшим образом взаимосвязаны. Учитывая социально-политический контекст и формально-юридическое содержание, они должны оказывать воздействие на граждан системно и последовательно. Как отмечал Н.С. Бондарь, здесь необходимо учитывать, «... что новым технологиям присуща внутренняя социально ориентированная противоречивость, с этим неизбежно связано появление новых социальных коллизий и противоречий, требующих правового воздействия, как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, представительно-обязывающего плана. Ведь в новых технологиях и их практическом внедрении в социальную действительность очень часто мо-

гут одинаково успешно уживаться положительные результаты в виде новых возможностей и столь же опасные для свободы и неприкосновенности личности безопасности общества последствия непредсказуемого использования огромного потенциала новых технологий» [15].

Действительность такова, что право неизбежно становится объектом воздействия цифровизации. Избирательная сфера обрастает новыми предельно сложными, многоплановыми аспектами. Сложно отметить все положительные и отрицательные аспекты цифровизации избирательных процессов: с одной стороны – простота и легкость в обеспечении организации выборов, повышение явки на выборы, формирование цифрового статуса личности, с другой – утрата доверия к процедурам избирательного процесса, обострение вопросов легитимности выборов, актуализация вопросов защиты цифровых прав, установления пределов ограничения цифровых прав граждан и мн. др. Эти и иные аспекты, взаимосвязанные с проблемами по формированию и повышению электоральной активности населения, выступают одними из центральных вопросов в управлении электоральными процессами и заслуживают самостоятельных исследований.

Литература

1. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11.
2. Тихонова Л.Е. Понятие «электоральная активность» и формы ее позитивного проявления // Приоритетные направления развития образования и науки: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2017.
3. Рожнева С.С. Электоральная активность жителей г. Пудож на муниципальных выборах в представительные органы власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 5.
4. Желтов В.В., Желтов М.В. К вопросу об анализе электорального поведения // Территория новых возможностей. 2011. № 3 (12).
5. Зинченко Г.П. От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3.
6. Распоряжение Правительства РФ от

Bibliography

1. Churov V.E., Ebzeev B. S. Democracy and management of the electoral process: a domestic model // Journal of Russian Law. 2011. № 11.
2. Tikhonova L.E. The concept of «electoral activity» and the forms of its positive manifestation // Priority directions of education and science development: Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. Vol. 2. Cheboksary, 2017.
3. Rozhneva S.S. Electoral activity of residents of Pudozh in municipal elections to representative authorities // State power and local self-government. 2018. № 5.
4. Zheltov V.V., Zheltov M.V. On the issue of the analysis of electoral behavior // The territory of new opportunities. 2011. № 3 (12).
5. Zinchenko G.P. What determines the electoral activity of young people? // North-Caucasian Legal Bulletin. 2015. № 3.
6. The order of the Government of the Russian Federation dated 29.11.2014 № 2403-R «On approval of the Fundamentals of the state youth

29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник. М., 2013.

8. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в Интернете // Вестник Удмурдского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Вып. 1. Т. 5. 2021.

9. Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Указ Президента РФ от 06.04.2006 № 325 (ред. от 25.07.2014) «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указы Президента РФ от 16.05.1996 № 727 (ред. от 21.04.1997) «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» // СПС «КонсультантПлюс».

12. URL: www.cikrf.ru.

13. Логунова В.П. Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики // Вопросы управления. 2017. № 5 (48).

14. URL: <http://iz.ru>.

15. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.

policy of the Russian Federation for the period till 2025» // LRS «ConsultantPlus».

7. Psychology formation of the anti-terrorism values of students of a modern University: a textbook. M., 2013.

8. Krasovskaya N.R., Gulyaev, A. A. on the question of control of fakes, fake accounts on the Internet // Bulletin of the Udmurda University. Sociology. Political science. International Relations. Vol. 5. Issue 1. 2021.

9. Federal Law № 98-FL of 28.06.1995 (as amended on 28.12.2016) «On state support for youth and children's public associations» // LRS «ConsultantPlus».

10. Decree of the President of the Russian Federation № 325 of 06.04.2006 (ed. of 25.07.2014) «On measures of state support for talented youth» // LRS «ConsultantPlus».

11. Decrees of the President of the Russian Federation № 727 of 16.05.1996 (ed. of 21.04.1997) «On measures of state support for public associations working on military-patriotic education of young people» // LRS «ConsultantPlus».

12. URL: www.cikrf.ru.

13. Logunova V.P. Increasing the political participation of young people as a factor in reducing the level of absenteeism through state policy // Management issues. 2017. № 5 (48).

14. URL: <http://iz.ru>.

15. Bondar N.S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. № 11.

© 2021 г. Негодаева Елена Георгиевна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: a.negodaeva@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ НОРМАТИВОВ ДОПУСТИМОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

В статье анализируются основные нормативы допустимого воздействия на окружающую среду и меры административного воздействия за их нарушение. Сформирован перечень проблем, влияющих на низкую эффективность экологического надзора в части соблюдения нормативного воздействия на окружающую среду, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: окружающая среда, экологические правонарушения, нормативы допустимого воздействия, административная ответственность.

Negodaeva Elena Georgievna – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ACTUAL ISSUES OF INVOLVEMENT TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR EXCEEDING THE STANDARDS OF PERMISSIBLE IMPACT ON THE ENVIRONMENT

The article discusses the main standards of permissible environmental impact and administrative measures for their violation. A list of problems affecting the low efficiency of environmental supervision in terms of compliance with the regulatory impact on the environment has been formed and ways to solve them have been proposed.

Keywords: environment, environmental offenses, permissible impact standards, administrative responsibility.

Глубинные социально-экономические изменения в России требуют понимания того, что сохранение природных ресурсов страны становится крайне важной проблемой, от решения которой зависит судьба будущих поколений. Но нестабильное экономическое положение нашей страны и проблемы, которые существуют в законодательстве, создают предпосылки для нерационального использования природных ресурсов. Поэтому особое значение приобретает охрана окружающей среды как одна из важнейших задач нашего государства, которая заключается в осуществлении системы организационных, правовых, экономических и других природоохранных мероприятий.

Все это обуславливает актуальность темы правового регулирования охраны природы от негативного воздействия человека. Отдельные вопросы правового регулирования охраны окружающей среды, имеющиеся нормативы допустимого воздействия на нее рассматривались в трудах М.И. Васильева, Е.И. Майорова, О.А. Терновой, А.А. Демичева, А.И. Зверевой, А.А. Странцова, С.И. Голобева и других [1].

Проблемы юридической ответственности за превышение нормативов допустимого воздействия на окружающую среду требуют дополнительного исследования.

Основной целью исследования, проведенного в рамках данной статьи, является выделение особенностей и проблем юридической ответственности за совершение экологических правонарушений вследствие превышения нормативов допустимого воздействия на окружающую среду.

Как известно право на благоприятную окружающую среду гарантируется каждому россиянину Конституцией РФ и обеспечивается различными мерами государственного принуждения, одним из которых является обязанность возместить субъектом ущерб, нанесенный природе.

В целях возмещения вреда окружающей среде и защиты указанного ранее права граждан в законодательстве закреплён принцип, как его именуют в научной литературе, «загрязнитель платит» [2].

Суть данного принципа раскрыл Конституционный суд РФ – принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде, он же принцип «загрязнитель платит» выражается в том что, субъекты хозяйственной деятельности, к которым относятся как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели, обязаны финансировать за счет полученной прибыли мероприятия по предотвращению, уменьшению или уст-

ранению негативного воздействия на природную среду, если будет установлена их вина [3].

Но справедливо отметить, что прежде чем взыскивать с нарушителя ущерб, нанесенный природе, следует данный ущерб оценить. На сегодняшний день в целях возможности оценки негативного воздействия на окружающую среду, в соответствии со ст. 21 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» установлены нормативы (лимиты) допустимого воздействия, что в свою очередь помогает уменьшить возможный ущерб, наносимый хозяйствующими субъектами природе [4].

Как было отмечено ранее, на законодательном уровне установлены определенные лимиты на выбросы и сбросы отходов предприятий, которые зависят от категории этих объектов. Отметим что промышленные объекты, воздействующие на окружающую среду, подразделяются на 1, 2, 3, 4 категории, соответственно для каждой из них установлены свои правовые ограничения и правила при взаимодействии с природой.

В соответствии со ст. 4.2 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» к объектам 1 категории относятся объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду и относящиеся к областям применения лучших доступных технологий. К объектам 2, 3, 4 – умеренные, незначительные и минимальные соответственно.

Для объектов I категории существует два варианта установления лимитов на выбросы и сбросы:

- либо установление временно разрешенных выбросов и сбросов на основании соответствующего разрешения, выданного специально уполномоченным органом;

- либо до того момента, как они получили эти разрешения, устанавливаются на основании закона в соответствии с планом по их снижению.

Как показывает практика, если говорить о нормативах допустимого воздействия, то объекты I категории находятся на сегодняшний день в самом привилегированном положении, т. к. для них установлены два варианта лимитов на выбросы и сбросы.

Что касается объектов 2, 3, 4 категории, то для них с 1 января 2019 г. установлены новые правила нормирования. Так, в отношении объектов 2 категории заполняется и предоставляется декларация воздействия на окружающую среду. В данной декларации содержатся специальные разделы, где заполняется информация о массе выбросов и сбросов

за определенный период, эта информация заполняется на основании утвержденных нормативов. Но, как показывает практика, не редки случаи, когда по объективным причинам природопользователи не могут соблюдать допустимые показатели выбросов и сбросов. В случае превышения допустимых нормативов хозяйствующим субъектам следует разработать план по охране окружающей среды, в котором будут предусмотрены мероприятия по снижению выбросов и сбросов.

Только при наличии плана по защите окружающей среды для объекта 2, 3, 4 категории могут быть установлены временно допустимые нормативы воздействия на окружающую среду.

Если более детально рассматривать порядок установления временных нормативов для объектов 2, 3, 4 категории, то видно, что в законодательстве установлены лишь общие положения, а ряд необходимых вопросов, к сожалению, никак не урегулированы.

Например, какой комплект документов необходимо приготовить для того чтобы обратиться за установлением временных нормативов; необходимо ли согласовывать план мероприятий по охране окружающей среды; в какой государственный орган необходимо обратиться для установления временных нормативов; какой срок рассмотрения; какие основания для отказа в выдаче. Эти и многие другие вопросы никак на сегодняшний день не урегулированы на законодательном уровне. Вместе с тем, отказавшись от установления временно допустимых нормативов, предприятию грозит наступление юридической ответственности в случае нарушения нормативов, установленных законом.

Согласно действующему законодательству за нарушение нормативов допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении своей деятельности юридические лица и индивидуальные предприниматели могут быть привлечены уполномоченными органами к различным видам юридической ответственности, а именно: административной, уголовной, дисциплинарной и гражданско-правовой.

Специфика административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды заключается в том, что она формируется в результате сочетания административных и экологических факторов в содержании правоотношений, а точнее, в наличии у них экологической почвы, а также обуславливается характером правонарушений, их причинами, субъектами правонарушений и порядком применения к ним мер воздействия.

Административное право и процесс; административная деятельность

Необходимо отметить, что понятие административной ответственности не имеет своего законодательного закрепления, но является предметом научных исследований. Так, В.А. Селезнев считает, что административная ответственность является одним из видов юридической ответственности, которая может наступить в отношении лица в случае неисполнения им норм, закрепленных административным законодательством, а также один из способов реагирования государства в лице уполномоченных органов на административные правонарушения как в сфере охраны окружающей среды, так и в иных сферах [5].

Другие ученые, в том числе О.Л. Дубовик, в своих научных трудах указывают на то, что административная ответственность представляет собой принудительную меру воздействия на лицо, совершившее административный проступок, которая имеет строго установленную законом процедуру и может быть применена исключительно уполномоченным субъектом [6].

В случае нарушения этих принципов привлечения к административной ответственности наказать нарушителя, даже в случае наличия его вины, будет невозможно. На конкретном примере случаи нарушения допустимых нормативов загрязнения окружающей среды мы разберем позже.

Исходя из общей характеристики административной ответственности, необходимо отметить, что административная ответственность за экологические правонарушения имеет свои особенности, наличие которых обусловлено именно специфичностью объекта правовой охраны.

Прежде всего, именно совершение административного правонарушения в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, санкции за которые определены КоАП РФ, является основанием для наступления административной ответственности. Следующей особенностью является применение к виновным как общеправовых (штраф, конфискация), так и специфических средств административного воздействия (лишение специальных прав, права охоты), предусмотренных КоАП РФ [7].

На основе исследования позиций ученых-административистов, а также ученых в сфере экологического права можно сделать вывод о том, что, административная ответственность как вид юридической ответственности за нарушение допустимых нормативов воздействия на окружающую среду имеет следующие отличительные признаки:

- является средством охраны установленного экологическим правом порядка пользования природными ресурсами;

- составы экологических правонарушений и санкции закреплены в КоАП РФ;

- связана с принуждением хозяйствующего субъекта и отрицательными для него последствиями, как правило, материальными в виде штрафных санкций, которые для него наступают вследствие нарушения допустимых нормативов;

- строго установленная процессуальная форма.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод, что административная ответственность за экологические правонарушения обладает следующими характерными именно для нее чертами:

- во-первых, специфический характер правоотношений, который складывается в результате сочетания экологических и административных факторов в содержании этого правового явления;

- во-вторых, особые основания возникновения правоотношений административной ответственности – совершение административного правонарушения в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Административная ответственность за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования установлена гл. 8 КоАП РФ. При этом какой-либо отдельной статьи об ответственности за превышение нормативов допустимого воздействия на окружающую среду КоАП РФ не содержит. Ответственность установлена отдельными статьями КоАП РФ. Так, за превышение утвержденных лимитов на размещение отходов производства и потребления предусмотрена административная ответственность по ч. 8 ст. 8.2 КоАП РФ.

Например, в ходе административного расследования в рамках дела об административном правонарушении № 14-89/2018 установлено, что 19.06.2018, 26.06.2018 и 03.07.2018 произведен сброс неочищенных сточных вод с канализационных очистных сооружений (КОС) поселка Победа Выборгского района Ленинградской области, в результате чего произошло загрязнение вод ручья Безымянного.

В связи с данными обстоятельствами постановлением государственного инспектора Департамента Р.З. Юсуповой от 31.08.2018 по делу № 14-89/2018 предприятие «Водоканал «Рощино», как собственник КОС, привлечено к административной ответственности по ч. 4 ст. 8.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Платежным поручением от 29.10.2018 № 12194 штраф по постановлению от 31.08.2018 по делу № 14-89/2018 уплачен в полном размере.

Департамент рассчитал размер вреда, причиненного окружающей среде в результате совершения предприятием «Водоканал «Рощино» административного правонарушения, с учетом заключения федерального государственного бюджетного учреждения «Центр лабораторного анализа и технических измерений по Северо-Западному федеральному округу» от 25.07.2018 № 074-Э-18, подготовленного в рамках дела об административном правонарушении № 14-89/2018.

Претензией от 18.10.2019 № 05-14/11596 Департамент потребовал, чтобы Предприятие «Водоканал «Рощино» уплатило 11 536 486 руб. в возмещение ущерба.

Поскольку предприятие «Водоканал «Рощино» означенные требования в добровольном порядке не исполнило, Департамент обратился в арбитражный суд с иском.

Отметим, что кроме негативных последствий в виде административных санкций, если хозяйствующий субъект нарушил допустимые нормативы, он обязан также возместить нанесенный природе ущерб.

Например, согласно Постановлению Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.10.2018 № Ф01-4637/2018 по делу № А17-6833/2017, в ходе проверки Управление Росприроднадзора выявило, что общество осуществляет деятельность по сбросу в реку сточных вод без разрешения на право пользования водным объектом, с превышением предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, и сочло, что его незаконными действиями водному объекту причинен вред в размере 4 003 332 рублей. Требование о возмещении вреда, причиненного водному объекту, было удовлетворено, поскольку установлено, что общество, не имея соответствующего разрешения, осуществило сброс.

Анализ судебной практики показал, что административная ответственность может наступить в связи с превышением предельно допустимых выбросов в атмосферный воздух. В данном случае ответственность наступает в соответствии с ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ. Однако отметим, что контролирующим органам следует соблюдать строгий порядок привлечения нарушителей, т. к. в случае его нарушения предписание может быть признано в судебном порядке недействительным и, соответственно, нарушитель останется безнаказанным. Так, например, при рассмотрении требования о признании недействительными предписаний органа по надзору в сфере природопользования Арбитражным судом Уральского округа субъекту предпри-

сано ограничить выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух до уровня, установленного разрешением, и приостановить выброс вещества, не предусмотренного разрешением. Однако предписание признано недействительным, т. к. проверка проведена природоохранной прокуратурой с привлечением специалистов органа по надзору в сфере природопользования. Проверка самим органом не проводилась, предписание выдано уже после привлечения общества к административной ответственности, само по себе наличие у указанного органа полномочий на выдачу предписаний не освобождает его от соблюдения установленных законом процедур выдачи такого акта [8].

Таким образом, на основании рассмотренной судебной практики, можно сделать вывод о том, что контролирурующие органы действительно проверяют соблюдение хозяйствующими субъектами допустимых нормативов воздействия и по результатам проверки в отношении нарушителей выносят предписания.

Кроме того, многочисленные нарушения допустимых нормативов зафиксированы в части допустимого объема изъятия древесины, за которое возможно привлечение к ответственности по ст. 8.28 КоАП РФ, что также подтверждает судебная практика.

Например, постановлением от 25.06.2020 № 02-05/14-20, вынесенным начальником управления охраны, защиты и надзора в лесах Министерства природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края, ООО «Добрянский ЛПК» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 200 000 руб. Общество с данным постановлением не согласилось и, воспользовавшись своим правом на обжалование данного акта, обратилось в суд. В соответствии с Постановлением Верховного Суда РФ от 10.09.2021 № 44-АД21-13-К7 в удовлетворении требования об отмене актов о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 8.28 КоАП РФ, за незаконную рубку лесных насаждений отказано. В рассматриваемом случае имел место факт незаконной рубки лесных насаждений, с превышением заявленных в лесной декларации площади рубки и объема лесных насаждений, что влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 8.28 КоАП РФ.

Административное право и процесс; административная деятельность

Деяние общества квалифицировано в соответствии с установленными обстоятельствами, нормами КоАП РФ, лесного законодательства и иных регулирующих лесные отношения нормативных правовых актов.

Важным фактором эффективности экологического законодательства является действенность правовой ответственности за его нарушение. Однако проведенное исследование позволило выявить ряд недостатков при привлечении правонарушителей к ответственности за превышение нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, такие как отсутствие в законодательстве специальных составов подобных правонарушений, а также нарушение

контролирующими органами процедуры привлечения к административной ответственности, что очередь позволяет нарушителям избегать наказания. Основная проблема в том, что безнаказанность экологических правонарушений обуславливает декларативность экологического законодательства и, наоборот, усиление выявления экологических правонарушений, увеличение количества лиц, привлеченных к правовой ответственности – неотвратимо повышает уровень экологического правопорядка и правосознания граждан. Указанные недостатки необходимо устранять путем внесения соответствующих изменений в законодательство и правоприменительную практику.

Литература

1. Голубев С.И. Предмет экологического преступления: монография. М., 2020.
2. Шварц М.З., Володарский Д.Б. Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред. По мотивам Определения Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О // Закон. 2019. № 9.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Селезнев В.А. Административная ответственность за нарушение требований в области обращения с отходами // Журнал российского права. 2019. № 12.
6. Дубовик О.Л. Эволюция развития института административной ответственности за экологические правонарушения // Административное право и процесс. 2014. № 9.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
8. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2019 № 309-ЭС19-6747 по делу № А60-30497/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Golubev S.I. The subject of environmental crime: monograph. M., 2020.
2. Schwartz M.Z., Volodarsky D.B. The «polluter pays» principle and legal liability of business entities for unavoidable environmental damage. Based on the Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 13, 2019 №. 1197-O // Law. 2019. № 9.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.06.2015 № 12-P «In the case of checking the constitutionality of part 2 of Article 99, part 2 of Article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the Resolution of the Government of the Russian Federation» On the calculation of the amount of damage caused to forests as a Legislation «in connection with the complaint of the limited liability company» «Zapolyarneft» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. № 24. Art. 3547.
4. Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ (as amended on 02.07.2021) «On Environmental Protection» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Art. 133.
5. Seleznev V.A. Administrative responsibility for violation of requirements in the field of waste management // Journal of Russian law. 2019. № 12.
6. Dubovik O.L. Evolution of the development of the institution of administrative responsibility for environmental offenses // Administrative law and process. 2014. № 9.
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). Art. 1.
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 22, 2019 № 309-ES19-6747 in case № А60-30497 / 2018 // LRS «ConsultantPlus».

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

УДК 347.4 : 347.6
ББК 67.404

© 2021 г. Фатхи Валентина Игоревна,

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ДОЛГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВОЗНИКШЕГО ИЗ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ, ОБЩИМ ДОЛГОМ

В настоящей статье рассмотрены особенности и порядок признания кредитных обязательств общим долгом супругов. Автором проанализированы сложившиеся в судебной практике подходы о признании обязательств по кредитному договору, заключенному одним из супругов в период брака, общим долгом супругов. Сделан вывод о необходимости изменения действующего законодательства.

Ключевые слова: долговые обязательства, кредитные обязательства, общий долг, кредит, брак, раздел имущества супругов.

Fatkhi Valentina Igorevna – Head of the Department of Civil and Legal Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ON THE ISSUE OF RECOGNIZING A DEBT OBLIGATION ARISING FROM A LOAN AGREEMENT CONCLUDED BY ONE OF THE SPOUSES AS A COMMON DEBT

This article examines the features and procedure for recognizing loan obligations as the common debt of spouses. The author analyzes the approaches that have developed in judicial practice regarding the recognition of obligations under a loan agreement concluded during marriage as the common debt of spouses. The conclusion is made about the need to change the current legislation.

Keywords: promissory notes, credit obligations, total debt, credit, marriage, division of spouses' property.

Согласно данным статистики, опубликован-
ным Росстатом за январь–июнь 2021 г., чис-
ло разводов в России выросло на 39,4 %
(307,5 тыс. против 220,7 тыс. разводов в ян-
варе–июне 2020 г.) [1]. На фоне доступности и
ежегодного роста числа заключенных кредит-
ных договоров данная статистика может сви-
детельствовать о том, что к моменту растор-
жения брака супруги успели приобрести в об-
щую совместную собственность имущество,
обремененное долговыми обязательствами,
либо потратить кредитные денежные средств-
ва на другие цели, в том числе на нужды се-
мьи. Если супруги являются долевыми или со-
лидарными должниками (например, в случае,
когда супруги являются созаемщиками по кре-
дитному договору, либо один из них выступил
поручителем по долговому обязательству дру-
гого), то этот долг является общим, как в силу
своей обязательственной природы, так и в силу
норм семейного права. Сложнее решить во-
прос о признании общности долга супругов,
если кредитный договор заключен одним из

них. Как показывает судебная практика, вопрос
о признании обязательств по кредитному до-
говору, заключенному одним из супругов в
период брака, общим долгом супругов явля-
ется достаточно актуальным [2]. С таким тре-
бованием может обратиться любой из супру-
гов как в период брака, так и после его рас-
торжения, а также кредитор. При разрешении
подобных ситуаций в суде наибольшую слож-
ность представляет установление признака
общности долгов.

Решение вопроса о том, являются ли обя-
зательства по кредитному договору, заключен-
ному одним из супругов в период брака, об-
щими долговыми обязательствами супругов
и подлежат ли они разделу, во многом зави-
сит от правового режима имущества супру-
гов, который может быть определен как брач-
ным договором, так и законом. Статья 38 Се-
мейного кодекса РФ не содержит специаль-
ных положений о судьбе долгового обязатель-
ства, возникшего в период брака, в качестве
общего обязательства супругов или личного

обязательства супруга, являющегося должником. В п. 3 ст. 39 СК РФ закреплено правило о распределении общих долгов между супругами пропорционально присужденным им долям в общем имуществе. Пункт 2 ст. 45 СК РФ предусматривает ответственность общим имуществом супругов по обязательствам одного из супругов, если судом будет установлено, что все полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. Возможен и добровольный раздел долгов по соглашению супругов в досудебном порядке.

Такая дефиниция как «общий долг» супругов либо критерии (признаки) признания долга одного из супругов общим на сегодняшний день законодательно не закреплены. Отсутствует и единство взглядов на природу общего долга супругов и среди теоретиков права [3]. В связи с отсутствием правовой определенности нет единообразия правового применения. В судебной практике встречается позиция, согласно которой все долги, приобретенные супругами в период брака, являются общими, пока не доказано иное, т. е. формируется своеобразная презумпция общности долгов супругов. На ошибочность такого подхода указал Верховный Суд Российской Федерации, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 24 апреля 2014 г., в котором суд апелляционной инстанции, обосновывая правильность списания денежных сумм со счета истца, направленных на погашение долга, сослался на презумпцию общности обязательств супругов по долгам каждого из них [4].

Следует отметить, что не только в правоприменительной практике, но и в юридической литературе встречаются диаметрально противоположные точки зрения на возможность презюмирования общности долгов супругов. М.В. Кратенко полагает, что «предусмотренная ст. 34 СК РФ презумпция общности всего нажитого супругами в период брака имущества не распространяется на их обязательства (долги)» [5, с. 22]. Ю.Ф. Беспалов констатирует, что термином «имущество» охватываются не только вещи, но и имущественные права, а также обязанности супругов. Таким образом, в состав общего имущества входят объекты, принадлежащие им на праве общей совместной собственности, а также права требования и долги [6, с. 225]. Следует согласиться с мнением А.В. Егорова, что презумпция общего

характера любых долгов «современному российскому праву является чуждой», ибо может привести к имущественной ответственности одного из супругов по всем обязательствам другого, что крайне несправедливо [7], особенно если его воля на совершение сделки не выражалась.

Из анализа норм ст. 34, 36, 39 Семейного Кодекса РФ можно сделать вывод, что презюмируется общность имущества супругов, в частности, при распоряжении одним из супругов общим совместным имуществом, при управлении совместным имуществом действует презумпция согласия. Однако в настоящее время отсутствует законодательно закрепленная норма, согласно которой в случае возникновения у одного из супругов долговых обязательств перед третьими лицами, долг сразу становится общим. Напротив, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ, предусматривающего, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, допускается существование у каждого из супругов собственных долговых обязательств.

Отсутствие в российском праве презумпции общего характера долговых обязательств супругов влечет за собой возможность признания долга общим лишь при наличии обстоятельств, следующих из смысла п. 2 ст. 45 СК РФ, т. е. при доказанности того, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой, т. к. легальное определение «семейных нужд» в отечественном законодательстве также отсутствует, делая его оценочным, подверженным судебскому усмотрению. Согласно сложившейся правоприменительной практике, это затраты на ремонт и обслуживание жилого помещения, одежду, медицинские и образовательные услуги, организацию отдыха, другие ежедневные нужды (автозаправку, питание, лекарственные препараты и т. д.). Как отмечает Е.А. Чефранова, «долг, возникший в связи с затратами на приобретение новой специальности или повышение квалификации одним из супругов, равно как с расходами на лечение, следует квалифицировать как общий, поскольку как приобретение новых профессиональных навыков и умений, так и забота о здоровье одного из супругов отвечают широко понимаемым нуждам семьи» [9]. При этом сам по себе факт того, что кредитное

обязательство возникло в период нахождения супругов в браке не является бесспорным доказательством того, что кредитные денежные средства были использованы для удовлетворения нужд семьи, а не на личные цели. Таким образом, если не доказано иное, обязательства одного из супругов являются личными. Однако как полагает Н.М. Ершова, в ситуации, когда общая собственность супругов увеличивается в результате действий одного из супругов, но ответственность по долгам продолжает оставаться строго личной, супруг, оставшийся в стороне от исполнения обязательства перед кредитором, оказывается в положении неосновательно обогатившегося [8, с. 64].

Следовательно, для признания кредитного обязательства общим долгом супругов само кредитное обязательство должно быть либо общим изначально, либо все полученное было использовано на нужды семьи. К первой группе общих обязательств супругов относятся те долги, которые сделаны в период брака, и возникли одновременно для обоих супругов из единого правового основания [9]. Отдельную группу общих обязательств супругов составляют обязательства одного из супругов, по которым все полученное было использовано на нужды семьи. При этом указание на целевой характер кредита само по себе не является доказательством расходования средств на соответствующие цели. Как указывает Верховный Суд РФ, юридически значимым обстоятельством по вопросу признания долговых обязательств общим долгом супругов является «выяснение вопроса о том, были ли потрачены денежные средства, полученные супругом по кредитному договору, на нужды семьи», указывая, что доказывание только цели, на которую должны были быть использованы денежные средства, является формально ограниченным подходом.

Проблема признания задолженностей, возникших в период брака, общими обязательствами супругов стоит наиболее остро при возбуждении гражданского дела кредиторами одного из супругов. На сегодняшний день заключение одним из супругов кредитного договора без согласия второго супруга допускается действующим законодательством, однако приводит к тому, что кредитор лишается возможности взыскать долговое обязательство с обоих супругов в солидарном порядке в силу п. 2 ст. 45 СК РФ, а, следовательно, необходимо доказать общность долгов супругов.

Но доказательства того, что деньги использовались для удовлетворения нужд семьи, а не на достижение личных целей, могут представить лишь супруги. Таким образом, если с требованием о признании обязательства общим обращается не супруг, а кредитор, доказывание цели получения денежных средств и результата их использования для семейных нужд становится объективно почти невыполнимым. Конечно, как показывает судебная практика, за исключением целевых займов, полученных в безналичной форме для приобретения какого-либо товара, попадающего под оценочное понятие «семейных нужд». Также в качестве доказательства такого использования, в частности, может выступать целевой кредитный договор, заключенный одним из супругов, и временное получение кредитных денежных средств и приобретение определенного имущества, например, автомобиля или квартиры, в общую совместную собственность супругов. В остальных случаях кредитор сталкивается с трудностями доказывания, как цели получения, так и дальнейшей судьбы предоставленных денежных средств по кредиту. При этом, согласно нормам процессуального законодательства, именно на кредиторе как на лице, заявляющем требование к должнику, лежит бремя доказывания общего характера долговых обязательств. В таком случае, как отмечает П.А. Ломакина, в литературе встречается точка зрения, что необходимо перераспределить бремя доказывания, а именно – следует возложить бремя доказывания того, что средства, полученные по обязательству, были потрачены не на нужды семьи, на супруга, который возражает против признания долга общим [10], что противоречит требованиям действующего законодательства.

Правило о возложении бремени доказывания на лицо, заявляющее требование о признании долга общим, распространяется и на те случаи, когда с инициативой в суд обращается один из супругов – на истце лежит процессуальная обязанность доказать, что возникновение долга произошло по инициативе обоих супругов в интересах семьи, и (или) все полученное было использовано на нужды семьи, что освобождает другую сторону от доказывания обратного. Эта позиция неоднократно поддерживалась Верховным Судом РФ и представляется наиболее справедливой, поскольку именно супруг, который

является стороной кредитного обязательства, может доказать факт расходования денежных средств на нужды семьи. Следует отметить, что несколько лет назад Верховный Суд РФ имел другую точку зрения на распределение бремени доказывания использования заемных денежных средств на нужды семьи, указывая, что «расходование полученных по кредитным договорам денежных средств на нужды семьи презюмируется действующим семейным законодательством, а потому возложение обязанности по доказыванию данного обстоятельства на какую-либо из сторон противоречит положениям ст. 56 ГПК Российской Федерации, стороны должны доказывать расходование денежных средств не на нужды семьи другим супругом» [11].

В соответствии с п. 3 ст. 39 СК РФ, «общие долги при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям», данная норма, согласно позиции Конституционного Суда РФ, «направлена на защиту имущественных прав супругов и не содержит какой-либо неопределенности» [12]. Из смысла статьи следует, что определению подлежат именно доли супругов в общих долгах, т. е. не производится раздел долга, а устанавливается (распределяется) часть долга (размер доли) каждого должника. Таким образом, признание долга общим обязательством супругов и его распределение между супругами не равно разделу долга между должниками.

Факт получения кредитных денежных средств одним из супругов в период брака, как и использование полученных им кредитных средств на нужды семьи, не влечет сам по себе возникновения долговых обязательств по данному кредитному договору у другого супруга, не являющегося стороной данного договора. При разделе общего имущества супругов учитываются общие долги и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи, но они не являются основанием для взыскания с супруга невыплаченной задолженности по кредитному договору [13]. Кроме того, возложение обязанности по погашению долга на супруга, не являющегося стороной кредитного обязательства, по существу представляет собой перевод долга, который допускается лишь с согласия кредитора (ст. 391 ГК РФ). В пользу этого довода свидетельствует и сложившаяся судебная практика. При рассмотрении судом

дела о признании и разделе общего долга по кредиту к участию в деле в качестве третьего лица привлекается банк, выдавший кредит. Раздел такого долга возможен только при наличии согласия банка на изменение условий кредитного договора (включение в договор нового заемщика) [14]. Поэтому подобный раздел зачастую сводится к погашению кредита самим заемщиком и последующего взыскания от бывшего супруга компенсации соответствующей доли фактически произведенных им выплат по кредитному договору [14], хотя для подачи искового заявления о признании кредитного обязательства общим долгом супругов не требуется, чтобы истец осуществил выплату (погасил задолженность) по кредитному договору [15]. Следует отметить, что обязательство, возникшее из кредитного или иного договора, заключенного лицом до вступления в брак, даже если было осуществлено рефинансирование долга в период брака останется его личным обязательством.

Неоднозначная судебная практика сложилась и при признании общим долгом денежных средств, полученных по кредитному договору одним из супругов, занимающихся предпринимательской деятельностью. Если доходы от предпринимательской деятельности не поступали в семейный бюджет, не расходовались в интересах семьи, в том числе на имущество, долги супруга-предпринимателя не признаются общими долгами супругов [16]. Это согласуется с нормами семейного права, поскольку получение денежных средств, используемых в предпринимательских целях, не направлено на удовлетворение семейных нужд. Но встречаются и решения, где суд признает коммерческие кредиты, взятые на развитие бизнеса и пополнение оборотных средств коммерческой организации, потраченными на нужды семьи. Руководствуясь тем, что деятельность созданной супругами коммерческой организации являлась основным семейным доходом, кредитный договор был заключен с целью увеличения экономической привлекательности предприятия, его производительности и получения прибыли, поэтому опосредованно кредитные средства использовались в семейных интересах [18]. Данный подход кажется наиболее предпочтительным и справедливым как по отношению к супругам, которые получают прибыль от коммерческой деятельности в общую собственность, так и по отношению к кредиторам,

которые вправе рассчитывать на возмещение за счет общего имущества супругов.

Как подчеркивает П.А. Ломакина, ни один из применяемых сегодня судами способов раздела общих долгов супругов не является полностью приемлемым с точки зрения обеспечения баланса интересов супругов и их кредиторов [10]. Е.А. Чефранова полагает, что с учетом развития общественных имущественных отношений и совершенствования их правового регулирования со всей очевидностью встала проблема комплексной модернизации семейного законодательства в интересах более полного и всеобъемлющего отражения интересов личности, семьи и общества, адекватного регулирования законодательством новых тенденций в жизни социума [9].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время требуется модернизация действующего законодательства в части более детального урегулирования процесса образования и раздела общих долговых обя-

зательств, например, посредством законодательного закрепления необходимости получения согласия супруга на заключение кредитного договора, а также нормативного закрепления таких дефиниций как «нужды семьи», «общие долги», что позволит в должной мере обеспечить имущественные права как каждого из супругов, так и кредиторов. И сегодня законодатель предлагает ряд изменений в правовое регулирование имущественных отношений супругов, о чем свидетельствует принятый в первом чтении законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)» [19], который содержит дополнение п. 2 ст. 34 СК РФ прямым указанием на то, что в составе общего имущества супругов учитываются их общие обязательства. Остается надеяться, что данные изменения поставят точку в спорах о природе общего долга супругов и среди теоретиков права.

Литература

1. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>.
2. URL: <http://stat.xn——7sbqk8achja.xn——plai/stats/gr/t/22/s/0>.
3. Савельева М.В. Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества // Семейное и жилищное право. 2021. № 1.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.05.2015 № 45-КГ15-4.
5. Кратенко М.В. Раздел общих обязательств (долгов) супругов: некоторые проблемы теории и практики // Адвокат. 2011. № 9.
6. Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2015.
7. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского. М., 2020.
8. Ершова Н.М. Имущественные правоотношения в семье. М., 1979.
9. Чефранова Е.А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. 2021. № 4.
10. Ломакина П.А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5.

Bibliography

1. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>.
2. URL: <http://stat.xn——7sbqk8achja.xn——plai/stats/gr/t/22/s/0>.
3. Savelyeva M.V. Differentiation of spouses' liability for common obligations in the division of jointly acquired property // Family and housing law. 2021. № 1.
4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/12/2015 № 45-KG15-4.
5. Kratenko M.V. Section of general obligations (debts) of spouses: some problems of theory and practice // Advocate. 2011. № 9.
6. Family law: a textbook for university students enrolled in the specialty «Jurisprudence». M., 2015.
7. Civil law of the social state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky. M., 2020.
8. Ershova N.M. Property legal relations in the family. Moscow, M., 1979.
9. Chefranova E.A. Debts of spouses: scientific discussion and practical consequences // Family and housing law. 2021. № 4.
10. Lomakina P.A. General obligations of spouses in the bankruptcy case of one of them // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 5.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.09.2014 № 18-КГ14-103.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 № 1354-О-О.

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-242.

14. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-29803/2020.

15. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2015 по делу № 33-16649/2015.

16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2018 № 18-КГ18-201.

17. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2019 по делу № 88-1198/2019.

18. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2020 № 11АП-2806/2020 по делу № А65-43453/2017.

19. Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 16, 2014 № 18-KG14-103.

12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 20, 2011 № 1354-O-O.

13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 29, 2019 № 18-KG18-242.

14. Appellate ruling of the Moscow City Court in case № 33-29803 / 2020.

15. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 20.05.2015 in case № 33-16649 / 2015.

16. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 20, 2018 № 18-KG18-201.

17. Determination of the Second General Jurisdiction Court of Cassation dated 19.11.2019 in case № 88-1198 / 2019.

18. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 04.06.2020 № 11AP-2806/2020 in case № А65-43453 / 2017.

19. Bill No. 835938-7 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Желонкин Сергей Сергеевич,

доцент кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Zhelon@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ И ИНОЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье проведен конструктивно-критический анализ отдельных новелл законодательного регулирования финансовых сделок, принятых в рамках реализации концепции развития гражданского законодательства. Отмечается, что появление спорных институтов, особенно в период проводимых реформ гражданского законодательства, оказывает негативное влияние на дальнейшее правовое развитие государства.

Ключевые слова: факторинг, банковские операции, договор банковского счета, концепция развития гражданского законодательства, финансовые сделки.

Zhelonkin Sergey Sergeevich – Associate Professor, the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.

DEVELOPMENT OF CONTRACTS IN THE SPHERE OF BANKING AND OTHER FINANCIAL ACTIVITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF CIVIL LEGISLATION

The article provides a constructive and critical analysis of individual short stories of the legislative regulation of financial transactions, adopted within the framework of the implementation of the concept of the development of civil legislation. It is noted that the emergence of controversial institutions, especially during the period of ongoing reforms of civil legislation, has a negative impact on the further legal development of the state.

Keywords: factoring, banking operations, bank account agreement, concept of development of civil legislation, financial transactions.

Россия, вступив на путь построения рыночной экономики, столкнулась в своем развитии не только с проблемами переустройства производственно-хозяйственного комплекса, но и нормативно-правового регулирования экономических отношений. Возникла острая необходимость в переустройстве общественных отношений в области возникновения гражданских правоотношений, организации юридических лиц, правил товарно-денежного оборота и других общественных отношений. Необходимость создания основы устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение конкурентоспособности и национальной безопасности государства потребовали создания и реализации эффективной, целостной и последовательной не только экономической, но и правовой политики государства.

При этом необходимо учитывать и факт того, что общественные отношения постоянно изменяются, появляются новые отрасли хозяйственной деятельности, развивается и

ускоряется процесс товарно-денежного обмена. Возникают ситуации, когда де-факто существующие институты не имеют юридического закрепления либо в процессе правоприменительной практики полностью сменился механизм работы, а существующее нормативное регулирование не отвечает вызовам времени. Для сглаживания подобных ситуаций государство ведет работу по модернизации гражданского законодательства в целом и вводит регулирование для отдельных институтов.

Для Российской Федерации построение рыночной экономики и развитие хозяйственной инициативы у граждан является одной из ключевых задач государственного строительства. Без развитого сектора частной собственности и наличия возможности вести свободную экономическую деятельность построение гражданского общества и, как следствие, правового государства не представляется возможным [1, с. 13]. Отсюда и высокий интерес государства к развитию сектора частного права, гражданских правоотношений,

стимулирование участников финансовых операций. Именно поэтому в 2008 г. был принят Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», основным положением которого была разработка концепции развития гражданского законодательства РФ (далее – Концепция).

Данная Концепция носит комплексный характер и предусматривает постепенную модернизацию всего российского гражданского законодательства, а также введение дополнительных инструментов правового регулирования, затрагивающих наряду с частноправовыми институтами и элементы публичного права [2, с. 33].

При этом хотелось бы отметить, что некоторым институтам уделяется большое внимание, одним из таких является институт финансовых сделок. Это связано с интенсивным развитием финансового рынка и, как следствие, требует адекватного развития правового регулирования финансовых сделок [3]. Важность развития финансовых отношений заключается в том, что подобные сделки связаны с движением и ростом капитала, позволяют хозяйствующим субъектам более оперативно осуществлять предпринимательскую деятельность, модернизировать и переоснащать производство, а также участвовать в инвестиционных и инновационных проектах.

Значимые изменения в этой сфере, которые призваны показать свою эффективность, были внесены Федеральным законом «О внесении изменений в ч. 1 и 2 Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2017 № 212-ФЗ. Данный закон касается различных финансовых сделок, таких как заем, кредит, факторинг, банковский вклад и счет, расчеты.

Сказанное выше предопределяет актуальность исследования, предметной областью которого выступает анализ изменений в развитии договорного регулирования отношений в сфере банковской и иной финансовой деятельности в рамках реализации концепции развития гражданского законодательства в Российской Федерации.

Факторинг. Значительные изменения сущности самого института в системе российского права затронули договор факторинга. Из обычной уступки требования, как это было в прошлой редакции, договор факторинга стал

посреднической операцией и, кроме как, передачи денежного требования, требует также осуществления иных сопутствующих операций, связанных с осуществлением учета денежных требований клиента, либо с осуществлением права по денежным требованиям клиента. При осуществлении только одного из действий, предложенных в диспозиции ст. 824 ГК РФ, сделка договором факторинга считаться не будет.

Важным нововведением стало дополнение положений о факторинге ссылкой на гл. 24 ГК РФ – «Перемена лиц в обязательстве». Данное нововведение позволяет избежать споров по поводу природы института факторинга и возможности применения к нему положений гл. 24 ГК РФ. Так, например, Арбитражный суд Московского округа, ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ [4], посчитал договор факторинга самостоятельным договором, не подпадающим под положения о цессии, предусмотренные гл. 24 ГК РФ [5].

Данная позиция имеет своих сторонников, которые считают, что договор факторинга обладает самостоятельной правовой природой, юридической характеристикой, а сложности с ее определением связывают с тем, что данный договор является рамочным [6, с. 20].

При этом противоположная позиция, что факторинг не является самостоятельным договорным типом в юридической литературе, высказывалась достаточно давно [7, с. 341]. Данная позиция находит свое отражение в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа. Суд в данном случае ссылался на нормы гражданского законодательства и определил, что характер обязательств по договору факторинга свидетельствует о совершении сделок по передаче обязательственных прав, поэтому в данном случае применяются общие положения о перемене лиц в обязательстве на основании сделок уступки права (требования), установленные в гл. 24 ГК РФ [8].

Как можно увидеть, один из предметов спора, возникавший в правоприменительной практике даже в столь недавнем прошлом, был успешно разрешен в действующей редакции ГК РФ. Рассуждая о правовой природе договора факторинга, полагаем возможным остановиться на тезисе о том, что договор факторинга носит отдельный, специальный характер. Однако это не мешает ему иметь общую первооснову с цессией. В своей эволюции

такая договорная конструкция стала нести в себе большее количество правовых связей, чем просто перемена лица в обязательстве. Тем не менее договор факторинга нельзя назвать полностью самостоятельным по причине того, что он все так же призван обеспечить исполнение иных обязательств и не может возникнуть вне их или быть самоцелью.

Новая редакция договора факторинга подразумевает возможность переуступки денежного требования, если иное не предусмотрено договором, либо если это касается положений, зафиксированных в ч. 2 ст. 829 ГК РФ. Данная новелла упрощает оборот требований и, как итог, может привести к снижению рисков оспаривания соглашений об уступке. Более подробно раскрыты положения возврата должнику сумм, полученных финансовым агентом. Так, если предыдущая редакция предполагала наличие альтернатив о возможности такого требования, то редакция данной статьи, вступившая в действие с 01.06.2018, подобную альтернативу упразднила. Новая редакция устанавливает права финансового агента на суммы, полученные от должника [9].

Подводя промежуточный итог рассмотрению новелл правового регулирования договора факторинга, можно прийти к выводу, что действующая редакция гл. 43 ГК РФ действительно развивается в рамках обозначенной выше Концепции, а также международных правовых актов. Так, например, частично повторяются морфологические конструкции из Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям (Оттава, 28 мая 1988 г.) в разделе, касающемся определения понятия факторинга.

Положение о переуступке требования, имеющееся в данной конвенции, нашло свое отражение в ст. 829 ГК РФ. Отдельно бы хотелось сказать, что в целом развитие конструкции договора факторинга в данном ключе должно сказаться позитивно на правоприменительной практике, по применению соответствующих норм ГК РФ. Другим же положительным явлением необходимо считать, что в существующем виде договор факторинга как институт, зародившийся в европейских странах и получивший там свое развитие, в российском праве должен быть унифицирован до международных стандартов. Введение дополнительных условий, которые должен выполнить финансовый агент, должно по-

способствовать появлению большего числа факторинговых фирм как узкоспециализированных компаний и не позволить банкам полностью монополизировать данный вид деятельности.

Банковские операции. В анализируемых новеллах правового регулирования финансовых сделок немалое внимание уделено и изменению в правовом регулировании банковских операций. Специфика банковских операций в целом заключается в том, что финансовые отношения во многом имеют дуалистическую природу, и их нельзя отнести к частным правоотношениям с присущей им диспозитивностью. Напротив, законодатель при регулировании банковской деятельности вынужден применять во многом императивные методы регулирования. Другим важным явлением, которое достаточно остро проявляется именно в данном секторе, можно назвать высокую оперативность банковских организаций по введению либо изменению договорных отношений. По этой причине государственный аппарат с его огромной бюрократической машиной выступает в роли догоняющей стороны. Как видно из анализа проведенных изменений, основная роль догоняющей стороны состоит либо в закреплении уже фактически существующих отношений, либо в устранении злоупотреблений со стороны сильной стороны договора.

Так, например, внесенные изменения касаются появления металлического вклада и металлического счета. Никаких существенных изменений данный вид договоров в сравнении с практикой до нормативного закрепления не претерпел.

Договор банковского счета. Большой объем изменений существующего законодательного регулирования коснулся договора банковского счета. Введены новые императивные меры, связанные с ответственностью банка за несвоевременное зачисление денежных средств, поступивших клиенту, или необоснованное их списание. Императивной стала норма, касающаяся расторжения договора банковского счета при отсутствии денежных средств в течение двух лет, действующая ранее редакция не предусматривала каких-либо альтернативных положений. Отдельно необходимо отметить и большой упор на конкретизацию всех существующих видов счетов и нововведенных. Новеллой стало и то, что расторжение договора банковского счета

не является основанием для снятия ареста, наложенного на денежные средства, либо отмены приостановления операций по счету. В данном случае указанные меры по ограничению распоряжения счетом распространяются на остаток денежных средств.

При этом отдельно бы хотелось остановиться на нововведении – совместном счете. Данный договор имеет полностью европейскую историю функционирования и российскому законодательству был не знаком. По договору совместного счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие двум или нескольким клиентам денежные средства, но не конкретизируется, какие именно лица могут выступать владельцами счета. Отсюда возникает закономерный вопрос, а не послужит ли подобная конструкция для будущих злоупотреблений, таких как уклонение от уплаты налогов, легализация средств, добытых преступным путем, а также коррупционные платежи, возникают вопросы и при отделении долей между владельцами счета [10].

Однако необходимо отметить, что подобные пробелы в регулировании связаны в большей степени с новизной таковой договорной конструкции для нашего права. Если определять общее направление реформирования банковских операций, то продолжает просматриваться существующая тенденция к управлению «поведением бизнеса» [11]. Государство вводит императивные запреты, возводит дополнительные рамки для субъектов гражданских правоотношений, внедряет новые институты. Конечно, таковые меры применяются исключительно с целью реализации основных функций государства, но подобный подход не в полной мере удовлетворяет тем целям, которые ставились в самом начале реализации реформ гражданского законодательства.

Подводя итог, хотелось бы вернуться к ранее обозначенным положениям, касающимся развития гражданского законодательства, и с учетом современной правовой действительности сделать ряд выводов.

Во-первых, основной целью общей задумки по модернизации гражданско-правовых отношений было развитие сектора частной собственности и предоставление возможности вести свободную экономическую деятельность. Развитие этих элементов в нужном русле должно было привести к развитию ос-

нов гражданского общества и, как следствие, правового государства.

Во-вторых, в результате анализа принятых изменений гражданского законодательства, и в части касающейся правового регулирования финансовых сделок, можно заметить, что наблюдается четкая тенденция к отходу от положений, задекларированных в Концепции развития гражданского законодательства. Концепция, разработанная учеными-правоведами в течение одного года, долгие годы находится на реализации в Государственной Думе РФ. За этот период многие положения Концепции, перешедшие в проекты Федеральных законов, претерпели ряд значительных изменений, которые ни с кем из разработчиков не обсуждались [12, с. 14].

В-третьих, по мнению исследователей, одна из проблем, связанная с реализацией Концепции – модель принятия поправок в Гражданский кодекс РФ отдельными законопроектами. Таковое положение дел приводит к нарушению общей логики преобразований и в итоге вызывает коллизии [13, с. 587].

В заключение необходимо отметить, что на основе проведенного анализа представленных в работе институтов можно увидеть, что при малейших пробелах в регулировании гражданских правоотношений государство активизирует нормотворческую деятельность, прибегая к императивным методам регулирования. При введении каких-либо новых институтов, наоборот, используется полностью европейская модель с ее привычным рамочным регулированием гражданских правоотношений, которая не всегда получает должного механизма апробации. Закономерным итогом таких новелл в гражданском праве является появление спорных институтов, одним из которых до внесения изменений был договора факторинга. Особенно в период проводимых реформ гражданского законодательства появление новых противоречивых правовых конструкций оказывает негативное влияние на дальнейшее правовое развитие.

Исходя из этого, можно говорить о существующей проблеме придания теоретическим положениям юридического воплощения в нормах права, существующих проблемах юридической техники и несоответствующих требованиям современности к методам осуществления законотворческой деятельности.

Литература

1. Макеев В.В., Шепелев В.И., Воронова И.В. Общественный и правовой порядок в условиях становления гражданского общества и правовой государственности // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4.
2. Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // СПС «Гарант».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2017 № Ф05-19375/16 по делу № А40-49359/2016 // СПС «Гарант».
6. Ефимова Л.Г. Совершенствование законодательства о факторинге // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 6.
7. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2004.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.03.2017 № Ф07-892/2017 по делу № А56-21138/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
9. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/47538-6>.
10. Сыропятова Н.В. Перспективы правового регулирования совместных счетов в российской федерации // СПС «КонсультантПлюс».
11. Князева Е.Ю., Тимофеев С.В. К вопросу об изменении российского финансового законодательства на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 4 (6).
12. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2017.
13. Хужин А.М., Ершов Н.Н. О коллизиях реформы гражданского законодательства // Юридическая техника. 2017. № 11.

Bibliography

1. Makeev V.V., Shepelev V.I., Voronova I.V. Public and legal order in the conditions of the formation of civil society and legal statehood // Yurist-Pravoved. 2016. № 4.
2. Tolstoy Yu.K. On the Concept for the Development of Civil Legislation // Journal of Russian Law. 2010. № 1.
3. The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009) // LRS «Garant».
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 № 1-P «In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the limited liability company» Corporate Security Agency «and citizen V.V. Makeeva» // LRS «Garant».
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of February 6, 2017 № F05-19375/16 in case № А40-49359/2016 // LRS «Garant».
6. Efimova L.G. Improving the legislation on factoring // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 6.
7. Novoselova L.A. Transactions of assignment of rights (claims) in commercial practice. Factoring. M., 2004.
8. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of March 27, 2017 № F07-892/2017 in case № А56-21138/2016 // LRS «ConsultantPlus».
9. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/47538-6>.
10. Syropyatova N.V. Prospects for the legal regulation of joint accounts in the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
11. Knyazeva E.Yu., Timofeev S.V. On the issue of changing Russian financial legislation at the present stage // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Economy. Control. Right». 2016. № 4 (6).
12. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. Moscow, 2017.
13. Khuzhin A.M., Ershov N.N. On the collisions of the reform of civil legislation // Legal technology. 2017. № 11.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.35
ББК 67.408

© 2021 г. Безручко Евгений Валерьевич,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ МЕРАМИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье исследуются актуальные вопросы противодействия должностной преступности мерами криминологического характера в условиях современной реальности. В результате исследования автор приходит к выводу, что прослеживается несогласованность уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с распространением коррупции как наиболее опасной формы должностной преступности. Автор аргументирует необходимость выработки комплекса криминологических мер, направленных на противодействие должностной преступности.

Ключевые слова: должностная преступность, должностные преступления, коррупция, коррупционные преступления, противодействие должностной и коррупционной преступности.

Bezruchko Evgeny Valerievich – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

COUNTERING OFFICIAL CRIME WITH MEASURES OF A CRIMINOLOGICAL CHARACTER IN THE CONDITIONS OF MODERN REALITY

The article examines topical issues of countering to white collar crime by measures of a criminological nature in the conditions of modern reality. As a result of the study, the author comes to the conclusion that there is an inconsistency in the criminal law and criminological measures to combat the spread of corruption as the most dangerous form of white collar crime. The author argues for the need to develop a complex of criminological measures aimed at countering to white collar crime.

Keywords: white collar crime, malfeasance, corruption, corruption crimes, counteraction to white collar crime and corruption.

В Уголовном кодексе Российской Федерации имеется достаточно большое количество преступлений, субъектами которых могут выступать должностные лица. Помещая данные деяния в разные главы УК РФ, законодатель исходил из специфики объектов уголовно-правовой охраны таких посягательств. Глава 7 УК РСФСР 1960 г. [1] именовалась «Должностные преступления». При принятии УК РФ 1996 г. законодатель с учетом меняющихся политических и экономических тенденций обозначил в качестве отдельных объектов уголовно-правовой охраны интересы службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), а также интересы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ).

Согласно официальным данным ГИАЦ МВД России, количество должностных преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в Российской Федерации в 2016 г., составило 32 924 преступления, в 2017 г. – 29 634 преступления, в 2018 г. – 30 495 преступлений, в 2019 г. – 30 991 преступление, в 2020 г. – 30 813 преступлений, за январь–июнь 2021 г. зарегистрировано 22 441 преступление [2].

Однако в статистической отчетности МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации отсутствуют сведения об общем количестве преступлений, совершенных должностными лицами. С учетом того, что к категории должностных преступлений относятся многие виды коррупционных и иных проявлений, правоохранительные

органы осуществляют учет преступлений коррупционной и иной направленности.

Согласно Указанию Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», в целях обеспечения единого подхода и полноты отражения в формах федерального статистического наблюдения сведений о состоянии преступности в Российской Федерации введены в действие соответствующие перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности.

Так, Перечень № 13 содержит статьи УК РФ, предусматривающие преступления, совершенные с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также преступления, которые могут способствовать их совершению, согласно диспозиции статей. Перечень № 23 содержит статьи УК РФ, предусматривающие преступления коррупционной направленности, определенные во исполнение п. 1.3 постановления Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 06.10.2009 № 1 «О состоянии работы и первоочередных мерах по усилению борьбы с коррупцией в свете реализации Национального плана противодействия коррупции, утвержденного 31.07.2008 Президентом Российской Федерации». Ранее действовавший Перечень № 16 содержал статьи УК РФ, предусматривающие преступления, совершенные должностными лицами (организованной группой) с использованием своего служебного положения. Он применялся при формировании показателей ведомственной формы статистической отчетности № 1-ОП [3].

Отдельные авторы отмечают, что как в теории, так и на практике не существует единого мнения о том, какие преступления следует относить к коррупционным [4, с. 94–99]. Если сюда отнести все должностные или служебные преступления, то это будет неправильно даже потому, что понятие коррупции, обозначенное в Федеральном законе от 25.12.2008

№ 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции», слишком сужает круг проявлений коррупционных преступлений [5]. Определенным «барометром» измерения уровня должностных преступлений в целом и коррупции в частности считается такой общепризнанный показатель, как индекс восприятия коррупции. Несмотря на заверения некоторых политиков относительно того, что указанный критерий является необъективным, и место в нем России зарубежные эксперты оценивают весьма субъективно и под давлением определенных политических сил, уровень коррупции в российском обществе остается достаточно высоким.

В международном антикоррупционном рейтинге положение России незавидное – мы почему-то занимаем не самые лучшие места (в 2020 г. – 129 место) наравне с такими государствами, о которых мы зачастую ничего не знаем. И опять Россию сопровождают такие страны, как Кения, Габон, Мали, Того [6].

Создается впечатление, что меры, осуществляемые государством и его институтами по противодействию коррупции, не достигают преследуемых целей. Более того, они нередко являются явно непропорциональными возможностям и средствам их достижения. Эффективное же противодействие коррупционным правонарушениям и особенно преступлениям достигается путем своевременного их предупреждения с использованием всего арсенала средств и методов, включая правовые инструменты.

Следует привести еще информацию, которая иллюстрирует состояние и тенденции должностных и коррупционных преступлений в России. Феномен отечественной коррупции является в значительной степени результатом восприятия материалов средств массовой информации (далее – СМИ), поскольку отражение борьбы с коррупцией в СМИ стало маркером современной реальности. В целом состояние мер борьбы с должностными преступлениями является следствием влияния четырех факторов: эффективности выявления и расследования должностных преступлений, высокого уровня латентности, степени общественной опасности и традиционности.

Анализ криминогенной обстановки на территории Российской Федерации за последние годы наглядно демонстрирует фактическое увеличение числа выявленных фактов

коррупционных преступлений, несмотря на высочайший уровень их латентности. И если на начальном этапе борьбы с должностными преступлениями (коррупцией) преобладало выявление виновных из триады врачи-учителя-сотрудники милиции (полиции), то в современной реальности высшее руководство государства требует от силовых структур фигур масштабного характера (члены правительства, губернаторы, судьи), показывая активно выявленных коррупционеров в СМИ, придавая таким уголовным делам большой общественный резонанс.

Никого почти уже не удивляет сопровождение видеоматериалами задержания лиц, совершивших должностные и коррупционные преступления. Однако задержание начальника ГИБДД Ставропольского края полковника полиции А. Сафонова с представленным Следственным комитетом России видеоматериалом с изображением золотых унитазов все же всколыхнуло общественность [7].

Не вселяет доверие граждан к государству в сфере борьбы с коррупцией сообщение в СМИ о том, что осужденный в августе 2020 г. к восьми годам лишения свободы и штрафу в размере 850 тысяч рублей экс-глава оперативно-розыскной части службы собственной безопасности ГУ МВД России по Ростовской области Николай Гермашев, известный как Коля Кувалда, провел в исправительной колонии в Нижнем Тагиле (ФКУ ИК-13 ГУФСИН России по Свердловской области) менее года (с 25 августа 2020 г. по 3 августа 2021 г.) и вышел на свободу [8].

Таким образом, население привыкает к коррупции и рассчитывает на то, что в случае привлечения самого виновного к уголовной ответственности, суд вынесет такой же лояльный приговор и мягкое наказание. В результате многократного повторения такой негативной практики, в том числе с учетом непрямого или явного одобрения представителями властных структур, общественных и политических деятелей, такие образцы и формы поведения, ранее считавшиеся ненормальными, безнравственными и противоречащими морали и даже принципам юриспруденции, становятся обыденностью.

Согласно данным экспертов, уровень латентности коррупционной преступности очень высок. Вследствие этого люди редко сообщают о коррупции. Так, очередной опрос, проведенный центром Международно-

го антикоррупционного движения Transparency International в 2020 г., показал на серьезные опасения граждан делать это – так ответили 21 % опрошенных. Еще 35 % не видят в этом смысла, 17 % не верят в возможность что-либо доказать, а 14 % боятся признаться в своей вовлеченности в коррупционные практики. И только 13 % опрошенных россиян считают социально приемлемым сообщать о коррупции (для европейцев этот показатель почти в 3 раза выше – он составляет 45 %) [6].

Несмотря на достаточно высокий уровень латентности должностных преступлений, динамика их фактического роста налицо. На наш взгляд, это является не только наглядной демонстрацией существования в обществе этого негативного явления, но и степени выхода коррупции за пределы традиционных границ восприятия.

Должностные преступления и их центральное ядро – коррупция – базируются на прочном экономическом фундаменте, затрагивают интересы общества в целом, различных социальных групп и каждой конкретной личности, оказывая негативное влияние на весь спектр общественных отношений как внутри страны, так и за ее пределами.

Противодействие должностным преступлениям и коррупции может играть успешную роль лишь при параллельном и столь же решительном устранении экономических, политических, организационных и иных причин и условий, воспроизводящих коррупцию и должностные преступления в целом. В современной реальности прослеживается несогласованность уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с распространением коррупции как наиболее опасной формы должностной преступности. В целях повышения эффективности противодействия должностным преступлениям необходимо повысить качество уголовного законодательства. Для повышения эффективности борьбы с рассматриваемыми деяниями необходим комплексный подход и надежная правовая основа. К тому же проблеме борьбы со взятками и другими должностными преступлениями должны решать не только правоохранительные органы. В очищении органов государственной власти, власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления от коррумпированных чиновников должны быть заинтересованы не в последнюю очередь руководители регионов

и муниципальных образований. А они сами в первую очередь и становятся фигурантами громких уголовных дел. На сегодняшний день реальная инициатива перечисленных должностных лиц не прослеживается.

Нормы антикоррупционного законодательства работают выборочно, не хватает системного подхода, единообразной и понятной любому гражданину практики. На поверхности лежит вопрос – почему в Правительстве РФ, среди депутатов ГД РФ, судей и других высокопоставленных чиновников с высоким уровнем зарплаты, коррупция процветает? Для таких лиц, при их назначении на соответствующие должности должен применяться целый комплекс проверочных мероприятий, которые должны ответить на главный вопрос – склонен ли принимаемый на соответствующую службу к коррупционному поведению или нет? Методики уже известны. Так, все чаще стали использовать для соответствующих кандидатов на службу в МВД России, другие правоохранительные органы и сотрудников, претендующих на вышестоящие руководящие должности, полиграфы. Но почему эти меры используются только в правоохранительных органах?

В целях усиления мер борьбы с должностными преступлениями необходимо выработать систему гарантий смягчения наказания или даже освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших изобличению взяточников, а также разработать и внедрить систему общественного контроля как за соблюдением действующего законодательства, так и деятельностью органов власти любого уровня с привлечением организаций общественного сектора. Новый импульс организации профилактической работы в сфере экономики придан в связи с началом реализации приоритетных национальных проектов, которые охватывают наиболее важные, социально значимые стороны общественной жизни и экономики страны. Здесь, безусловно, нужен не только контроль правоохранительных органов, но контроль со стороны общественности.

Однако, возглавляющий концерн «Роскосмос» Дмитрий Рогозин заявил, что в России следовало бы восстановить наказание в виде смертной казни за коррупцию в оборонно-промышленном комплексе (ОПК). Как заметил Рогозин, люди, совершающие воровство и идущие на подкуп других должностных лиц,

фактически потворствуют агрессору, здесь речь идет не только о преступлениях, связанных с хищением государственных средств, они воруют у обороны, у безопасности страны [9]. Напомним, в 2019 г. было возбуждено несколько десятков уголовных дел о хищениях при строительстве космодрома Восточный, строительство которого должно закончиться в 2023 г. По 42 уголовным делам о растратах, мошенничествах и злоупотреблениях должностными полномочиями были вынесены приговоры в отношении 58 лиц, получивших до 11 с половиной лет лишения свободы.

Целесообразно также использовать для целей повышения эффективности борьбы с должностными злоупотреблениями и коррупцией передовой отечественный и зарубежный опыт. Сегодня следует говорить об отсутствии реальных механизмов сдерживания коррупции и недостатках мер по стимулированию антикоррупционного поведения. Ни один нормативный документ не предусматривает возможности поощрения гражданина и должностного лица в частности за его безупречное с точки зрения права и морали поведение и активную антикоррупционную деятельность.

Применительно к сотрудникам правоохранительных органов и ко всем другим государственным служащим следует указать, что необходимо на должный уровень поставить реализацию задач по антикоррупционному воспитанию, посредством которого у сотрудников должны формироваться навыки и умения антикоррупционного поведения, повышаться уровень законности и дисциплины в коллективах сотрудников, улучшаться морально-психологическое состояние личного состава, коллектива.

Одним из основных направлений борьбы с должностными преступлениями является формирование соответствующей антикоррупционной политики, которая, в свою очередь, должна включать в себя следующие меры:

- 1) организацию борьбы с должностными злоупотреблениями;
- 2) минимизацию факторов, детерминирующих совершение должностных преступлений;
- 3) устранение дисбаланса между запретами на должностные злоупотребления и мерами, препятствующими невыполнению госслужащими своих обязанностей;
- 4) рост выявления должностных преступлений и неотвратимость наказания за них;

5) влияние на мотивацию преступного поведения посредством установления ответственности за сокрытие коррупционных доходов, за заведомо неэффективное расходование бюджетных средств.

Переосмысление происходящих в России преобразований заставляет подходить к проблеме борьбы с должностными преступлениями и коррупцией с позиций нравственности. Необходимо создание для должностных лиц надежных социальных и правовых гарантий, стимулирование их безупречной и законной деятельности.

Ужесточение ответственности за злоупотребление властью и даже самые жесткие репрессивные меры к нерадивым служащим не смогут кардинально изменить ситуацию в сфере борьбы с должностными преступлениями. Чтобы исключить возможность различных злоупотреблений должностными лицами, необходим целый комплекс антикоррупционных мер, включающих в себя такие социальные льготы и гарантии для государственных служащих, которые могли бы реально поднять престиж государственной службы и исключить возможность потери такого статуса. Для этого потребуются дополнительные материальные ресурсы и средства.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы и предложения, которые в целом имеют дискуссионный характер.

1. Меры противодействия и профилактики зачастую не приносят нужного эффекта, поскольку существующие в нашем обществе традиции использовать должностное и служебное положение в корыстных целях стали сильнее страха быть изобличенным и наказанным. Это происходит благодаря скрытой организованности должностных лиц и представителей власти при их взаимной поддержке при совершении преступлений, с одной стороны, и боязни граждан сообщать о преступлениях – с другой.

2. Профилактику должностных преступлений нужно начинать вести в средних образовательных школах уже в начальных классах, где ученикам необходимо не только преподавать право, но и воспитывать в них уважительное отношение к закону.

3. В российском обществе считается зазорным сообщить о готовящемся или совершенном преступлении, в том числе должностном. Это происходит по разным причинам: во-первых, из-за боязни мести преступников, т. к.

некоторые коррумпированные сотрудники правоохранительных органов за деньги выдают свидетелей и данные о них; во-вторых, из-за высокого уровня безработицы и низкой заработной платы работники не сообщают о правонарушениях или преступлениях работодателя, боясь быть уволенными; в-третьих, учащиеся в учебных заведениях за сообщение полиции о поборах преподавателей боятся быть отчисленными по надуманным причинам, т. к. преподаватели часто проявляют солидарность в отмщении. В подобной ситуации часто попадают врачи и их пациенты, которым не оказывается медицинская помощь, пока больной не заплатит. Разорвать этот порочный круг не просто, но необходимо. И начинать следует уже сегодня, в том числе с себя.

4. В действующее законодательство, связанное с противодействием коррупции, необходимо внести соответствующие изменения, касающиеся определения круга лиц, входящих в понятие «близкие лица», «близкие родственники», «семейные отношения», используемые при определении форм контроля за соответствием доходов и расходов лиц, чьи должности являются потенциально коррупционно опасными.

5. Давно на поверхности лежит вопрос о возвращении конфискации имущества в действующее уголовное законодательство не в виде иной меры уголовно-правового характера, а в качестве наказания за должностные преступления и преступления коррупционной направленности. При этом должна быть обеспечена неотвратимость наказания в виде конфискации имущества, обеспечена процедура и техническая возможность изъятия не только коррупционно полученных средств, но и средств, преобразованных из имущества, добытого преступным путем.

6. Предлагается внести в действующее законодательство положения, касающиеся государственной защиты лиц, способствующих и разоблачающих преступления коррупционной направленности, путем определения критериев правовой оценки и использования такой информации.

7. Предлагается внести в действующее законодательство положение, согласно которому следует увеличить количественный показатель, используемый при исчислении сроков давности, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за совершение должностных преступлений и преступлений коррупционной направленности.

8. Предлагается внести в действующее законодательство положение, согласно которому наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение должностных преступлений и преступлений коррупционной направленности, должно назначаться бессрочно.

9. Предлагается внести в действующее законодательство положение, согласно которо-

му следует минимизировать общение граждан с лицами, занимающими потенциально коррупционные должности, путем использования возможностей цифровизации и электронных платформ, исключив физический контакт возможного взяткодателя и взяткополучателя.

10. Предлагается внести в действующее законодательство положение о совершенствовании механизмов проведения криминологической антикоррупционной экспертизы.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/8f75811a396fb70c6bcc70c5ae0122fc829a2d5a.
2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25094008>.
3. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Андреева Л.А. Коррупционное преступление: понятие и сущность // Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVI международной заочной научно-практической конференции (03 июля 2013 г.). Новосибирск, 2013.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
6. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl#>.
7. URL: https://rostov.tsargrad.tv/investigations/do-zolotyh-unitazov-byli-ubijstva-o-chjom-uznal-putin-eshhjo-do-arestov-v-stavropolskom-gib-dd_386522.
8. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/incident/06-08-2021/derzhavshiy-v-strahе-rostovskiy-biznes-politseyskiy-po-klichke-kolya-kuvalda-vyshel-po-udo>.
9. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202188921-LeMDW.html>.

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/8f75811a396fb70c6bcc70c5ae0122fc829a2d5a.
2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25094008>.
3. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia № 738/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 3 dated 25.12.2020 «On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting» // LRS «ConsultantPlus».
4. Andreeva L.A. Corruption crime: concept and essence // Questions of modern jurisprudence: materials of the XXVI international correspondence scientific and practical conference (03 July 2013). Novosibirsk, 2013.
5. Federal Law of December 25, 2008 № 273-FL (as amended on May 26, 2021) «On Combating Corruption» // LRS «ConsultantPlus».
6. Russia in the Corruption Perceptions Index – 2020 [Electronic resource] // URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl#>.
7. URL: https://rostov.tsargrad.tv/investigations/do-zolotyh-unitazov-byli-ubijstva-o-chjom-uznal-putin-eshhjo-do-arestov-v-stavropolskom-gib-dd_386522.
8. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/incident/06-08-2021/derzhavshiy-v-strahе-rostovskiy-biznes-politseyskiy-po-klichke-kolya-kuvalda-vyshel-po-udo>.
9. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202188921-LeMDW.html>.

© 2021 г. Теохаров Александр Константинович,

доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: teo_oma@mail.ru

Резвых Роман Сергеевич,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России.
E-mail: roma83.30@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОСУЖДЕННОГО И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

В данной статье авторы анализируют личностные особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, что является необходимым для составления и реализации программ их ресоциализации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, осужденный, воспитательная колония, личность преступника, ресоциализация, исправление осужденного, преступность несовершеннолетних.

Teokharov Alexander Konstantinovich – Associate Professor, the Department of Criminology and Crime Prevention, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Rezvykh Roman Sergeevich – Lecturer, Department of Operational Search Activities and Special Equipment, the Department of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FEATURES OF THE PERSONALITY OF A MINOR CONVICTED PERSON AND THEIR IMPACT ON THE PROCESS OF RE-SOCIALIZATION

In this article, the authors analyze the personal characteristics of juvenile convicts serving a sentence of imprisonment, which is necessary for the preparation and implementation of programs for their re-socialization.

Keywords: minor, convicted person, educational colony, criminal identity, re-socialization, correction of the convicted person, juvenile delinquency.

Уголовно-исполнительное законодательство, объявляя своей целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, устанавливает персонализированный характер отбывания наказания, закрепляя его в одном из своих принципов – индивидуализации исполнения наказаний. Индивидуализация наказания и его исполнение напрямую связаны с личностью преступника (осужденного), которая является одним из главных объектов пенитенциарной науки, требует всестороннего криминологического, социально-демографического, психологического, педагогического изучения.

Наибольший интерес с точки зрения индивидуализации наказания и его исполнения представляет изучение личности несовершеннолетних осужденных. Это связано с тем, что несовершеннолетние относятся в обществе к особой социальной группе, имеют специальный правовой статус, определяемый их будущим положением в обществе. К тому же

преступность несовершеннолетних обусловлена взаимным влиянием отрицательных факторов внешней среды (семья, школа, группа сверстников) и индивидуально-личностными, психологическими особенностями самого несовершеннолетнего. Это связано с неудовлетворением потребностей в общении и самоутверждении в благоприятных условиях на основе социально-значимой полезной деятельности. Также это обусловлено отклонением в интеллектуальном развитии, неадекватной самооценкой, ведомостью, иллюзорным представлением ненаказуемости, конформностью, деформацией нравственных и правовых ценностных ориентаций, антисоциальными установками [3, с. 14].

А.И. Савельев и А.А. Урусов считают, что если в воспитательных колониях не достигнуты (слабо достигнуты) положительные результаты в изменении отрицательных качеств и поведении личности подростков, то вероятность совершения ими повторного

преступления увеличивается. При этом эффективность исправления несовершеннолетних в воспитательных колониях во многом определяется результатами работы по формированию у них основ мировоззрения, нравственности, нравственных качеств [6, с. 55].

Изучение личностных особенностей несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, необходимо для составления и реализации программы его ресоциализации. При составлении характеристики воспитанника выделяются сильные и проблемные стороны его личности и индивидуальности, его способности и интересы, «сохраненные механизмы» (потенциальные возможности воспитанника) и «зоны особого внимания» (опасения, с которыми приходится сталкиваться, работая с подростком). На основании данных выводов составляется план работы с воспитанником, который в ходе реализации программы может корректироваться.

Следует отметить, что исследование по изучению характеристик несовершеннолетних осужденных не является новым по своей сути. Такие исследования многократно проводились на различных уровнях, объектах, регионах и т. п., в науке и практике. Однако нельзя сказать, что это вопрос всесторонне изучен и проведены все необходимые всеобъемлющие исследования. Любое общество не стоит на месте, в нем происходят как масштабные изменения, так и менее заметные, протекающие не столь открыто в различных социальных группах. Все это ведет к изменению характеристики общества в целом и несовершеннолетних осужденных в частности, и, следовательно, выявление этих изменений не теряет своей актуальности для каждого отрезка развития социума. Следует отметить, что воплощение принципа индивидуализации наказания в конкретной практике исправления человека невозможно без всестороннего изучения конкретной личности и ее характеристик.

Изучение личности несовершеннолетних осужденных проводилось по материалам Тюменской воспитательной колонии, в которой отбывают наказание несовершеннолетние лица мужского пола, по следующим критериям: 1) социально-демографическая характеристика; 2) уголовно-правовая характеристика; 3) психологическая характеристика.

Социально-демографическая характеристика отражает характер взаимоотношений

с семьей и ближайшим окружением, уровень правовой культуры, уровень необходимых знаний, умений, навыков, необходимых для эффективного межличностного взаимодействия, характер взаимоотношений с группой воспитанников, уровень необходимых компетенций по самостоятельной организации досуга.

Возраст осужденных имеет важное социально-демографическое и социально-психологическое значение, поскольку позволяет судить о приобретенном социальном опыте личности, ее зрелости, интересах, поведении, физическом развитии. Возраст следует учитывать при индивидуализации исполнения наказания, организации воспитательной работы и досуга. По возрасту на момент исследования осужденные в Тюменской воспитательной колонии распределялись следующим образом: 14–15 лет – 0 %, 16 лет – 1,3 %, 17 лет – 10,3 %, 18 лет – 52,8, 19 лет – 35,6 %.

Полученное процентное соотношение выделенных возрастных групп несколько отличается от аналогичных показателей, приведенных в разделе «Статистические данные» официального сайта ФСИН России за 2020 г. В соответствии со статистикой ФСИН России, наиболее многочисленной возрастной группой лиц, содержащихся в воспитательных колониях, являются несовершеннолетние в возрасте 16–17 лет [8]. Они составляют около 77,1 %. На долю 18–19-летних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, в целом по стране приходится около 22,2 %, в то время как в Тюменской воспитательной колонии эта возрастная группа является самой многочисленной и составляет 88,4 %.

Столь значительное расхождение анализируемых статистических показателей можно объяснить различными причинами. Одной из них является изменение возраста осужденных в процессе их взросления за период нахождения в исправительном учреждении при увеличении срока содержания. Вместе с тем, на момент осуждения возраст лиц, отбывающих наказание в колонии, был сопоставим с общероссийскими статистическими данными: старше 15 лет – 2,3 %, старше 16 лет – 26,7 %, старше 17 лет – 71 %.

Следует отметить, что увеличение доли осужденных старших возрастных групп нельзя объяснить только увеличением срока их содержания. Анализ статистических данных позволил выявить тенденцию осуждения все большего количества лиц, чей возраст

на момент вынесения приговора суда приближался в 18 лет (около 22,2 %). Можно предположить, что на современном этапе развития уголовного и уголовно-исполнительного права гуманизация наказания применительно к несовершеннолетним приведет к дальнейшему вымыванию из числа осужденных лиц младших возрастных групп и увеличению доли несовершеннолетних старшего возраста.

Не менее важное место в характеристике личности занимает образование. Оно выступает фундаментом формирования мировоззрения, жизненных перспектив, интеллекта и является одним из условий успешности исправления. Учитывая, что средний возраст воспитанников колонии составляет более 18 лет, можно предположить, что все осужденные должны иметь как минимум основное общее образование. Однако анализ материалов личных дел осужденных показывает низкий образовательный уровень воспитанников колонии. Так, 3 класса образования имели 2,3 %, 5 классов – 2,3 %, 6 классов – 7,1 %, 7 классов – 11,9 %, 9 классов – 22,9 %, и лишь 29,6 % имели неполное среднее образование. При этом большинство респондентов негативно отзывались о школе и об учителях, а 41 % воспитанников был оставлен на второй год или отказывался от посещения школы.

Следует отметить, что никто из воспитанников, отбывающих наказание в воспитательной колонии, не имел специальности. Все это еще раз показывает важность и необходимость обучения по программам ликвидации безграмотности, программам основного общего образования, среднего полного образования, внедрения дополнительных программ обучения [5, с. 19].

Исследование А.А. Кириенко подтверждает, что внешнее неблагополучие (семья и школа – внешние факторы) отражается в искажении содержания и строения личности. Нарушения сказываются на системе убеждений и приобретаемых нравственных нормах; на системе отношений к разным сторонам жизни, другим людям и самому себе; в ценностно-мотивационной сфере, поведении (внутренние факторы), которые, в свою очередь, определяют индивидуальные особенности формирующейся личности [1, с. 68].

Становление личности в подростковом возрасте сопряжено с возрастными кризисами и зависит от успешного прохождения

каждой ступени, формирования адекватной самооценки и личной ответственности. Практические психологи, наблюдая процесс адаптации несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии, отмечают, что большой процент правонарушителей воспитывался в условиях эмоционального неблагополучия, в семьях, где нарушены взаимопонимание и эмоциональный контакт с родителями. Например, в Тюменской воспитательной колонии, по данным на май 2021 г., находились подростки в возрасте от 16 до 19 лет, из них 19 % до осуждения воспитывались в детских домах и интернатах, около 90 % – одним родителем, многие испытывали негативные чувства к отчиму. Часто осужденные признают факт злоупотребления родителями алкоголем, материального неблагополучия.

Такая ценность, как семейное благополучие, у несовершеннолетних осужденных является одной из важных. В исправительных учреждениях ничто не может заменить подростку семью, и отрыв от нее переживается наиболее остро. При этом необходимо учитывать, что осужденные понимают и оценивают семейное благополучие по-разному. Часть из них, только попав в места лишения свободы, начинают понимать, сколь много значит для них семья, родители, остро переживают отрыв от семьи.

Следует отметить, что осужденные из неблагополучных семей ценят семейное благополучие как идеал и тоскуют по нормальным семейным отношениям. В таких случаях воспитатель вряд ли может рассчитывать на положительное влияние семьи, т. к. именно ненормальная обстановка в ней способствовала совершению подростком правонарушений.

Уголовно-правовая характеристика

Количество судимостей является многозначным социально-правовым явлением, имеющим криминологические, психологические, социальные, пенитенциарные и другие аспекты. С одной стороны, повторная судимость – это показатель качества ранее проведенной работы с осужденным по его воспитанию, исправлению, ресоциализации, с другой – показатель социального, психологического, педагогического, криминального неблагополучия личности, с третьей – программная установка для учреждения по организации адекватной работы по преодолению деформации личности.

В обследуемой выборке количество лиц, осужденных впервые, составило 75,7 %.

До направления в исправительное учреждение состояли на учете в уголовно-исполнительной инспекции и имели судимости 24,3 % несовершеннолетних, в том числе две судимости – 13,9 %, три и более судимости – 9,8 % воспитанников. Таким образом, почти четверть осужденных совершили рецидив, что говорит об их нравственно-правовой запущенности и необходимости приложения больших усилий по организации превентивной работы с ними по недопущению негативного влияния на других осужденных и их исправления.

Категории совершенных преступлений лиц, содержащихся в воспитательной колонии, достаточно разнообразны. Вместе с тем сфера преступных посягательств остается неизменной и сопоставимой с общероссийскими статистическими данными. Следует отметить, что 94,4 % осужденных совершили несколько преступлений и в силу ст. ст. 60 и 70 УК РФ имели назначение наказания по совокупности преступлений или назначение наказаний по совокупности приговора.

По видам совершаемых преступлений осужденные распределились следующим образом: грабеж (ст. 161) – 22,9 %, кража (ст. 158) – 21 %, насильственные действия сексуального характера, изнасилование (ст. ст. 131, 132) – 14,6 %, неправомерное завладение транспортным средством (ст. 166) – 12,8 %, разбой (ст. 162) – 6,4 %, убийство (ст. 105) – 6,4 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111) – 6,4 %, незаконное хранение, сбыт наркотиков (ст. 228) – 3,6 %, другие преступления – 5,9 %.

Срок наказания является достаточно важной характеристикой личности, поскольку учитывает степень и характер общественной опасности совершенного преступления, личность осужденного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [7, с. 89]. К тому же, с учетом увеличения срока содержания несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях до отбытия наказания получается спрогнозировать возможную возрастную динамику воспитанников колонии и работу по их исправлению в ближайшей и дальней перспективе. С учетом того, что средний срок наказания составляет 3,8 лет, осужденные по данному показателю распределились в колонии следующим образом: до 1 года – 3,4 %, до 2 лет – 25,2 %, до 3 лет – 22,9 %, до 4 лет – 13,7 %, до 5 лет – 12,6 %, до 6 лет – 12,6 %, до 7 лет – 4,5 %, свыше 7 лет – 5,1 %.

Приведенные значения показывают, что почти половина осужденных имеют сроки наказания до 3 лет, что сопоставимо с общероссийской статистикой.

Можно заключить, что большинство подростков совершили преступление не в силу случайного стечения обстоятельств, а фактически были готовы к нему из-за искаженности, как самих потребностей, так и средств их удовлетворения. Поэтому одной из основных задач сотрудников воспитательной колонии является формирование интереса и потребности в социально полезной деятельности как фундамента для нравственного перевоспитания личности несовершеннолетнего осужденного.

В этой связи важное значение приобретает проблема изучения ценностных ориентаций осужденных. В структуре личности ценностные ориентации как система устойчивых предпочтений, выражают активное избирательное отношение человека к миру, показывают направленность личности. Знание доминирующих ценностей будет способствовать выявлению положительных начал в осужденном, опираясь на которые, воспитатель сможет выработать программу ресоциализации.

Психологическая характеристика

Актуальность изучения психологической характеристики обусловлена необходимостью «возвращения в общество» социально адаптированных личностей. В связи с этим важна роль своевременной организации социальной и психологической подготовки к освобождению осужденных с целью выявления и коррекции дефектов развития личности, которые мешают успешной ресоциализации осужденных и приводят к рецидивоопасному поведению. Особое значение приобретает изучение вопросов социально-психологической подготовки несовершеннолетних осужденных, поскольку возраст, в котором они попадают в пенитенциарное учреждение, приходится на период социализации и созревания личности. Именно в этом возрасте закладываются основы для вступления подростка в самостоятельную трудовую жизнь [2, с. 123].

В последние годы наблюдается рост количества социально-психологически и социально-педагогически запущенных несовершеннолетних осужденных, качественные изменения структуры личности малолетнего преступника. Также изменяется степень проявления девиантных форм поведения: агрессивность,

наркозависимость и алкогольная зависимость, склонность к суицидальному поведению и др. Возрастает количество осужденных подростков, состоящих на учете у психолога, несмотря на уменьшение количества спецконтингента воспитательных колоний за последние годы. Низкий уровень психологической культуры, недостаточное развитие коммуникативных способностей, навыков саморегуляции приводит к тому, что осужденные начинают проявлять признаки болезней стресса – соматических и нервно-психических нарушений («прогрессирующая невротизация»).

Анализ цифровых показателей психодиагностических обследований позволяет утверждать, что все воспитанники регулярно проходят обследование – ежеквартально, как минимум, а большая часть – ежемесячно. За год проводится более 8 000 психодиагностических обследований. При условии качественной обработки полученных данных обследований, их интерпретации, выработки рекомендаций каждый воспитанник может получать квалифицированную психологическую помощь. Следует отметить, что наряду с углубленной психодиагностикой проводится экспресс-диагностика – более 12 000 мероприятий за год.

Исследование показало, что социально благоприятный круг общения имели 32 % подростков. Референтное окружение большинства несовершеннолетних (68 % подростков) представлено сверстниками и лицами, старшими по возрасту с асоциальной направленностью интересов. В таких компаниях приветствовалось совместное употребление алкогольных напитков, часто наркотических и токсических веществ, поощрялись акты вандализма, антиобщественные, криминальные поступки, коллективная деятельность была направлена преимущественно на удовлетворение гедонистических потребностей, чему способствовало зачастую бесцельное времяпрепровождение. Внутригрупповые взаимоотношения строились преимущественно по принципу авторитарности, основанной на подчиняемости младших по возрасту или физически слабых. Достаточно часто в социальном окружении несовершеннолетних встречались лица с криминальным прошлым, в том числе привлекавшиеся к уголовной ответственности, отбывшие наказание (23 %), что в той или иной степени содействовало формированию у подростков искаженных («романтических») представлений о криминальном мире. Стоит отметить, что идеализированные представления о крими-

нальной субкультуре отмечались практически у всех исследуемых, причем складывались они, по словам самих подростков, скорее под влиянием средств массовой информации, кинопродукции, «авторитетных» знакомых, чем на основе личного опыта.

Уменьшение численности несовершеннолетних осужденных и последовавшее сокращение количества воспитательных колоний вызывают дополнительные проблемы, в частности, вынужденное направление многих подростков в исправительные учреждения не по месту жительства, а в более отдаленные субъекты Российской Федерации, что отрицательно сказывается на частоте их встреч с родными, близкими и ресоциализации в целом. В первую очередь это касается несовершеннолетних девушек, т. к. для них имеются всего две воспитательные колонии – в Сибири (г. Томск) и в центральной части России (Новый Оскол Белгородской области).

Следует согласиться с А.В. Ревягиным и Н.А. Тюфяковым, что условия изоляции, соблюдение режима отбывания наказания зачастую приводят к нивелированию личностных интересов, желаний, влечений, значимых целей [4, с. 56]. Недостаточно развитый «локус контроля-Я» не позволяет им верить в себя, проявлять волевые качества, что оказывает отрицательное влияние на процесс ресоциализации. Особое внимание необходимо обратить на низкие показатели по ценностям: развитие себя, социальные контакты и креативность. Можно предположить, что полученные экспериментальные данные являются отражением отрицательного воздействия среды пенитенциарного учреждения на личность осужденного.

Изучение личных дел осужденных Тюменской воспитательной колонии показало, что доминирующую позицию в иерархии их ценностей занимает ценность «сохранение собственной индивидуальности». Данный факт свидетельствует о стремлении осужденного к независимости от других людей, что также является проявлением возрастных особенностей данной группы испытуемых. Кроме того, можно предположить, что ориентация осужденных на сохранение собственной индивидуальности является неосознаваемым защитным механизмом данных лиц, позволяющим снизить влияние уголовного наказания на личность осужденного.

Таким образом, анализ личных дел несовершеннолетних осужденных показал, что это, как правило, лица в возрасте 18–19 лет,

из неполных семей, имеющие неполное среднее образование. 98 % осужденных отбывают наказание впервые, средний срок наказания составляет 2–3 года, для них характерно совершение таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой, кража. Деформация в ценностно-мотивационной сфере несовершеннолетних осужденных отражает, с одной стороны, отсутствие интереса к обучению и/или производительному труду, с другой – демонстрацию гипервлечения к отдыху, проведению досуга и т. д.

Проведенный анализ выборочных характеристик осужденных показывает, что каждая из них может быть избирательно использована в организации целостного процесса ис-

правления личности. Изменение состава воспитанников колонии требует всестороннего изучения таких характеристик, выявления и анализа появляющихся тенденций, требующих принятия адекватных решений исходя из меняющейся ситуации.

Воспитательная работа с несовершеннолетним осужденным должна осуществляться с помощью индивидуального подхода, определяться целью развития его личности и индивидуальности, сам осужденный должен быть активным организатором и участником воспитательной работы. Важную роль в реализации индивидуального подхода играет личность воспитателя, его ответственное отношение к собственной социально значимой деятельности.

Литература

1. Кириенко А.А. Индивидуально-личностные особенности агрессивности подростков различных типов направленности личности: автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 2015.

2. Мануйлова Л.М., Максимов А.С. Социально-педагогическое проектирование в профилактике подростковой преступности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 4 (38).

3. Радченко О.В., Бархатова Е.Н. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника (по материалам Иркутской области) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3 (74).

4. Ревягин А.В., Тюфяков Н.А. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4 (63).

5. Савельев А.И. Трудоустройство как фактор декриминализации несовершеннолетних // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1 (40).

6. Савельев А.И., Урусов А.А. Психологические особенности личности несовершеннолетних с противоправным поведением // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33).

7. Тимко С.А., Жайворонок А.В., Тимко В.П. Несовершеннолетний: современная практика уголовного наказания // Черные дыры в Российском законодательстве. 2016. № 3.

8. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/>.

Bibliography

1. Kiriyenko A.A. Individual and personal features of aggressiveness of adolescents of various types of personality orientation. Moscow, 2015.

2. Manuylova L.M., Maksimov A.S. Socio-pedagogical design in the prevention of juvenile delinquency // Science of man: humanitarian studies. 2019. № 4 (38).

3. Radchenko O.V., Barkhatova E.N. Criminological characteristics of the personality of a minor criminal (based on the materials of the Irkutsk region) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (74).

4. Revyagin A.V., Tyufyakov N.A. Criminological and psychological characteristics of recidivism in places of deprivation of liberty // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. № 4 (63).

5. Savelyev A.I. Employment as a factor of decriminalization of minors // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1 (40).

6. Savelyev A.I., Urusov A.A. Psychological features of the personality of minors with illegal behavior // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2008. № 2 (33).

7. Timko S.A., Zhavoronok A.V., Timko V.P. Minor: modern practice of criminal punishment // Black holes in Russian legislation. 2016. № 3.

8. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/>.

© 2021 г. Александров Святослав Артурович,

помощник судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.
E-mail: mko1996@mail.ru

ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО ГРАЖДАНИНА: ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье предлагаются результаты юридического анализа признаков объективной стороны состава фиктивного банкротства в разрезе его совершения физическим лицом (гражданином). Рассматриваются существующие подходы к пониманию данных признаков. Аргументирована авторская позиция относительно содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация, объективная сторона, банкротство, фиктивное банкротство.

Alexandrov Svyatoslav Arturovich – Assistant Judge of the Fourth General Jurisdiction Court of Cassation.

FICTITIOUS BANKRUPTCY OF A CITIZEN: FEATURES OF THE OBJECTIVE ASPECT OF CORPUS DELICTI

The article proposes the results of a legal analysis of the features of the objective aspect of the fictitious bankruptcy facts in the context of its commission by a natural person (citizen). The author considers the existing approaches to understanding these features. The article argues the author's position on the content of the objective aspect of the crime provided for in Art. 197 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, crime, qualification, objective aspect, bankruptcy, fictitious bankruptcy.

Ввиду значительного законодательного расширения существующих механизмов признания гражданина банкротом за счет процедуры внесудебного банкротства актуализировались вопросы уголовной ответственности за нарушения в этой сфере. Одним из инструментов уголовно-правового противодействия таким деяниям выступает предписание об ответственности за фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), которым регламентирована ответственность за фиктивное банкротство гражданина.

Вместе с тем эффективность уголовно-правовой борьбы с конкретными криминальными проявлениями во многом предопределяется, с одной стороны, четкостью и непротиворечивостью соответствующих законодательных положений, с другой – правильным пониманием и применением таких положений.

Относительно признаков объективной стороны состава фиктивного банкротства гражданина необходимо отметить следующее. В тексте уголовного закона фиктивное банкротство гражданина определяется как заведомо ложное публичное объявление гражданином о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Традиционное общеуголовное понимание публичности распространения какой-либо

информации обычно подразумевает такое заявление виновного, сделанное перед неопределенным кругом лиц. Публичное распространение информации выражается в выступлениях перед собраниями людей, в средствах массовой информации, в общедоступных источниках Интернета и т. п. Совершенно очевидно, что данная трактовка неприемлема в контексте понимания фиктивного банкротства гражданина. Выступление гражданина, например, на митинге с заявлением о своем банкротстве вряд ли будет иметь юридическое, а тем более уголовно-правовое значение.

В теории уголовного права под объявлением о несостоятельности в составе преступления, предусмотренном ст. 197 УК РФ, обычно понимается подача заявления должником в арбитражный суд для признания его банкротом [1, с. 6–9]. Данная точка зрения является преобладающей [2, с. 78].

Вместе с тем В.И. Морозов и С.Л. Цыганков обращают внимание в целом на то, что существующая редакция ст. 197 УК РФ ориентирована на ранее действующее законодательство и построена на его основе, поскольку в нем предусматривалась возможность объявления лица себя банкротом. В современных же условиях банкротом признает лицо

арбитражный суд. В этих условиях авторы приходят к выводу о том, что сама по себе подача заявления в арбитражный суд о признании банкротом общественной опасностью не обладает, поскольку не может привести к фиктивному банкротству [3]. В уголовно-правовой науке сделан вывод: «определение объективной стороны фиктивного банкротства, данное в ст. 197 УК РФ, не соответствует порядку банкротства, предусмотренному действующим законодательством Российской Федерации» [4, с. 31–33].

Однако обращение к материалам официальной статистики демонстрирует наличие фактов совершения исследуемого преступления. Так, по сведениям ГИАЦ МВД России, в 2020 г. было зафиксировано 6 подобных случаев, в 2019 г. – 2, в 2018 г. – 1 и т. д. То есть количество официально зарегистрированных случаев уголовно наказуемого фиктивного банкротства является минимальным. Но подобные факты регистрируются, что позволяет говорить о практической применимости ст. 197 УК РФ.

На основании изложенного допустима идея о том, что утверждения о несоответствии описания фиктивного банкротства, данного в рассматриваемой норме уголовного закона, положениям законодательства о банкротстве являются преувеличением.

Следует обратить внимание на то, что в диспозиции ст. 197 УК РФ указывается на объявление лица о своей несостоятельности, а не банкротстве. Можно предположить, что лицо, безусловно, по действующему нормативно-правовому регулированию не вправе объявить себя банкротом, но это не препятствует ему сделать объявление о своей несостоятельности. Однако такое предположение не основано на законе, поскольку в силу ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» понятия банкротства и несостоятельности являются равнозначными, и под ними понимается «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [5].

Определенный исследовательский интерес зачастую представляет исторический метод толкования уголовного закона, который позволяет рассматривать конкретные нормы через призму их исторического развития. Как представляется, применение указанного метода может быть познавательным при изучении состава фиктивного банкротства. Дело в том, что в изначальной редакции ст. 197 УК РФ диспозиция данной уголовно-правовой нормы была закреплена следующим образом: «Фиктивное банкротство, заведомо ложное объявление руководителем или собственником коммерческой организации (индивидуальным предпринимателем) о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов, если это деяние причинило крупный ущерб». Наличие в данной формулировке целей совершения этого преступления, связанных со стремлением получения от кредиторов рассрочек, отсрочек или скидок, свидетельствует о том, что наличие состава этого преступления никак не связывалось с действительной процедурой банкротства, предусмотренной законодательством того периода. Получившее столь широкое распространение толкование признаков этого преступления, согласно которому объявление о несостоятельности рассматривалось в рамках соответствующей процедуры закона о банкротстве, не основано на буквальном содержании анализируемой уголовно-правовой нормы.

Как пишет Б.В. Волженкин, «действующая редакция ст. 197 УК РФ никак не связывает момент окончания фиктивного банкротства и, следовательно, возможность возбуждения уголовного дела с решением арбитражного суда о фиктивном банкротстве должника» [6, с. 413].

По нашему мнению, изложенный тезис нуждается не только в поддержке и одобрении, но и определенном развитии. Имеется предположение, что законодатель не связывал и не связывает в настоящее время наличие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ, с фактом подачи заявления о признании лица банкротом в арбитражный суд.

Отметим, что распространенное в юридической литературе понимание объявления о банкротстве как подача соответствующего заявления в арбитражный суд не применимо к

ситуациям внесудебного банкротства. Заявление об этом типе процедуры банкротства подается в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. При этом для внесудебного банкротства не требуется признание лица банкротом, этот юридический факт может наступить по завершении процедуры банкротства.

Можно предположить, что почву для противоречивого толкования создают отдельные положения законодательства о банкротстве, согласно которым арбитражный управляющий в деле о банкротстве обязан проводить проверку, в том числе на предмет фиктивности банкротства. При этом Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства установлено, что, «если анализ значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника указывает на наличие у должника возможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности, то делается вывод о наличии признаков фиктивного банкротства должника» [7].

Исходя из изложенного, фиктивность банкротства связывается с фактической платежеспособностью лица. Причем данными правилами регламентировано, что проверка на предмет фиктивности банкротства проводится после возбуждения дела о банкротстве, но это совершенно не означает, что признаки фиктивного банкротства не могут наличествовать до возбуждения дела о банкротстве.

Следует отметить, что и грамматическое толкование термина «фиктивный» свидетельствует об отсутствии в исследуемом ракурсе обязательной связи с подачей лицом заявления о признании банкротом в арбитражный суд. Слово «фиктивный» является производным от термина «фикция», который означает «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности и обычно используемое с какой-нибудь определенной целью» [8, с. 597].

Как видно, обозначенные разъяснения позволяют охарактеризовать фиктивное бан-

кротство как заявление о вымышленной, выдуманной несостоятельности лица.

Таким образом, вариант толкования деяния в составе преступления, предусмотренном ст. 197 УК РФ, согласно которому оно выражается в подаче лицом заявления в арбитражный суд о признании его банкротом, не основан на положениях законодательства. В силу буквального толкования уголовного закона фиктивное банкротство выражается в публичном объявлении лица о его несостоятельности. В данном случае публичное объявление может быть выражено посредством объявления в средствах массовой информации, путем объявления на собрании неопределенного круга лиц или другим подобным способом.

Ответственность граждан по рассматриваемой норме уголовного закона не связана с установленной законодательством процедурой банкротства. Более того, ее инициация является в этом контексте юридически безразличной: уголовная ответственность по ст. 197 УК РФ наступает независимо от факта подачи лицом заявления о признании его банкротом.

Содержание заведомо ложного публичного объявления о своей несостоятельности сводится к информации о неплатежеспособности лица. Это могут быть заявления о прекращении исполнения обязательств перед кредиторами и фактической невозможности исполнения.

Составообразующим признаком преступления, установленного ст. 197 УК РФ, являются общественно опасные последствия в виде причинения крупного ущерба. Согласно примечанию к ст. 170² УК РФ, таковым признается ущерб на сумму, превышающую два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Следует заметить, что законодатель не дифференцирует признаки крупного ущерба в зависимости от характеристик субъекта фиктивного банкротства. Он является единым как для граждан (физических лиц), так и для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Конечно же, обоснованность этого законодательного уравнивания ставится под большое сомнение. Вредоносность фиктивного банкротства физического лица, допустим, гражданина, никак не участвующего в предпринимательской деятельности, совершенно несопоставима с уровнем общественной опасности подобного деяния, но совершенного от имени юридического лица.

В этих условиях, на наш взгляд, теряется целесообразность криминализации в рамках ст. 197 УК РФ фиктивного банкротства граждан, особенно с учетом объективных сложностей в установлении причинно-следственной связи между деянием и соответствующими общественно опасными последствиями.

Имеются основания полагать, что такое положение может быть квалифицировано как

законодательная погрешность. В подтверждение этому можно привести пример с налоговыми преступлениями, где ответственность дифференцирована в зависимости от типа субъекта – физического или юридического лица, и определены соответствующие этим типам субъектов характеристики криминального порога наказуемости уклонения от уплаты налогов.

Литература

1. Абдуллаев А.А. Проблемы выявления фиктивного банкротства в России // Стратегии бизнеса. 2014. № 3 (5).
2. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М., 2005.
3. Морозов В.И., Цыганков С.Л. Генезис и особенности квалификации фиктивного банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34).
4. Лопатина Т.М. Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых начал в регулировании отношений, связанных с несостоятельностью: на примере фиктивного банкротства // Российская юстиция. 2017. № 4.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190 (ред. от 02.07.2021).
6. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.
7. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 27.12.2004. № 52 (часть 2). Ст. 5519.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2007.

Bibliography

1. Abdullaev A.A. Problems of identifying fictitious bankruptcy in Russia // Business strategies. 2014. № 3 (5).
2. Naumov A.V. Practice of application of the Criminal code of the Russian Federation: a review of the jurisprudence and doctrinal interpretation, ed. by G.M. Reznik. M., 2005.
3. Morozov V.I., Tsygankov S.L. Genesis and especially the qualification fraudulent bankruptcy // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 4 (34).
4. Lopatina T.M. Correlation of criminal and civil law principles in the regulation of relations related to insolvency: on the example of fictitious bankruptcy // Russian justice. 2017. № 4.
5. Federal Law № 127-FL of 26.10.2002 «On insolvency (bankruptcy)» // SZ RF. 28.10.2002. № 43. Art. 4190 (ed. from 02.07.2021).
6. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia. SPb., 2007.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation № 855 dated 12/27/2004 «On approval of the Provisional Rules for verification by the Arbitration Manager of the presence of signs of fictitious and intentional bankruptcy» // SZ RF. 27.12.2004. № 52 (part 2). Art. 5519.
8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 53 000 words / under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov. M., 2007.

© 2021 г. Котельникова Оксана Александровна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.
E-mail: 2672021@mail.ru

Загорьян Сергей Георгиевич,

доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

Стешич Елена Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС доктор юридических наук, доцент.
E-mail: esteshich@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ (СТ. 135 УК РФ)

В статье приводятся краткие результаты анализа действующего уголовного законодательства, которое охраняет половую неприкосновенность как объект общественных отношений. Акцентируется внимание на проблемах квалификации и отграничения развратных действий от других смежных составов.

Ключевые слова: преступление против половой неприкосновенности, развратные действия, несовершеннолетние, субъект преступления.

Kotelnikova Oksana Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law.

Zagorian Sergey Georgievich – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Steshich Elena Sergeevna – Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, the South Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Doctor of Law, Associate Professor.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFICATION OF DEPRAVED ACTS (ARTICLE 135 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article presents brief results of the analysis of the current criminal legislation that protects sexual integrity as an object of public relations. A comparative analysis of foreign legislation on the specifics of bringing to criminal responsibility for these crimes is also given. Attention is focused on the problems of qualification and delineation of depraved acts from other related compositions..

Keywords: crime against sexual integrity, depraved acts, minors, the subject of the crime.

В настоящее время для современного общества актуальной остается проблема борьбы с преступлениями, совершенными в отношении несовершеннолетних. Ежегодно в России более 100 тыс. детей и подростков выступают потерпевшими от противоправных деяний, среди которых посягательства на половую неприкосновенность. Защита детей от сексуальных посягательств является актуальной темой для большинства стран мира и первоочередной задачей цивилизованного государства.

Данные преступления обладают наибольшей общественной опасностью, а их уровень остается на достаточно высоких показателях.

Общий анализ статистически показывает, что на сегодняшний момент количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних возрастает. Как указывает уполномоченный при президенте России по правам ребенка Анна Кузнецова в официальном докладе за 2020 г., по сравнению с 2019 г., увеличилось число указанных преступлений на 8 %, а за последние десять лет – на 78 %. При этом около 47 % анализируемых преступлений совершены в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста [4]. Однако следует отметить, что данные показатели не в полной мере отражают сложившуюся

криминогенную ситуацию, и, в первую очередь, это связано с достаточно высокой степенью латентности противоправных деяний, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Так, в соответствии с криминологическими исследованиями коэффициент латентности данных посягательств является одним из самых высоких и составляет – 1:20.

Выявленные негативные тенденции вызывают значительные опасения общества и государства, что предопределяет необходимость решения ряда определенных задач по усовершенствованию системы мер предупреждения данных преступлений, в том числе и уголовно-правовыми мерами.

К одному из главных направлений реализации уголовно-правовой политики государства в указанном направлении относится повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и профилактике преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних [2].

Первостепенной задачей Уголовного закона РФ является охрана личности от преступных посягательств, защита прав и свобод человека. Половая свобода и половая неприкосновенность относятся к особой сфере общественных отношений, которая охраняется уголовно-правовыми нормами. В связи с этим гл. 18 УК РФ предполагается наступление уголовной ответственности за совершение «половых преступлений», в том числе в отношении несовершеннолетних и малолетних. Так, в ст. 135 УК РФ регламентирована ответственность за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста [1]. Общественная опасность развратных действий заключается в том, что данные преступления сексуального характера в отношении лиц, не достигших соответствующего уровня половой и психической зрелости, негативно влияют на их нормальное психическое и физиологическое развитие, искажают установленные принципы сексуальной морали и нарушают нормы гармоничного полового воспитания [6, с. 51–54; 7].

Несмотря на пристальное внимание законодателя к защите прав несовершеннолетних от сексуальных посягательств, до настоящего времени в российском законодательстве остается ряд проблем, связанных с квалификацией данных деяний.

Более глубокий юридический анализ ст. 135 УК РФ, а также исследование регламентаций развратных действия в уголовных законах ряда зарубежных стран, таких как: США,

Германия, Франция, Республика Беларусь, и других государств, а также изучение иных научных исследований зарубежного опыта привлечения к ответственности за данные деяния, показало, что возникла необходимость в пересмотре анализируемой нормы и внесении в нее ряда изменений, которые позволят, по нашему мнению, решить возникающие спорные законодательные и правоприменительные проблемы.

Непосредственным объектом ст. 135 УК РФ является половая неприкосновенность, которая заключается в полном запрете сексуальных контактов, в данном случае совершение развратных действий лицом, достигшим возраста 18-ти лет, с несовершеннолетним, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Нормальное нравственное, физическое и половое развитие потерпевшего рассматривается как дополнительный объект данного преступления.

Потерпевшим по ч. 1 ст. 135 УК РФ выступает несовершеннолетний, не достигший 16-ти лет, а в ч. 2 ст. 135 УК РФ – достигший 12-ти лет, но не достигший 14-ти летнего возраста. Таким образом, законодатель акцентирует внимание на защите наиболее уязвимой социальной группы населения.

Следует отметить, что в законодательствах некоторых зарубежных стран (Германии, Норвегии) либо в специальных нормах, регламентирующих запрет на совершение развратных действий, либо в нормах, запрещающих сексуальные контакты с детьми, возраст несовершеннолетнего, в отношении которого совершаются именно ненасильственные развратные действия, не превышает 14 лет. В ряде законов государств (Украина, Таджикистан, Кыргызстан и др.) данный возраст потерпевшего закреплён в квалифицирующих признаках состава преступления. Также встречается в нормах возраст несовершеннолетнего потерпевшего – до 15 лет (Польша, Турция) и до 13 лет (Великобритания). Такой подход к определению минимального возраста пострадавшего, по мнению исследователей, связано с наибольшей его уязвимостью [5].

Одной из уголовно-правовых проблем, которая является достаточно актуальной и не решенной до настоящего момента, а, следовательно, затрудняющей квалификацию деяния – точная регламентация объективной стороны развратных действий. Как следует из ст. 135 УК РФ, объективная сторона заключается в совершении развратных действий, которые не связаны с применением физического или психического насилия. Следует отметить, что в самой норме отсутствует определение

развратных действий. Такое понятие дается в ППВС от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Данный нормативный документ к указанным действиям относит любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям [3]. Исходя из данного определения, следует, что развратные действия включают в себя как контактные, так и бесконтактные способы удовлетворения виновным своего полового влечения, а также возбуждающие у несовершеннолетнего сексуальный интерес, совершенные без применения насилия.

Вместе с этим ППВС не дает четкого перечня действий, а, следовательно, не достаточно емко раскрывает объективную сторону преступления. Постановление Пленума ограничивается понятием – «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства...». Таким образом, из содержания данного понятия следует, что законодатель указывает на «любые действия...», однако не уточняет, какие именно, лишь исключая – половое сношение, мужеложство и лесбиянство, которые относятся к действиям в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а именно в ст. 131, 132 УК РФ. При этом также остаются за пределами закона, какие действия имеют иной насильственный сексуальный характер, как и в случае с развратными действиями. Данная регламентация создает:

- определенные затруднения у правоприменителя при квалификации деяний, закрепленных как в ст. 135 УК РФ, так в ст. 131, 132 УК РФ;

- не в полной мере позволяет решить проблему отграничения данной нормы от смежных составов, в частности от ст. 132 УК РФ, где объективная сторона характеризуется, в том числе и иными действиями сексуального характера.

Достаточно спорной, на наш взгляд, остается проблематика определения возраста субъекта преступления. В соответствии с регламентацией ст. 135 УК РФ субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Следовательно,

по российскому законодательству, уголовная ответственность по данной норме наступает с 18 лет. На практике встречаются случаи, когда совершаются данные противоправные деяния лицом, не достигшими восемнадцати лет (16-ти или 17-летними), в отношении потерпевшего, которому исполнилось 14 или 15 лет. Кроме этого, необходимо отметить, что ретроспективный анализ уголовного законодательства РСФСР 1960 г. показал, что в правовой норме, а именно в ст. 120 УК РСФСР, не был указан возраст, с которого наступает уголовная ответственность за развратные действия. Одновременно, как показывает зарубежный опыт, возраст привлечения к уголовной ответственности по аналогичным нормам составляет 16 лет. В США существует ответственность несовершеннолетних за действия, связанные с ведением переписки, передачи фото или видео интимного содержания другому несовершеннолетнему в социальных сетях. Таким образом, говоря о значимости уголовно-правовых средств противодействия половым преступлениям и об общественной опасности развратных действий, представляется, что установленный в анализируемых законах возраст субъекта преступления по данным преступлениям, а именно с 16 лет, является обоснованным и соответствует целям и задачам уголовного законодательства.

Следующим важным уголовно-правовым аспектом ст. 135 УК РФ является рассмотрение квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что одним из таких признаков является совершение развратных действий родителем, близким лицом или лицом, их заменяющих, а также лицом с использованием своего служебного положения.

Несмотря на то, что в российском законе совершение такими лицами преступлений предусматривается как обстоятельство, отягчающее наказание, на основании ст. 63 УК РФ, вместе с тем в ряде статей аналогичные квалифицирующие признаки нашли свое отражение. Так, в соответствии со ст. 150, 151 УК РФ, где объектом защиты является нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего, одним из признаков, усиливающих ответственность, являются деяния, совершенные родителями и иными лицами, на которых законом возлагается обязанность по его воспитанию. В то же время в ст. 135 УК РФ данный признак отсутствует, равно как и совершенное лицом с использованием своего служебного

положения (например, медицинским или педагогическим работниками). Указанные обстоятельства могут выступать основанием включения в ст. 135 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака.

Таким образом, учитывая проведенный анализ ст. 135 УК РФ и зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации развратных действий, считаем необходимым разрешить ряд указанных пробелов на законодательном уровне.

1. Целесообразно ППВС дать разъяснения, какие именно действия имеют развратный характер. В частности «...любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, такие как сексуальные прикосновения, поглаживания, обнажение интимных участков тела (относящиеся к контактными действиям), а также демонстрация половых органов, рисунков, фотографий и других материалов, имеющих интимный характер, либо ведение бесед на сексуальные темы (бесконтактные действия) и другие действия...». Данные законодательные уточнения будут способствовать более точной квалификации действий виновного, позволят отграничить насильственные действия сексуального характера и развратные действия.

2. Из ч. 1 ст. 135 УК РФ исключить указание на возраст субъекта преступления, а именно «...лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...», что позволит привлекать к ответственности лиц на общих основаниях – с 16 лет.

3. Включить такой квалифицирующий признак, как «...совершенные родителем либо лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, либо с использованием своего служебного положения», с применением соответствующих сроков и мер наказания.

На наш взгляд, предложенные изменения в полной мере обеспечат уголовно-правовую охрану несовершеннолетних, в том числе малолетних лиц в возрасте до 14 лет, от совершения в отношении них развратных действий. Кроме того, решат ряд некоторых спорных законодательных вопросов, связанных с квалификацией развратных действий и проблем их отграничений от смежных составов. Одновременно предложенные нормативные новеллы более точно и объективно позволят дать справедливую правовую оценку действиям виновного лица, а также привлекать к ответственности лиц вне зависимости от их положения и родственных отношений.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 № 16 г. Москва «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».
4. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11517095>.
5. Кузнецов В.А. Зарубежный опыт привлечения к ответственности за развратные действия ненасильственного характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 3 (28).
6. Мамедяров А.Ф. Развратные действия с использованием сети Интернет // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 8–9 (32).
7. Туркулец В.А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5.

Bibliography

1. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL (rev. from 05.04.2021, with amendments from 08.04.2021) // LRS «ConsultantPlus».
2. Presidential Decree of 31.12.2015 № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 № 16 Moscow «On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person» // LRS «ConsultantPlus».
4. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11517095>.
5. Kuznetsov V.A. Foreign experience of bringing to responsibility for depraved acts of non-violent nature against minors // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2015. № 3 (28).
6. Mamedyarov A.F. Corruption with the use of the Internet // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 8–9 (32).
7. Turkulets V.A. Sexting against minors: criminal-legal and victimological aspects // Legal Studies. 2020. № 5.

© 2021 г. Бондарева Елена Александровна,

аспирант кафедры административного и служебного права Южно-Российского института
управления (филиала РАНХиГС).
E-mail: elenabnd@mail.ru

СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена поиску эффективных средств противодействия коррупции при осуществлении публичных закупок в России в условиях глобализации. Автор полагает, что применяемые в праве других развитых стран институты по борьбе с коррупцией могут быть успешно использованы и в России.

Ключевые слова: публичные закупки, глобализация, транснациональное преступление, публичное должностное лицо, коррупция, конфискация имущества, полиграф.

Bondareva Elena Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of Administrative and Service Law, South Russian Institute of Management (the branch of RANEPa).

ANTI-CORRUPTION MEANS IN PUBLIC PROCUREMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article is devoted to the search for effective means of combating corruption in the implementation of public procurement in Russia in the context of globalization. The author believes that anti-corruption institutions used in the law of other developed countries can be successfully used in Russia as well.

Keywords: public procurement, globalization, transnational crime, public official, corruption, confiscation of property, polygraph.

В последние несколько лет на мировой арене наблюдается новый виток эволюционного развития международных отношений и существующих рыночных систем. Происходят упомянутые изменения вследствие мировой миграции капитала, трудовых и производственных ресурсов, экономических и технологических процессов, слияния культур разных стран, изменений политических отношений. Создаваемые из нескольких государств союзы неизбежно ведут к стиранию барьеров для движения товаров, работ, услуг к конечному потребителю. Образовываются единые банковская, налоговая, денежная системы, единое законодательство, появляются новые механизмы управления всеми экономическими процессами на уровне мирового хозяйства в целом. Все приведенные признаки характерны для глобализации, теория которой относится к середине 80-х гг. прошлого столетия. По мнению Г.В. Глебова, О.В. Милаевой, глобализация представляет собой процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации [1, с. 28]. Ряд исследователей, основываясь на показателях объемов движения товаров, инвестиций, мигрантов и др., считают, что уровень глобализации сегодня значительно ниже, чем это было, например, в XIX в., современная интеграция

представляется им регионализацией или автаркией. «Скептиками глобализации» или сторонниками «реальной регионализации» можно назвать таких известных западных ученых, как, П. Хирст, Г. Томпсон, И. Валлерстайн, Л. Вайс, Дж. Миттелман [2; 3].

Современная глобализация характеризуется состоянием, когда решающую роль начинают играть как информационные потоки и каналы обмена информацией [4, с. 50], так и наднациональное право. Реконфигурация современной экономики и социума, развитие информационно-коммуникационных технологий существенно изменили облик мира, породили трансформацию суверенитета государств и, как следствие, надстройки социума – права.

Трансформация мирохозяйственных связей, национального права союзных государств привела к появлению транснациональной организованной преступности.

С целью предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней ООН принята Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., вступившая в силу 29 сентября 2003 г., для Российской Федерации – 25 июня 2004 г. (далее – Конвенция). В Конвенции приведены признаки

транснационального преступления, основным из которых является совершение преступного деяния более чем в одном государстве, а также различные вариации, связанные с его подготовкой, планированием, руководством, местом его существенных последствий и т. д.*.

В России с целью удовлетворения потребностей государства в товарах, работах, услугах в 2005 г. была проведена реформа в области закупок, в процессе которой государственные закупки были созданы как институт. Столь радикальные меры были обусловлены тем, что государственные закупки росли быстрее, чем валовый внутренний продукт России, а существующие механизмы регулирования были неэффективными и практически не содержали санкций за несоблюдение соответствующего законодательства. Проведение реформы в области государственных закупок должно было повысить эффективность проводимых государственных закупок, создать соответствующие условия для конкуренции, сделать государственные закупки максимально прозрачными, разработать механизмы, обеспечивающие эффективную борьбу с коррупцией, которая рассматривалась в качестве основной проблемы государственных закупок.

В настоящее время одним из главных законов в Российской Федерации, регламентирующим правоотношения в области публичных закупок, является Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44-ФЗ), с принятием которого в российском законодательстве появилось понятие – контрактная система. Помимо ФЗ № 44-ФЗ к законодательству в указанной области относится Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», Федеральный закон от 18 июля 2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и др. Говоря о системе, представляется некое единство, целостность элементов, неразрывно связанных друг с другом. Несовершенство системы в разных ее аспектах становится первопричиной низкого уровня эффективности использования средств бюджетной системы всех

уровней, приводя к низким результатам функционирования в сфере государственного управления публичными закупками.

Несмотря на то, что уже несколько лет введена в действие и реализуется антикоррупционная программа, огромные средства бюджетов всех уровней, направляемых на удовлетворение публичных нужд, подвергаются хищениям, как со стороны нечестных предпринимателей, так и со стороны коррумпированных чиновников.

За нарушение законодательства в сфере публичных закупок к нарушителям, наряду с другими видами ответственности, может быть применена уголовная ответственность.

Несмотря на предусмотренные законодателем виды и меры ответственности, хищения в бюджетной сфере продолжаются, и тенденций к их уменьшению не просматривается.

По материалам проверок, проведенных Счетной палатой РФ за период 2018 г. и 2019 г., было возбуждено всего 65 уголовных дел, по 98 материалам проводятся оперативно-розыскные мероприятия и доследственные проверки. Благодаря работе Счетной палаты в бюджетную систему России и Союзного государства было возвращено в 2018 г. 7,5 млрд руб., а в 2019 г. 4,52 млрд рублей. В 2020 г. по результатам проверок Счетная палата направила в правоохранительные органы, органы государственной безопасности и Генеральную прокуратуру 52 материала. По результатам их рассмотрения были возбуждены 32 уголовных дела. Также в результате мер прокурорского реагирования государству был возмещен ущерб в размере 142 млн рублей. В бюджетную систему России и Союзного государства возвращено 16 423,3 млн рублей [5].

Представляется, что ежегодно выявляемые Счетной палатой Российской Федерации нарушения связаны с тем, что имеющиеся в арсенале российского законодательства инструменты недостаточно эффективны в борьбе с преступлениями в сфере государственных и муниципальных закупок, предусмотренные российским законодательством меры ответственности не выполняют своей превентивной функции.

Необходимо привнести в российское национальное законодательство изменения нормативно-правовой базы с учетом ратифи-

* Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

цированных Россией конвенций, заключенных международных договоров, учитывая происходящие в мире процессы глобализации и цифровизации, неизбежно приведшие к появлению транснациональной организованной преступности.

Целью Конвенции ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.), ратифицированной Российской Федерацией 8 марта 2006 № 40-ФЗ с заявлениями (далее – Конвенция против коррупции), является содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней; поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятии мер по возвращению активов; поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом. В соответствии со ст. 2 Конвенции против коррупции, публичное должностное лицо – любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника, и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника; любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу*.

В действующем российском законодательстве отсутствует термин «публичное должностное лицо». При привлечении к административной либо уголовной ответственности за различные правонарушения, за коррупцию, в том числе в сфере государственных закупок, российские правоприменители используют дефиницию должностного лица, приведен-

ную в ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, либо дефиницию представителя власти, приведенную в ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Из вышеприведенных норм следует, что дефиниция публичного должностного лица в соответствии со ст. 2 Конвенции против коррупции включает в себя гораздо больший круг субъектов.

С учетом глобализации и принятых на себя обязательств, введение дефиниции «публичное должностное лицо» в российское законодательство позволит национальному и международному праву оперировать одинаковым правовым понятийным аппаратом, России расширить круг привлекаемых к ответственности субъектов, индивидуализировать ответственность в зависимости от выполняемых должностных публичных полномочий и полномочий, выполняемых должностными лицами частных структур.

На основании вышеизложенного, предлагается в Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации» ввести термин публичного должностного лица, также привести в соответствие терминологию сопутствующего законодательства, в том числе законодательства в области государственных закупок и законодательства, предусматривающего соответствующие виды ответственности.

Как показывает практика, подтверждаемая отчетами контролирующих и надзирающих органов, действующее в России антикоррупционное законодательство и вводимые антикоррупционные новеллы в виде установления особой системы запретов и ограничений для государственных и муниципальных служащих, не являются достаточными средствами предотвращения коррупционных проявлений в области государственных и муниципальных закупок.

Опасность преступлений в сфере публичных закупок кроется в том, что посредством лиц, нанятых государством стоять на страже его интересов и интересов общества, совершаются преступления, ведущие к растратам бюджетных средств, что в свою очередь подрывает авторитет государственной власти, негативно влияет на социально-экономиче-

* Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

скую обстановку в стране и устойчивость ее финансовой системы.

Видится, что решение проблемы должно быть многоаспектным. Усиление ответственности наряду с усовершенствованием процедуры привлечения к ответственности, разработка новых механизмов и использование новых средств при борьбе с преступлениями в сфере публичных закупок, должны стать инструментами, обеспечивающими высокий коэффициент эффективности в решении задачи по искоренению преступлений. Учитывая общественную значимость публичных закупок, от качества правового регулирования зависит эффективность, т. е. соотношение цели и результата, действие механизма осуществления закупок. Вся система осуществления государственных закупок нуждается в надежной правовой защите. Правовым базисом для построения механизма защиты служат принципы гласности и прозрачности, ответственности за результативность и эффективность осуществления закупок, предотвращения коррупции.

В рамках действующего Уголовного кодекса РФ нарушения в сфере публичных закупок квалифицируются по ряду статей, распределенных в главах 22, 23, 30 и 31, где родовыми объектами перечисленных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок экономической деятельности, интересы службы в коммерческих и иных организациях, нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, правильное функционирование деятельности судов, а также органов прокуратуры, следствия и т. д. Общеизвестно, что родовой объект представляет собой совокупность однородных и взаимосвязанных правоотношений. Однако ответственность за совершенные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд предусмотрена абсолютно разными главами, имеющими разные родовые объекты. Субъектами преступлений выступают должностные лица, а также контрактные управляющие, работники контрактной службы, члены комиссий по осуществлению закупок, лица, эксперты, операторы электронных площадок [6]. Составы преступлений в сфере публичных закупок – материальные, т. е. необходимо наступление негативных последствий, оканчивающих преступление. При таких условиях для государства очень существенными обстоятельствами являются время обнаружения преступления, возможность вернуть похи-

щенные денежные средства либо возможность субъекта преступления возместить причиненный государству и обществу ущерб.

Видится, что с целью обеспечения обозримости и логической доступности нормативно-правового акта, будет правильно и более удобно выделить однородные нормы права, устанавливающие ответственность за несоблюдение законодательства о публичных закупках в отдельную главу, поименовав ее «Преступления в сфере осуществления публичных закупок» с одновременным введением дефиниции «публичное должностное лицо» в российское законодательство.

Как было приведено выше, результатами проводимых контрольно-надзорных мероприятий установлено стабильное увеличение роста правонарушений в указанной сфере, что в свою очередь свидетельствует о недостаточной эффективности используемых от коррупционных преступлений средств защиты.

Одним из средств, обеспечивающих государству возможность вернуть похищенные при осуществлении публичных закупок денежные средства, возместить причиненный государству и обществу ущерб субъектом преступления, может явиться институт конфискации.

Конфискация имущества как мера уголовного наказания отменена в России в 2003 г., но в настоящее время осталась в уголовном законодательстве как принудительная мера уголовно-правового характера, применяемая при совершении преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1. УК РФ. Среди преступлений, при совершении которых может применяться конфискация, нет составов за совершение преступлений в сфере публичных закупок, за исключением ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

Институт конфискации имущества известен не только национальному праву России, но применяется в праве и других развитых стран, таких как Великобритания, США, Канада. В настоящее время в праве других стран активно применяется институт конфискации в случае, если имущество физического лица существенно превышает сумму его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путем. В отношении имущества подозреваемого, а также в отношении имущества лиц, состоящих с ним в близком родстве или свойстве, также активно применяется обеспечительная мера – арест. Срок погашения ареста составляет пять лет при одновременном выполнении условия об отсутствии притязаний со стороны третьих лиц. Арест

может быть погашен досрочно, в случае представления подозреваемым доказательств легальности происхождения имущества. При этом за время ареста подозреваемый, а также лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, несут бремя содержания арестованного имущества, ответственность за риск его утраты или повреждения с одновременным отсутствием права по распоряжению арестованным имуществом. Отличительной особенностью применяемой в западных странах конфискации является то, что она не обременена презумпцией невиновности и применяется в суде по месту нахождения вещи, а также то, что она не прекращается со смертью или ликвидацией ответчика в силу процессуального правопреемства. Таким образом нейтрализуется эффективность оформления прав незаконно нажитого имущества на подставных лиц, для подозреваемого теряется смысл скрываться от правосудия, поскольку перед обществом и государством будут отвечать ближайшие родственники и наследники коррупционеров.

Очевидно, что конфискация является достаточно эффективным инструментом борьбы с различного рода злоупотреблениями, приносящими значительный вред, и коррупцией в различных сферах, в том числе в сфере государственных закупок.

Как отмечалось выше, Россия является государством, ратифицирующим различные международные конвенции по борьбе с коррупцией, страной-участником международной организации ГРЕКО, ориентированной на борьбу с коррупцией путем выявления недостатков национальных механизмов и мониторинга законодательства стран-участников организации на предмет соответствия антикоррупционным стандартам Совета Европы. Советом Европы принята Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 [7], следовательно, Российская Федерация обязалась адаптировать собственное национальное право в соответствии с принятыми международными обязательствами.

Учитывая принятые Российской Федерацией обязательства, представляется возможным использование международного опыта по применению института конфискации, в связи с чем предлагается ввести в Уголовный кодекс РФ институт конфискации имущества с указанием на презумпцию неправомерно-

сти происхождения вещи по преступлениям, совершенным в сфере публичных закупок.

Как свидетельствует Л. Яблонская, в 1989 г. под эгидой ООН был проведен международный семинар по проблемам коррупции в области государственного управления, материалы которого явились предпосылкой для рассмотрения этой проблемы на VIII Конгрессе ООН, где была принята Резолюция «Коррупция в сфере государственного управления». В Резолюции особенно была отмечена мировая всеобщность проблемы коррупции, государствам-членам даны рекомендации разработки «стратегий по борьбе с коррупцией как составных частей соответствующих программ» [8, с. 28].

На сегодняшний день наиболее развитым в правовом смысле международным документом, устанавливающим требования к поведению публичных должностных лиц, является Рекомендации № R (2000)10 Комитета министров Совета Европы «О кодексе поведения государственных должностных лиц» от 11 мая 2000 [9, с. 54].

Коррупция, как антисоциальное явление, подрывает основы государственного устройства, делая его малоэффективным, недопустима в демократическом социальном государстве и тем более несовместима с образом и деятельностью лиц, состоящих на государственной или муниципальной службе. Действия коррумпированных чиновников способны нивелировать эффективность любых государственных программ, что препятствует развитию и стабильности общества в целом. В 90-х гг. мировое сообщество пришло к выводу о важности усиления этико-деонтологического аспекта борьбы с коррупцией. Сам факт пребывания в должности, любая лояльность в действиях государственных и муниципальных служащих должны подразумевать служение интересам общества и государства. Государственный служащий должен осознавать степень проявленного к нему доверия со стороны государства и не подрывать веру общественности в беспристрастное выполнение им своих обязанностей*.

Учитывая изложенное, другим на наш взгляд средством противодействия коррупции, способным выполнить превентивную функцию по борьбе с преступлениями в области государственных и муниципальных закупок, может стать использование полиграфа в отношении претендента при поступле-

* Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1996.

нии на государственную службу, где полиграф одновременно выступает как инструмент, обеспечивающий этический аспект деятельности госслужащих. Применение полиграфа может быть обоснованным также при возник-

новении спорных ситуаций, возникающих в процессе реализации государственными служащими возложенных на них законодательством о публичных закупках полномочий.

Литература

1. Глебов Г.И., Милаева О. В. Современные международные отношения: учебное пособие. Пенза, 2010.
2. Гэй У. Процессы глобализации и наука глобалистика // Век глобализации. 2008. № 1.
3. Mittelman J.H. Rethinking the new regionalism // Global Governance. 1996. № 2.
4. Круглов В.В., Никифорова В.Д., Никифоров А.А. Цифровизация как инструмент планетарной глобализации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 1.
5. URL: <http://ach.gov.ru/>.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.04.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.
8. Яблонская Л.М. Этический аспект в деятельности государственных служащих: значение в преодолении коррупции // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 7. 2012. № 3 (257).
9. Шевердяев С.Н. Управление конфликтом интересов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности: конституционно-правовой анализ: монография. М., 2021.

Bibliography

1. Glebov G.I, Milaeva O.V Modern international relations. Tutorial. Penza, 2010.
2. Gay W. Processes of globalization and the science of globalization // The Age of Globalization. 2008. № 1.
3. Mittelman J.H. Rethinking the new regionalism // Global Governance. 1996. № 2.
4. Kruglov V.V., Nikiforova V.D., Nikiforov A.A. Digitalization as a tool of planetary globalization // Scientific journal NRU ITMO. Series Economics and Environmental Management. 2020. № 1.
5. URL: <http://ach.gov.ru/>.
6. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on 04.16.2021) // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.
7. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Bulletin of International Treaties. 2006. № 10.
8. Yablonskaya L.M. Ethical aspect in the activities of civil servants: significance in overcoming corruption // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Issue 7. 2012. № 3 (257).
9. Sheverdyaev S.N. Management of the conflict of interests of persons holding state and municipal positions: constitutional and legal analysis: monograph. M., 2021.

© 2021 г. Ткаченко Наталья Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: nn.tkachenko@mail.ru

Кузнецова Кристина Александровна,

преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности
органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России.
E-mail: kristina.a.kulikova@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье анализируется история становления и развития профилактики безнадзорности преступлений и правонарушений несовершеннолетних, нормативно-правовые акты, принимаемые в целях противодействия правонарушениям, преступлениям и безнадзорности.

Ключевые слова: безнадзорность несовершеннолетних, правонарушения несовершеннолетних, преступления несовершеннолетних, профилактика безнадзорности, преступлений и правонарушений несовершеннолетних.

Tkachenko Natalia Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kuznetsova Kristina Aleksandrovna – Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of Internal Affairs Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PREVENTION OF NEGLECT OF CRIMES AND DELINQUENCY OF MINORS

The article analyzes the history of formation and development of prevention of neglect of crimes and offenses of minors, normative-legal acts, accepted for the purpose of counteraction to offenses, crimes and neglect of minors.

Keywords: neglect of minors, offences of minors, crimes of minors, prevention of neglect, crimes and offences of minors.

Проблема совершения противоправных действий несовершеннолетними лицами довольно актуальна во всем мире и выступает главным показателем морального и нравственного состояния несовершеннолетних граждан, что привлекает особое внимание государства, а также различных общественных организаций.

В условиях глобализации и технологического развития проблема профилактики преступлений и правонарушений приобретает особое значение, предполагает основательное теоретическое осмысление, анализ соответствующих нормативных правовых актов, изучения практической составляющей деятельности в заявленной области. Можно констатировать серьезную озабоченность государством рассматриваемой проблематикой, поскольку в рамках Десятилетия детства (2018–2027 гг.) утвержденный план проводимых мероприятий предполагает реализацию различных мер

профилактического характера, направленных на сокращение асоциального поведения несовершеннолетних, их виктимизации и гомицида, на создание безопасных условий для их жизни и развития, соблюдения прав и законных интересов [1].

Государственно-правовое регулирование общественных отношений в сфере профилактики противоправных деяний среди несовершеннолетних должно постоянно совершенствоваться. Кроме того, данная работа должна проводиться при консолидации усилий со стороны государства и общества, при взаимодействии и координации различных министерств и ведомств. И здесь необходимо комплексное исследование теоретических и правовых аспектов профилактической деятельности относительно правонарушений и преступлений несовершеннолетних, исполнения правовых предписаний в рассматриваемой сфере, предложение путей ее совершенствования.

Анализ научной литературы, посвященной заявленной теме, свидетельствует, что, несмотря на имеющиеся научные разработки, непосредственно посвященные теме профилактики противоправных деяний в молодежной среде и среди несовершеннолетних, статистические данные указывают на имеющиеся проблемы в данной сфере, что свидетельствует о необходимости комплексного изучения правовых и организационных основ деятельности полиции в сфере профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних и молодежи в целях повышения эффективности данной деятельности. В этой связи актуальным и своевременным представляется введение Воронежским институтом МВД России в учебный процесс обучения курсантов по специальности 40.05.02 – Правоохранительная деятельность (специализация – административная деятельность; узкая специализация – сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних) [2].

Борьба с преступностью и правонарушениями несовершеннолетних имеет давнюю историю, где условно можно выделить ряд особенностей, присущих дореволюционной, советской и постсоветской (современной) России.

Забота о детях-сиротах была распространена со времен языческой Руси, где о детях заботилась вся община, и это бремя перешло на государство с принятием христианства. Древние славяне в основу духовного воспитания детей закладывали достоинство, долг перед землей русской и моральную чистоту [3]. Во время правления Ивана IV Грозного забота о детях-сиротах была поручена государственным учреждениям, в основе лежал принцип «воспитания в добром наказании», обширно применялись телесные наказания. [4, с. 9]. Дома для сирот входили в ведение Патриаршего приказа. Стоглавым Собором 1551 г. предписывалось церквям открывать училища для обучения грамоте и богадельни для немощных и нищих. В уголовном процессе положение детей, подростков и взрослых было несколько уравнено, позже установлено, что субъектами преступления могут быть лица не моложе 7 лет.

В 1715 г. в статье 195 Воинского устава Петра I говорилось, что «наказание за воровство обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели вор будет младенец...» [5]. Стоит отметить, что общие суды все же выносили достаточно суровые приговоры и наказания, включая каторжные работы и смертную казнь.

В 1742 г. Сенат с президентами коллегий установил малолетство до 17 лет, определил, что таких лиц нельзя подвергать наказанию наравне со взрослыми, суровые наказания при этом заменив сечением плетью и отдачей в монастыри для исправления и тяжелых монастырских работ. Екатерина II в указе от 26 июня 1765 г. установила полную невменяемость до 10 лет, в связи с чем виновные этого возраста передавались родителям, родственникам или опекунам для домашнего исправления, минуя суд и наказания; с 10 до 17 лет допускалось смягчение наказаний, дифференцируя малолетних 10–15 лет и 15–17 лет.

В 1775 г. для рассмотрения дел о малолетних правонарушителях на основе закона и естественной справедливости, человеколюбия, и неприменения угнетения и притеснения учреждены «совестные суды». Стоит отметить, что приговоры их были довольно суровы. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 мая 1845 г. в юношеском возрасте выделило периоды: до 7 лет, с 7 до 14 лет и с 14 до 21 года, причем до 10 лет продолжается детство, далее – до 17 лет – отрочество, с 17 до 21 года – юность. Здесь же, в ст. 145 говорилось, что к несовершеннолетним от 14 лет до достижения 21 года за преступления, сопряженные с лишением всех прав состояния, применяются те же наказания, что и к взрослым лицам, однако телесные наказания над ними осуществляют не палачи, а полицейские служители. Здесь же появляются исправительные приюты, подменяющие наказания для малолетних.

В годы междоусобиц, войн появлялось больше сирот и беспризорных, а также правонарушителей, забота о которых ложилась на церковь и систему монастырей, взявших на себя помимо предоставления крова и пропитания, функции воспитания, образования, лечения, обучения профессии. Таким образом, к XIX в. при крупных монастырях функционировали детские приюты и богадельни. Создавались приходские благотворительные организации, а также частные приюты, попечительские советы, благотворительные общества и система управления ими (советы и попечительства).

В 1819 г. был создано Попечительское общество о тюрьмах, наблюдавшее, чтобы арестованных малолетних содержали отдельно от взрослых, учили грамоте и нетрудоемкой работе, рассматривающее причины ареста и призванное способствовать освобождению

детей, совершивших незначительные преступления. Большое значение имел также Указ «Об истреблении стульев с цепями в полицейских местах и в воспрещении изобретать впредь что-либо подобное» применявшийся с 1826 г., отменивший применение в отношении несовершеннолетних различных оков с целью исключения побегов.

В целях нравственного исправления несовершеннолетних преступников применялось помещение их в исправительные приюты, что нашло отражение в Законе от 05.12.1866 «Об исправительных приютах», которым вводилось понятие «принудительного воспитания» [6].

Международный тюремный конгресс, проведенный в Санкт-Петербурге в 1880 г., рассмотревший вопросы особого положения лиц, не достигших совершеннолетия, в уголовном процессе и уделивший внимание не только особенностям отправления наказания несовершеннолетних, но и профилактике борьбы с детской преступностью, имел большое историческое значение в сфере профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних [7, с. 150]. Закон от 02.02.1893 «О предоставлении исправительным приютам права заключения условия об отдаче выпускаемых воспитанников в наем или обучение» наделил их начальников правом определять воспитанников к надежным мастерам в работу и обучение, на работу в сельском хозяйстве и на промышленные предприятия. Закон от 08.02.1893 «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом» закрепил возможность помещения в приюты также подследственных [7, с. 91] для ограждения их от развращенного влияния тюрьмы.

Уже в дореволюционный период российской истории общественные объединения также участвовали в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Например, принято решение на одном из морских собраний в Кронштадте об учреждении приютов-кораблей, представлявших собой специальные заведения, предназначенные для воспитания несовершеннолетних правонарушителей, где их жизнь осуществлялась по корабельным правилам и обеспечивалась исключительно силами подростков («самообслуживающий труд») под наблюдением авторитетного и опытного морского офицера, обучавшего их морскому делу для дальнейшего трудоустройства матросами.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась появлением трудовых колоний, взявших на себя функции наказания и воспитания, а с 1909 г. в отношении малолетних правонарушителей приоритет был отдан воспитательной функции. В Санкт-Петербурге с 1910 г. и до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. по делам малолетних функционировал первый судебный орган. Примечательно, что его попечительская часть была сформирована из лиц, положительно характеризующихся и разбирающихся в педагогике и психологии личности несовершеннолетних девиантов для эффективной реабилитации и ресоциализации последних. Попечители, осведомленные в области уголовного, семейного, «школьного» права, будучи помощниками судей, собирали сведения о личностных особенностях и образе жизни, окружении несовершеннолетнего правонарушителя. Стоит отметить, что российская модель привлечения детей и подростков к ответственности была весьма удачна, поскольку разбирательство проводилось в форме упрощенного производства конфиденциально единоличным судьей, как правило, врачом или педагогом, обладающим познаниями в детской психологии путем беседы в присутствии попечителя несовершеннолетнего, в основном применявшего попечительский надзор в качестве меры воздействия [4, с. 13].

В советский период также активно велась борьба с правонарушениями несовершеннолетних. Государство отдавало приоритет лечебно-воспитательному и профилактическому воздействию, нежели принудительно-карательному, оказываемому на подростков, совершивших противоправные деяния. Формирование социалистической сознательности, отделение подрастающего поколения от пагубного воздействия криминальной среды, обучение трудовым навыкам, повышение общеобразовательного и профессионального уровня, защита и поддержка семьи и материнства, рост материального положения, улучшение бытовых и трудовых условий граждан легли в основу противодействия детской преступности и деликтности.

Стоит отметить, что события мировых и гражданских войн, революции послужили резкому увеличению числа беспризорных детей, что сразу нашло отражение в уровне преступности несовершеннолетних и поставило перед властью задачу защитить молодое поколение страны Советов и обеспечить ему надлежащую заботу.

В 1918 г. учреждены региональные комиссии для лиц, не достигших совершеннолетия, находившиеся в ведении Наркомата. Декретом СНК РСФСР от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» предписано рассмотрение данной категории дел комиссиями и освобождение несовершеннолетнего при незначительности проступка и раскаянии с передачей его для исправления в «убежище» Наркомата общественного презрения, избегая судебного разбирательства и тюремного заключения применительно к лицам, не достигшим возраста 17 лет [8], что, однако, оказалось малоэффективным. В 1919 г. «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР» утверждены положения, касающиеся применения суда и тюремного заключения в отношении лиц, достигших 14 лет, совершивших тяжкие преступления и понимающих меру ответственности за данное преступление.

В 1927 г. «Положение о Деткомиссии при ВЦИК» расширило ее состав, а также наделило большими межведомственными координирующими полномочиями. С 1931 г., став приоритетной задачей комиссии, профилактика отодринула на второй план рассмотрение дел.

В истории советского законодательства «либеральный» период подошел к концу в середине 1930-х и ознаменовался тем, что был произведен роспуск Деткомиссии ВЦИК и ряда особых региональных комиссий. На докладе Московской комиссии по делам несовершеннолетних указывалось, что «плохая работа комиссий воспитала у несовершеннолетних чувство безответственности, безнаказанности за свои проступки, комиссии так продолжать работу не могут, они должны быть реорганизованы» [9, с. 90]. Задачи и функции этих комиссий были переданы различным ведомствам, а часть отошла секциям по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью при местных Советах. Такая ситуация исключала анализ реального положения детской преступности в районе, и делала невозможным проведение систематических воспитательных занятий. Это послужило предпосылкой создания специализированных подразделений в милиции с выделением должностей работников по борьбе с детской преступностью. Примечательно, что отдельная специализация по делам несовершеннолетних следователей, прокуроров, адвокатов и судей стала осуществляться с 1925 г.

Особенностью профилактики детской преступности стало усиление родительской ответственности за осуществление воспитания, что

имело нормативное закрепление, например, ответственности родителей за имевшее место озорство и хулиганство детей. Стоит отметить, что была упрощена процедура изъятия детей у неблагонадежных родителей, и обязательное уведомление администрации мест работы родителей о фактах неудовлетворительного выполнения родительских обязанностей по воспитанию детей.

Стоит отметить, с реорганизацией комиссий по делам несовершеннолетних, серьезно подорвавшей существующую систему профилактики правонарушений, ряд составляющих профилактики противоправных деяний в социально-бытовой, культурно-образовательной и пропагандистской сферах все же остались в поле зрения государства.

Вступившим в силу законом от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» уголовная ответственность за кражу вводилась с 12 лет, как и за совершение тяжких преступлений, не взирая на действие положения ст. 50 УК РСФСР об обязательном смягчении наказаний в отношении лиц несовершеннолетнего возраста [9, с. 210].

Подобные меры дали свои результаты достаточно быстро, т. к. уже к началу войны детская беспризорность уже почти полностью была устранена, практически все дети, не посещавшие школу, находились в ней регулярно. Все же применение к детям в возрасте 12–16 лет наказания в виде тюремного заключения привело к тому, что подростки стали активно втягиваться в преступную среду.

В военные годы разительно увеличился уровень детской преступности, как следствие роста беспризорности несовершеннолетних. На решение этой проблемы направлено принятие 23 января 1942 г. СНК СССР постановления «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [10].

В послевоенные годы наблюдается некое смягчение со стороны государства отношения к детской преступности, и 17 февраля 1948 г. Пленумом Верховного суда принято постановление «О применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних», по которому при рассмотрении дел надлежало обязательно устанавливать причины и мотивы преступлений, а за совершение мелких краж без корысти, совершенных подростками до 16 лет, предполагалась передача на попечение родителям и опекунам, исключая тюремное заключение.

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

В 1943–1949 гг. в крупных городах дела в отношении несовершеннолетних рассматривали специализированные судебные участки народных судов.

С 1956 г. стали функционировать специально созданные школы-интернаты для содержания детей из «проблемных» или малообеспеченных семей. «Положение о комиссии по устройству детей и подростков при Советах министров автономных республик и исполкомах краевых, областных и окружных городских, районных Советов депутатов трудящихся» [11], принятое 04.10.1957 Советом Министров РСФСР, для координации деятельности различных органов народного образования, а также социального обеспечения, еще оказания материальной и педагогической помощи детям и семьям, которые в этом нуждались, и направления несовершеннолетних в воспитательные колонии. Здесь же предусматривалось создание при школах и домоуправлениях детских спортивных площадок, родительских комитетов и комиссий – при домоуправлениях, а также проведение работы с детьми и их трудоустройство с 16 лет. С 1958 г. комиссии по трудоустройству детей, оставшихся без родителей, переименованы в комиссии по устройству детей и подростков, целью работы которых являлось оказание помощи детям и подросткам, оказавшимся без надзора либо в сложных жизненных ситуациях. Кроме этого они осуществляли контроль за деятельностью детских домов, приемников-распределителей, колоний, координировали деятельности органов и ведомств по предупреждению преступности несовершеннолетних. Однако из-за сложности осуществления контроля за этими комиссиями, отсутствием четкой регламентации их полномочий, а также недостаточности финансирования данные комиссии оказались все же неэффективными.

И все же, официальная статистика 1958 г. показала, что по сравнению с послевоенным 1946 г. в 1958 г. число осужденных детей сократилось в 4 раза, причиной послужила подмена уголовного наказания мерами воспитательного воздействия, а также уменьшение доли подростков в населении страны.

Новой программой КПСС 1961 г. задекларированы увеличение материальной составляющей, культурного уровня, сознательности трудящихся, упрочение семьи, воспитательные и профилактические мероприятия как основные средства борьбы с преступностью взамен карательных мер. Это нашло отражение в

Приказе МВД РСФСР № 285 от 05.07.1961 «Об изменении организации работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних и детской безнадзорностью» и указе Президиума Верховного совета СССР от 15.02.1977 «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемниках-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Также активную роль в борьбе с детской преступностью стала играть деятельность общественности, направленная на раннюю профилактику, передачу условно осужденных на исправление и перевоспитание в коллектив, создание штаба общественных помощников следователей и прокуроров. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.12.1967 «Об общественных воспитателях» ввел еще один орган профилактики преступности несовершеннолетних.

Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 03.06.1967 «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» (а ныне – КДНиЗП) явился ключевым документом в упреждении правонарушений несовершеннолетних лиц. Целью создания данных комиссий являлась организация работы по предотвращению правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, их устройства, охраны прав и интересов, кроме того, координации усилий госорганов и общественных организаций в данной сфере, рассмотрения дел о правонарушениях несовершеннолетних, проведения воспитательной работы с указанной категорией лиц. Также важными документами в рассматриваемой сфере явились Постановление от 17.12.1968 «О совместной работе комсомольских организаций и органов Министерства внутренних дел СССР по предупреждению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних» и Постановление ЦК ВЛКСМ от 05.11.1974, утвердившее Положение об оперативных комсомольских отрядах дружинников, целью которых являлась борьба с противоправными деяниями подрастающего поколения во взаимодействии с органами внутренних дел, прокуратурой, юстицией, судами и комиссиями по делам несовершеннолетних [4, с. 22].

Изменения уголовного законодательства в 1960-х гг. привели к увеличению возраста уголовной ответственности до 16 лет, к закреплению к УК РСФСР принудительных мер

воспитательного характера, применение которых было возможно при вынесении соответствующего решения суда, что вызвало неоднозначную реакцию и смешение полномочий в части применения мер воспитательного воздействия комиссиями по делам несовершеннолетних и судами. Кроме этого появился институт отсрочки приговора суда, при этом на виновного возлагался ряд обязанностей.

Важное место было отведено борьбе с детской преступностью и беспризорностью. Создавались детские комнаты милиции, которые занимались в большей степени профилактической и воспитательной работой с подростками по месту жительства. В 1973 г. были созданы центральные детские комнаты милиции в службах профилактики уголовного розыска горрайлинорганов. В 1974 г. в Управлении и аппаратах уголовного розыска МВД СССР были созданы отделения по руководству ими для улучшения организации работы. 15 февраля 1977 г. детские комнаты милиции и приемники-распределители были реорганизованы в приемники распределители и инспекции по делам несовершеннолетних.

Приказом МВД СССР № 180 от 18.08.1988 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних» было введено в действие Наставление по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Данным нормативным правовым актом предусматривалось активное участие в профилактике нарушений закона среди несовершеннолетних заинтересованных подразделений в рамках своих должностных полномочий.

Значимым постперестроечным нормативным актом стал указ президента Российской Федерации от 06.09.1993 № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [12], предусматривающий создание государственной системы профилактики безнадзорности и правонаруше-

ний несовершеннолетних, действовавший до 2000 г. и положенный в основу последующего развития законодательства в сфере профилактики правонарушений и защиты прав детей и подростков.

Дальнейшее реформирование профилактики в рассматриваемой сфере отразилось в Уголовном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, Федеральном законе от 24.06.1999 № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», действующие и поныне.

Общемировые тенденции и происходящие в государстве и обществе процессы, детерминированные обострением негативных явлений практически во всех сферах жизнедеятельности людей, от экономического кризиса до кризиса духовного и кризиса личности, неизбежно ведут к криминализации одной части населения и виктимизации другой, что напрямую затрагивает наиболее уязвимую категорию – несовершеннолетних. Зачастую несовершеннолетние правонарушители по истечению некоторого времени пополняют ряды преступников и даже рецидивистов, что подтверждается официальной статистикой и практикой правоохранительных органов. Вопреки тому, что вопросы защиты и поддержки детей и подростков всегда являются приоритетным направлением деятельности любого развитого государства и проводимой им политики, остаются нерешенными многие вопросы в этой области. В связи с этим ретроспектива становления и развития системы профилактики противоправных деяний со стороны несовершеннолетних и в отношении них иллюстрирует, что в данном аспекте сосредоточен довольно большой опыт, результаты и положительные наработки которого должны учитываться в современной работе при осуществлении превенции противоправных деяний среди подрастающего поколения и молодежи.

Литература

1. Ткаченко Н.Н., Комаревцева И.В. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на примере Ростовской области // Юрист-Правовед. № 4 (95).
2. URL: https://ви.мвд.пф/Образователная_деятельность/Osnovnye_obrazovatelnye_programmy.
3. Ткаченко Н.Н. Демографическая правовая политика в контексте национальной безопасности России. Ростов н/Д, 2009.

Bibliography

1. Tkachenko N.N., Komarevtseva I.V. On measures to prevent child neglect and juvenile delinquency by the example of the Rostov region // Jurist-Pravoved. № 4 (95).
2. URL: https://ви.мвд.пф/Образователная_деятельность/Osnovnye_obrazovatelnye_programmy.
3. Tkachenko N.N. Demographic legal policy in the context of national security of Russia. dissertation of candidate of juridical sciences. Rostov n/D, 2009.

4. Беженцев А.А. Административная деятельность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних: монография. М., 2017.
5. Груничева Г.А. История развития исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников // История государства и права. 2006.
6. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар, 1979.
7. Долгова А.И. Преступность и реформы в России. М., 1998.
8. Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997.
9. Ермаков В.Д., Крюкова Н.И. Преступность несовершеннолетних в СССР и Российской Федерации. М., 2003.
10. Минина С.П. Преступность несовершеннолетних. СПб., 1998.
11. Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1957. № 51.
12. Собрание актов Президента РФ и Правительства РФ. 1993. № 37. Ст. 3449.
4. Bezhentsev A. A. Administrative activity of internal affairs bodies to prevent juvenile delinquency: monograph / A. A. Bezhentsev. Moscow, 2017.
5. Grunicheva G.A. History of the development of correctional institutions for juvenile offenders // History of State and Law. 2006. № 7.
6. Zabryansky G.I. Study and prevention of juvenile delinquency. Krasnodar, 1979.
7. Dolgova A.I. Crime and reforms in Russia. Moscow, 1998.
8. Luneyev V.V. Crime of the Twentieth Century. Moscow, 1997.
9. Ermakov V.D., Kryukova N.I. Criminality of minors in the USSR and the Russian Federation. Moscow, 2003.
10. Minina S.P. Criminality of minors. SPb., 1998.
11. Collection of orders and instructions of the Ministry of Education of RSFSR. 1957. № 51.
12. Collection of Acts of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation. 1993. № 37. Art. 3449.

© 2021 г. Кейдунова Елена Резовна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного Федерального Университета
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: t2i8glr2@yandex.ru

Мавренкова Елена Анатольевна,

доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат психологических наук.
E-mail: mea-1975@yandex.ru

Витвицкий Андрей Анатольевич,

доцент кафедры гражданского права Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: fishbrook@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

В статье анализируются проекты законов «О профилактике семейно-бытового насилия», выявляются их недостатки и доказывается необходимость создания двухуровневой правовой основы противодействия семейно-бытовому насилию.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, противодействие, профилактическое законодательство, административная ответственность, уголовная ответственность.

Keidunova Elena Rezovna – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, PhD in Law, Associate Professor.

Mavrenkova Elena Anatolievna – Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, Rostov State University of Railways, PhD in Psychology.

Vitvitsky Andrey Anatolievich – Associate Professor, the Department of Civil Law, Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

LEGAL BASIS FOR COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

The article analyzes the draft laws «On the prevention of domestic violence», identifies their shortcomings and proves the need to create a two-level legal framework for countering domestic violence.

Keywords: family and domestic violence, counteraction, preventive legislation, administrative responsibility, criminal responsibility.

Семья является одним из важнейших социальных институтов, цементирующим общество, обеспечивающим его поступательное развитие. Поэтому закономерно, что противодействие любым формам внутрисемейной агрессии признается приоритетным направлением государственной политики.

В последние годы в российской печати много говорится о необходимости совершенствования правовой основы борьбы с внутрисемейной агрессией. Среди правовых инициатив в данной сфере активнее всего обсуждается вопрос о принятии специального закона «О профилактике домашнего насилия».

К сожалению, анализ законопроектов, представленных для обсуждения, показывает, что они не вписываются в систему действующего законодательства, противоречат его

принципам, страдают криминологической необоснованностью, нарушают требования законодательной техники. В частности, в законопроекте 2017 г. [1] называются следующие виды правонарушающего семейно-бытового насилия: физическое, психологическое, сексуальное и экономическое (п. 2 ст. 3). Однако определение этих форм насилия не позволяет четко разграничить их между собой. Так, умышленное неудовлетворение основных жизненных потребностей человека признается разновидностью как физического насилия (п. 4 ст. 3), так и экономического насилия (п. 7 ст. 3). Умышленное уничтожение, повреждение или удержание имущества охватывается понятием «психологическое насилие» (п. 5 ст. 3) и «экономическое насилие» (п. 7 ст. 3). Семейное дебоширство (п. 14),

которое законопроект выделяет в качестве самостоятельного общественно-опасного деяния, с содержательной стороны совпадает с некоторыми проявлениями психологического и экономического насилия. Авторы законопроекта 2019 г. [2] ограничили семейно-бытовое насилие умышленными деяниями, не содержащими признаков административного правонарушения или уголовного преступления (ст. 2). С учетом этой оговорки к «семейно-бытовому насилию» можно отнести только наименее опасные деяния, о которых говорится в проектах (например, преследование и угрозы, за исключением наказуемых в административном и уголовно-правовом порядке).

Меры профилактического воздействия, указанные в законопроектах 2017 г. и 2019 г., в основном дублируют меры, предусмотренные ст. 18–27 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3]. Инновационными являются только защитное предписание, выносимое органом внутренних дел (п. 8) и защитное предписание, выносимое судом (п. 9), которые ограничивают право правонарушителя на общение с членами семьи и право на совместное проживание с ними (лицо может выдворяться даже из помещения, принадлежащего ему на праве собственности). По нашему мнению, высокий карательный потенциал этих аналогов зарубежных «охранных ордеров» явно не соответствует неопасным формам семейно-бытового насилия (особенно тем, которые не преследуются в административном и уголовно-правовом порядке).

На наш взгляд, во введении специального закона «О профилактике домашнего насилия» нет особой необходимости. Основные направления противодействия семейно-бытовому насилию можно определить в национальных и межотраслевых документах стратегического планирования, а конкретные объекты и субъекты профилактического воздействия, перечень мероприятий профилактического характера, меры ответственности за правонарушения целесообразно предусмотреть в нормах отраслевого законодательства.

Следует констатировать, что на сегодняшний день в России уже создана достаточно солидная правовая основа для противодействия семейно-бытовому насилию. К числу документов программного характера можно отнести Распоряжение Правительства РФ

от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.» [4]; Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.» [5] и др.

В целом ряде законов и нормативных актов отраслевого и ведомственного законодательства содержатся нормы, регламентирующие различные аспекты деятельности, направленной на предупреждение семейно-бытового насилия. Так, в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [6] и приказе МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [7] указывается, что участковые уполномоченные полиции, взаимодействуя с иными субъектами профилактики, должны проводить профилактическую работу в отношении лиц, представляющих опасность для окружающих (страдающих психическими расстройствами, больных наркоманией или алкоголизмом; допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений). Основанием для профилактического учета трех первых категорий лиц признается факт наблюдения их у врача (психиатра или нарколога). Четвертая категория лиц ставится на учет после совершения правонарушения. Вышеуказанные акты профилактического законодательства предусматривают весьма обширный перечень профилактических мер, которые могут применяться к потенциальным нарушителям в сфере семейно-бытовых отношений.

К недостаткам этих нормативно-правовых актов следует отнести упоминание только о формальных критериях опасности лица для окружающих (учет у психиатра, нарколога) и отсутствие хотя бы примерного перечня внутрисемейных правонарушений. Представляется, что участковые уполномоченные полиции должны самостоятельно выявлять лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, собирать информацию об их асоциальном, антисоциальном, правонарушающем поведении, степени его прецедентности и выходить с инициативой по постановке их на профилактический учет с учетом мнения врача-специалиста [8]. Кроме того, в вышеуказанном Приказе МВД России следует указать на необходимость постановки на учет лиц после совершения

административно-наказуемого деликта (предусмотренного ст. 5.3.5, 6.1.1 КоАП РФ и др.) или преступления в семейно-бытовой сфере, предусмотренного ст. 105, 111, 112, 115, 116.1, 117, 127, 131, 132, 156 УК РФ и др.

Важную роль в противодействии семейно-бытовому насилию играют административно-правовые меры. К сожалению, в настоящее время в КоАП РФ отсутствует норма, позволяющая привлекать к ответственности лиц, виновных в психологическом насилии. Однако в соответствии с административными актами некоторых субъектов РФ признается наказуемым семейно-бытовое (бытовое) дебоширство [9; 10; 11; 12]. Нормы регионального законодательства обоснованно признают признаками объективной стороны семейно-бытового дебоширства: особое место совершения правонарушения (место проживания (пребывания) семьи); специфические формы деяния – буйство, скандал, устраивание беспорядка; унижение чести и достоинства, оскорбительное обращение к члену семьи, громкие крики, нецензурная брань; последствия (нарушение покоя семьи). Исключением из правила является ст. 13.8. Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях, в которой к семейно-бытовому дебоширству отнесено совершение действий, посягающих на здоровье (рукоприкладство) [13]. Это нормативное определение представляется неудачным, так как рукоприкладство практически невозможно отграничить от другого административного правонарушения – побоев.

На наш взгляд, ответственность за семейно-бытовое дебоширство необходимо регламентировать на уровне федерального административного закона. В диспозиции соответствующей нормы КоАП РФ необходимо указать, что семейно-бытовым дебоширством признается нарушение общественного порядка в месте проживания (пребывания) семьи, сопряженное с унижением чести и достоинства члена семьи или угрозой причинения вреда правам и интересам члена семьи, если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния. В санкции нормы в качестве наиболее строго административного наказания целесообразно предусмотреть арест на срок до 15 суток.

Внесение этой новеллы, по нашему мнению, будет вполне соответствовать принципам обоснованности и целесообразности ус-

тановления правового запрета. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что насилие в семье имеет систематический и прогрессирующий характер. Агрессор, не встречающий активного противодействия со стороны окружающих и, особенно, представителей правоохранительных органов, все чаще прибегает к насилию, переходит от его менее опасных форм к опасным. Предлагаемый административно-правовой запрет будет иметь характер двойной превенции, поскольку позволит пресекать семейные конфликты на ранних стадиях их развития, применять в целях экстренного обеспечения безопасности членов семьи административное задержание правонарушителя на срок до 48 часов (ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ) [14]; преследовать в административном порядке лиц, применяющих психологическое насилие, и предупреждать тем самым совершение ими более опасных семейно-бытовых правонарушений.

Что касается ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ, то некоторые ученые категорически возражают против ее существования, заявляя, что наказания, предусмотренные в санкции данной нормы, не адекватны уровню общественной опасности побоев ввиду насильственного характера посягательства [15].

На наш взгляд, введение в административный закон ст. 6.1.1 следует оценить позитивно. Упрощенный порядок применения административно-правовых норм позволяет оперативнее реагировать на первичные акты неопасного физического насилия в семейно-бытовой сфере, применяя в необходимых случаях меры пресекательно-предупредительного характера – задержание правонарушителя на срок до 48 часов. Альтернативная санкция ст. 6.1.1 КоАП РФ, предусматривающая штраф (медиана – 17,5 тыс. руб.), административный арест (медиана – 12,5 суток), обязательные работы (медиана – 90 часов), обладает достаточно высоким карательно-исправительным и предупредительным потенциалом. По справедливому замечанию В.П. Малкова, под воздействием административного наказания правонарушитель может пересмотреть свое поведение, не допустить впредь такого же правонарушения [16].

К недостаткам административного закона следует отнести отсутствие нормы о необходимой обороне, поскольку это существенно ограничивает права потерпевшего на самозащиту от побоев. Как показывает анализ пра-

воприменительной практики, в ситуациях самообороны потерпевшего от побоев некоторые суды пытаются по аналогии применить норму о крайней необходимости [17], нарушая тем самым принцип законности. Другие суды привлекают обороняющегося потерпевшего к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ [18], попирая тем самым принцип справедливости.

На наш взгляд, повысить уровень правовой защищенности обороняющихся лиц можно только посредством введения в КоАП РФ нормы, согласно которой не будет признаваться административным правонарушением вред, причиненный в состоянии необходимой обороны. Заметим, что за это ратуют как ученые [19], так и общественные деятели [20].

Еще одним изъяном административного законодательства, нуждающимся в устранении, является отсутствие норм, предусматривающих возможность освобождения от административного преследования в случае деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим. Полагаем, что введение соответствующих норм в КоАП РФ будет способствовать разрешению семейного конфликта без применения мер административной репрессии.

Уголовно-правовые средства противодействия семейно-бытовому насилию представлены как нормами Особенной части, устанавливающими наказание за наиболее опасные разновидности физического, психологического и экономического насилия, так и нормами гл. 11 УК РФ, предусматривающими возможность освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, в отечественном законодательстве сочетаются два механизма противодействия внутрисемейному насилию, выработанных международной практикой: 1) карательный, направленный на пресечение цикла семейного насилия посредством привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения ему наказания; 2) восстановительно-примирительный, направленный на освобождение виновного от уголовной ответственности и сохранение семьи путем урегулирования внутрисемейного конфликта.

Для того чтобы узнать насколько удачно претворены в жизнь эти уголовно-политические идеи, необходимо проанализировать санкции соответствующих уголовно-правовых норм, а также изучить судебную статистику назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности.

В рамках нашего исследования мы остановимся на анализе норм (ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), которые чаще всего применяются по делам о семейно-бытовом насилии, и попытаемся выяснить, насколько предусмотренные в них санкции соответствуют по своей строгости уровню общественной опасности преступных посягательств [21].

На наш взгляд, законодатель совершенно верно, с учетом характера и степени общественной опасности вышеуказанных насильственных посягательств, определил категорию преступлений, конструкцию санкции и виды наказаний. В действующем уголовном законе единичные санкции (с единственным основным наказанием в виде лишения свободы) предусмотрены за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), отнесенное к категории особо тяжких преступлений и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ), отнесенное к тяжким преступлениям; а альтернативные санкции – за преступление средней тяжести – истязание (ч. 1 ст. 117 УК РФ) – и преступления небольшой тяжести – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) и нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ).

Набор наказаний в альтернативных санкциях различен. Так, в санкциях ч. 1 ст. 112 и ч. 1 ст. 117 УК РФ наряду с лишением свободы предусматриваются иные, более легкие наказания, связанные с ограничением свободы, а санкции ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ устанавливают наказания, не связанные ни с лишением, ни с каким-либо ограничением свободы.

Что касается градации суровости санкций посредством изменения сроков того или иного наказания, то она осуществлена недостаточно последовательно. Так, санкции, установленные за основные составы убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и умышленного причинения вреда средней тяжести, градируют суровость наказания в виде лишения свободы (по срокам). Медиана наказания в виде лишения свободы за основной состав убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) составляет 10 лет 6 мес.; за основной состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) – 4 года 1 мес.; за основной состав умышленного причинения

средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ) – 1 год 7 мес. Таким образом, каждая последующая санкция сделана мягче предыдущей в 2,5 раза.

Интересно, что суды, вынося приговоры по вышеуказанным статьям, назначают наказание в виде лишения свободы в среднем в 2,4 раза реже за преступления, обладающие более низким уровнем общественной опасности.

В частности, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ было осуждено 4 027 человек, из них наказание в виде лишения свободы было назначено 3 993 лицам (99,1 %); по ч. 1 ст. 111 УК РФ осуждено 3 183 человека, из них лишение свободы было назначено 13 02 лицам (40,9 %); по ч. 1 ст. 112 УК РФ осуждено 5 350 человека, из них лишение свободы было назначено 899 лицам (16,8 %).

К сожалению, курс на дифференциацию сроков наказания в зависимости от тяжести преступления не реализован в должной мере в санкциях ст. 117, 115, 116.1 УК РФ. С одной стороны, санкция ч. 1 ст. 117 УК РФ обоснованно сделана строже по видам наказаний (все они связаны с ограничением свободы), чем санкции ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. С другой стороны, санкция ч. 1 ст. 117, предусмотренная за истязания, не повлекшие причинение средней тяжести вреда здоровью, по своей суровости сопоставима с санкцией ч. 1 ст. 112 УК РФ, установленной за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (медианы лишения свободы и принудительных работ составляют 1 год 7 мес.; а медиана ограничения свободы – 1 год 7 мес.).

Анализ судебной статистики показывает, что суды выносят более строгие приговоры за истязания, нежели за причинение средней тяжести вреда здоровью. Так, в 2020 г. по ч. 1 ст. 112 УК РФ реальные наказания, предусмотренные санкцией нормы, были назначены 3 945 лицам, из них лишение свободы было назначено 899 лицам (22,7 %), принудительные работы – 4 (0,1 %); ограничение свободы – 3 042 (77,1 %). По ч. 1 ст. 117 УК РФ реальные наказания, предусмотренные санкцией нормы, назначены 786 лицам, из них лишение свободы было назначено 273 лицам (35,7 %), ограничение свободы – 513 лицам (65,2 %). Таким образом, за истязание лишение свободы назначается в 1,6 раз чаще, чем за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, а ограничение свободы, напротив,

реже в 1,1 раз. Это означает, что при назначении наказания суды учитывают не столько тяжесть общественно-опасных последствий, сколько систематичность общественно-опасных актов поведения виновного, свидетельствующих об опасности его личности.

Мы не согласны со сложившейся практикой дифференциации и индивидуализации ответственности за истязания. Представляется, что при конструировании санкций и назначении наказания за смежные составы преступлений во внимание, прежде всего, должна приниматься общественная вредность преступного посягательства, отраженная в его преступных последствиях. Поэтому санкция и наказания, назначаемые судом за причинение средней тяжести вреда здоровью, должны быть строже, чем за истязания, последствия которого ограничиваются причинением легкого вреда здоровью.

Если сравнить санкции за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), и причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ), то выходит, что одни наказания отличаются по своей строгости, другие, напротив, совпадают. Так, градация суровости санкций за побои и причинение легкого вреда здоровью проявляется в изменении сроков обязательных и исправительных работ (медиана этих наказаний соответственно увеличивается в 2 раза), а также в изменении сроков ареста (медиана увеличивается в 1, 2 раза). Однако применительно к штрафу градация суровости санкции не осуществляется (размеры наказания полностью совпадают, медиана составляет 22, 5 тыс. руб.). Представляется, что суровость всех видов наказаний (в том числе и штрафа) должна дифференцироваться с учетом уровня общественной опасности преступного посягательства.

Анализ судебной статистики показывает, что суды назначают штраф и обязательные работы за преступление, описанное ст. 116.1 УК РФ реже, чем за причинение легкого вреда здоровью. Так, в 2020 г. за побои реальные наказания были назначены 1 555 лицам, из них штраф был назначен 313 осужденным (20,1 %), обязательные работы – 739 лицам (47,5 %), исправительные работы – 503 лицам (32,3 %). За причинение легкого вреда 1 537 лицам были назначены наказания, предусмотренные санкцией ч. 1 ст. 115 УК РФ, из них штраф был назначен 747 осужденным

(48,6 %), обязательные работы – 539 лицам (34,8 %), исправительные работы – 251 лицу (16,3 %). Скорее всего, суды учитывают, что повторное нанесение побоев свидетельствует о повышенной общественной опасности этого деяния, и поэтому избегают назначения относительно мягких наказаний.

Определенный интерес представляет анализ статистических данных, касающихся освобождения от уголовной ответственности за насильственные преступления. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. было освобождено от уголовного преследования:

- по ст. 112 УК РФ – 5 489 человек; из них в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – 84, 5 % (4 640 лиц); в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) – 0,4 % (24 лица); в связи с назначением судебного штрафа – 10,9 % (601 лицо), по иным основаниям – 4 % (224 лиц);

- по ст. 117 УК РФ – 697 человек; из них в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – 80 % (558 лиц); в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) – 0 %; в связи с назначением судебного штрафа – 17, 3 % (121 лицо), по иным основаниям – 2,5 % (18 лиц);

- по ст. 115 УК РФ – 2 151 человек; из них в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – 70,9 % (1 526 лиц); в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) – 0,9 % (21 лица); в связи с назначением судебного штрафа – 5,9 % (128 лиц), по иным основаниям – 22,1 % (476 лиц);

- по ст. 116.1 УК РФ – 1503 человек; из них в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – 90 % (1 355 лиц); в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) – 0,4 % (7 лиц); в связи с назначением судебного штрафа – 3,9 % (60 лиц), по иным основаниям – 5,3 % (81 лицо);

Таким образом, от уголовной ответственности за насильственные преступления чаще всего освобождаются лица, примирившиеся с потерпевшим. Эта практика в целом соответствует идеям восстановительно-примирительной модели правосудия. Однако исследование зарубежного опыта противодействия семейно-бытовому насилию показывает, что наиболее эффективным является сочетание медиативных технологий с коррекционными программами медико-психологической помощи лицу, склонному к агрессивному поведению. В этой связи хочется поддержать В.С. Харламова,

который предлагает имплементировать в российское уголовное законодательство международно-правовые нормы, касающиеся принудительных мер прохождения психологических программ разрешения межличностных и внутрисемейных конфликтов [22]. Представляется, что соответствующая мера уголовно-правового характера может стать важной гарантией разрешения конфликта между агрессором и потерпевшим.

1. Основные направления противодействия семейно-бытовому насилию следует определить в национальных и межотраслевых документах стратегического планирования, а конкретные мероприятия профилактического характера, меры ответственности за правонарушение целесообразно предусмотреть в нормах отраслевого законодательства.

2. Профилактическое ведомственное законодательство ОВД следует оптимизировать посредством расширения перечня объектов профилактического воздействия, конкретизации оснований для проведения профилактической работы, урегулирования порядка взаимодействия правоохранительных органов с иными субъектами профилактики.

3. Административно-правовая основа противодействия семейно-бытовому насилию нуждается в совершенствовании. Необходимо ввести в КоАП РФ:

- норму о семейном дебоширстве, которая позволит преследовать в административном порядке лиц, применяющих психологическое насилие; пресекать семейные конфликты на ранних стадиях их развития и предупреждать совершение более опасных семейно-бытовых правонарушений и преступлений;

- норму о необходимой обороне, которая повысит уровень правовой защищенности лиц, обороняющихся от побоев;

- нормы, предусматривающие возможность освобождения от административного преследования в случае деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим, которые будут способствовать разрешению семейного конфликта без применения мер административной репрессии.

4. В уголовном законодательстве сочетаются две механизма противодействия внутрисемейному насилию: 1) карательный, направленный на пресечение цикла семейного насилия посредством привлечения виновного к уголовной ответственности и применения к нему мер наказания;

2) восстановительно-примирительный, направленный на освобождение виновного от уголовной ответственности и сохранение семьи путем урегулирования внутрисемейного конфликта.

5. В целях совершенствования дифференциации ответственности за насильственные преступления необходимо:

– в санкции ч. 1 ст. 117 УК РФ предусмотреть наказания более суровые, чем в санкции ч. 1 ст. 115 УК РФ, но менее строгие, чем в санкции ч. 1 ст. 112 УК РФ, т. к. уровень общественной опасности истязаний выше, чем у причинения легкого вреда здоровью (способ совершения преступления более опасный – систематический), но ниже, чем у причинения средней тяжести вреда здоровью (последствия менее опасные – ограничиваются легким вредом);

– в санкциях норм о причинении легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) и побоях (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ) следует градировать суровость наказаний с учетом уровня общественной опасности преступного посягательства посредством изменения сроков не только обязательных и исправительных работ, но и размера штрафа.

6. В рамках совершенствования восстановительно-примирительной модели разрешения конфликта между агрессором и потерпевшим необходимо дополнить гл. 11 УК РФ нормой, предусматривающей применение такой меры уголовно-правового характера, как принудительное прохождение психологической программы разрешения межличностных и внутрисемейных конфликтов.

Литература

1. URL: <https://base.garant.ru/71499514/>.
2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>.
3. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета от 28.06.2016 № 139.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ от 01.09.2014 № 35 ст. 4811.
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.» // СЗ РФ от 13.03.2017 № 11 ст. 1618.
6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета от 08.02.2011 № 25.
7. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907040017>.
8. Титаренко А.П. Опасность правонарушителя для окружающих как относительно новый феномен в профилактической деятельности сотрудника полиции // Уголовная юстиция. 2018. № 12.
9. Закон Забайкальского края от 14.03.2018 № 1569-ЗЗК «Об отдельных вопросах профилактики правонарушений в Забайкальском крае» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Закон Костромской области от 20 апреля 2019 № 536-6-ЗКО (ред. 18.03.2020) «Кодекс

Bibliography

1. URL: <https://base.garant.ru/71499514/>.
2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>.
3. Federal Law of 23.06.2016 № 182-FL «On the Foundations of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta dated June 28, 2016 № 139.
4. Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 № 1618-r «On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025» // SZ RF September 1, 2014 № 35 Art. 4811.
5. Order of the Government of the Russian Federation of March 8, 2017 № 410-r «On Approval of the National Strategy for Action in the Interests of Women for 2017–2022» // SZ RF March 13, 2017 № 11 Art. 1618.
6. Federal Law of February 7, 2011 № 3-FL «On the Police» // Rossiyskaya Gazeta of February 8, 2011 № 25.
7. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907040017>.
8. Titarenko A.P. The danger of the offender to others as a relatively new phenomenon in the preventive activities of a police officer // Criminal Justice. 2018. № 12.
9. Law of the Trans-Baikal Territory dated March 14, 2018 № 1569-ZZK «On certain issues of prevention of offenses in the Trans-Baikal Territory» // LRS «ConsultantPlus».
10. Law of the Kostroma region dated April 20, 2019 № 536-6-ZKO (revised on 03/18/2020) «Code of the Kostroma region on administrative offenses» // LRS «Garant».

Костромской области об административных правонарушениях» // СПС «Гарант».

11. Закон Кировской области от 03.08.2017 № 92-ЗО «О профилактике правонарушений в Кировской области» // СПС «Консультант-Плюс».

12. Закон Брянской области от 02.05.2017 № 26-З «О профилактике правонарушений в Брянской области» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23.06.2011 № 413-з // Ведомости Государственного Собрания-Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. № 16 (358). Ст. 1151; 2012. № 1 (367). Ст. 9.

14. Павлов Д.В. Семейно-бытовое дебоширство // Закон и право. 2021. № 8.

15. Клепицкий И.А. Побой и угроза насилием в уголовном праве России и Англии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 12 (52).

16. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3.

17. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/nesXeIgDyogm/>.

18. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MDk9XJP4 ayQP/>.

19. Вакутин А.А., Бархатова Е.Н. Ответственность за побой. Обстоятельства, исключющие преступность деяния // Закон и право. 2019. № 11.

20. URL: <https://www.roi.ru/29377/>.

21. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2010.

22. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., 2019.

11. Law of the Kirov region of August 3, 2017 № 92-ZO «On the prevention of offenses in the Kirov region» // LRS «ConsultantPlus».

12. Law of the Bryansk region of May 2, 2017 № 26-3 «On the prevention of offenses in the Bryansk region» // LRS «ConsultantPlus».

13. Code of the Republic of Bashkortostan on Administrative Offenses of June 23, 2011 № 413-z // Bulletin of the State Assembly-Kurultay, President and Government of the Republic of Bashkortostan. 2011. № 16 (358). Art. 1151; 2012. № 1 (367). Art. nine.

14. Pavlov D.V. Family and household brawl // Law and law. 2021. № 8.

15. Klepitsky I.A. Beatings and the threat of violence in the criminal law of Russia and England // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2018. № 12 (52).

16. Malkov V.P. Administrative prejudice: pros and cons // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011. № 3.

17. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/nesXeIgDyogm/>.

18. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MDk9XJP4 ayQP/>.

19. Vakutin A.A., Barkhatova E.N. Responsibility for beatings. Circumstances excluding the criminality of the act // Law and Law. 2019. № 11.

20. URL: <https://www.roi.ru/29377/>.

21. Nepomnyashchaya T.V. The measure of criminal punishment: problems of theory and practice. Yekaterinburg, 2010.

22. Kharlamov V.S. Theory and practice of combating criminal violence in the family (systemic criminological and criminal law research): SPb., 2019.

© 2021 г. Хилюта Вадим Владимирович,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы доктор юридических наук, доцент.
E-mail: tajna@tut.by

ВИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОИСК НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

В статье рассматривается вопрос о понимании сущности вины в уголовном праве. Раскрываются особенности нормативной (оценочной) и психологической концепции вины. Автор стремится преодолеть несовместимость указанных концепций и заложить основы понимания социально-психологической концепции вины, где вина рассматривается не как элемент субъективной стороны состава преступления, а гораздо шире.

Ключевые слова: уголовное право, вина, виновность, теории вины, основание уголовной ответственности, преступление.

Khilyuta Vadim Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Grodno State University named after Yanka Kupala, Doctor of Law, Associate Professor.

GUILT IN CRIMINAL LAW: LOOKING FOR A NEW CONCEPT

The article deals with the understanding of guilt in criminal law. Features of normative (assessment) and psychological concept of guilt are disclosed. The author tries to overcome the incompatibility of these concepts and lay the foundations for understanding the socio-psychological concept of guilt, where guilt is considered not as an element of the subjective side of the corpus delicti but much wider.

Keywords: criminal law, guilt, theories of fault, basis of criminal liability, crime.

Вопрос о понимании вины в уголовном праве имеет давнее и принципиальное значение, потому как вина является неотъемлемым признаком преступления. Однако каким образом вина введена в число признаков преступления и что она отражает (субъективную составляющую, основание уголовной ответственности, признак состава преступления и т. д.) – непонятно. Эта неопределенность прямым образом сказывается на институциональном закреплении вины и виновности в уголовном законе и непосредственном отражении теоретических концепций в правоприменении.

Более того, доктрина уголовного права не может предложить четкую линию, в соответствии с которой на системном уровне вырисовывалась концептуальная идея о том, что же лежит в основании вины: психологический аспект, социальная упречность, состояние личности или что-то иное. Хотя следует признать, что психологическая концепция вины является преобладающей в сегодняшнем законодательстве.

Вина представляется центральным элементом уголовного права. Она является предварительным условием наказания, гарантируется конституционным принципом вины и является воплощением общего системного решения о возложении на лицо уголовной ответствен-

ности, основанной на виновности. В понятии преступления категория вины (или виновности) широко понимается как определение того, может ли лицо быть привлечено к ответственности за противоправное деяние. Более того, само понятие «вина» подразумевает серьезный проступок, который с моральной точки зрения заслуживает порицания или наказания. Как мы уже успели заметить, значение этого понятия и его использование в контексте уголовного права являются неопределенными и расплывчатыми. Вина априори является не только юридическим термином, но и широко используется в социальном, моральном и религиозном контексте, поэтому вину нельзя отделить от ее доюридического культурного контекста и значения в обществе. Кроме того, с данным юридическим термином связаны различные нормативные значения в зависимости от регулирующего механизма, в котором оно используется. Похоже, что различное понимание концепции вины лежит в основе виновности как элемента (признака) преступления. Таким образом, вина видится понятием, которое нелегко определить или, наоборот, определить вообще невозможно. Скорее сегодня понимание вины является всеобъемлющим термином, который охватывает различное нормативное его содержание и функции.

По этой причине вина может быть рассмотрена как набор предпосылок и оснований для привлечения лица к уголовной ответственности (1), как уголовно-правовой принцип (2), как признак преступления (3), как критерий наказания в контексте вынесенного обвинительного приговора (4), как нормативная идея, узаконивающая уголовную ответственность и формулирующая наказание. В этой связи среди исследователей в последнее время все чаще звучат призывы о необходимости реструктуризации концептуального поля вины в уголовном праве. Следовательно, нормативные проблемы, такие как уголовная ответственность новых социальных субъектов (корпораций и интеллектуальных агентов), подрыв концепции свободы воли нейробиологией, а также интернационализация и гибкость уголовного права в целом, должны быть рассмотрены в контексте того, какое нормативное содержание и функции, связанные в настоящее время с концепцией вины, все еще необходимы и оправданы в современном уголовном праве, основанном на верховенстве закона.

Психологическая концепция вины, которая преобладает в настоящее время в постсоветских странах, возникла из юридического мышления научного позитивизма. Во-первых, данная теория вины основана на строго концептуальной классификационной системе, состоящей из формирования родов, видов и подвидов, а во-вторых, на натуралистическом подходе. Именно натуралистическое мышление позволяло объяснить, почему правовые понятия можно выводить из естественных наук.

В принципе, это предполагает, что смысл закона и предпосылки уголовного преступления могут рассматриваться как эмпирические факты и могут быть познаны «индуктивно», без оценки. Установление того, что определенные условия выполнены, призвано повлечь за собой юридическую вину в уголовно-правовом смысле. Эта позиция, на которой основана психологическая концепция вины, изначально была разработана профессором Ф. Листом в его доктрине преступления, согласно которой «ориентация на преступление может быть установлена». Здесь психологическое состояние объединяется под общим термином, а именно «состояние души, при котором действие выглядит как характеристика человека». Вина призвана описывать внутреннее, психологическое отношение преступника к своему поступку и проявляется в двух проявлениях. Это умышленное неправомерное поведение и неосторожность.

Психологическая концепция вины доминировала в советском уголовном праве и осталась таковой в постсоветской уголовно-правовой догматике. Вкратце ее суть сводилась (и сводится по настоящее время) к тому, что психологическую сущность вины составляет единство отражательных и отношенческих аспектов психики конкретного человека. Поэтому чаще всего вина в правовой литературе определяется как «психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла и неосторожности» [1, с. 407]. Этот же постулат воспринят и законодателем. Согласно ч. 1 ст. 24 УК Российской Федерации «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь, «вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». Статья 23 УК Украины говорит о том, что «виной является психическое отношение лица к совершенному действию или бездействию, предусмотренному настоящим Кодексом, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности».

Таким образом, в законодательстве и судебной практике вина рассматривается «как объективная категория, существующая на момент совершения преступления конкретным лицом, проявляющаяся в его действиях и характеризующая психическое отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям» [2, с. 274]. Правоведы сущность вины в рамках психологической концепции видят в особых свойствах и особенностях психики человека – наличии механизма психологической мотивации выбора и управления своим поведением с учетом личностной свободы действовать по своему усмотрению. При этом психологический процесс выбора рассматривается не с точки зрения механического отражения окружающей действительности, а с позиции социального отражения, т. е. способности человека в условиях личной свободы принимать осознанные решения и действовать определенным образом [3, с. 370].

Тем не менее, в правовой доктрине основной лейтмотив критических замечаний относительно психологической концепции вины сводится к тому, что:

– интеллектуальные моменты вины выражают действительное, наличное, актуальное отражение фактической и социальной значимости совершаемых действий, где потенция сознания не может рассматриваться как

форма его проявления. В таком случае возможность сознания и воли относится к вменяемости, а не к вине [4, с. 177];

– сегодня нельзя вывести формулу, которая бы указывала на то, что определенные психологические факты могут иметь отношение к вине [5, с. 100], охарактеризовать связь между намерением и небрежностью, осознанием и предвидением. В таком ракурсе психологическое отношение к внешнему событию не является единственной составляющей, исходя из которой устанавливается вина [6];

– при преступной небрежности вообще нельзя усмотреть сознательно-волевого отношения лица к совершаемому им деянию (формула «должен был и мог» предвидеть больше характеризует оценочный подход в понимании вины), поэтому в данном ракурсе небрежность представляет собой упрек со стороны общества или государства, но никак не сознательно-волевое деяние;

– лицо, находящееся во время совершения противоправного деяния в негативном состоянии сознания. Например, сознательно нарушает определенные правила и требования безопасности, но не осознает возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий от своих действий, не может осознавать его фактический характер и социальное значение [5, с. 100; 7, с. 139].

Нормативная или оценочная концепция вины в большей части характерна для романо-германской правовой семьи. В немецкой уголовно-правовой науке вина рассматривается как один из ключевых уголовно-правовых принципов, как функциональная сторона уголовного права, выступающая в качестве предпосылки наступления уголовной ответственности и наказания, как элемент учения о преступлении и как самостоятельный феномен. Но в отличие от отечественных исследователей, рассматривающих вину главным образом как элемент субъективной стороны состава преступления и уделяющих значительное внимание сугубо формам и видам вины, немецкая доктрина уголовного права видит в вине иную составляющую.

В настоящее время в Германии преобладает *нормативная концепция вины*, установленная еще Р. Франком (1907 г.), в соответствии с которой вина означает личный упрек в умышленном или неосторожном поведении. Этот упрек основан на идее свободы воли, что предполагает то, что преступник мог принять иное решение при выборе возможного варианта своего поведения. В этом и состоит суть основания внутреннего упрека, где

личная упречность содеянного связана с противоправностью и по этой причине является «виновностью содеянного» [8, с. 15]. Как нередко указывается по этому поводу, эта теория опирается на современные представления общества о действительной ценности этических норм, прав личности, значимости правовых институтов.

Определение вины нормативно в силу того, что само определение преступления также нормативно. Характеристика того, что считать преступлением, дается в самом уголовном законе, поэтому трудно отрицать то, что дефиниция вины не носит нормативного характера. Направленность нормативной характеристики вины определяется тем, что «ее установление или отрицание, выявление ее содержания позволяет решать, можно ли за противоправное деяние «упрекнуть» данное лицо, поставить это деяние ему в упрек» [9, с. 211].

Личный упрек выражается в индивидуальном отношении и поведении по отношению к правовой системе. В конечном итоге это и указывает на виновность (*minima non curat praetor*) определенного лица. Таким образом, нормативность вины состоит в обосновании личного упрека, его легитимации, и вина в уголовном праве рассматривается как личный и свободный выбор человека, осуществляемый против закона. Это указывает на то, что с нормативной точки зрения вина определяется в упречности волеобразования и волеизъявления, т. е. происходит нормативная оценка психических элементов [10, с. 104]. Здесь уголовное право рассматривает вопрос атрибуции исключительно в отношении одного человека. Когда человек может быть обвинен в совершении противоправного деяния, то определяется, была ли у лица альтернатива возможному поведению. Любой, кто основывает обвинение на способности человека действовать иначе, должен предполагать, что лицо действительно имело такую возможность. Это обстоятельство указывает на проблему так называемой «свободы воли».

Суть ее состоит в том, что, согласно теории детерминизма, человеческие действия основаны на системных детерминантах и детерминантах окружающей среды. Если следовать этой теории, то принцип вины утратил свою основу из-за отсутствия у человека способности свободно выбирать между добром и злом. Однако это не влияет на ответственность нормального и здорового человека. Следовательно, тот факт, что наука не может доказать индетерминизм, не влияет на право и на вопрос об уголовной ответственности.

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

По сути, свобода воли лежит в основании вины, и никакие последние данные нейробиологии не могут поколебать теорию вины.

Вина в немецком уголовном праве вбирает в себя не только умысел и неосторожность (она фактически не сводится к данным формам), а рассматривается как своеобразное основание уголовной ответственности, включающая в себя элементы противоправности и общественной опасности (именно в том понимании, в котором мы привыкли этот термин употреблять). Этим обстоятельством и объясняется то положение, что вина не включается в состав преступления, поскольку она отражает упречность поведения лица, и эта упречность связана с общественной опасностью его действий (бездействия). В данном случае степень виновности лица указывает на то, является ли совершенное им деяние преступным.

Следует сказать также о том, что немецкая правовая доктрина отказалась от психологической концепции вины. Сделано это было по той причине, что психологическое понятие вины рассматривает вину в качестве отношения лица к его действиям на основе аспектов знания (не знания) и желания (не желания). В изложенном же контексте природа вины проявляется в субъективно-психологическом (душевном) отношении лица к деянию. Вина здесь исчерпывается зеркальным отражением реальности психологических процессов.

Сравнивая эти две концепции вины, не стоит их противопоставлять и отрицать тот же элемент оценочности в психологической теории вины. Ведь, если мы говорим о вине, то рассматривать данное фундаментальное понятие и то, что скрывается за ним, можно с различных точек зрения. С одной стороны, действительно, крайне важна субъективная составляющая, намерение лица, именно его отношение к совершаемому деянию. Но с другой стороны, важно и то, как само общество в лице его различных институтов относится к тому поступку – деянию, которое учинено лицом. Можно ли его считать противоправным, вредоносным, опасным, и отсюда констатировать виновность лица, его совершившего? И речь здесь идет не столько об упреке, правовой оценке совершенному деянию, сколько о своеобразном основании уголовной ответственности.

К сожалению, классики советской уголовно-правовой школы уголовного права упрекали своих идеологических противников в том, что элемент оценочности всегда опасен, и упрек может пониматься по-разному, что чревато про-

изволом. Однако, если мы все это переложим на реальную действительность, то окажется, что те же самые стандарты применимы и в психологической теории вины. Например, когда совершено деяние, подпадающее под признаки состава преступления, но суд не привлекает виновного к уголовной ответственности по причине малозначительности деяния, то он тем самым указывает на то, что это деяние не обладает общественной опасностью (либо обладает, но крайне малой). В данном случае речь идет об оценочной деятельности суда, ибо он, исходя из совокупности всех обстоятельств дела, объективных и субъективных признаков совершенного деяния, дает правовую оценку тому, что произошло. Эта же операция происходит и при установлении вины лица. Поэтому наивно утверждать, что никакой оценочной деятельности суд не осуществляет при установлении в признаках совершенного деяния преступления. Вина всегда базируется на фактах, объективных обстоятельствах, и именно на этих составляющих выводится субъективный элемент в действиях лица – его психическое отношение к содеянному.

В настоящее время психологическая концепция вины позиционирует себя исключительно в формате психической оценки виновного к своему деянию. Но на деле этого никогда не происходит, потому как только лишь по одному представлению лица вина не устанавливается. Она всегда выводится из объективных данных, которые должны подтверждать или опровергать субъективную составляющую лица, его намерение. Это свидетельствует о том, что вина имеет «двойную окраску»: формальную и материальную. С одной стороны, важно то, как виновный относится к своему деянию, а с другой – как его деяние оценивается в глазах общества, порицаемо ли оно или же нет, и насколько глубоко (существенно).

Эта вторая составляющая фактически никак не учитывается сегодня. Понятно, что вина устанавливается не только лишь на основе субъективного представления виновного о совершенном им деянии, но и на основе объективных обстоятельств, характеризующих самого виновного, степень его вины, мотивы совершения преступления, наличие иных обстоятельств, которые могут вообще освободить лицо от уголовной ответственности и т. д. Фактически в данном случае речь не идет сугубо об упречном поведении лица, ибо этот упрек не может носить абстрактный характер. Оценочный компонент вины предполагает, что в каждом конкретном случае учитываются различные обстоятельства, определяющие

виновность лица. Поэтому, даже когда мы говорим о том, что вина должна определяться через психическое отношение лица к содеянному, то делаем этот вывод исходя из объективных признаков совершенного деяния.

Установление лишь умысла или неосторожности в действиях лица вовсе не означает, что тем самым доказывается и вина лица в совершенном противоправном деянии. Можно сказать, что объективные обстоятельства поведения виновных указывают не только на субъективную составляющую, но и говорят о том, что вина (а точнее ее степень) служит неким катализатором общественной опасности совершенного деяния и в таком ракурсе, как составной элемент преступления, является своеобразным основанием уголовной ответственности (в рамках общего понятия «преступление»). Наверное, это обстоятельство и предопределяет суждения германской уголовно-правовой доктрины, где вина рассматривается шире, чем просто субъективная сторона состава преступления и включает в свой объем элемент общественной опасности совершенного деяния, раз судом дается оценка поведения виновного в социально-политическом значении, и упрек его действия (бездействию) ставится ему в вину.

В контексте изложенного можно привести ряд иных примеров из действующей судебной-следственной практики, когда понимание заложенного в уголовном законе термина крайне вариативно и зависит не от того, как его воспринимает сам виновный, а как оно оценивается в общественном сознании. Так, ст. 107 УК РФ устанавливает ответственность за убийство в состоянии аффекта. Сам аффект может быть вызван разными обстоятельствами, среди которых тяжкое оскорбление. Однако оценка степени тяжести, спровоцировавшее аффективное состояние, дается правоохранительными органами. В этой связи очень часто на практике имеют место случаи, когда убийство или причинение тяжких телесных повреждений совершается по причине того, что один из супругов застиг другого при супружеской измене. Вот здесь и встает вопрос: действовало ли данное лицо в состоянии аффекта? При этом считал ли сам супруг себя тяжело оскорбленным, в данной ситуации не имеет принципиального значения (наверное, ввиду понятного ответа на него). Такая оценка дается правоприменителем исходя из ряда обстоятельств. Тем не менее, и в правоприменительной практике, и в доктрине уголовного права ответ на поставленный вопрос различен: одни полагают, что супру-

жеская измена не является тяжким оскорблением, другие считают это тяжким оскорблением (варианты здесь могут быть, правда, относительно того, кому из потерпевших причиняется вред, обстоятельства измены, носила ли она публичный характер и др.). Существует и позиция, согласно которой супружеская измена – это аморальное поведение потерпевшего (потерпевшей), поэтому при внезапности такого события аффект может иметь место.

Однако для нас важно то, что тяжесть оскорбления или аморального действия устанавливает суд, а не потерпевший, исходя из сложившихся правил общежития и норм социально-правовых отношений, существующих в конкретный временной период в обществе. Для установления вины и ее степени учитываются разные по своему содержанию обстоятельства.

Указанные примеры могут также свидетельствовать о том, что вина понимается не только в смысле психического отношения лица к содеянному, но и в смысле социально-политического реагирования, как бы мы не доказывали обратное. Именно социально-политическая оценка содеянного позволяет в некотором роде говорить об общественной опасности совершенного деяния и выступает одним из звеньев в общей цепи основания уголовной ответственности. А таким основанием является исключительно преступление (содержащее все его признаки), но никак не состав преступления.

Как видно, проблема в данном случае состоит только в том, что – если таким образом ставить вопрос, то вина выступает уже здесь в качестве основания уголовной ответственности. Это совсем иной ракурс видения проблемы, потому что необходимо решать вопрос о том, какие именно – объективные или субъективные признаки лежат в основании уголовной ответственности. А если и те и другие, то, как тогда соотносятся между собой понятия – «преступление» и «состав преступления», и где же место вине в такой конфигурации. Нередко по этому поводу в правовой литературе утверждается, что основной порок оценочной концепции вины состоит в том, что «она фактически предполагает отказ от признания состава преступления единственным основанием для применения уголовной ответственности и противоречит принципу законности» [11, с. 370]. Тем не менее, вопрос о том, что является основанием уголовной ответственности – состав преступления или же само преступление является открытым [12].

Нам все же представляется, что состав преступления – излишняя конструкция в уголовном праве. Причем данное понятие ретуширует дефиницию преступления. Образно говоря, в определении преступления нет признаков, которые бы не упоминались в составе преступления, однако в составе преступления нет всех тех признаков, которые содержатся в дефиниции преступления. И если мы при квалификации занимаемся тем, что пытаемся соотнести совершенное деяние с тем, которое описано в уголовном законе, то соотносим его именно с преступлением и его признаками, описанными в законе. Поэтому все элементы состава преступления «раскидываются» по тем признакам, которые сегодня зафиксированы в определении понятия «преступление». В этом отношении вина включает в себя субъективные признаки преступления, которые характеризуют не только умысел или неосторожность, но и вменяемость лица, степень вины, мотивы его поведения, обстоятельства, исключаяющие виновность и др. [13, с. 66].

Итак, вина в уголовном праве может пониматься по-разному. Такое положение дел во многом связано с тем, что вина указана в качестве самостоятельного признака в понятии преступления. Это дает почву для того, чтобы не только в контексте субъективной стороны состава преступления рассматривать вину. Иначе другие признаки также пришлось бы выводить через призму иных элементов состава преступления (например, деяние как признак объективной стороны и т. д.), но и определять ее в ином контексте – как основание уголовной ответственности, как один из центральных принципов уголовного права и т. д.

Следовательно, если рассматривать вину в качестве признака преступления, то это понятие может характеризовать (указывать на): а) основание уголовной ответственности; б) исключительно субъективный элемент психической деятельности лица при совершении противоправного деяния; в) принцип личной виновной ответственности.

Сказанное вовсе не говорит о том, что на место вины должно ставиться опасное состояние лица или его действие (бездействие). Отнюдь нет. При установлении психического отношения лица к содеянному важно устанавливать и вторую составляющую – отношение общества к тому, что было осуществлено. Заслуживает ли деяние человека порицания, и в какой степени? Понятно, что здесь имеет место оценочный элемент. Но он также имеет место и сегодня, когда, например, суд оценивает совершенное деяние с позиции

его правомерности, и неважно при этом, как само лицо, его совершившее, относилось к тому, что произошло. Например, в случае констатации необходимой обороны или крайней необходимости психическое отношение лица не имеет принципиального значения, его деяние оценивается совсем по иным критериям. И порой они довольно существенны. Безусловно, в любом случае мы должны устанавливать умысел или неосторожность в действиях лица, потому как, если этого нет, то никакая социальная оценка его действий не сможет заменить собой вину.

Поэтому, когда мы говорим о вине и ее выраженности, то мерилom этому выступает степень вины, которую невозможно охарактеризовать через интеллектуальный или волевой компонент. Очевидно, что характер предвидения и осознания, а тем более желания не могут быть одинаковыми во всех случаях, но установить этот момент исходя из заложенной законодателем формулы – невозможно, поскольку это совсем иные объективные и субъективные обстоятельства (личность виновного, последствия, условия, мотивы совершения преступления и др.), которые характеризуют отношение виновного к своим действиям и возможным последствиям.

Вина является личностным феноменом, и она может идентифицироваться через внутренние связи, когда значение имеет психическое отношение лица к содеянному, и через внешние связи, когда природа вины устанавливается на основании того, как к деянию и его последствиям относятся другие.

С другой стороны, «вина» и «виновность» неравнозначные дефиниции. Виновность – более емкое понятие, которое включает в себя вину, т. к. вина – это сугубо догматическая конструкция, характеризующая в настоящее время интеллектуально-волевые аспекты деятельности определенного лица. Установление в деянии того, что это сознательно-волевой акт этого лица, еще не указывает на то, что это лицо виновно или же невиновно в содеянном. В данном случае имеет место характеристика только сознательно-волевого аспекта поведения лица, с которого и начинается определение вины [14, с. 447]. Виновность в содеянном неравнозначна установлению в действиях лица вины (умышленной или неосторожной), потому как предполагает решение иных вопросов, связанных с возможностью привлечения лица к уголовной ответственности. У лица может присутствовать вина, но он не будет признан виновным по уголовному делу.

Поэтому, когда законодатель в определении преступления обозначает его признак, который указывает на субъективную составляющую (виновность), то этот признак преступления во все не ограничивается установлением вины в действиях лица, а предполагает ответ на более широкий спектр вопросов, связанных с пониманием того, что есть преступление.

В этом отношении социально-психологическое понимание сущности вины позволяет

более взвешено и глубже установить психологические признаки (интеллектуальные и волевые), которые бы отражали субъективное представление лица к совершенному им деянию и последствиям, т. к. социальная оценка учитывает степень и объем вины, личность правонарушителя, его индивидуальные особенности и иные обстоятельства. Именно в таком контексте и следует определять виновное деяние как признак преступления.

Литература

1. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2017.
2. Уголовное право. Общая часть. М., 2008.
3. Хомич В.М. Безуспешный методологический анализ вины в национальной юриспруденции // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслей юридической науки, законодательства и правоприменительной практики. Минск, 2017.
4. Дубовиченко С.В. Умышленная форма вины в уголовном праве. М., 2021.
5. Назаренко Г.В. Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2.
6. Nöding J. Schuld und Strafe im Strafrecht, München, 2019.
7. Векленко С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве // Правоведение. 2002. № 6.
8. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. М., 2014.
9. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006.
10. Дубовик О.Л. Вина в немецком уголовном праве // Правоведение. 1993. № 3.
11. Филиппова Е.О. Юридическая конструкция вины в уголовном праве России: становление и история развития, понятие и содержание // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 4.
12. Хилjuta В.В. Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия // Lex russica. 2020. № 12.
13. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950.
14. Сыч К.А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) // Человек: преступление и наказание. 2019. № 4.

Bibliography

1. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: lecture course. M., 2017.
2. Criminal law. General part. Moscow, 2008.
3. Khomich V.M. Unsuccessful methodological analysis of guilt in national jurisprudence // Modern approaches to understanding law and their impact on the development of branches of legal science, legislation and law enforcement practice. Minsk, 2017.
4. Dubovichenko S.V. Intentional form of guilt in criminal law. M., 2021.
5. Nazarenko G.V. Substantive and legislative-technical aspects of the principle of subjective imputation (guilt) in criminal law of Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2.
6. Nöding J. Schuld und Strafe im Strafrecht, München, 2019.
7. Veklenko S.V. Essence, content and forms of guilt in criminal law // Law. 2002. № 6.
8. Golovnenkov P.V. Criminal code (Criminal code of the Federal Republic of Germany). M., 2014.
9. Zhalinsky A.E. Modern German criminal law. M., 2006.
10. Dubovik O.L. Wines in German criminal law // Law. 1993. № 3.
11. Filippova E.O. Legal construction of guilt in the criminal law of Russia: formation and history of development, concept and content // Baltic Humanitarian Journal. 2020. № 4.
12. Khilyuta V.V. The composition of the crime as an ontological reality of an unrecognized being // Lex russica. 2020. № 12.
13. Utevsky B.S. Wine in Soviet criminal law. Moscow, 1950.
14. Sych K.A. Conceptual problems of guilt in the current of Criminal Code of the Russian Federation (setting the problem) // Man: crime and punishment. 2019. № 4.

© 2021 г. Россинский Сергей Борисович,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук доктор юридических наук, доцент.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: «РЕПЕРНАЯ ТОЧКА» УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИТОГ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ?

В статье проанализированы перспективы развития процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе судебного разбирательства.

Посредством раскрытия подлинных исторических причин, способствующих укоренению в российском уголовном процессе действующего в настоящее время порядка привлечения в качестве обвиняемого, доказана сомнительность и ненадежность аргументов, высказываемых учеными в поддержку упразднения или существенного реформирования данной процедуры. Одновременно сделан вывод о возможности окончательного разрешения поднимаемых в статье вопросов в контексте четкого понимания общей концепции дальнейшего совершенствования всей системы российского досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование, уголовно-правовая претензия

Rossinskiy Sergey Borisovich – the Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor.

INVOLVEMENT AS AN ACCUSED: NODAL ACT OF THE CRIMINAL PROSECUTION OR RESULT OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The article analyzes the prospects for the development of a procedural mechanism for bringing forward a criminal claim against a person, subject to resolution on the merits in the course of the trial.

By revealing the true historical reasons contributing to the rooting of the current procedure for bringing in as an accused in the Russian criminal process, the doubtfulness and unreliability of the arguments expressed by scientists in support of the abolition or significant reform of this procedure, has been proved. At the same time it was concluded that it is possible to finally resolve the issues raised in the article only in the context of a clear understanding of the general concept of further improving the entire system of Russian pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, accusation, preliminary investigation, involvement as an accused, criminal prosecution, criminal law claim.

В последние годы одним из актуальных и достаточно обсуждаемых вопросов, возникающих в связи с объективной потребностью в выборе какого-то принципиально нового пути дальнейшей эволюции российской уголовной юстиции, является вопрос о перспективах развития процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе судебного разбирательства. В частности, среди ученых, практических работников и других специалистов не прекращаются споры о сохранении, существенном реформировании либо ликвидации уже ставшего традиционным для национальной системы досудебного производства порядка привлече-

ния человека в качестве обвиняемого в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом, т. е. сводится к находящейся в ведении следователя автономной юрисдикционной процедуре, состоящей в вынесении соответствующего постановления, предъявлении обвинения и допросе обвиняемого (гл. 23 УПК РФ).

Сторонники полной ликвидации данной процедуры либо ее существенного реформирования, в первую очередь, передачи соответствующих полномочий из компетенции органов предварительного следствия в компетенцию прокуратуры, достаточно часто мотивируют свою точку зрения процессуально-функциональной однородностью выдвижения

позиции государственного обвинения и его последующего поддержания в судебном заседании – кто формулирует уголовно-правовую претензию, тот и доказывает ее состоятельность в суде*. Так, например, Н.Н. Ковтун на основании целого ряда доводов приходит к выводу, что реальное привлечение человека к уголовной ответственности (к материальной обязанности держать ответ за совершенное преступление) происходит в момент утверждения прокурором обвинительного заключения. В этой связи ученый предлагает, исключив привлечение в качестве обвиняемого из содержания предварительного следствия, возвести эту процедуру в ранг самостоятельной и полноценной (как бы прокурорской) стадии российского уголовного процесса [5, с. 134–135]. К.А. Наумов считает, что предусмотренная действующим УПК РФ следственная процедура привлечения в качестве обвиняемого подлежит безусловному упразднению, как не отвечающая поддерживаемой автором концепции построения досудебного производства, предполагающей нахождение всех процессуальных полномочий, связанных с реализацией функции обвинения, в исключительном ведении прокурора. Он подчеркивает, что именно прокурору надлежит, изучив собранные в ходе предварительного расследования доказательства, лично формулировать обвинение и составлять соответствующий обвинительный акт [7, с. 137]. Схожие взгляды можно встретить и в других современных публикациях.

Согласиться с подобным подходом весьма сложно. Автора настоящей статьи, как человека уже не первый год выступающего против резких и поспешных правотворческих шагов, ратующего за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, достаточно трудно убедить в своевременности и целесо-

образности изменения существующего в настоящее время следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого.

Указанные предложения вообще обусловлены распространенной среди известной части юридической общественности политико-конъюнктурной модой на слепое заимствование «положительного» зарубежного опыта и продиктованы стремлением максимально подстроить порядок выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии под «прогрессивные» западные стандарты, в частности под «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства**. К слову, именно по такому пути и пошли многие государства, возникшие на постсоветском пространстве (Грузия, Украина, Казахстан, Прибалтийские республики и т. д.), которые из всех стараются продемонстрировать свою приверженность к европейским ценностям.

Между тем автор вовсе не является бескомпромиссным и упрямым рутинером, не желающим принимать ничего нового, апологетом сохранения существующих правовых механизмов. Вполне возможно, что подобные реформы уже давно назрели или ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, судебных и правоохранительных органов, а также правоприменительной практики назреют в самом ближайшем будущем.

Однако в настоящее время высказываемые в их поддержку аргументы представляются неубедительными, не позволяющими обосновать целесообразность отказа от существующего следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого. В частности, идея о передаче указанных полномочий в ведение прокуратуры ввиду процессуально-функциональной однородности выдвижения позиции государственного обвинения и его последующего поддержания в судебном заседании плохо совместима с заложенной в содержание УПК РФ и пока еще никем не отмененной общей концепцией построения национальной модели предварительного следствия,

* Справедливости ради, все же стоит обратить внимание, что в поддержку данной позиции в современных публикациях приводятся и другие аргументы [1, с. 8; 2, с. 10, 3, с. 12–15 и др.].

** Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей Статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Германии, Австрии, Италии, Польше, Швейцарии и др.), предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа (полицией), либо под прямым руководством прокурора, являющегося «хозяином процесса» (Herr des Ermittlungsverfahren), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий [9, с. 23–24].

а именно с еще присущей этой форме расследования юрисдикционной (судебно-следственной) природой, подразумевающей устремленность следователя не столько к самому обвинению, сколько к обеспечению возможности формирования обвинительного тезиса [8, с. 33]. Другими словами, ошибочность указанного подхода обусловлена попытками обоснования целесообразности ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» указанного механизма, его несоответствием «передовым» западным стандартам, т. е. желанием разрешить данный вопрос в отрыве от других взаимосвязанных с ним положений уголовно-процессуального права, определяющих условия и порядок проведения предварительного следствия.

Любые обсуждения подобных реформ могут начинаться лишь после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тем более, такие глубинные причины существуют, а их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и советского уголовно-процессуального права. В публикациях автора данной статьи неоднократно отмечалось, что унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) представляет собой достаточно необычный и интересный феномен – предполагает вызванное целым рядом факторов переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовного-процессуальной деятельности [9, с. 43].

Российскому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы «французского» варианта романо-германской модели*. Наиболее наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития, невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования, начиная с 1917 г., еще сохраняет свои «наполеоновские» корни, свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу**. В отличие от другой предусмотренной УПК РФ формы расследования – дознания, предварительному следствию свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т. д. Обеспечению этих прав и служит автономная процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования (как пишет В.Ю. Стельмах, при осознании следователем «слабых мест»

* Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей Статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Франции, Испании, Бельгии, Греции и др.), основанную на «классических» идеях континентального уголовного процесса, возникших на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые получивших нормативное закрепление в так называемом «Наполеоновском» кодексе – Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (Code d'instruction criminelle del'Empire Français). «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного расследования, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т. п.), обладающих юрисдикционными полномочиями [9, с. 23].

** Впервые возникнув во время известной судебной реформы Александра II, российская система досудебного производства в современном понимании этого феномена изначально имела достаточно высокую степень преемственности именно по отношению к «французскому» варианту романо-германской модели и заключалась в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.).

обвинения [11, с. 59]) – воспользоваться полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. И именно поэтому установленный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую из:

1) выдвижения обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

2) последующего надлежащего обоснования и подтверждения (своего рода «засиливания») данного тезиса в обвинительном заключении.

Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию, на все большее и большее сближение с предварительным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу*, поэтому подразумевает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить изобличающие его сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в автономизации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не требует подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т. д. Поэтому для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии – вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226.7 УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение – ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

Конечно, совершенно недальновидное и вызванное сугубо политико-конъюнктурными мотивами введение в российский уголовный

процесс чуждого национальным традициям принципа состязательности в его англо-саксонском варианте (ст. 15 УПК РФ) сильно поколебало функциональную направленность следователя, во многом превратив его из «расследователя» в «преследователя», в «досудебного обвинителя», стремящегося лишь к изобличению человека в совершении преступления. Причем этот законодательный шаг оказался настолько деструктивным, привел к настолько негативной правоприменительной практике (к резкому усилению обвинительного уклона), что в свое время даже потребовал вмешательства Конституционного Суда РФ, попытавшегося несколько сгладить допущенный перегиб (постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П).

Вместе с тем принцип состязательности, к счастью, так и не позволил полностью сломать многолетние обычаи российского досудебного производства, лишив следственные органы исконно свойственной им процессуальной функции предварительного расследования. В одной из своих последних работ С.А. Шейфер совершенно справедливо обратил внимание, что следователь, несмотря ни на что, остается представителем следственной (судебно-следственной) власти, не совпадающей с властью обвинительной [12, с. 131]. В 2007 г. государство решилось на кардинальную реформу досудебного производства, позволившую некоторым образом разграничить полномочия органов предварительного следствия и прокуратуры (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» от 05.06.2007 № 87-ФЗ).

Привлечение в качестве обвиняемого как один из типичных элементов реализации следственной власти не имеет сугубо обвинительной направленности. Эта процедура обладает юрисдикционным характером, предполагающим комплексное решение целого ряда как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных задач [4, с. 6]. Она сводится не только к вынесению постановления,

* Как известно, в дореволюционный период под дознанием понималась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, на установление и розыск потенциальных обвиняемых и осуществление иных подобных познавательных и обеспечительных мероприятий, в настоящее время относящихся к содержанию оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов (отд. 2 гл. 1 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). Однако революционные события 1917 г. и последующие за ними реформы правоохранительной системы обусловили постепенное превращение дознания в одну из форм предварительного расследования, в некую процессуальную альтернативу предварительному следствию.

а включает и ряд последующих процессуальных действий (ознакомление обвиняемого и его защитника с существом обвинения, разъяснение обвиняемому его прав, допрос обвиняемого и др.), которые уж точно не могут быть расценены как приемы, проводимые в целях осуществления уголовного преследования.

Но даже само по себе постановление о привлечении в качестве обвиняемого отражает не только существо сформулированной по результатам предварительного следствия и выдвинутой в отношении конкретного лица уголовно-правовой-претензии («уголовного иска»), оно содержит и другие реквизиты, имеющие не обвинительную, а исключительно правоприменительную направленность. Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого дается предварительная юридическая оценка (уголовно-правовая квалификация) содеянного, влияющая на дальнейшее развитие уголовно-процессуальных правоотношений (на подсудность уголовного дела, возможность применения особого порядка судебного разбирательства либо назначения судебного штрафа, возможность рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и т. д.). Кроме того, посредством издания данного государственно-властного распорядительного акта лицо переводится в новое юридическое состояние – в процессуальный статус обвиняемого, после чего у него появляются дополнительные правовые возможности (п. 5 ч. 2 ст. 171 УПК РФ).

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого нельзя расценивать только в контексте уголовного преследования, т. е. как одну из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения. Подобной точкой скорее является утверждаемое прокурором обвинительное заключение – завершающий акт предварительного следствия и одновременно повод для возбуждения производства в суде первой инстанции, т. е. документ, посредством которого представитель обвинительной власти (прокурор) впервые сообщает суду о своем намерении добиваться признания лица виновным в совершении инкриминируемого ему деяния*. Тогда как при-

влечение в качестве обвиняемого – это более сложный, имеющий комплексное межотраслевое правовое предназначение юрисдикционный механизм, посредством которого подводится определенный итог всей предшествующей работе органов предварительного следствия. А постановление о привлечении в качестве обвиняемого в определенной степени уподобляется обвинительному приговору суда как основному правоприменительному акту юрисдикционного характера (акту правосудия) по уголовному делу, тоже предполагающему правовую оценку (уголовно-правовую квалификацию) инкриминированного преступления, перевод подсудимого в несколько иное юридическое состояние, а также возникновение, изменение либо прекращение других правоотношений.

В завершение хочется еще раз обратить внимание, что автор настоящей Статьи вовсе не ратует за безусловное сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, по крайней мере, в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом. Не исключено, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций, направленных на усиление процессуальной экономии, на удешевление уголовного процесса, на оптимизацию уголовной юстиции и т. п., Российской Федерации все же придется окончательно отказаться от сохранившихся до настоящего времени (к слову, достаточно сложных, «тяжелых» и затратных) элементов «французского» (следственного) варианта романо-германской модели досудебного производства и по примеру Германии, Австрии и других европейских стран полностью перестроить систему предварительного расследования по «немецкому» (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. При таком развитии событий останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги, ну а если повезет – даже принять посильное участие в подготовке соответствующих законопроектов.

* Кстати, в этой связи заслуживает внимания точка зрения Ю.В. Деришева, который, досконально изучив «французский» вариант романо-германской модели досудебного производства и прогнозируя перспективы реставрации дореволюционного института судебных следователей в России, моделирует процедуру, состоящую в более четком разграничении следственных и прокурорских полномочий в части привлечения в качестве обвиняемого. Следовательно, по мнению автора, надлежит, не вынося специальное постановление, формировать обвинительный тезис путем системы процедурных действий, а прокурору – окончательно закреплять этот тезис в собственном уголовно-процессуальном акте – обвинительном заключении [3, с. 267].

Но в любом случае ясно одно – поднятые в настоящей Статье проблемы могут быть окончательно разрешены лишь посредством четкого понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовной юстиции в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. И вообще любые реформы уголовного судопроизводства, в частности, механизмов выдвижения в отношении лица в отношении лица уголовно-правовой претен-

зии, должны иметь не сугубо законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя с повышения уровня его профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, т. е. личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией [10, с. 95–96, 100].

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21.
2. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
3. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения. Омск, 2005.
4. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск, 2007.
5. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9.
6. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. М., 2013.
7. Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России. Омск, 2021.
8. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // Юридическое образование и наука. 2020. № 8.
9. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021.
10. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.
11. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4.
12. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.

Bibliography

1. Gavrilov B.Ya. Modern problems of pre-trial proceedings and measures to resolve them // A Russian investigator. 2013. № 21.
2. Gavrilov B.Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: does it correspond to the scientific views and requirements of the law enforcement officer // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 6.
3. Derishev Yu.V. Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional legal construction. Omsk, 2005.
4. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Involvement as an accused: an educational and practical guide. Omsk, 2007.
5. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian Law. 2019. № 9.
6. Kolbeeva M.Yu. Institute of attracting a person as an accused in the conditions of reforming criminal procedural legislation. M., 2013.
7. Naumov K.A. The essence and construction of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia. Omsk, 2021.
8. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: a fresh look at old problems // Legal education and science. 2020. № 8.
9. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021.
10. Rossinsky S.B. What should a Russian investigator be? (to the 25th anniversary of the Concept of judicial reform of the RSFSR) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 10.
11. Stelmakh V.Yu. Some problems of regulatory regulation of inquiry // Russian justice. 2019. № 4.
12. Shafer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power. M., 2013.

© 2021 г. Ляхов Юрий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ.
E-mail: bestar@yandex.ru

НЕЗАКОННЫЙ ВЕДОМСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье анализируются причины появления в российском законодательном процессе незаконного ведомственного интереса, раскрывается понятие этого явления, показана его живучесть и многообразие проявлений. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве незаконный ведомственный интерес нашел свое закрепление в праве следователя и дознавателя назначить вопреки желанию подозреваемого и обвиняемого им защитника, в усложнении возможности ознакомления надзирающего за следствием прокурора с материалами расследуемого уголовного дела. Незаконный ведомственный интерес противоречит сущности российского уголовного процесса, дегуманизирует его, является препятствием совершенствования российской судебной власти. Противодействие незаконному ведомственному интересу требует как глубокого научного анализа сущности уголовного процесса, так и повышения качества законодательного процесса.

Ключевые слова: незаконный ведомственный интерес, сущность уголовного процесса, законодательский процесс, правовой характер уголовно-процессуального законодательства.

Lyakhov Yuriy Alekseevich – Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Faculty of Law, Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

ILLEGAL DEPARTMENTAL INTEREST IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the reasons for the appearance of illegal departmental interest in the Russian legislative process, reveals the concept of this phenomenon, shows its survivability and diversity of manifestations. In the current criminal procedure legislation, the unlawful departmental interest was enshrined in the right of the investigator and interrogator to appoint a lawyer against the wishes of the suspect and the accused, in complicating the possibility of familiarizing the prosecutor supervising the investigation with the materials of the criminal case under investigation. Illegal departmental interest contradicts the essence of the Russian criminal process, dehumanizes it, makes an obstacle to the improvement of the Russian judicial power. Countering illegal departmental interest requires both a deep scientific analysis of the essence of the criminal process and an increase in the quality of the legislative process.

Keywords: illegal departmental interest, the essence of the criminal process, the legislative process, the legal nature of criminal procedure lawmaking.

Постоянно вносимые изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации преследуют цель совершенствования порядка производства по уголовным делам. В большинстве случаев они таковыми и являются. Иницируют законодательные изменения, как правило, соответствующие ведомства, занимающиеся правоприменительной уголовно-процессуальной деятельностью. И хотя не все эти ведомства обладают правом законодательной инициативы (ст. 104 Конституции РФ), но это не является препятствием для закрепления в законодательстве назревших, вытекающих из ведомственной практики изменений уголовно-процессуальной деятельности.

Участие в законодательном процессе заинтересованных ведомств является нормальной государственной практикой, соответствующей

международным стандартам. Однако это имеет место только тогда, когда инициатива ведомства действительно направлена на совершенствование порядка законодательного регулирования, а не преследует иные цели. По нашему мнению, все изменения уголовно-процессуального законодательства только тогда имеют правовой характер, когда они соответствуют сущности уголовного процесса. Это мы неоднократно и настойчиво подчеркивали, поскольку российская действительность дает основания для вывода о том, что некоторые ведомства, превратно понимая свои интересы в уголовном процессе, пытаются и добиваются реализации их в законодательстве [1].

Казалось бы, серьезно изменившееся уголовно-процессуальное законодательство после принятия в 2001 г. нового УПК РФ должно надолго устранить основания для

проявления такого феномена, как незаконный ведомственный интерес. Однако существовавшая порочная следственная практика, ориентированная на преувеличение значения признания своей вины обвиняемым, на получение этого признания нередко незаконным путем, сразу же вошла в противоречие с новым законодательным положением о недопустимых доказательствах. Часть 2 ст. 75 УПК РФ установила, что показания подозреваемого и обвиняемого, полученные в досудебном производстве по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные ими в суде, являются недопустимыми доказательствами. Таким образом, незаконные действия следователей и дознавателей по получению признания обвиняемых теряли смысл, поскольку в суде при отказе от них эти показания становятся недопустимыми доказательствами. Правда, все эти последствия наступали только тогда, когда допрос обвиняемого проводился следователем без участия защитника.

Ведомства, у которых был следственный аппарат, встретили рассматриваемое законодательное положение отрицательно, т. к. надо было отказываться от старой практики. Особенно усердствовали следователи и дознаватели МВД России. В средствах массовой информации появились публикации, в которых с возмущением говорилось о безосновательном подозрении следователей в нарушениях законности предварительного расследования.

Законотворцы решили воплотить в законодательстве незаконный ведомственный интерес. Чтобы можно было обойти положение ч. 2 ст. 75 УПК РФ, решили дополнить ст. 52 УПК РФ положением о том, что отказ от защитника не обязателен для дознавателя и следователя (ФЗ от 4.07.2003 № 92-ФЗ). При этом торопились так, что забыли сначала хотя бы закамouflировать истинную суть этого дополнения, не указали суд, на который это положение должно тоже распространяться. Пришлось это делать Федеральным законом от 8.12.2003 № 161-ФЗ. Теперь следователь и дознаватель получили право по своему усмотрению назначать (приглашать) защитника и, скажем, проводить допрос подозреваемого, обвиняемого в присутствии защитника, хотя допрашиваемый и против участия защитника.

Это привело к тому, что следователи и дознаватели для сохранения доказательственного значения, полученного «правдами и неправдами» признания своей вины обвиняемым, приглашали для участия в допросе сговорчивых или знакомых адвокатов и таким образом нейтрализовали ч. 2 ст. 75 УПК РФ. На практике и в

специальной литературе даже появилось название таких адвокатов – «карманный адвокат» [2].

Сегодня трудно сказать, сколько таких доказательств было положено судами в основу обвинительных приговоров. Но понадобилось полтора десятка лет, чтобы следователей и дознавателей лишили права самим подбирать, какого адвоката им приглашать для участия в деле. Теперь это определяется на практике соответствующим «графиком» в коллегиях адвокатов.

В 2003 г. нам казалось, что закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве незаконного ведомственного интереса – исключительное, уникальное явление, не характерное для российского уголовного процесса. Однако последующая законодательная практика опровергает эти оптимистические надежды и вызывает необходимость серьезного противодействия незаконному ведомственному интересу в уголовном процессе. Невнимание к этой проблеме приводит к тому, что незаконный ведомственный интерес продолжает закрепляться в российском уголовном процессе, искажая его действительную сущность.

В подтверждение изложенного можно привести некоторые примеры. Так, в 2007–2008 гг. произошло разумное отделение функции прокурорского надзора за следствием от функции процессуального руководства следствием. Объединение в полномочиях прокурора этих двух разнонаправленных функций лишь снижало эффективность прокурорской деятельности в уголовном процессе. Проведенная реорганизация, несмотря на ее обоснованность, не могла непосредственно сказаться на качестве предварительного следствия, повысить его. Прокуроры, как и прежде, продолжали выявлять массовые случаи нарушения законности предварительного следствия. Эти показатели по стране исчислялись миллионами случаев. В этих условиях ведомство, руководящее следствием, решило пойти незаконным путем – изменить законодательство таким образом, чтобы затруднить прокурорам возможность выявлять нарушения законов следователями и руководителями следственных органов. Таким образом, в 2008 г. в уголовно-процессуальном законодательстве появилась ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ [4], которая существенно ограничивала возможности прокурора на ознакомление с материалами расследуемого дела. Теперь закон устанавливает, что только по «мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела». Поднадзорный орган или участник процесса решает – представить

надзирающему прокурору или не представить материалы дела для проверки. Такое положение грубо противоречит обычному соотношению полномочий надзирающего органа и поднадзорного, а на практике, к сожалению, есть случаи (особенно на районном уровне), когда недобросовестные следователи и руководители следственных органов препятствуют своевременному ознакомлению прокурора с материалами уголовных дел. Желание ограничить возможности надзирающего прокурора по выявлению нарушений закона при расследовании уголовных дел является незаконным ведомственным интересом.

Ну и совсем недавнее событие – принятие 8 июля 2020 г. Государственной Думой РФ в первом чтении проекта закона о внесении изменений в ст. 401.3 УПК РФ. В основе этого законопроекта, по нашему мнению, также лежит незаконный ведомственный интерес. И не случайно, весь российский интернет буквально взорвался, справедливо полагая, что с принятием предлагаемой поправки в ст. 401.3 УПК РФ будут серьезно ограничены права осужденных на исправление возможной судебной ошибки [5].

А дело вот в чем. В связи с созданием в России десяти окружных кассационных судов законодатель ввел так называемую «сплошную кассацию» вместо существовавшей до этого «выборочной кассации». Ранее все поступающие в кассационную инстанцию кассационные жалобы или представления сначала изучались соответствующим судьей, который и решал – передать или отказать в передаче кассационных жалоб или представлений для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. На практике большинство обращений в кассационную инстанцию не доходило до их рассмотрения судом в судебном заседании.

С октября 2019 г. начали действовать окружные кассационные суды, которые по закону должны рассматривать в судебном заседании все кассационные жалобы и представления, а предварительная их проверка и отсеивание ушли в прошлое. Сразу же существенно возросла нагрузка в кассационных судах. И хотя все это вполне можно было заранее предусмотреть и найти оптимальное решение проблемы, Верховный Суд РФ в сложившейся ситуации пошел по пути, который учитывает только ведомственные (точнее, незаконные ведомственные) интересы. Решено законодательно ограничить сплошную кассацию лишь двумя месяцами после вступления приговора или иного судебного решения в законную силу. И хотя такое решение противоречит сущности уголовного процесса, его гуманистической основе и существенно ограничивает права осужденных, оно все-таки было принято (Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ) Федеральным Собранием РФ. Правда, срок для «сплошной кассации» установлен в шесть месяцев, а не два, как изначально предлагал Верховный Суд РФ.

К изложенному следует добавить и то, что рассматриваемое изменение УПК РФ является антиконституционным. Обратимся к ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, в которой прямо предусмотрено, что в «Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Незаконный ведомственный интерес является серьезной преградой на пути совершенствования российского уголовного процесса, укрепления государственной власти в нашей стране, а это вызывает необходимость его глубокого и всестороннего научного анализа и неуклонного учета в законотворческой деятельности.

Литература

1. Ляхов Ю.А. Приоритеты уголовно-процессуального законодательства // Государство и право. 2010. № 9.
2. Телехов М. Адвокат по сговору // Российская газета. 2006. № 214.
3. Уголовный процесс. Общая часть: учебник. Ростов н/Д, 2018.
4. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2008. № 4807.
5. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/08/04/otmena-bessrochnoy-kassacii-v-sudakh-vyzvala-buryu.html>.

Bibliography

1. Lyakhov Yu.A. Priorities of criminal procedural lawmaking // State and law. 2010. № 9.
2. Telekhov M. Lawyer by conspiracy // Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 214.
3. Criminal proceedings. General part: tutorial. Rostov n/D, 2018.
4. Federal Law № 226-FL of 02.12.2008 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2008. № 4807.
5. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/08/04/otmena-bessrochnoy-kassacii-v-sudakh-vyzvala-buryu.html>.

© 2021 г. Гриценко Татьяна Викторовна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.

Солонникова Нина Валерьевна,

доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье раскрываются актуальные вопросы, связанные с избранием и применением меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии предварительного расследования. Особое внимание уделено установленным законом основаниям избрания, процессуальному порядку применения заключения под стражу, роли суда в этом процессе. Авторами был выявлен ряд проблем практического применения норм уголовно-процессуального права, регламентирующих рассматриваемый институт.

Ключевые слова: заключение под стражу, судебный контроль, меры пресечения, обвиняемый, подозреваемый, суд, следствие.

Gritsenko Tatiana Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminal and Legal Disciplines, Rostov branch of Russian Customs Academy, PhD in Law.

Solonnikova Nina Valerievna – Associate Professor, the Department of Forensic Science, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROBLEMATIC ASPECTS OF DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

The article reveals topical issues related to the election and application of a preventive measure in the form of detention at the stage of preliminary investigation. Particular attention is paid to the grounds for election established by law, the procedural order of the application of detention, the role of the court in this process. The authors identified a number of problems in the practical application of the norms of criminal procedure law governing the institution in question.

Keywords: detention, judicial control, preventive measures, accused, suspect, court, investigator.

Анализ статистических показателей применения избираемых по судебному решению мер пресечения показывает, что в течение последних пяти лет в России происходит сокращение примененных арестов – всего на 30,3 %. Так, в 2016 г. было подано ходатайств о применении данной меры на стадии предварительного расследования 135 010, в 2017 г. – 126 290, в 2018 г. – 114 257, в 2019 г. – 106 046, в 2020 г. – 96 663. Всего на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства арест применялся в 2016 г. к 135 206 лицам, в 2017 г. – к 127 343 лицам, в 2018 г. – к 116 142 лицам, в 2019 г. – к 109 206 лицам, в 2020 г. – к 111 529 лицам [1].

Отчасти сокращение показателей происходит за счет расширения на 14,7 % практики применения домашнего ареста. Всего в течение предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в судах домашний арест применялся в 2016 г. – 6 776 раз, в 2017 г. – 7 374 раз, в 2018 г. – 7 264 раз, в 2019 г. – 7 074 раз, в 2020 г. – 9 350 раз. В 2020 г. судами

Российской Федерации было удовлетворено также 262 ходатайства о замене заключения под стражу на домашний арест (рассмотрено подобных ходатайств всего 306) [2].

Существенными темпами наращивается практика применения вновь введенной меры – запрета определенных действий (в 2020 г. зафиксировано 1 849 случаев избрания данной меры, что в 4,3 раза превышает количество примененных запретов определенных действий в 2019 г.). Кроме того, в 2020 г. судами Российской Федерации удовлетворено 2 012 ходатайств о возложении обязанности на подозреваемого (обвиняемого) по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста [2].

Остановилось также уменьшение количества применяемого залога к обвиняемым (подозреваемым), отмечаемое специалистами с 2011 г. [3; 4; 12]. По всей видимости, это связано с законодательными преобразованиями последних лет. Так, в 2020 г. зафиксировано максимальное количество примененных

залогов за последние пять лет – 244, что на 15 превышает количество примененных залогов в 2016 г. и на 167 (или в три раза) – количество примененных залогов в 2019 г. В 2020 г. зафиксировано также два случая замены судами домашнего ареста на залог, единожды заключение под стражу было заменено на залог (подобных ходатайств судами рассмотрено всего шесть) [2].

Доля удовлетворенных судом ходатайств об избрании залога, заявленных дознавателями (следователями) и стороной защиты, незначительно, но увеличивается (в 2020 г. на 5 % чаще суд удовлетворил указанные ходатайства, чем в 2019 г.); доля удовлетворенных судом ходатайств об избрании заключения под стражу, напротив, сокращается – с 90 % в 2016 г. до 87 % в 2020 г.

Представленные статистические данные указывают на то, что сложившаяся практика избрания и применения мер пресечения все же реагирует на меняющуюся законодательную концепцию.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. было акцентировано внимание судов на следующих вопросах:

- на необходимости рассмотрения в каждом случае возможности применения к обвиняемому (подозреваемому) альтернативных аресту мер пресечения;

- на необходимости тщательной проверки оснований, представленных в ходатайстве дознавателя (следователя) о применении конкретной, избираемой по решению суда, меры пресечения;

- на более активное применение залога, в том числе, в сочетании с одним или несколькими запретами, предусмотренными введенной Федеральным законом № 72-ФЗ от 18.04.2018 мерой пресечения «Запрет определенных действий», причем суд сам может инициировать рассмотрение вопроса о применении залога как альтернативы той мере пресечения, о которой ходатайствует дознаватель (следователь);

- на запрет применять заключение под стражу в отношении лиц, совершивших преступление в связи с выполняемой предпринимательской деятельностью, и на то, что в отношении таких предпринимателей целесообразнее применять запрет определенных действий [5].

Как видно из краткого обзора содержания документа, разъяснения, в нем содержащиеся,

продолжают и развивают заданный курс либерализации уголовного судопроизводства и идею сокращения «репрессии» при применении принуждения к участникам уголовного судопроизводства, его индивидуализации, а также популяризации применения альтернативных аресту мер пресечения.

Однако до настоящего времени не утихают доктринальные споры относительно меры пресечения в виде заключения под стражу, связаны они в основном с правовым регулированием оснований для ареста. Несмотря на уменьшение количества избираемых в отношении обвиняемых данной меры пресечения, актуальность и проблемность данного института не снижается.

Необходимо отметить, что представители стороны обвинения в большинстве случаев заинтересованы в том, чтобы обвиняемый находился именно под стражей. Данный фактор влияет на поведение самого обвиняемого: камерные условия негативно воздействуют на арестованного, подавляется его воля, и он становится более управляемым и «удобным» для субъекта доказывания. В данной ситуации легче склонить обвиняемого к признанию вины, к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, расширяются возможности внутрикамерной оперативной разработки и т. д.

Полагаем, существенной гарантией от необоснованного применения меры пресечения в виде заключения под стражу должен служить именно установленный в уголовно-процессуальном законе порядок применения данной меры пресечения, который носит комплексный характер, где проявляется процессуальная независимость лица, производящего расследование, а также реализуются элементы прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля.

В УПК РФ (ч. 3 ст. 108) закреплено, что, если дознаватель или следователь приходят к решению о необходимости заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого, то первый должен согласовать свое действие с прокурором, а второй с руководителем следственного органа. Исходя из законодательной конструкции, можно сделать вывод, что дополнительный ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа и надзор прокурора при обращении дознавателя являются дополнительными гарантиями от необоснованного и незаконного избрания столь строгой меры пресечения.

В действительности же опрошенные нами следователи и дознаватели системы МВД России сообщили, что при обращении ими к прокурору, руководителю следственного органа последние достаточно формально подходят к проверке предоставленных материалов, обосновывающих необходимость ареста. Поскольку принятие окончательного решения по данному вопросу входит в компетенцию федеральных судов, прокуроры и руководители следственных органов полагают, что именно судебные органы должны более принципиально относиться к проверке лежащих в обосновании заявленных ходатайств об избрании данной меры пресечения фактов и обстоятельств. Суды, в свою очередь, надеются, что промежуточное звено – прокурор, руководитель следственного органа, как заинтересованные участники ареста обвиняемого (подозреваемого), полно и объективно проведут исследование представленных в обоснование ходатайства материалов и не допустят их до суда в случае недостаточности и отсутствия законных оснований.

В целях исключения формализации ведомственного контроля и прокурорского надзора при проверке представленных дознавателем, следователем ходатайств, считаем необходимым наделить следователя (дознавателя) правомочием *непосредственно* обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Отдельные авторы также предлагают упростить процессуальный порядок получения решения суда и отказаться от «системы двойных санкций» [6, с. 208–209].

Законодатель установил повышенные требования при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних, гарантируя их тем самым от незаконного и необоснованного ареста. Данные требования связаны, в частности, с ограничением категории преступлений, за совершение которых несовершеннолетним обвиняемым может быть назначена самая строгая мера пресечения. Верховный Суд РФ существенно усилил данные гарантии своим постановлением. Однако, несмотря на правовую позицию Верховного суда РФ [9], в практической деятельности данные установок часто не принимаются во внимание следователем (дознавателем). Анализ материалов уголовных дел позволяет говорить об отсутствии системного подхода, о непоследовательности правоприменителей при ре-

шении вопроса об избрании мер пресечения.

Из материалов уголовного дела: «05 августа 20.. г. примерно в 11:00 часов инспектор дежурного по жилой зоне дежурной части ФКУ ИК № ... УФСИН России по Республике Татарстан капитан внутренней службы Г., являясь должностным лицом, находясь на остановке общественного транспорта «Микрорайон Бумажников» п. Зяб г. Набережные Челны за незаконное действие, а именно – пронос мобильного телефона для осужденного С. в жилую зону ФКУ ИК № ... УФСИН России по РТ, получил от В. взятку в виде денег в сумме ... тысяч рублей. В отношении подозреваемого Г. следователь М. принял решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении» [8].

Обращают на себя внимание следующие фактические данные из уголовного дела: Г. характеризуется по месту работы отрицательно; деяние, совершенное Г., относится к категории тяжких преступлений (ч. 3 ст. 290 УК РФ). Не вполне ясно, чем руководствовался следователь при избрании столь мягкой меры пресечения.

Из материалов другого уголовного дела: «По подозрению в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, задержан Ю. Основанием задержания явилось то, что на Ю. указали очевидцы как на лицо, совершившее в отношении Т. преступление. В обоснование необходимости избрания в отношении подозреваемого Ю. ареста следователем были положены следующие обстоятельства:

- изучением личности подозреваемого Ю. установлено, что какими-либо заболеваниями, указанными в Постановлении Правительства РФ от 14 января 2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [9], препятствующими его содержанию под стражей, он не страдает;

- в совокупности с тем, что Ю. подозревается в совершении особо тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на длительный срок, Ю., находясь на свободе, может угрожать участникам уголовного судопроизводства, скрыться от органов предварительного следствия и суда;

- от потерпевшей Т. и ее законного представителя поступило заявление о том, что в

настоящее время в отношении Т. и ее законных представителей оказывается давление со стороны Ю. и его родственников, последние склоняют потерпевших отказаться от написанного заявления о преступлении. В частности, сам Ю. в социальной сети «ВКонтакте» неоднократно писал потерпевшей сообщения вышеуказанного характера, а также, несмотря на то, что потерпевшая обратилась в правоохранительные органы с заявлением о привлечении Ю. к уголовной ответственности за половое сношение против ее воли, склонял потерпевшую вступить с ним в половую связь аморальным образом, что также дает следствию основания полагать намерения Ю. продолжить заниматься преступной деятельностью против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних [8].

Следователем в указанной ситуации было подано ходатайство об избрании заключения под стражу в отношении, акцентируем внимание, несовершеннолетнего подозреваемого (что само по себе является исключительным случаем). При этом последний положительно характеризовался как по месту учебы, так и по месту жительства.

Необоснованность и поспешность следователя при принятии решения о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого Ю. была исправлена федеральным судом, и в отношении Ю. все же была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, с правом посещения учебных занятий. Что особенно резонансно, Ю. был в последующем оправдан в инкриминируемом ему деянии. Частные обстоятельства рассмотренного нами конкретного уголовного дела наглядно демонстрируют, как должен работать институт судебного контроля при применении мер процессуального принуждения, одновременно они указывают на некоторый «обвинительный уклон» органов предварительного расследования, как бы «на всякий случай», при наличии формальных оснований для избрания заключения под стражу, ходатайствующих об избрании данной меры.

Обоснованность решения следователя (дознателя) об избрании меры пресечения, как мы полагаем, должна заключаться в предоставлении суду *достаточных* объективных данных, указывающих на причастность лица к совершенному деянию, на невозможность избрания иной, более мягкой меры пресечения и т. д. В данном контексте весьма обос-

нованно утверждение И.Л. Петрухина о том, что «улики могут быть признаны достаточными для того, чтобы поставить лицо в положение обвиняемого, но не достаточными для заключения его под стражу» [10, с. 307].

С позиции Верховного суда РФ [9], обоснованные подозрения – это не что иное, как основания для задержания лица в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ). К сожалению, анализ судебных материалов, изученных нами, демонстрирует, что указаний отдельных граждан на лицо, как на совершившее преступление, достаточно как для задержания по подозрению в совершении преступления, так и для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

Суды должны учитывать требование высшей судебной инстанции о необходимости проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, которая не должна сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению *именно этого лица*, и дать этим сведениям оценку.

Неоднозначной, требующей дополнительной проработки, представляется также позиция высшей судебной инстанции о том, что, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица. В научных исследованиях нижегородской школы процессуалистов неоднократно было отмечено, что уголовно-процессуальная категория «виновность» предусматривает обоснованность (доказанность) фактической стороны обвинения [11, с. 24–25], т. е. причастность лица к совершенному общественно-опасному деянию, иными словами, Пленум Верховного суда РФ предлагает избирать самую строгую меру пресечения, не устанавливая сам факт совершения преступления данным лицом.

Запрет входить в обсуждение виновности (причастности) лица к совершению преступления – это давний и проблемный вопрос для

судебной системы. Верховный суд РФ достаточно болезненно воспринимает попытки доктринального сообщества обратить на это внимание. Верховный суд РФ и ряд ученых-процессуалистов заявляют, что вторжение в обсуждение вопросов виновности лица при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу нарушает принцип состязательности сторон и может повлиять на принятие иных решений по данному же делу другим судом, в том числе, и при постановлении приговора, что обвиняемый в этом случае будет входить с судебные стадии уже виновным. В то же время Пленум никак не

поясняет, насколько реально, к примеру, оценить тяжесть предъявленного обвинения, роль обвиняемого в преступной группе, наличие обстоятельств, смягчающих или отягчающих его вину, и других обстоятельства, не вторгаясь в сферу обсуждения (оценки) вопроса о доказанности самого инкриминируемого обвиняемому преступления, а, соответственно, и вопроса о вине подлежащего аресту лица. Между тем, именно фактическое основание обосновывает необходимость избрания той или иной меры принуждения, а, отчасти, и законность ее применения.

Литература

1. URL: <http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13>.
2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.
3. Вершинина С.И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 2 (46).
4. Царева Ю.В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Труды Академии Управления МВД России. 2018. № 1 (45).
5. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74163516/>.
6. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008.
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.
8. URL: naberezhno-chelninsky.tat.sudrf.ru.
9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109436/.
10. Петрухин И.Л. Человек и власть. М., 1998.
11. Юнусов А.А. Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (к разработке концепции): монография. Казань, 2005.
12. Гриценко Т.В. Проблемы правового регулирования залога в системе уголовно-процессуальных мер пресечения // Юрист-Правовед. 2020. № 2 (93).

Bibliography

1. URL: <http://stat.apipress.rf/stats/ug/t/15/s/13>.
2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.
3. Vershinina S.I. Problems of legal regulation of pledge as a preventive measure // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (46).
4. Tsareva Yu.V. Collateral in the system of measures of criminal procedural restraint // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (45).
5. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74163516/>.
6. Bykov V.M. Actual problems of criminal proceedings. Kazan, 2008.
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.
8. URL: naberezhno-chelninsky.tat.sudrf.ru.
9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109436/.
10. Petrukhin I.L. Man and power. M., 1998.
11. Yunusov A.A. Theory and practice of effective preparation of a criminal case for trial (to the development of a concept): monograph. Kazan, 2005.
12. Gritsenko T.V. Problems of legal regulation of pledge in the system of criminal procedural measures of restraint // Yurist-Pravoved. 2020. № 2 (93).

© 2021 г. Багаутдинов Шамиль Флерович,

руководитель следственного отдела по Советскому району г. Казань следственного управления Следственного комитета России по Республике Татарстан.

ЗАКОННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ПОДСУДИМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы процессуального статуса, прав и обязанностей законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, следовательно, отстранение законного представителя.

Bagautdinov Shamil Flerovich – Head of the Investigation Department for the Soviet District of Kazan of the Investigation Department of the Investigative Committee of Russia for the Republic of Tatarstan.

LEGAL REPRESENTATIVES OF JUVENILE ACCUSED, SUSPECT, DEFENDANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the issues of the procedural status, rights and obligations of legal representatives of minors of the accused, suspect, defendant in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings against minors, legal representative of a minor accused, suspect, defendant, investigator, removal of a legal representative.

Исходя из п. 12 ст. 5 УПК РФ, в качестве законных представителей выступают родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства.

Указанный перечень является исчерпывающим, однако толкуется на практике расширительно. Возникающие различные ситуации требуют включения в число законных представителей и других лиц, в частности:

- близких родственников, родственников, близких лиц;
- педагогов, учителей, тренеров;
- представителей организаций, где работал или учился несовершеннолетний, и других.

Суть уголовно-процессуальной деятельности законного представителя несовершеннолетнего заключается в защите прав и законных интересов представляемого лица и в защите собственных интересов [1].

Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. При этом им разъясняются права, предусмотренные ч. 2 ст. 426 УПК РФ.

Законный представитель имеет право:

- 1) знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний;
- 2) присутствовать при предъявлении обвинения;
- 3) участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя – в иных следственных действиях;
- 4) знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте записей в указанных протоколах;
- 5) заявлять ходатайства и отводы, подавать жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора;
- 6) представлять доказательства;
- 7) после окончания предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из дела любые сведения и в любом объеме.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, близкие родственники несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, допускаемые к участию в качестве законных представителей, выполняют функцию защиты от обвинения, пользуются гарантированным ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации правом не свидетельствовать против близких родственников. Они

могут быть отстранены от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что их действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. Использование законным представителем предусмотренных законом прав представлять доказательства и давать показания не влечет приобретения им статуса свидетеля в уголовном деле и само по себе не исключает его участия в деле в качестве защитника наряду с адвокатом [2].

Закон предоставляет законному представителю право на самостоятельную реализацию его прав и не содержит для этого никаких условий, связанных с волеизъявлением несовершеннолетнего. Как подчеркнул Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», жалобы законных представителей в суде апелляционной инстанции подлежат рассмотрению независимо от позиции, занимаемой по делу несовершеннолетним.

В этой связи А.С. Ландо указывал: «Действия законного представителя не связаны с волей обвиняемого и осуществляются как в его интересах, так и в интересах самого представителя» [3].

Необходимо обратить особое внимание на требование закона о том, что законные представители допускаются к участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого на основании постановления следователя, дознавателя. По смыслу закона законные представители имеют право участвовать в расследовании дела с момента установления причастности несовершеннолетнего к совершению преступления и его первого допроса. Это требует от следователя, дознавателя своевременно оформлять вступление в дело законного представителя путем вынесения соответствующего постановления. Отсутствие указанного постановления не лишает законного представителя права требовать его допуска к первому допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Прокурор обязан ориентировать следователя, дознавателя на своевременное, максимально раннее признание родителей или других лиц в качестве законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Они должны иметь достаточное

время и возможности для общения с несовершеннолетним, обсуждения и подготовки совместной линии защиты. Решение о признании лица законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должно быть принято в кратчайший срок и на первоначальной стадии расследования.

Комитет ООН по правам человека, рассмотрев 28.10.2016 сообщение «Бережной против Российской Федерации», признал нарушением то обстоятельство, что мать несовершеннолетнего была признана законным представителем почти через два месяца после ареста сына, когда следствие уже завершалось.

В ст. 426 УПК РФ закреплено положение о полномочии следователя, дознавателя на отстранение законного представителя от участия в деле, когда его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Законный представитель может быть отстранен на весь период расследования. В случае принятия такого решения к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель. Об отстранении от участия в уголовном деле законного представителя выносится постановление, которое может быть обжаловано в установленном законом порядке [4]. Это положение повышает ответственность следователя, дознавателя за принимаемое решение и призвано обеспечить защиту прав законного представителя.

Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 1, действиями, которые наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, являются невыполнение обязанностей законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела.

Запрещается привлекать к участию в деле законными представителями лиц, которые совершили преступление вместе с несовершеннолетним подсудимым, а также лиц, против которых несовершеннолетний совершил преступление.

Нормы УПК РФ о допуске законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого к участию в уголовном деле, о его правах на стадии предварительного расследования и в суде представляются

недостаточно конкретизированными, не всегда отвечают требованиям определенности.

Например, на основании ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого, обвиняемого. Можно привести массу ситуаций, которые не подпадают под это определение. Укажем на некоторые из них:

- проводится доследственная проверка в отношении несовершеннолетнего по заявлению или сообщению о совершении им преступления, выполняются доследственные процессуальные действия (получение объяснений, получение образцов для исследования, назначение экспертиз и другие);

- несовершеннолетний, фактически имеющий в уголовном деле статус подозреваемого, вызывается к следователю, дознавателю и допрашивается в качестве свидетеля; такой статус свидетеля нередко сохраняется длительное время, и обвинение несовершеннолетнему предъявляется лишь в конце расследования;

- по месту жительства несовершеннолетнего, в других местах проводятся обыски, выемки, в целях получения доказательств о совершении несовершеннолетним преступления;

- с участием несовершеннолетнего, официально находящимся в статусе свидетеля, проводятся следственные действия (очная ставка, опознание) для сбора доказательств о совершении несовершеннолетним преступления и т. д.

Таким образом, допуск законного представителя несовершеннолетнего к участию в уголовном деле должен быть произведен с учетом его фактического статуса, начиная с момента вызова, доставления несовершеннолетнего в органы полиции, к следователю, дознавателю для выполнения любых доследственных и следственных, процессуальных действий, с момента появления малейших элементов подозрения о совершении несовершеннолетним любого преступления.

В этой связи мы поддерживаем предложение о том, что законный представитель должен быть допущен к участию в уголовном деле с момента любого первого следственного действия, производимого с несовершеннолетним. Соответственно это требует внесения изменений в ч. 1 ст. 426 УПК РФ [5].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 01.02.2011 № 1 дал разъяснение о

том, что если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия, то полномочия законного представителя прекращаются, и их реализация может быть продолжена лишь в исключительных случаях на основании принятого судом решения о распространении на указанных лиц положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних. Такое решение может быть принято, исходя из характера совершенного этим лицом преступления и данных о его личности (ст. 88, 96 УК РФ) с изложением соответствующих мотивов (п. 12).

Однако данное разъяснение дано в отношении судебной стадии, и, на наш взгляд, на досудебной стадии оно не действует. И, соответственно, если в период расследования уголовного дела наступает совершеннолетие несовершеннолетнего, несмотря на это, полномочия законного представителя несовершеннолетнего должны сохранять силу.

Считаем, что для продолжения функций законного представителя на предварительном следствии несовершеннолетнего обвиняемого следователю так же, как и суду, необходимо принять решение о распространении на лиц в возрасте от 18 до 20 лет положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних. Такое решение может быть принято следователем, исходя из характера совершенного этим лицом преступления и данных о его личности, с соответствующим обоснованием.

По данному вопросу наблюдается и противоречивая судебная практика. Например, Московским окружным военным судом 14.09.2018 Д. (09.04.1998 г. рождения) был осужден по ч. 1 ст. 205² УК РФ (в ред. ФЗ от 07.12.2011 № 420-ФЗ) за действия, совершенные 03.02.2016, с применением ч. 2 ст. 88 УК РФ к штрафу в размере сорока тыс. руб.

В апелляционной жалобе Д. указал, что в ходе предварительного следствия следователь необоснованно не допустил в качестве законного представителя его мать, и поэтому протоколы следственных действий и иные документы, составленные в отсутствие законного представителя, являются недопустимыми.

Рассмотрев дело по жалобе осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 22.11.2018 приговор оставила без изменения, указав, что решения следователя, должным образом мотивированные

в постановлениях, не противоречат уголовно-процессуальному закону, т. к. на момент начала производства следственных действий с участием Д. он достиг совершеннолетнего возраста, поэтому основания для осуществления функций законного представителя отсутствовали.

Какие-либо исключительные обстоятельства, связанные с характером совершенного Д. преступления и сведениями о его личности, которые указывали бы на необходимость участия в деле законного представителя, из дела не усматриваются. При этом интересы Д. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат З.

С учетом изложенного, получение указанных Д. доказательств в отсутствие законного представителя не может являться основанием для признания их недопустимыми.

Этому примеру дан такой заголовок: «Поскольку на момент обнаружения признаков преступления, возбуждения уголовного дела и начала производства следственных действий с участием обвиняемого тот достиг совершеннолетнего возраста, основания для привлечения к участию в деле законного представителя отсутствовали» [6].

Позиция судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ по данному делу нам представляется недостаточно обоснованной и безупречной. Получается, что лицо совершило преступление в несовершеннолетнем возрасте, к моменту начала следственных действий достигло совершеннолетия, и привлечение законного представителя уже не требуется. Но в отношении таких лиц применяются положения гл. 50 УПК РФ в целом. Не должно быть такого, что отдельные положения этой главы применяются, другие положения – нет.

Положения УПК РФ о статусе, правах законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в полной мере относятся и к стадии доследственной проверки, к рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Если в отношении несовершеннолетнего подано заявление о совершении им преступления, либо это следует из других поводов к возбуждению уголовного дела, либо это установлено в ходе доследственной проверки, значит, к участию в проверке материала должны быть допущены законные представители несовершеннолетнего. Например, при

получении объяснения у несовершеннолетнего (предполагаемого правонарушителя) обязательно участие его законного представителя. Если до возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего проводятся предусмотренные законом действия (назначение экспертиз и др.), то при этом также должен участвовать, присутствовать законный представитель несовершеннолетнего.

Указанные особенности проведения доследственной проверки, допуска к участию в ней законных представителей несовершеннолетнего сегодня в уголовно-процессуальном законодательстве РФ не установлены. В этой связи представляются обоснованными предложения о необходимости дополнительного законодательного регулирования в ст. 144–145 УПК РФ вопросов получения объяснения у несовершеннолетнего в ходе доследственной проверки [7].

Т.В. Исакова отмечает, что в законе не определены основания отстранения законного представителя от участия в судебном разбирательстве, и это может привести к нарушению прав и интересов несовершеннолетнего. Она предлагает включить в УПК РФ ст. 72¹ «Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу законного представителя», изложив ее в следующей редакции:

«Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он: 1) является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком по данному делу; 2) сам подозревается, обвиняется, осужден или ранее имел судимость за совершение преступления в отношении данного подозреваемого, обвиняемого; 3) лишен родительских прав; 4) оказывает отрицательное влияние на несовершеннолетнего; 5) участвуя в уголовном деле, своими действиями наносит ущерб правам и законным интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого [8]. Данное предложение, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Глава 23 УПК РФ, регулирующая порядок привлечения в качестве обвиняемого, не содержит никакого упоминания о несовершеннолетних и, соответственно, не предусматривает особенностей привлечения в качестве обвиняемого, предъявления обвинения несовершеннолетним. В ст. 426 УПК РФ нет однозначного требования об обязательном участии в предъявлении обвинения несовершенно-

нолетнему лицу его законного представителя. Законодатель применил при этом достаточно неопределенную формулировку: законный представитель вправе присутствовать при предъявлении обвинения. Исходя из смысла указанных положений закона, можно сделать вывод – участие законного представителя при предъявлении обвинения и допросе несовершеннолетнего обвиняемого не является строго обязательным. На следователя при этом не возложена обязанность – обеспечить безусловное участие законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в указанных следственных действиях.

Как уже указывалось, одним из моментов допуска законного представителя к участию в деле является первый допрос несовершеннолетнего в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 426 УПК), которому предъявление обвинения предшествует. Если по каким-либо причинам до момента предъявления обвинения законный представитель не получил статус участника производства, то налицо противоречие между ч. 1 ст. 426 и п. 2 ч. 2 ст. 426 УПК РФ, которое на практике нередко является основанием для вывода: раз к моменту предъявления обвинения законный представитель не приобрел статус участника уголовного судопроизводства, то стать им он может с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве обвиняемого. В силу этого воспользоваться своим правом на присутствие при предъявлении обвинения у него нет процессуальной возможности [9].

Пользуясь этой лазейкой, следователи нередко не привлекают законного представителя к участию в предъявлении обвинения и допросе несовершеннолетнего обвиняемого.

Во избежание нарушений прав несовершеннолетнего обвиняемого при предъявлении обвинения и его допросе, повышения уровня гарантий следует закрепить в законе положение об обязательном участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при предъявлении ему обвинения и допросе, а также при перепредъявлении обвинения и допросе в качестве обвиняемого. Указанное положение должно быть включено как в ст. 172–175 УПК РФ, так и в ст. 426 УПК РФ.

В целом в гл. 50 УПК РФ должна быть самостоятельная статья о привлечении несовершеннолетнего лица в качестве обвиняемого, его допросе.

В соответствии со ст. 426 УПК РФ, к участию в уголовном деле допускаются законные представители (во множественном числе). Таким образом, число законных представителей законом не ограничено. Если на право быть допущенным в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого претендуют двое и более лиц (такое на практике возможно), то у следователя есть два варианта действий:

1) допустить одного законного представителя, другому отказать, приняв по этому поводу мотивированное постановление;

2) допустить 2-х и более законных представителей.

В любом случае спор о праве представлять в уголовном судопроизводстве интересы несовершеннолетнего обвиняемого в качестве его законного представителя разрешает следователь либо суд путем рассмотрения ходатайства с мотивировкой принятого решения.

В советские времена для следователя основным критерием при решении вопроса о допуске к участию в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого считался его моральный облик [10].

Сегодня многое изменилось, но, тем не менее, аморальное поведение взрослого, безразличие к судьбе подростка, неучастие в его воспитании, отрицательное влияние на него и другие подобные факты не могут не учитываться при решении вопроса о допуске законного представителя.

Законный представитель на предварительном следствии должен способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, оказывать помощь следственным органам в выяснении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого, в установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, и их устранении, по возможности принять на себя обязанности по возмещению материального ущерба, причиненного преступными действиями подростка, оказывать на несовершеннолетнего положительное влияние, направленное на его перевоспитание.

В литературе высказано предложение – дополнить ст. 428 УПК РФ положениями о том, что неявка законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в суд является основанием для приостановления уголовного дела; что в случае установления фак-

та неявки законного представителя по неуважительным причинам суд признает его действия, не отвечающими интересам подсудимого и препятствующими осуществлению правосудия, и принимает решение о замене законного представителя [11].

Полагаем, что неявка законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в суд может явиться основанием только для отложения судебного заседания, а не приостановления дела. После выяснения причин неявки лишь в случае повторной, неоднократной неявки возможно рассмотреть и решить вопрос о замене.

Следует обратить внимание и на процессуальный статус законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного производства (ст. 426 УПК РФ) и законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании (ст. 428 УПК РФ). В целом объем прав и обязанностей законного представителя на предварительном следствии и в судебном заседании совпадает, однако имеются отдельные различия.

Так, в суде законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе давать показания. Однако такое же право законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на предварительном следствии в ст. 426 УПК РФ прямо не закреплено.

В результате на практике в отдельных случаях возникает вопрос – не подлежит ли отводу законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в случае его допроса по уголовному делу в качестве свидетеля?

Безусловно, что в ст. 426 УПК РФ должно быть указано о праве законного представителя давать показания, и на практике так оно и происходит. Следователи, как правило, допрашивают законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в качестве свидетелей.

При этом, на наш взгляд, большое значение имеет выяснение вопроса – какие показания дает законный представитель, например, родитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого? Если родитель является очевидцем преступления, которое совершил его ребенок, либо в квартире у родителей были изъяты похищенные вещи, другие вещественные доказательства, то правомерно говорить о том, что родитель в дан-

ном случае является важным свидетелем, он обладает сведениями, относящимися к совершенному его ребенком преступлению. И при данной ситуации признание такого родителя законным представителем будет противоречить как закону, так и интересам дела. Поэтому такой родитель не должен привлекаться в качестве законного представителя.

Если он уже привлечен в этом качестве следователем, после выявления указанных обстоятельств принятое решение подлежит отмене с привлечением другого законного представителя.

Если же родитель (законный представитель несовершеннолетнего) никакого отношения к совершенному его ребенком преступлению не имеет, то он может быть допрошен следователем в качестве свидетеля по вопросам общего характера – о развитии ребенка, об особенностях его личности, психики, о характеристике, наклонностях и т. д. Такой допрос с выяснением сведений характеризующего и информационного характера не дает никаких оснований для отвода законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в связи с его допросом в качестве свидетеля.

В соответствии с поправками в Конституцию РФ от 14.03.2020 (ч. 4 ст. 67.1) государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

На наш взгляд, данная поправка является безусловным правовым основанием для внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части привлечения в качестве законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого, подсудимого представителей государства в лице Уполномоченных по правам ребенка в РФ и в регионах в тех случаях, когда:

а) несовершеннолетние остались без попечения в силу смерти, отсутствия родителей, лишения их родительских прав;

б) при наличии родителей несовершеннолетние фактически остались без попечения (родители злоупотребляют спиртными напитками, не осуществляют воспитание, контроль за их поведением, утратили какое-либо влияние на детей и т. д.).

В таких случаях государство в лице уполномоченных органов должно взять на себя функции родителей в производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних в отношении детей, оставшихся без

попечения как при юридическом отсутствии родительского попечения, так и при его фактическом отсутствии.

Таким образом, при совершенствовании правового регулирования рассмотренных вопросов представляется важным решение следующих задач:

а) кардинальное повышение роли и статуса законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого;

б) значительное увеличение объема прав и полномочий законного представителя;

в) допущение в качестве законных представителей государственных органов и должностных лиц.

С учетом высказанных предложений, требуется расширение перечня, предусмотренного п. 12 ст. 5 УПК РФ. В первую очередь, в него должны быть включены Уполномоченные по правам ребенка в РФ и регионах.

Литература

1. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 217-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саушкина Кирилла Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 49, ч. 1 ст. 56, п. 1 ч. 1 ст. 72, ст. 426 и 428 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
3. Ландо А.С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977.
4. Багаутдинов Ф.Н. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9.
5. Стельмах В.Ю. Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. 2020. № 10.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.11.2018 № 201-АПУ18-46.
7. Артемова В.В., Уханова Н.В. К вопросу об обязательности присутствия законного представителя при получении объяснения несовершеннолетнего в ходе проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2021. № 2.
8. Исакова Т.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Иркутск, 2009.
9. Тетюев С. Предъявление обвинения несовершеннолетнему: актуальные вопросы теории и практики // Уголовное право. 2007. № 4.
10. Сперанский К. Особенности допросов по делам о несовершеннолетних // Социалистическая законность. 1968. № 4.
11. Федорова А.А. Некоторые особенности рассмотрения дел судом первой инстанции с участием несовершеннолетних подсудимых // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81).

Bibliography

1. Galimov O.H. Juvenile persons in criminal proceedings. St.Peterburg, 2001.
2. The constitutional Court of the Russian Federation dated 22.01.2014 № 217-About the «refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Saushkina Kirill Yuryevich the violation of his constitutional rights by the p. 2 of art. 49, art. 56, p. 1 of art. 72, art. 426 and 428 of the Criminal procedure code of the Russian Federation».
3. Lando A.S. Representatives of juvenile defendants in the Soviet criminal trial. Saratov, 1977.
4. Bagautdinov F.N. Juvenile justice begins with a preliminary investigation // Russian justice. 2002. № 9.
5. Stelmakh V.Yu. Defects of legislative regulation of criminal proceedings in juvenile cases // Journal of Russian law. 2020. № 10.
6. Appeal ruling of the Judicial Board for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.11.2018 № 201-APU18-46.
7. Artemova V.V., Ukanova N.V. On the issue of the mandatory presence of a legal representative when receiving an explanation of a minor during the verification of a crime report // A Russian investigator. 2021. № 2.
8. Isakova T.V. Criminal proceedings against minors. Irkutsk, 2009.
9. Tetyuyev S. Charging a minor: topical issues of theory and practice // Criminal law. 2007. № 4.
10. Speransky K. Features of interrogations in cases of minors // Socialist legality. 1968. № 4.
11. Fedorova A.A. Some features of the consideration of cases by the court of first instance with the participation of juvenile defendants // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. № 1 (81).

© 2021 г. Михайлова Ольга Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦОМ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье проводится анализ правового положения несовершеннолетнего, в отношении которого проводится предварительная проверка на стадии возбуждения уголовного дела. Рассматривается возможность использования несовершеннолетним своего права на защиту в контексте положений национального законодательства и норм международных документов. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного определения правового статуса несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, обеспечения обязательного участия защитника при производстве в отношении этого лица процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: несовершеннолетний, защитник, возбуждение уголовного дела, предварительная проверка, право на защиту, международные стандарты.

Mikhailova Olga Gennadiyevna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

REALIZATION BY A MINOR OF THE RIGHT TO DEFENSE AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

The article analyzes the legal status of a minor, in respect of whom a preliminary check is carried out at the stage of initiating a criminal case. The possibility of minors using their right to protection in the context of the provisions of national legislation and the norms of international documents is being considered. The author comes to the conclusion that it is necessary to legally determine the legal status of a minor in respect of whom a preliminary check is being carried out, to ensure the mandatory participation of a defender in the production of procedural actions against this person at the stage of initiating a criminal case.

Keywords: minor, defender, initiation of a criminal case, preliminary examination, right to defense, international standards.

Преступность несовершеннолетних и поиски эффективных и сбалансированных методов борьбы с ней не теряют своей актуальности в течение многих лет. Совершая преступление в несовершеннолетнем возрасте, значительная часть лиц продолжает свою преступную деятельность, будучи взрослыми, «питая» рецидивную преступность, зачастую становясь участниками организованных преступных групп и сообществ. Реализация концепции «дружественного к ребенку правосудия» [1] приобретает особую востребованность в связи с приоритетной направленностью на исправление ребенка, преступившего закон, на его социализацию, а не только на наказание.

В русле международных гуманистических тенденций Указом Президента РФ от 29.05.2017 [2] временной период с 2018 по 2027 г. объявлен в Российской Федерации Десятилетием детства, что является планомерной реализацией мероприятий, направленных, в том числе, на формирование

в России системы правосудия, которая учитывает интересы ребенка и реально обеспечивает его права.

Право лица на защиту гарантировано Конституцией Российской Федерации, а также целым рядом основополагающих международных правовых актов. При этом законодатель не увязывает это право с наличием какого-либо специального статуса у лица. В сфере уголовного судопроизводства указанное право приобретает свое особое прочтение, связанное с реализацией участниками производства по делу своих прав и процессуальных функций на протяжении всего уголовного процесса.

Стадия возбуждения уголовного дела, являясь «отправной точкой» уголовного судопроизводства и применения мер государственного принуждения, требует четкой регламентации порядка реализации права на защиту. Особенно остро вопрос реализации этого права возникает при вовлечении в уголовное судопроизводство несовершеннолетних

лиц. Следует отметить, что до настоящего времени интерес ученых-процессуалистов и правоприменителей к этой теме не ослабевает. По мнению ряда ученых, стадия возбуждения уголовного дела до сих пор является стадией, в которой ущемляются конституционно-охраняемые права и интересы граждан [3, с. 50; 4, с. 40]. Проблемам процессуального статуса лиц и обеспечению их прав и законных интересов в стадии возбуждения уголовного дела посвящены работы ученых-процессуалистов В.М. Быкова, А.Г. Волеводз, В.Ю. Стельмах, С.В. Тетюева, Е.В. Цветковой и многих других.

Однако ряд вопросов правоприменительного характера, связанных с проведением следственной проверки в отношении такого специфического субъекта, как несовершеннолетний, не получили должного рассмотрения в контексте обеспечения ему права на защиту и реализации такого права в возникающих правоотношениях на начальной стадии уголовного судопроизводства. Несовершеннолетние лица в силу своих возрастных особенностей, физической, социальной и психологической незрелости нуждаются во всесторонней защите прав и интересов, а также обеспечении доступных возможностей в полной мере реализовать свои процессуальные права.

Международные стандарты, существующие в мировом сообществе, ориентированы на персонифицированный гуманистический подход к несовершеннолетним. Конвенция о правах ребенка [5] наряду с определением понятия «ребенок» содержит в ст. 40 основные правила, которые должны соблюдаться государством «в отношении каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении». Одним из первых правил, соблюдение которых обязуются обеспечить государства-участники, Конвенция называет «незамедлительное получение правовой и другой необходимой помощи при подготовке и осуществлении своей защиты».

В том числе, в содержании международных нормативно-правовых актов уделяется значительное внимание защите прав несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве. Специальный международный документ – Минимальные стандартные правила обращения правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые в Пекине в 1959 г. [6],

в нормах ст. 5.1 устанавливает цели правосудия в отношении несовершеннолетних: содействие благополучию несовершеннолетнего и соразмерность любых мер воздействия с особенностями личности несовершеннолетнего и обстоятельствами нарушения.

Отметим, что названный документ посвящен, в основном, регламентации предварительного расследования и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних. Общие подходы, закрепленные в указанном документе, на которых строится любое взаимодействие несовершеннолетнего правонарушителя и правоохранительных органов, ориентированы на защиту прав и интересов несовершеннолетнего, обеспечение его социальной адаптации и исправления. Применительно к стадии возбуждения уголовного дела, интересно содержание Правила 10.3 ст. 10 вышеназванного документа, которое устанавливает, что «контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ей или ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела» [6]. Таким образом, представляется обоснованным вывод о том, что уже на стадии возбуждения уголовного дела несовершеннолетний обладает всем комплексом прав, реализация которых должна быть обеспечена государственными органами.

Действующий уголовно-процессуальный закон [7] в нормах гл. 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» не содержит предписаний, которые регулировали бы производство по данной категории дел в стадии возбуждения уголовного дела. Упомянутый в указанной главе несовершеннолетний, совершивший преступление, уже имеет определенный процессуальный статус – подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а само уголовное судопроизводство уже перешло в стадию предварительного расследования.

Законодателем предприняты меры по регламентации статуса участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, они представляются недостаточными. Очевиден тот факт, что лица, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, обладают конституционно-охраняемыми

правами и должны иметь возможность воспользоваться ими. Особенно актуально это по отношению к лицу несовершеннолетнему, определяемому международным и национальным законодательством, как «ребенок».

Полагаем, что несовершеннолетнее лицо, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия, предусмотренные ст. 144 УПК РФ, должно иметь отдельный процессуальный статус. Международные документы содержат уже устоявшийся пример такого наименования. Конвенция о правах ребенка 1989 г. в ч. 1 ст. 40 называет такое лицо – «ребенок, который, как считается, нарушил уголовное законодательство» [5].

Кроме закрепления законодательного понятия для несовершеннолетнего лица, в отношении которого производится предварительная проверка, актуальной потребностью является предоставление такому лицу правовых гарантий защиты его интересов. В настоящее время несовершеннолетний, в отношении которого подано заявление о преступлении, имеется сообщение о преступлении, остается практически в «правовом вакууме». Нормативное регулирование его правового статуса, как аналогичного статусу «лица, в отношении которого проводится проверка», представляется недостаточным.

В норме ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ [7] речь идет о совершеннолетнем участнике уголовного судопроизводства, обладающем психологической, интеллектуальной и физической зрелостью. Кроме того, комплекс прав, предоставляемых и такому участнику, как представляется, не в полной мере обеспечивает его право на защиту. В частности, «право пользоваться услугами адвоката» не дает четкого представления о реализации этого права несовершеннолетним. Формулировка нормы анализируемой статьи подразумевает диспозитивность, т. е. возможность воспользоваться услугами адвоката по своему собственному усмотрению. Очевидно, что ребенок, не обладающий достаточными знаниями и жизненным опытом, такое решение принять не может, т. е. не может реализовать это право. Как справедливо отмечает Е.В. Цветкова, отсутствие у несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, возможности пользоваться процессуальными правами и гарантиями до возбуждения уголовного дела является несоответствием международно-правовым стандартам [8, с. 17].

Представляется обоснованным предусмотреть обеспечение квалифицированной юридической помощи несовершеннолетнему лицу, в отношении которого производится проверка на стадии возбуждения уголовного дела. Учитывая, что срок предварительной проверки по сообщению о преступлении довольно короток, представляется целесообразным решать вопрос о привлечении защитника для несовершеннолетнего незамедлительно после назначения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Подобное положение соответствует и Рекомендациям Комитета министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку 2010 г., в которых подчеркивается необходимость уважения и эффективного обеспечения всех прав ребенка на самом высоком возможном уровне [9]. Представляется, что защитник – профессиональный адвокат, являющийся единственным профессионально компетентным и беспристрастным лицом, которое может обеспечить соблюдение этого требования.

При этом важно учитывать, что такие распространенные процессуальные действия, как получение от несовершеннолетнего объяснений, должны быть произведены при участии защитника. Важность получения от несовершеннолетнего показаний в соответствии с международными стандартами на стадии возбуждения уголовного дела отмечена Е.В. Цветковой. Поддерживаем ее точку зрения о том, что «...если несовершеннолетний вовлекается в уголовное судопроизводство на первоначальных этапах, для отстаивания своей позиции и ограждения лица от дальнейшего уголовного преследования ему должны предоставляться значительные процессуальные права, идентичные тем, которые имелись бы у него на стадии предварительного расследования» [8, с. 18].

Согласно нормам ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, сведения, собранные в ходе предварительной проверки, являются полноценными доказательствами, если соответствуют критерию допустимости. В этой связи важно отметить схожесть процедуры получения объяснения от несовершеннолетнего, в отношении которого производится проверка, и его допроса. Аналогичность и единые цели этих процессуальных действий убедительно обоснованы в частности на страницах диссертационного исследования О.В. Боровик [10, с. 57], где также отмечена необходимость предоставления защитника несовершеннолетнему на стадии

возбуждения уголовного дела. Очевидно, что право несовершеннолетнего пользоваться услугами адвоката должно быть обеспечено лицом, проводящим предварительную проверку, и осуществляться за государственный счет по правилам ст. 51 УПК РФ [7]. Отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательного участия защитника несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела, что серьезно ограничивает несовершеннолетнего, в отношении которого проводится предварительная проверка, в реальной возможности получить квалифицированную юридическую помощь.

Одним из ярких примеров судебной практики, связанной с нарушением права несовершеннолетнего лица на защиту, является Постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное в 2016 г. по делу «Блохин против Российской Федерации» [11]. В числе доводов, обосновывающих удовлетворение жалобы, в названном Постановлении указано на нарушения международных стандартов, непредоставление информации в доступной для несовершеннолетнего форме о полагающейся ему юридической помощи, получение объяснения от несовершеннолетнего без участия его адвоката. При этом присутствие дедушки несовершеннолетнего мальчика при получении объяснений, содержащих признательные показания ребенка, не было принято Европейским Судом по правам человека в качестве достаточной гарантии защиты интересов несовершеннолетнего. Также в указанном Постановлении отмечено, что отсутствие адвоката-защитника при получении

объяснений от несовершеннолетнего создает высокую вероятность того, что ребенок может подвергнуться психологическому давлению и прибегнуть к самооговору.

Вышеизложенное свидетельствует о проблемах в регламентации правового статуса несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, об отсутствии четкого механизма реализации его права на защиту в указанной стадии уголовного судопроизводства. Как следствие, эти проблемы приводят к вынесению необоснованных решений, которые нарушают права несовершеннолетних лиц и влекут последующие судебные разбирательства, в том числе с привлечением международных судебных инстанций.

Представляется целесообразным предпринять следующие шаги для устранения выявленных проблем:

- определить процессуальный статус несовершеннолетнего лица, которое, как считается, нарушило уголовное законодательство, как участника уголовного судопроизводства;
- закрепить обязанность лица, проводящего проверку в порядке ст. 144 УПК РФ, обеспечить обязательное участие защитника несовершеннолетнего с момента начала такой проверки;
- исключить получение объяснений, в том числе устных, от несовершеннолетнего без участия защитника.

Полагаем, что названные меры будут способствовать единообразному применению законодательства о несовершеннолетних и выработке четких механизмов реализации их прав в стадии возбуждения уголовного дела.

Литература

1. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1.
4. Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю. К вопросу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в фокусе обеспечения прав личности // Российский следователь. 2019. № 11.

Bibliography

1. Decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 № 761 «On the National Strategy of actions in the interests of children for 2012–2017» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation of 29.05.2017 № 240 «On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Shadrin V.S. The fate of the stage of initiation of a criminal case // Legality. 2015. № 1.
4. Smirnova I.G., Shadrin M.Yu. On the need to preserve the stage of initiating a criminal case in the focus of ensuring the rights of the individual // A Russian investigator. 2019. № 11.

5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Цветкова Е.В. Нарушение прав несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, на стадии возбуждения уголовного дела: российский и международный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3.

9. Рекомендация Совета Европы № R (87) 20 (Рекомендация Комитета министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку) // Вестник восстановительной юстиции. 2012. № 9.

10. Боровик О.В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. М., 2006.

11. Постановление ЕСПЧ от 23.03.2016 Дело «Блохин (Blokhin) против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06) // СПС «КонсультантПлюс».

5. The Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990) // LRS «ConsultantPlus».

6. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules) Adopted on 29.11.1985 by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly // LRS «ConsultantPlus».

7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 30.04.2021, with amendments. from 13.05.2021) // LRS «ConsultantPlus».

8. Tsvetkova E. V. Violation of the rights of minors who have not reached the age of criminal responsibility at the stage of initiating a criminal case: Russian and international experience // International criminal law and international justice. 2018. № 3.

9. Recommendation of the Council of Europe № R (87) 20 (Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice) // Bulletin of Restorative Justice. 2012. № 9.

10. Borovik O. V. Features of pre-trial proceedings in criminal cases against minors. M., 2006.

11. ECHR Ruling of 23.03.2016 «The case of Blokhin v. the Russian Federation» (complaint № 47152/06) // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Шестакова Любовь Александровна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева кандидат юридических наук.
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

ПРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается влияние процесса цифровизации на нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности. Обозначаются проблемы указанного процесса и возможные пути их решения. Автор статьи видит необходимым сочетание в уголовно-процессуальной деятельности наряду с цифровыми инновациями нравственных начал, исторически присущих россиянам: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семьи, милосердия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, нравственные основания права, юнит искусственного интеллекта, цифровизация, цифровые технологии.

Shestakova Lyubov Aleksandrovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, PhD in Law.

MORAL AND LEGAL BASIS CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES IN THE DIGITAL AGE

The influence of the digitalization process on the moral principles of criminal procedural activity is considered in the article. The author of the article points out the problems of digitalization and solves them. The author of the article sees it necessary to combine digital technologies and moral principles in criminal procedural activities that are historically inherent to the Russians: the priority of spiritual values, protection of human life, human rights and freedoms, family, humanism.

Keywords: criminal process, moral foundations of law, artificial intelligence unit, digitalization, digital technologies.

Цифровизация изменяет все сферы социальной жизни, преобразуя многие виды индивидуальной и коллективной деятельности, в том числе в сфере юриспруденции.

Легально цифровизация определяется в Приказе Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», где под ней понимается процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов.

В отсутствие легального определения цифровые, информационные технологии в литературе определяются по-разному и являются предметом дискуссий. Для целей настоящей работы под цифровыми технологиями будет пониматься широкий спектр процессов и операций с информацией, выраженной в дискретной числовой форме, реализация которых требует применения вычислительной техники [14, с. 35].

Уголовное судопроизводство, будучи особой сферой деятельности, сопряженной с решением человеческих судеб, пронизанной

нравственными началами больше чем правовыми, безусловно, не может обходиться без использования научно-технических достижений, которые пока используются не достаточно эффективно [9].

Распространение коронавирусной инфекции (COVID-19) катализировало процессы цифровизации – обычный режим производства по уголовным делам с его сроками и процессуальными гарантиями оказался невозможен. Органы уголовной юстиции и суды были вынуждены решать новые проблемы и искать ответы на новые вопросы.

Решение возникших вопросов и проблем в скорейшем внедрении в российский уголовный процесс информационно-цифровых технологий [1, с. 5]. Такой режим позволит обеспечить доступ граждан к правосудию, снизить выраженность ограничений прав участников уголовного судопроизводства, минимизировать коррупционные риски.

После фрагментарного и не вполне последовательного внедрения цифровых технологий (делопроизводственный аспект цифровизации) в повестке дня современных реформ стоит полная и системная цифровизация уголовно-процессуальных отношений. Однако

вполне обоснованы опасения о том, что цифровые технологии будут способствовать еще большему разрушению нравственных основ уголовного правосудия.

Уголовное судопроизводство, будучи чрезвычайно консервативной и неподатливой средой для машинной алгоритмизации, в настоящее время преобразуется в связи с общими процессами цифровизации. Однако сами цифровые алгоритмы, которые должны обеспечивать еще большую точность процедур, способны привести к противоположному результату. Уголовно-процессуальная форма, созданная и развивавшаяся в докомпьютерный период, всегда подразумевала наличие контроля над процедурами человека (следователя, дознавателя, судью), которые бы при выявлении ошибок смогли вмешаться и устранить их.

Правоприменение, реализуемое через понимание, интерпретацию, смыслопорождение, освоение, требуемых при чтении текста закона или процессуальных документов, в определенном смысле также противопоставляется цифровому мышлению с его делением познаваемой информации на «истинную» и «ложную». К правоприменению цифровые продукты пока не приспособлены.

В этой связи научная общественность сейчас работает над формулированием предложений, направленных на обеспечение объективных результатов цифровой уголовно-процессуальной деятельности, не зависящих от субъективной воли исполнителей этой деятельности или искусственного интеллекта [4].

В условиях системной цифровизации также должны быть выработаны новые нравственные критерии деятельности профессиональных участников уголовного процесса.

Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности – это нравственные нормы, на основании которых дается оценка процессуальным нормам и деятельности участников уголовного судопроизводства с точки зрения их соответствия справедливости и гуманизму, добру, свободе и ответственности, совести, чести и человеческому достоинству и на которые должны опираться в своей деятельности практические работники [2, с. 12].

Уголовно-процессуальная деятельность, выполняющая функцию человеческого общения, имеет особую значимость, поскольку существенным образом ограничивает конституционные права граждан, вторгается в личную жизнь, лишает свободы. Однако законодатель не уделяет достаточного внимания

нравственным основаниям уголовно-процессуальной деятельности, вероятно, считая эти основания несущественными [11]. Длительное игнорирование нравственного потенциала уголовно-процессуальной деятельности уже привело к противопоставлению положений УПК РФ нормам морали.

Особенно остро с позиций нравственности стоит вопрос внедрения технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство России. Под искусственным интеллектом в литературе в наиболее общем виде понимают совокупность теорий и научных методов, используемых для воспроизведения с помощью машины познавательных способностей человека [7, с. 108].

В зависимости от технических характеристик юнита искусственного интеллекта выделяют сильный, умеренный и слабый. Сильный искусственный интеллект полностью исключает из познавательного процесса человека, позволяет решать сложные практические задачи, моделировать ситуации. Умеренный искусственный интеллект минимизирует участие человека в решении сложных задач, однако полностью его не исключает. Умеренный искусственный интеллект хорошо зарекомендовал себя в узких практических областях. Слабый искусственный интеллект за счет усовершенствования процессов алгоритмической обработки данных способен улучшить производительность уже существующих информационных систем [12].

Однако сильный, умеренный и слабый искусственный интеллект также могут быть предвзятыми. Искусственный интеллект, самообучаясь, накапливает не только информацию, но и знания, оценки, допущения, убеждения, которые также полны предвзятости, как и частные мнения отдельных индивидов, поскольку получены от человека [10].

В процессе реформирования уголовного процесса в условиях цифровизации должны быть учтены уникальные способности человеческого мозга, к которым пока не приблизился машинный интеллект, что влечет невозможность исключения контроля над искусственным интеллектом профессиональных участников процесса на некоторых стадиях уголовного судопроизводства, в частности, на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Процесс расследования преступления сопровождают творческие, поисковые задачи, обусловленные отсутствием юридически значимой информации или множеством

неизвестных в ней; не формализуемой оценкой доказательств; наличием явных и постепенно разворачивающихся противоречий в позициях обвинения и защиты; недостаточностью или неоднозначностью имеющейся информации в условиях исчерпания возможностей ее дальнейшего получения [5].

На судебной стадии эмоциональная компетентность судьи позволяет выявлять и различать подлинные и мнимые интересы участников процесса, глубинные причины поведения человека. Ведь фактически складывающиеся между людьми правоотношения в рамках расследования и судебного рассмотрения преступлений всегда выходят за рамки уголовно-процессуальной формы, зачастую регулируются не столько правом, сколько другими социальными нормами: религией, нормами морали и нравственности [13].

Родственные, семейные, свойственные отношения представляют по существу основу психологического фундамента личности и потому служат условием формирования субъективных интересов любого человека. Особенно отчетливо это видно в институтах свидетельского иммунитета, отводов, процессуального принуждения, возмещения ущерба, реабилитации и некоторых других [6, с. 54]. Реальное влияние этих факторов способен оценить только человек.

Именно эмоциональная компетентность позволяет судьям учитывать неоднозначность рассматриваемого дела, возникающую в силу или сложившихся фактических обстоятельств или правовых норм. Такие ситуации наглядно иллюстрируются решениями суда присяжных, когда в своем нуллифицирующем вердикте они, отвечая положительно на вопросы о доказанности фактических обстоятельств дела и причастности подсудимого, тем не менее, выносят решение о его невиновности (дела Веры Засулич, Краскиной и т. п.) [5].

Вопросы соответствия права и морали в условиях цифровизации уголовно-процессуальных отношений ставятся по-новому. В этой связи актуальными для научной разработки и осмысления представляются следующие проблемы:

– проблема обеспечения конфиденциальности личной информации (в том числе больших массивов личной информации) в условиях цифровизации, нарушение охраняемых законом тайн в рамках цифрового уголовного процесса, стремление государства к тотальному контролю над личностью через цифровые технологии («цифровой тоталитаризм»);

– проблемы соблюдения стандартов юридической этики искусственным интеллектом, опасность поражения юнита искусственного интеллекта компьютерными вирусами, опасность его взлома и перепрограммирования злоумышленниками;

– проблемы, связанные с рассмотрением сложных дел (как с фактической точки зрения, так и с правовой), которые не имеют никаких прецедентов или аналогов (которые могли бы быть приняты за «шаблоны»);

– проблемы, связанные с рассмотрением дел в условиях, когда в противоречие между собой вступают фундаментальные принципы судопроизводства (состязательности и справедливости), дел, сложных и неоднозначных с нравственной точки зрения, когда юридически корректное решение может приводить к несправедливым последствиям [8, с. 121];

– проблема деqualификации и дегуманизации сотрудников правоохранительных органов;

– ослабление выполнения судебной властью функций по контролю законодательной власти в связи с «шаблонностью» работы в условиях цифровизации;

– снижение уровня исследовательского интереса в области уголовного судопроизводства;

– возможное ощущение дегуманизации правосудия со стороны населения. Уголовное судопроизводство в условиях цифровизации превращается в сухую чиновничью деятельность, которой оно не может являться в силу своего особого социального и нравственного назначения. Деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, не ограничена правоотношениями и включает в себя выполнение миссии человеческого общения [9];

– проблема игнорирования возможностей и потребностей невластных участников уголовного процесса, создание условий для процессуального неравенства участников уголовного процесса.

В связи с изложенным выше, разумным видится сочетание в уголовно-процессуальной деятельности наряду с цифровыми инновациями нравственных начал, исторически присущих россиянам: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семьи, созидательного труда, служения Отечеству, гуманизма, милосердия, справедливости, взаимопомощи, коллективизма и др. Законодатель не должен

пренебрегать воспитательной функцией уголовного процесса, поскольку практические работники в сфере уголовного судопроизводства также непосредственно участвуют в формировании в «человеке Человека» [3].

Решение новых вопросов в период развернувшейся цифровизации уголовного судопроизводства требует разработки концепции нравственно-правового совершенствования уго-

ловно-процессуальной деятельности, направленной на повышение ее эффективности и обеспечения доступности правосудия; соблюдения должностными лицами прав и законных интересов участников уголовного процесса; уважения человеческого достоинства при осуществлении должностными лицами своих полномочий; безопасности лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Литература

1. 2020–2030: Десятилетие действий для ЦУР в России. Вызовы и решения. М., 2020.
2. Антонов И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика). СПб., 2005.
3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ugolovno-protssessualnoy-formy-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva>.
4. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.034-051>.
5. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104>.
6. Дежнев А.С. Защита интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: монография. Омск, 2009.
7. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография. М., 2020.
8. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М., 2018.
9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-aksiologicheskie-riski-mody-na-tsifrovizatsiyu-dlya-ugolovno-sudoproizvodstva-ob-oshibochnosti-tehnologichnogo-podhoda-k>.
10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-i-printipy-ugolovno-sudoproizvodstva-v-usloviyah-ego-tsifrovizatsii>.
11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-dinamika-tendentsii-i-perspektivy-nauchnogo-osmysleniya>.
12. Сушина Т.Е., Собенин А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6.
13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semeyno-rodstvennyh-otnosheniy-na-realizatsiyu-otdelnyh-institutov-ugolovno-protssessualnogo-prava-postanovka-problemy>.
14. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве. М., 2021.

Bibliography

1. 2020–2030: Decade of Action for the SDGs in Russia. Challenges and solutions. M., 2020.
2. Antonov I.A. Moral and legal principles of criminal procedural activity (theoretical ideas and law enforcement practice). St. Petersburg, 2005.
3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ugolovno-protssessualnoy-formy-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva>.
4. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.034-051>.
5. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104>.
6. Dezhnev A.S. Protection of the interests of the family and minors in the criminal process of Russia: monograph. Omsk, 2009.
7. Information technologies in the criminal process of foreign countries: monograph. M., 2020.
8. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: author. ... dis. doct. jurid. sciences. Moscow, 2018.
9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-aksiologicheskie-riski-mody-na-tsifrovizatsiyu-dlya-ugolovno-sudoproizvodstva-ob-oshibochnosti-tehnologichnogo-podhoda-k>.
10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-i-printipy-ugolovno-sudoproizvodstva-v-usloviyah-ego-tsifrovizatsii>.
11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-dinamika-tendentsii-i-perspektivy-nauchnogo-osmysleniya>.
12. Sushina T.E., Sobenin A.A. Prospects and risks of using artificial intelligence in criminal proceedings. Russian investigator. 2020. № 6.
13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-semeyno-rodstvennyh-otnosheniy-na-realizatsiyu-otdelnyh-institutov-ugolovno-protssessualnogo-prava-postanovka-problemy>.
14. Yurkevich M.A. The use of video technologies in criminal proceedings by the court. M., 2021.

© 2021 г. Якубина Юлия Павловна,

доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент.

Диденко Николай Сергеевич,

начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ

Данная статья посвящена проблемным аспектам осуществления прокурорского надзора, возникающим в ходе производства предварительного расследования, обозначены предмет и объект прокурорского надзора за предварительным следствием. Помимо этого в статье приведена краткая история становления следственных органов, а также процесс создания Следственного комитета РФ как самостоятельного государственного органа.

Ключевые слова: прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, надзор, предварительное следствие, должностное лицо, уголовное судопроизводство.

Yakubina Yuliya Pavlovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

Didenko Nikolay Sergeevich – Head of the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROBLEMATIC ASPECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

This article is devoted to the problematic aspects of the prosecutor's supervision over the preliminary investigation. A brief history of the formation of investigative bodies is given, the creation of the Investigative Committee of the Russian Federation as an independent state body, the subject and object of prosecutorial supervision over the preliminary investigation are indicated.

Keywords: the prosecutor's office of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, supervision, preliminary investigation, official, criminal proceedings.

Указом Президента России от 25.12.2020 № 812 «О проведении Года науки и технологий» 2021 г. обозначен «Годом науки и технологий». В современном мире в каждом цивилизованном правовом государстве научные достижения в любой области направлены на охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, защиту законных интересов общества и государства. Важной задачей государства является надлежащее обеспечение прав и свобод человека и гражданина, перечень которых закреплен в Конституции РФ. В структуре правового статуса личности значимое место занимают права и свободы, которые в свою очередь подлежат защите.

На сегодняшний день в России сформирована система правоохранительных, судебных и контролирующих органов, которые должны охранять и защищать конституционные права и свободы человека и гражданина. Значимое место занимают органы предварительного расследования. Они занимают главное место в

механизме защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку эффективная деятельность органов расследования является важнейшим условием обеспечения законности.

Более чем за 300-летнюю историю следственные органы нашей страны пережили немало преобразований. В разные исторические периоды следователи осуществляли свою работу при прокуратуре, НКВД, МВД и других ведомствах. О создании всесоюзного Следственного комитета впервые заговорили в апреле 1990 г. на I съезде народных депутатов СССР. В течение следующих нескольких лет активно шла разработка законопроекта, в 1993 г. он был внесен на рассмотрение Верховного Совета России и даже одобрен в первом чтении, однако процесс принятия был остановлен в связи с роспуском Верховного Совета.

Ключевой датой для Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) принято считать 15.01.2011, когда после вступления в силу Федерального закона «О следственном

комитете Российской Федерации» [7], он стал самостоятельным федеральным органом, выйдя из-под «крыла» прокуратуры РФ.

После отделения Следственного комитета прокуратура лишилась ряда процессуальных полномочий в рамках производства предварительного следствия. Основопологающей деятельностью стало осуществление прокурорского надзора в различных сферах, в том числе и за органами, осуществляющими предварительное следствие.

Предварительное следствие является особым видом процессуальной деятельности, при осуществлении которой зачастую затрагиваются конституционные права и интересы граждан. Данное направление прокурорского надзора контролирует соблюдение законности при принятии решений следователями, соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства. В случае выявления нарушений прокуратура принимает меры, предусмотренные действующим законодательством, выносит определенные акты реагирования.

Согласно официальной статистике за 2020 г., в рамках осуществления надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено 5 086 896 случаев нарушения закона. Из них – 3 491 902 на доследственной проверке материалов о преступлении. При производстве предварительного расследования в форме следствия, дознания допущено 1 594 994 нарушений закона. Прокурорами направлено 339 457 требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурорами направлено 5 468 материалов. Возбуждено по материалам, направленным в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, 5 051 дело. Внесено 85 778 представлений, 22 0385 лиц привлечено к дисциплинарной ответственности [4].

При рассмотрении статистических данных по надзору, осуществляемому транспортной прокуратурой Орловской области, за органами СК РФ за январь–май 2021 г. можно отметить следующие количественные показатели: в отчетный период не было отменено ни одно постановление о возбуждении уголовного дела; материалы одного уголовного дела направлены в суд с утвержденным обвинительным заключением; ни одно дело не было прекращено, и ни одно не возвращалось в орган

предварительного расследования для пересоставления обвинительного заключения [5].

Перед тем как приступить к более подробному анализу прокурорского надзора за деятельностью СК РФ, необходимо более детально остановиться на некоторых основополагающих аспектах. Во-первых, необходимо обозначить, что понимается под объектом прокурорского надзора. По смыслу Закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6], объектом являются не органы предварительного следствия, а процессуальная деятельность их должностных лиц – следователей в рамках уголовного судопроизводства.

В настоящее время только в СК РФ помимо «обычного» следователя как штатной единицы осуществляет свою деятельность процессуальное должностное лицо – следователь-криминалист. Особенностью этого правового статуса является возможность производства следственных действий по уголовному делу без принятия его к своему производству. Предоставление подобных полномочий некоторым должностным лицам СК РФ вызывает особое внимание к их деятельности со стороны прокуратуры РФ.

Во-вторых, деятельность прокуратуры не абсолютна и безгранична, существуют определенные установленные пределы, за которые сотрудник прокуратуры не вправе выходить при исполнении своих должностных полномочий. В сфере надзора за деятельностью органов предварительного следствия таких ограничений четыре: по предмету, по поднадзорному объекту, по субъекту надзора, недопустимость подмены органа контроля [2].

После преобразований, о которых мы упомянули выше, прокуратура была лишена ряда полномочий, среди них: полномочия по возбуждению уголовных дел (отсутствуют и в настоящее время), полномочия по отмене в установленном порядке незаконных и необоснованных постановлений следователя (однако данное право было возвращено в компетенцию прокуроров в 2010 г.).

После утраты прокурором функции процессуального контроля за следствием в уголовно-процессуальное законодательство были внесены изменения, и среди участников уголовного судопроизводства появился новый субъект – руководитель следственного органа (далее – РСО). Таким образом, контроль и надзор за предварительным следствием стали двумя «непересекающимися» функциями,

осуществляемыми разными субъектами, за ведомственный контроль отвечает РСО, за надзор – прокурор.

Исследуя вопрос о прокурорском надзоре, нельзя не акцентировать внимание на его методах. Часто используемый метод – метод заслушивания сообщений и докладов о результатах проведенных доследственных проверок, расследования уголовных дел. Благодаря данному методу у прокурора имеется возможность координировать деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью, своевременно знакомиться с материалами [1]. Метод ознакомления с наблюдательным производством. В рамках такого производства по каждому уголовному делу формируются материалы, которые состоят из копии процессуальных документов (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.) [1]. Непосредственное ознакомление с ними позволяет оперативно оценивать законность принимаемых следователем решений, следить за процессуальными сроками, за производством отдельных следственных действий и применением мер процессуального принуждения. Метод непосредственного изучения материалов и документов позволяет с наибольшей полнотой и тщательностью выявлять нарушения закона при приеме, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях, а также в рамках досудебного производства. В рамках данного метода прокурор лично изучает материалы доследственных проверок, журналы учета информации, книги учета сообщений о преступлениях, в необходимых случаях может истребовать сопутствующую документацию. По итогам данной деятельности прокурором может быть составлен краткий конспект, в котором в структурированной форме содержится вся наиболее значимая информация, с которой он знакомится при изучении материалов уголовных дел и доследственных проверок [1].

В случае выявления систематических нарушений закона со стороны следователей СК РФ прокурором может быть инициировано проведение проверки в отношении виновных должностных лиц, по результатам которой они могут быть привлечены к различным видам ответственности.

Одной из основных проблем прокурорского надзора за предварительным следствием,

в том числе осуществляемого следователями СК РФ, является соотношение эффективности и качества [3]. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает возможность следователя принести руководителю следственного органа письменные возражения в случае несогласия с требованиями прокурора (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). В таком случае различия в позициях между следственными подразделениями и прокуратурой порождает «бумажную волокиту», связанную с «хождением по инстанциям». Очевидно, что данный процесс достаточно затяжной, что опять же негативно сказывается на разумном сроке уголовного судопроизводства, за соблюдением которого сам прокурор и надзирает. В связи с этим, на наш взгляд, видится необходимым реформировать процедуру обжалования требования прокурора. По нашему мнению, весьма целесообразно выносить требование об устранении нарушений на имя конкретного прокурора (как это было ранее). В случае несогласия следователь при согласовании с РСО (территориального уровня) может обжаловать требование прокурора вышестоящему прокурору, а в случае несогласия при согласовании с РСО по субъекту обжаловать Генеральному прокурору, чье решение будет окончательным.

На прокуроров соответствующих уровней возложены полномочия по надзору за исполнением законов, соответствием законам издаваемых правовых актов всеми подразделениями СК РФ. Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в указанных органах и учреждениях СК РФ и его подразделения [8].

Прокуроры в соответствии с полномочиями обязаны принимать необходимые меры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах (за исключением прокуратуры комплекса «Байконур»), по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, природоохранных прокуратур [8].

Прокуроры осуществляют надзор за соблюдением законов подразделениями СК РФ при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в хозяйствующих субъектах оборонно-промышленного комплекса, в пределах закрытых административно-территориальных образований проживающими либо работающими в них гражданскими лицами [8].

Транспортные прокуроры (на правах прокуроров субъектов) осуществляют надзор за исполнением законов подразделениями СК РФ на транспорте. Военные прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов военными следственными органами СК РФ и входящими в их структуру следственными подразделениями. Прокуроры всех уровней (в соответствии с полномочиями) в случаях обнаружения признаков преступления, место совершения которого неизвестно, а также при отдаленности или отсутствии специализированных прокуратур в районе совершения преступления или чрезвычайного происшествия обеспечивают надлежащий надзор за исполнением законов подразделениями федеральных органов исполнительной власти, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, а также соответствующими подразделениями СК РФ, в том числе при решении вопроса о передаче по подследственности материалов и уголовных дел в установленном уголовно-процессуальном законодательством порядке [8].

На органы прокуратуры возложен не только надзор за исполнением законов СК РФ в сфере уголовного судопроизводства, но и по иным направлениям. Так, прокуроры соответствующих уровней обеспечивают надзор за законностью издаваемых правовых актов СК РФ и его должностными лицами вне уголовно-процессуальной сферы. Прокуроры надзирают за исполнением законодательства о противодействии коррупции, включая антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов СК РФ; законодательства о порядке рассмотрения в следственных органах и учреждениях СК РФ заявлений, обращений и жалоб граждан и организаций (за исключением тех, порядок рассмотрения которых установлен уголовно-процессуальным законодательством), в том числе в части направления руководителями следственных органов СК РФ соответствующих материалов в уполномоченные органы, должностным лицам для решения вопроса о привлечении виновных лиц к административной ответственности, если в ходе проверки обращения о правонарушении установлено отсутствие в деянии состава преступления, но наличие в нем признаков административного правонарушения; законодательства об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовно-

го судопроизводства, в частности, при принятии решений о применении в отношении их мер социальной поддержки; законодательства о государственной и иной охраняемой законом тайне [9].

Прокуратура осуществляет надзор за учреждениями СК РФ, которые созданы для обеспечения деятельности СК РФ, а также экспертные и ревизионные подразделения, информационные подразделения, подразделения физической защиты для обеспечения безопасности сотрудников следственных органов.

При осуществлении надзора прокуроры в полном объеме реализовываются полномочия, которые регламентированы Федеральным законом о прокуратуре РФ от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ, в том числе по истребованию необходимых документов, материалов (включая материалы служебных проверок), статистических и иных сведений; проведению проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям; вызову должностных лиц для объяснений по поводу нарушений закона; возбуждению в отношении сотрудников СК РФ дела об административном правонарушении при наличии оснований, включая случаи неисполнения законных требований прокурора; предостережению должностных лиц о недопустимости нарушений закона; опротестованию противоречащих закону правовых актов СК РФ; внесению представлений об устранении нарушений закона и другие полномочия.

Следует отметить, что прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, не вправе допускать вмешательства в деятельность следственных органов, связанную с осуществлением им полномочий в сфере уголовного судопроизводства; воздействовать в какой-либо форме на должностных лиц СК РФ в целях оказания влияния на принимаемые ими процессуальные решения или воспрепятствования в какой-либо форме их процессуальной деятельности; истребовать у них объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Таким образом, сфера надзора прокуратуры за деятельностью СК РФ как государственного органа связана не только с осуществлением полномочий в сфере уголовного судопроизводства, но и других направлений.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что прокурорский надзор за

органами предварительного следствия имеет большое значение в борьбе с преступностью, по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Предполагаем, что преобразования, начавшиеся немногим более десяти лет назад, являются лишь началом реформирования следственных органов в нашей стране.

Литература

1. Довыденко О.С. Прокурорский надзор за деятельностью следователей Следственного комитета Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2019.
2. Мальцагов И.Д., Хадисов Х.В., Бархаджиев Т.М., Ахмадова М.Р. Особенности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователя // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 4 (20).
3. Масляева Т.В. Проблемы прокурорского надзора за деятельностью Следственного комитета Российской Федерации // Законность и правопорядок. 2016. № 3–4 (15).
4. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781>.
5. Сведения об основных показателях следственной работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации // Орловская транспортная прокуратура.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
7. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
8. Приказ Генеральной прокуратуры от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур».
9. Приказ Генеральной прокуратуры от 09.02.2012 № 39 «Об организации надзора за деятельностью Следственного Комитета РФ вне уголовно-процессуальной сферы».
10. Якубина Ю.П., Диденко Н.С. Прокурорско-надзорная деятельность и процессуальная независимость следователя: вопросы теории и практики // Юрист-Правоведъ. 2021. № 3 (98).

В связи с этим наиболее вероятно, что в следующие годы и полномочия прокуроров претерпят ряд изменений. Однако в настоящее время есть ряд проблемных аспектов, которым, по нашему мнению, законодательно необходимо уделить пристальное внимание для повышения качества уголовного судопроизводства.

Bibliography

1. Dovydenko O.S. Prosecutor's supervision over the activities of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation // Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations. 2019.
2. Maltsagov I.D., Hadisov H.V., Barkhadzhiev T.M., Akhmadova M.R. Features of the prosecutor's supervision of the procedural activity of the investigator // News of the Chechen State University. 2020. № 4 (20).
3. Maslyayeva T.V. Problems of prosecutorial supervision over the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation // Legality and law and order. 2016. № 3–4 (15).
4. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781>.
5. Information on the main indicators of the investigative work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation // Orel Transport Prosecutor's Office.
6. Federal Law № 2202-1-FL of 17.01.1992 (ed. of 30.12.2020) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // SZ RF. 1995. № 47. Art. 4472.
7. Federal Law № 403-FL of December 28, 2010 (as amended on 30.04.2021) «On the Investigative Committee of the Russian Federation» // SZ RF. 2011. № 1. Art. 15.
8. Order of the General Prosecutor's Office of May 7, 2008 № 84 «On the delimitation of the competence of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices».
9. Order of the General Prosecutor's Office of 9.02.2012 № 39 «On the organization of supervision over the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation outside the criminal procedural sphere».
10. Yakubina Yu.P., Didenko N.S. Prosecutor-supervisory activity and procedural independence of the investigator: questions of theory and practice // Jurist-Pravoved. 2021. № 3 (98).

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.983

ББК 67.52

© 2021 г. **Вольнский Александр Фомич**,

профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ.

Прорвич Владимир Антонович,

профессор кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга МИРЭА –
Российского технологического университета доктор юридических наук, доктор технических наук,
профессор, почетный профессор Московской академии Следственного комитета РФ.

КРИМИНАЛИСТИКА: ОТ УГОЛОВНОЙ РЕГИСТРАЦИИ К СОВЕРШЕННЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ

В статье определена сущность процесса интеграции и дифференциации в криминалистике как прикладной отрасли знаний; анализируются особенности его проявления в развитии экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности, а соответственно в организации осуществляющих их подразделений системы МВД РФ и судебно-экспертных учреждений Минюста РФ; в историческом аспекте анализируются причины межведомственных противоречий, выражавшихся в бескомпромиссных дискуссиях и ошибочных организационных и правовых решениях в отношении этих подразделений и учреждений; делается вывод о взаимосвязи этих направлений деятельности в общей государственной системе научно-технического обеспечения выявления и расследования преступлений, а вместе с тем о несоответствии организации их деятельности современному уровню развития науки и техники; отмечаются проблемы высокотехнологичной преступности и особенности формирования компьютерной криминалистики.

Ключевые слова: интеграция, дифференциация, криминалистика, наука, техника, судебная экспертиза, организация, право, обеспечение, противоречия, научно-техническое обеспечение, высокотехнологичная преступность, компьютерная криминалистика, процесс доказывания.

Volynskiy Alexander Fomich – Professor of the Department of Criminalistics, Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Honored Lawyer of Russia.

Prorovich Vladimir Antonovich – Professor of the Department of Economic Expertise and Financial Monitoring, MIREA Russian Technological University, Doctor of Law, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Professor of the Moscow Academy of the RF IC.

CRIMINALISTICS: FROM CRIMINAL REGISTRATION TO PERFECT INFORMATION SYSTEMS

The article defines the essence of the process of integration and differentiation in forensic science as an applied branch of knowledge; analyzes the features of its manifestation in the development of forensic and forensic expert activities, and, accordingly, in the organization of subdivisions of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation; in the historical aspect, the author analyzes the reasons for interdepartmental contradictions expressed in uncompromising discussions and erroneous organizational and legal decisions in relation to these units and institutions; a conclusion is made about the interconnection of these areas of activity in the general state system of scientific and technical support for the detection and investigation of crimes, and at the same time about the inconsistency of the organization of their activities with the modern level of development of science and technology; the problems of high-tech crime and the peculiarities of the formation of computer forensics are noted.

Key words: integration, differentiation, forensic science, science, technology, forensic examination, organization, law, security, contradictions, scientific and technical support, high-tech crime, computer forensics, the process of proving.

Вся история науки характеризуется сложными диаметрально противоположными, взаимосвязанными процессами: интеграции

и дифференциации знания. Интеграция достижений различных отраслей науки на ее определенном направлении обеспечивает более

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

высокий темп развития и более успешную практическую реализацию научного знания. Однако освоение новых областей реальности и углубление знаний приводит к их дифференциации, к дроблению на специализированные области знания. Тенденция интеграции научных знаний выражается в их синтезе либо по предметному признаку, по мере вовлечения в процесс познания новых сфер жизнедеятельности человека, либо по проблемному, связанному с перспективами решения новых комплексных проблем теории и практики. В полной мере это относится и к криминалистике, как одной из наук уголовно-правового блока.

Для развития криминалистики как науки о раскрытии и расследовании преступлений, прикладной отрасли научного знания, более характерна проблемная интеграция. Ее основная задача – аккумуляция и применение результатов фундаментальных наук для решения как познавательных, так и практических социально значимых проблем борьбы с преступностью. Соответственно, достижения фундаментальных наук, с одной стороны, и реальные потребности следственной практики, с другой, были у истоков зарождения криминалистики и остаются источниками ее развития в настоящее время, определяя ее природу как интегрированную отрасль знания, как синтезированную, прикладную науку [1].

Интеграция и дифференциация криминалистических знаний проявились как единый процесс уже при зарождении этой науки. Вычленив «материальное уголовное право» (криминалистику) из блока уголовно-правовых наук, Ганс Гросс отмечал ее интеграционные связи с этими науками, необходимость использования в ее развитии положений уголовного права, уголовного процесса, методов изучения преступника и преступности, а вместе с тем – достижений иных общественных и технических наук. В основе его рекомендации по подготовке следователя и организации расследования преступлений, по собиранию и исследованию доказательств доминируют положения психологии, логики, социологии, а применительно к материальным следам преступлений он не оставил без внимания возможности биологии, медицины, физики, химии, зоологии, ботаники и др. [2].

Широко известны конкретные примеры реализации данного подхода. А. Бертильон,

взяв за основу результаты исследования физиологических особенностей человека, разработал систему антропологической регистрации преступников, а затем, используя открытие Ж. Ньепса и Л.Ж. Дагера «светописи», предложил ряд методов фотосъемки, в том числе опознавательной. Наш соотечественник Е.Ф. Буринский разработал методику фотографического исследования документов, позволяющую «увидеть невидимое».

Показательно в этом отношении и открытие «криминалистической тайны» дактилоскопии. У. Хершель обратил внимание на многовековой опыт использования в странах юго-восточной Азии «китайской печати» – отпечатков пальцев рук для удостоверения фактов «сделок». Путем экспериментов он доказал индивидуальность и устойчивость имеющихся на них узоров папиллярных линий, обосновал возможность их использования для идентификации человека, в том числе по следам его рук, обнаруженным на месте преступления, что предложил его соотечественник Г. Фолдс [3; 4].

Эти примеры не только иллюстрируют некоторые особенности интеграции научного знания, во многом предопределившей возникновение и развитие криминалистики как науки, но вместе с тем отражают и заложенные еще в самом начале развития криминалистики предпосылки для будущей дифференциации криминалистических знаний, в частности, вычленения из них научных основ судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности. При этом развитие криминалистики как науки сопровождалось рядом организационных мероприятий, которые позитивно влияли и на всю систему уголовного судопроизводства.

Введенные в Российской империи антропологическая (1890 г.), а затем дактилоскопическая (1906 г.) регистрации преступников осуществлялись сначала в местах лишения свободы, находившихся в ведении Министерства юстиции, где для этого были организованы регистрационные бюро, сотрудники которых, естественно, проводили сравнительные исследования вновь поступающих объектов с уже содержащимися в базе данных этой системы. Фактически это были идентификационные криминалистические экспертизы.

По существу, с этих бюро начиналось формирование системы экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

органов, причем особенно активно после того, как уголовная регистрация была передана в ведение органов полиции (1908 г.). Для ее осуществления в сорока губерниях были созданы регистрационные бюро (кабинеты), сотрудники которых кроме производства экспертиз привлекались для участия в осмотрах мест происшествий. С этого, по нашему мнению, берет свое начало экспертно-криминалистическая служба МВД России, наглядно демонстрируя взаимосвязь криминалистических задач, средств, методов и организационных форм их решения, а вместе с тем общую закономерность – уровень развития техники определяет организацию ее использования в определенных целях [6; 7].

Эта закономерность заявляла о себе и в советское время. В марте 1919 г. в Центроуразаке был создан Кабинет судебной экспертизы, но спустя два года он был преобразован в научно-технический отдел, а затем в отдел (НТО). Аналогичные подразделения стали создаваться в территориальных органах милиции. Фактически это была реанимация в новых условиях, системы регистрационных бюро, ранее созданных и действовавших в губернских органах полиции. Следует заметить, что на НТО милиции уже в начале 60-х гг. прошлого века приходилось более 80 % судебных экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам [8].

Действовавшие в то время институты криминалистики и судебной экспертизы в Киеве, Одессе, Харькове, Минске, Центральная криминалистическая лаборатория Минюста СССР в Москве (создана в 1944 г.) и аналогичные лаборатории в некоторых союзных республиках и иных регионах страны не могли оказывать существенного влияния на удовлетворение запросов судебно-следственной практики по экспертному исследованию доказательств [4].

Интеграция и дифференциация научного знания по-разному проявляется в фундаментальных и прикладных науках и приводит к разным последствиям. В прикладных науках дифференциация накопленных знаний закономерно сопряжена с их обеднением в материнской науке и с нарушением интеграционных связей, а также традиционных организационных форм их практической реализации. Нечто подобное произошло с криминалистикой после отпочкования от нее теории оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы (60–70-е гг. прошлого века).

Само определение предмета криминалистики, данное Р.С. Белкиным и Ю.И. Краснобаевым в 1967 г., с последующими его уточнениями, как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств», оказалось в некотором противоречии с реалиями практики. Во всяком случае, трудно представить собирание информации без оперативно-розыскной деятельности, а ее исследование без судебной экспертизы, так же, как оценку и использование доказательств без строгого следования положениям уголовного и уголовно-процессуального права.

Проблема заключается в том, что разорванные в результате бюрократической дифференциации наук уголовно-правового блока прежние интеграционные связи до сих пор не восстановлены. Это не позволяет современной криминалистике активно осваивать новые формы организации совместных усилий ученых и специалистов в борьбе с высокотехнологичным криминалом, соответствующие современным достижениям науки и техники. Отсюда явное снижение интереса к криминалистике в юридических учебных учреждениях как к учебной дисциплине, противоречивое толкование ее значения и места в системе наук уголовно-правового блока. Такие последствия дифференциации криминалистических знаний и отрыва их от правоприменительной практики дают основание рассматривать ее как «научный сепаратизм» [9].

Далеко не беспроblemно утверждается в статусе самостоятельной юридической науки и судебная экспертиза, оказавшаяся под влиянием длительных, бесплодных, а порой разрушительных межведомственных противоречий и организационных заблуждений, начиная с момента ее зарождения в нашей стране вместе с криминалистикой. В ее формировании изначально доминировали не научные, а узковедомственные подходы, корпоративные и даже служебно-конъюнктурные интересы. Особенно наглядно это проявилось в условиях идеологизированной «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» (середина 50-х – 60-е гг. прошлого века).

Обозначенная в этих условиях необходимость укрепления системы судебно-экспертных учреждений Минюста СССР приобрела откровенно разрушительные формы. После

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

ликвидации МВД СССР (1960 г.) НТО милиции оказались в ведении республиканских министерств охраны общественного порядка (МООП). Под влиянием обвинений со стороны «борцов с культом личности» в нарушениях социалистической законности и даже в причастности к репрессиям они были расформированы, а их на четверть сокращенные штаты «укрыты» в оперативно-технических отделах (ОТО) вместе со специалистами по связи. Более того, в ст. 67 УПК РСФСР было внесено дополнение, запрещающее назначать экспертизы лицам, принимавшим участие в осмотре места происшествия по тому же уголовному делу. Парадоксальность сложившейся при этом ситуации заключалась в том, что по существу разрушив исторически сложившуюся систему экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, «борцы с культом личности» не предложили что-то адекватное взамен. Их надежды на расширение сети судебно-экспертных учреждений Минюста СССР не оправдались, а потребности судебно-следственной практики в судебной экспертизе сохраняли тенденцию постоянного роста.

В настоящее время, что следует отметить особо, когда судебная экспертиза нередко используется как средство доказывания при расследовании международных военных конфликтов, при разрешении межгосударственных экономических споров, в результате интегрирования соответствующего научного знания она приобрела черты не только организационно-правовой, но и политико-правовой категории. И не случайно ее проблемы стали предметом рассмотрения Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, принявшей специальную резолюцию «О судебно-экспертной деятельности» (2010 г.), положения которой имплементировали в свое законодательство все бывшие советские республики, в том числе Беларусь и Казахстан (еще в 2011–2012 гг.).

В нашей стране проект соответствующего закона рассмотрен Государственной Думой в первом чтении в 2013 г., но до сих пор осуществляется «завершающая» подготовка данного проекта. Оценивая ее результаты, многочисленные обсуждения в различных формах и на различных уровнях, в том числе в Комиссии по общественной безопасности Совета Безопасности Российской Федерации (март 2018 г.) и в специально созданной межведомственной

Комиссии при Правительстве России (Постановление от 07.10.2018 г.), постоянно убеждаешься насколько велика сила предубеждений и ошибок прошлого, обусловивших «неразрешимые» межведомственные противоречия по вопросам судебной экспертизы в настоящем. А суть этих противоречий, несколько утрируя сложившуюся ситуацию, можно сказать, заключается в дискуссиях о том, в каком ведомстве экспертизы «научней», а эксперты «независимей».

Позиция представителей судебно-экспертных учреждений системы Минюста России в этом отношении нам представляется в определенной мере оправданной, во всяком случае в аспекте положений упомянутой Резолюции Комиссии ООН. Несколько сложнее сложилась обстановка в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) системы МВД России. В борьбе за право производства судебных экспертиз, несмотря на «процессуальную зависимость» экспертов этих подразделений, возглавляющий их ЭКЦ МВД России, судя по всему, и не заметил, как исказился вектор развития всей возглавляемой им службы. В ней абсолютизирована судебно-экспертная деятельность, явно в ущерб экспертно-криминалистической, причем, в отрыве от научных исследований и разработок, осуществляемых в ведущих научных и образовательных учреждениях МВД России [15].

Произошло это не случайно, а как результат «руководящих» установок. Еще в конце 80-х гг. прошлого века начальник ЭКЦ МВД СССР В.А. Снетков писал, что «применять технику в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий могут с успехом сами оперативные работники, следователи, дознаватели». В связи с этим «профильными функциями ЭКС являются производство экспертиз и исследований, ведение криминалистических учетов» [10]. Более того, данная установка нашла закрепление в приказе МВД СССР № 170 1989 г., которым предписывалось привлекать экспертов ЭКП ОВД к осмотрам мест происшествия только по наиболее тяжким преступлениям. Таким образом, игнорировалась проверенная практикой истина – многие тяжкие преступления раскрываются, начиная с «мелочевки».

Еще более радикальную позицию в этом отношении занимали его приемники по должности, не имевшие юридического образования, криминалистической подготовки и соответствующей практики.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Очень убедительно и наглядно о негативных последствиях таких установок свидетельствует тот факт, что спустя 10 лет после принятия федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ, в котором в качестве одного из основных направлений ее деятельности определено «осуществление экспертно-криминалистической деятельности» (ст. 2, ч. 2, а. 12), в ЭКЦ МВД России не проведено исследование ее понятия, содержания, системы, задач, проблем ее организации и правового обеспечения. Получается, что этот Центр осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью, о которой не имеет системного представления.

Следует ли при этом удивляться, что его претензии на исключительное право производства судебных экспертиз не понимают и не разделяют представители правоприменительных ведомств России (Генеральной Прокуратуры, Верховного суда, Минюста). Тем более, что в научном плане ЭКЦ МВД РФ самоустранилось от научных исследований и разработок ведущих университетов этого министерства, что привело к застою в методическом обеспечении новых видов экспертиз, которые особенно необходимы следствию в борьбе с современной преступностью [15]. Но при этом заметим, они согласились с решением упоминавшейся выше Комиссии Совета Безопасности Российской Федерации об организации производства судебных экспертиз в системе Следственного комитета России, которое было реализовано в Федеральном законе № 244-ФЗ от 26 июля 2019 г. Важно отметить, что судебно-экспертные подразделения в этом ведомстве действуют организационно обособленно от криминалистической и других его служб. Таким образом, если не исключены, то явно приглушены формальные поводы для упреков экспертов правоохранительных органов в их процессуальной зависимости от органа, производящего расследование.

Организационное разграничение функций специалистов-криминалистов и судебных экспертов в экспертно-криминалистической службе МВД России – объективно обусловленная необходимость. Судебно-экспертная и экспертно-криминалистическая деятельность принципиально различаются по их назначению и решаемым задачам, по методам, средствам и условиям деятельности специалистов и судебных экспертов [11]. Соответственно,

имеются и существенные различия в содержании и формах их профессиональной подготовки. При этом данная служба всегда развивалась и продолжает развиваться экстенсивно, путем формального расширения сети ЭКП ОВД и увеличения их штатной численности, сохраняя без изменений организацию их деятельности, сформировавшуюся еще в начале XX в. Не придается значение и тому, что современный уровень развития криминалистической техники ни в какое сравнение не идет с тем, что было в прошлом веке, что ее дальнейшее развитие и внедрение научных достижений в следственную практику (содержание) сдерживается не соответствующей ее возможностям организацией (формой).

Обозначенная диалектическая взаимосвязь формы и содержания экспертно-криминалистической деятельности очень выразительно проявилась в настоящее время в связи с принципиальным изменением общественных отношений при переходе к информационному обществу и актуализацией в этой связи проблем компьютерной криминалистики. При этом очевидно, что государственные судебно-экспертные учреждения системы Минюста России и экспертно-криминалистические подразделения МВД России оказались не готовы решать такие проблемы, фактически общегосударственного масштаба. Во всяком случае, так можно толковать предписания в федеральном проекте «Информационная безопасность» о создании негосударственных экспертных организаций для разработки проблем компьютерной криминалистики [12].

Между тем, компьютерные преступления стали обыденностью практически во всех регионах страны, демонстрируя устойчивый ежегодный рост до 70 %, а Россия занимает первое место в мире по количеству кибератак, ежегодный ущерб от которых достигает пяти триллионов рублей [13]. Однако, как отмечалось выше, в штатах территориальных ОВД и их экспертно-криминалистических подразделений пока нет специалистов данного профиля знаний, получивших целевую технико-правовую подготовку и способных оказывать предметную помощь следователям. Отсутствуют серьезные научные исследования и разработки по данной проблематике в ЭКЦ МВД РФ Минюста РФ.

Бюрократические проявления в дифференциации научного знания в экспертно-криминалистической сфере привели к попыткам

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

введения в криминалистику излишне упрощенных представлений о современной высокотехнологичной преступности и средствах борьбы с ней. На конференциях по криминалистике в последнее время ведущие ученые-криминалисты с упорством, достойным лучшего применения, тратят свои силы на споры о том, какие следы оставляют преступники при совершении подобных деяний – цифровые, бинарные, электронные или виртуальные. Не вдаваясь в детали используемой при этом аргументации, следует обратить внимание на то, что следы как таковые для выявления, раскрытия и расследования преступления не имеют самостоятельного значения. Работа с ними необходима для формирования следователем на их основе доказательств по уголовному делу, изобличающих определенное лицо в совершении данного преступления. Поэтому при разработке соответствующих криминалистических методик, нацеленных на выявление и фиксацию следов преступлений рассматриваемого вида в разнообразной электронной документации, хранящейся в информационных системах различного вида, необходимо акцентировать внимание на последующие процессуальные действия, позволяющие следователю получить необходимые доказательства по уголовному делу.

В свою очередь, при получении определенных доказательств в рамках расследования уголовного дела о подобных «высокотехнологичных» преступлениях, соответствующие криминалистические методики должны быть нацелены на то, чтобы собранная совокупность этих доказательств позволяла следователю установить в деянии состав преступления, а также предмет доказывания, включающий всю совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию. При этом для получения многих доказательств оказывается необходимым использование специальных знаний и профессиональных компетенций судебных экспертов и специалистов. Здесь также встает ряд вопросов о создании соответствующих методик исследований, проводимых в порядке экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности.

Очевидно, что такие методики должны обеспечивать принципиально новые возможности обработки электронных документов различного вида без их преобразования в документы на бумажных носителях, но под контролем следователя. Во многих исследо-

ваниях, посвященных особенностям экспертно-криминалистических и судебно-экспертных методик, отмечалось, что по своим структурно-содержательным характеристикам они представляют собой программы соответствующих следственных либо экспертных действий, взаимно связанных в определенной последовательности. По сути, при этом речь идет о соответствующих алгоритмах обработки документированной информации, при жестком контроле за обеспечением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки данной информации [12]. Соответственно, подобные алгоритмы могут использоваться и для обработки электронных документов, имеющих в уголовном деле, при соблюдении требований, установленных процессуальным законодательством.

Вместе с тем, многие ученые-криминалисты в своих публикациях все еще пытаются объяснить «механизмы» совершения компьютерных преступлений, природу оставленных при этом следов и даже заявляют о формировании очередного криминалистического учения. И это в то время, когда криминал уже использует совсем другой язык, а следственной практике требуются адекватные вызовам высокотехнологичной преступности современные информационные технологии с элементами искусственного интеллекта.

С точки зрения рассматриваемых в настоящей работе проблем дифференциации и интеграции научного знания применительно к созданию эффективной уголовно-правовой защиты современного общества от атак криминала, можно сделать вывод о том, что речь идет о попытках некоторых юристов использовать лишь весьма небольшую часть широчайших возможностей современной информатики. К тому же, из-за весьма упрощенного подхода к интегрированию научных знаний в сфере информатики и криминалистики, что также можно рассматривать как одно из последствий упоминавшихся выше проявлений «научного сепаратизма», дискуссии сводятся лишь к поверхностному анализу отдельных проблем используемой терминологии.

Но и «встречное» движение некоторых представителей информатики к решению проблем борьбы с высокотехнологичной преступностью также не отличается глубиной их научного осмысления. Достаточно упомянуть о попытках создания некоторыми экспертами-компьютерщиками новой науки – «форензики»,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

а также заявлениях представителей частных фирм, занимающихся компьютерной безопасностью, не только о создании компьютерной криминалистики, но и о ее практическом применении для пресечения соответствующих преступлений и возмещения причиненного ущерба в многомиллиардном размере. При этом они не замечают, что выход за пределы наук уголовно-правового блока в рамках столь явно выраженных технократических подходов, ставит всю подобную деятельность вне закона, не говоря уже о выхолащивании ее научного и правового содержания.

Еще более опасным проявлением подобных технократических подходов к решению проблем современного уголовного судопроизводства являются сформулированные в некоторых руководящих документах программные установки не только на создание электронного судопроизводства, но и электронного правосудия. Предложения о широком использовании в судебной системе искусственного интеллекта компьютерных роботов на основе нейросетевых алгоритмов внешне выглядят вполне современно и прогрессивно. Но с юридической точки зрения это означает попытку опосредованного введения в российское судопроизводство принципов прецедентного права, лежащих в основе англо-саксонской правовой семьи, чуждой российской правовой системе и отнюдь не способствующих ее укреплению [14].

Таким образом, на современном этапе интеграции научного знания, позволяющего не только обогатить современную криминалистику с точки зрения «чистой науки», но и обеспечить формирование научного фундамента для создания принципиально нового инструментария уголовного судопроизводства в борьбе с криминалом в условиях перехода к информационному обществу и экономике знаний, встает ряд новых задач. Прежде всего, речь идет о создании принципиально нового юридического алгоритмического языка, обеспечивающего надлежащее взаимопонимание правоприменителей со всеми участниками уголовного судопроизводства, в том числе, на уровне современных информационных систем и информационных технологий.

Ученым-юристам, как представителям гуманитарного научного знания, должны быть не только понятны особенности возникающих при этом проблем, но и способы их решения. В частности, уже на данном этапе

интегрирования научного знания в сфере криминалистики и информатики становится очевидно, что разрабатываемый инструментарий должен создаваться в виде интерактивных экспертных систем, обеспечивающих надлежащую организацию диалога следователя со своим компьютером, оснащенным проблемно-ориентированным комплексом программ и баз знаний.

В рамках такого диалога возможно организовать процесс интегрирования возможностей человеческого интеллекта юриста-правоприменителя с искусственным интеллектом соответствующих информационных систем.

Соответствующие проблемы более подробно рассмотрены в уже упоминавшихся работах [12; 14; 15]. Безусловно, данный юридический язык нельзя отнести к новым языкам программирования, поскольку целевые установки для его создания и практического применения иные. Речь идет о том, чтобы с его использованием помочь ученым-юристам, развивающим новые направления исследований и разработок в сфере уголовного судопроизводства, лучше понять те изменения в сфере общественных отношений, которые характерны для современной, весьма непростой ситуации перехода к информационному обществу и экономике знаний. Это позволит понять важнейшие особенности отражения в сознании граждан тех реалий, которые сложились в рамках их постоянного общения со своими смартфонами и компьютерами, а также перехода значительной части их повседневных интересов и даже жизненно важных потребностей в виртуальную реальность.

В этой связи важно обратить внимание на то, что в последние годы был принят ряд существенных изменений и дополнений в действующее законодательство, из которых наиболее важными, на наш взгляд, является введение принципиально новой системы цифровых прав, которые законодатель связал с информационными системами различного вида и их правилами, а затем и цифровых финансовых активов. При этом интегрирование данных правовых норм, жизненно важных для современного общества, в действующее законодательство происходит весьма противоречиво, со значительными издержками в формировании их глубинного смысла, что создает ряд проблем и в системе уголовно-правовой защиты данной сферы общественных отношений.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Многие из этих проблем носят чисто субъективный или, по крайней мере, субъективно-объективный характер, что проявляется уже на уровне правотворчества. Не секрет, что указанные выше новеллы российского законодательства, связанные с цифровыми правами, были приняты после многолетних дискуссий нескольких групп специалистов, которые при отстаивании определенных групповых интересов далеко не всегда стремились вникнуть в глубинный смысл аргументации не только своих оппонентов, но и независимых экспертов. При этом явно недостаточное внимание уделялось и интегрированию научного знания в сфере экономики и финансов с правовыми знаниями, чтобы спрогнозировать возможные последствия от данных новелл в правоприменительной практике.

Анализ особенностей рассматриваемых новелл, а также иных положений действующего законодательства, связанных с введением электронного документооборота, различных видов электронных подписей и т. п., позволяет сделать выводы о том, что на уровне правотворчества, отражающего отношение представителей законодательной и исполнительной власти, реализующих свое право на законодательную инициативу в данной области, не уделяется должного внимания вопросам уголовно-правовой защиты соответствующей сферы общественных отношений. Более того, здесь вполне отчетливо проявляется тенденция дифференциации уголовной ответственности рядовых граждан от тех из них, которые получили статус предпринимателей, владельцев информационных систем, основанная на действующей еще со времен приватизации установке «не надо кошмарить бизнес».

Сознательно опуская хорошо известные оценки результатов приватизации, сделаем акценты только на тех процессах дифференциации и интеграции научного знания, которые относятся к проблемам развития российского уголовного судопроизводства в части роли и места экспертно-криминалистической деятельности. С этой точки зрения вполне очевидными становятся нарастающие проблемы информационно-технологического обеспечения современного уголовного судопроизводства применительно к современным законодательным новеллам.

Введение электронного документооборота, а затем системы цифровых прав и цифровых финансовых активов без учета необходимости

создания их столь же высокотехнологичной уголовно-правовой защиты привело к всплеску преступности, связанной с применением криминалом информационных технологий в данной сфере. При этом возможности следствия по выявлению и фиксации следов преступлений в электронной документации, не говоря уже о самых разнообразных информационных системах, оказались крайне ограниченными. А об экспертно-криминалистическом обеспечении расследования соответствующих уголовных дел вообще говорить не приходится из-за практически полного отсутствия соответствующих кадров.

В качестве характерного примера достаточно привести ситуацию, сложившуюся применительно к преступлениям, связанным с манипулированием рынком (ст. 185³ УК РФ). За 10 лет после введения данной статьи были вынесены приговоры суда лишь по трем уголовным делам. При этом рынок ценных бумаг, производных финансовых инструментов, валюты и товаров, объем которого превышает ВВП страны, остался фактически без уголовно-правовой защиты. И главной причиной этого стало то, что все операции данного рынка в соответствии с действующим законодательством осуществляются с помощью электронных документов, а субъекты данного рынка осуществляют соответствующие транзакции в своих информационных системах с помощью оригинальных компьютерных программ. Поэтому даже установить характер данных транзакций по соответствующим электронным документам следователю оказывается крайне сложно, не говоря уже о выявлении в них следов преступлений данного вида.

Недавнее многочасовое обсуждение данных проблем на круглом столе, организованном Московской академией Следственного комитета Российской Федерации совместно с Банком России, позволило сделать ряд выводов о причинах сложившейся ситуации и способах ее разрешения. В контексте проблем, рассматриваемых в настоящей статье, необходимо отметить явно недостаточное внимание – как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения, проблемам интеграции знаний в различных сферах права, экономики, математики и информатики.

Отмечалось, что представители в сфере банковского контроля за соблюдением лицензионных требований участниками рынка ценных бумаг демонстрируют высокий уровень

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

знаний в сфере экономики, но имеют весьма поверхностное представление об обязательных и факультативных признаках преступлений данного вида, не говоря уже о требованиях процессуального законодательства в части сбора, проверки и оценки доказательств по уголовным делам. В то же время, правоприменители явно недостаточное внимание уделяют тем экономико-математическим моделям, в рамках которых формируются показатели рыночной деятельности законопослушных субъектов, отклонения от которых позволяют предпринимать меры по поиску информационных следов возможных преступлений данного вида.

Иначе складывается ситуация в сфере «теоретических» исследований рассматриваемых проблем борьбы с высокотехнологичной преступностью. Как уже отмечалось выше, значительная часть публикаций и докладов на научных конференциях посвящена дискуссиям об используемой терминологии, а точнее, попыткам навязывания ставших весьма популярными «цифровых» названий не только следам преступлений, но и самой криминалистике. При этом из-за весьма поверхностных подходов к использованию знаний из различных сфер информатики, до серьезных предложений по обеспечению следственных действий в рамках определенных информационных систем, с которыми связаны цифровые права субъектов соответствующих высокотехнологичных преступлений, дело не доходит.

Во многом это связано с тем, что многие ученые-юристы не стремятся к получению глубоких знаний в соответствующих сферах информатики, а пытаются действовать «по аналогии», перенося свой житейский опыт использования всевозможных гаджетов в юридическую науку. Такое стремление вполне понятно, и в некоторых случаях даже приносит весьма интересные результаты. Однако нельзя забывать, что в публичном праве, составляющем фундамент уголовного судопроизводства, применение аналогии закона и права не допускается. Поэтому приходится заострять внимание на необходимости интеграции научного знания в сфере дисциплин уголовно-правового блока и различных разделов информатики на более глубоком уровне их базовых положений с последующим применением полученных результатов прикладного характера в разработке соответствующих

проблемно-ориентированных информационных технологий.

Подытоживая, можно сделать однозначный вывод о том, что для создания эффективной уголовно-правовой защиты от высокотехнологичного криминала, применение традиционных подходов, сложившихся в системе наук уголовно-правового блока, оправдано далеко не всегда. И речь идет не только о весьма негативных проявлениях научного сепаратизма, что уже отмечалось выше. Прежде всего, необходимо изменить сложившееся отношение к наукам уголовно-правового блока, как к чисто гуманитарной сфере научного знания. Дать адекватный ответ на вызовы современного криминала могут только те представители юридического сообщества, которые активно осваивают знания в смежных областях науки – экономики, математики, информатики и других естественных и технических наук в той части, которая необходима для надлежащего правотворчества и правоприменения при переходе к информационному обществу.

Данное исследование показывает, что из всех наук уголовно-правового блока криминалистика наиболее восприимчива к интеграции научного знания в интересах борьбы с преступностью. Кроме того, являясь по своей сути наукой прикладной, а по природе синтезированной, вбирающей в себя практически опыт выявления, раскрытия и расследования преступлений самых различных видов, она наиболее восприимчива к тем выводам, которые следуют из реальной следственной практики. Поэтому есть все основания говорить о ее особой, интегрирующей роли в мобилизации возможностей всех наук уголовно-правового блока для борьбы с высокотехнологичным криминалом. При этом важно обратить особое внимание на то, что на современном этапе развития криминалистики как прикладной науки проявляются два основных направления формирования в ее структуре компьютерной криминалистики.

Первое направление развития компьютерной криминалистики связано с широким использованием всевозможных компьютеризованных устройств и информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта, как новой криминалистической техники, позволяющей проконтролировать буквально каждый шаг преступника при подготовке, совершении и сокрытии самых раз-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

личных видов преступлений, идентифицировать его личность и зафиксировать следы преступления.

Принципиально новые технические и информационно-технологические возможности оказывают серьезное влияние на развитие криминалистической тактики и методики. Это обеспечивает получение необходимых доказательств по уголовным делам на основе электронной информации, полученной от соответствующих устройств. В том числе речь идет и о тех новых видах преступлений в сфере компьютерной информации, которые совершаются против операторов компьютерных сетей и их пользователей. При этом важнейшие положения наук уголовно-правового блока остаются практически неизменными как для «традиционного», так и для нового, информационного общества, в котором многие виды хорошо известных криминальных проявлений будут пресекаться с помощью более совершенного инструментария, созданного в рамках данного направления компьютерной криминалистики.

Второе направление формирующейся компьютерной криминалистики сориентировано на формирование надлежащей уголовно-правовой защиты субъектов информационного общества и экономики знаний, широко использующих пространство компьютерных сетей и связывающих с ним существенную часть своей жизни. При этом речь идет не только о потреблении «бесплатной» информации различного вида, но и о совершении широкого спектра сделок с самыми различными материальными последствиями. Здесь особенно важно обратить внимание на то, что система контроля за соблюдением законности деятельности субъектов самых разнообразных транзакций в информационно-сетевом пространстве пока еще отсутствует. Достаточно привести примеры безуспешных попыток контролирующих органов заставить социальные сети соблюдать требования российского законодательства, когда фактически в их деятельности выявляются признаки тяжких преступлений различного вида.

Выше уже отмечалось, что при введении в действующее законодательство системы цифровых прав и цифровых финансовых активов они были связаны с определенными информационными системами и их обладателями, работающими на основе своих собственных правил. Предполагается, что эти

правила должны полностью соответствовать требованиям действующего законодательства. Но проконтролировать это оказывается весьма сложно по ряду причин, среди которых выделяются многочисленные проблемы обработки закодированной компьютерной информации на предмет выявления ее содержательных особенностей, включая признаки правонарушений и преступлений различного вида. Подчеркнем, что речь идет не только, и даже не столько об использовании для шифрования компьютерной информации технологии блокчейн, поскольку даже при передаче «обычной» информации по сети используются разнообразные компьютерные коды, или компьютерные программы. При этом многие из них написаны на разных языках программирования, а также с использованием специальных средств защиты данной закодированной информации от доступа к ней «посторонних» пользователей.

Безусловно, построение с использованием различных алгоритмических языков новой информационно-сетевой среды индивидуальных и групповых коммуникаций в рамках информационного общества нельзя сравнивать со строительством вавилонской башни. Несмотря на широкое разнообразие используемых языков программирования, а также национальных языков разных стран мира, в нее изначально заложена достаточно жесткая структура, развитие которой находится под строгим контролем специалистов высокого уровня из хорошо известных фирм. То есть, все народы мира в своем общении друг с другом на разных уровнях личных, хозяйственных и иных связей становятся все более зависимыми от узкой группы лиц, владеющих данными фирмами.

Оставляя в стороне обсуждение проблем управления Интернетом и созданных на его основе соцсетей, подчеркнем все более отчетливо проявляющиеся проблемы правового регулирования сетевого пространства и тесно связанных с его использованием общественных процессов. Как уже отмечалось выше, при создании уголовно-правовой защиты отношений экономических субъектов в рамках рынка ценных бумаг, на первый план выходят проблемы использования в уголовном процессе электронной документации различного вида, а также выявления признаков преступлений в системе цифровых прав экономических субъектов, связанных

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

с определенными информационными системами и правилами, установленными их обладателями. При этом для раскрытия столь сложно формирующихся субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений в информационно-сетевом пространстве приходится использовать многочисленные положения гражданского и специального законодательства, включая систему подзаконных актов различного вида и уровня. Даже с помощью хорошо известных справочно-информационных систем выполнить столь сложный правовой анализ даже опытным следователям оказывается весьма сложно.

Но еще сложнее выявить в этом потоке самой разнообразной информации, закодированной различными способами, следы преступлений определенного вида, не говоря уже о том, чтобы зафиксировать их надлежащим образом. Не менее сложные задачи возникают и при формировании на основе подобных информационных следов необходимых доказательств по соответствующим уголовным делам. Именно эти задачи приходится решать в рамках второго направления формирующейся в настоящее время компьютерной криминалистики, создавая ее принципиально новый инструментарий.

То есть, здесь необходима четкая дифференциация данных направлений компьютерной криминалистики, учитывая перечисленные выше и иные особенности решаемых ими задач. При этом в рамках каждого из этих направлений происходит интеграция криминалистики с различными отраслями научного знания, что позволяет найти новые способы решения отмеченных выше задач. Особенно важно определить правильные формы интеграции криминалистики с такими отраслями информатики, как документальная информатика, различные виды искусственного интеллекта, гипертекстовые технологии и т. п.

Здесь необходимо подчеркнуть прикладной характер соответствующих научных исследований и разработок, нацеленных на информационно-методическое обеспечение следственных действий, сориентированных на выявление и пресечение преступлений, следы которых оставлены в информационно-сетевом пространстве. Соответствующие разделы науки информатики, которая интенсивно развивается по различным направлениям, отражающим новые потребности информационного общества, ряд ученых предлагает объединить в рамках «правовой информатики» [14].

Важно отметить, что в рамках данного направления информатики происходит не только разработка конкретных информационных технологий, сориентированных на обеспечение соответствующих следственных действий, включая применение необходимых для этого специальных знаний. Поскольку ни одна компьютерная программа, даже оснащенная «искусственным интеллектом», не в состоянии заменить следователя, то речь идет о создании и практическом использовании интерактивных экспертных систем различного назначения. Но для эффективной организации в рамках таких систем диалога следователя со своим компьютером, оснащенным соответствующим программным обеспечением, необходимо создание нового, юридического алгоритмического языка.

При этом соответствующая интерактивная экспертная система фактически сможет выполнять роль специалиста, способного дать разъяснения практически по любым вопросам, связанным с поиском следов преступлений в информационно-сетевом пространстве, их фиксацией и формированием на их основе необходимых доказательств по уголовному делу. Во многих случаях возможно использование и оператора такой экспертной системы в качестве специалиста, а также нескольких специалистов, обладающих необходимым набором различных профессиональных компетенций, чтобы обеспечить надлежащее выполнение требований ст. 58 УПК РФ.

Данное новое научное направление, связанное с интеграцией криминалистики и определенных разделов информатики, предлагается назвать «уголовно-правовая информатика» [12; 14]. Но дело даже не в названии, а в тех принципиально новых задачах, которые реальная правоприменительная практика ставит перед криминалистами, а также представителями других наук уголовно-правового блока. Опираясь на интегрированные научные знания, компьютерная криминалистика могла бы сыграть важнейшую роль и в интегрировании возможностей всех наук уголовно-правового блока в борьбе с современной высокотехнологичной преступностью, развернувшей свою противоправную деятельность в информационно-сетевом пространстве [12].

Безусловно, для практической реализации соответствующих исследований и разработок в рамках основных направлений развития

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

современной компьютерной криминалистики, включая формирование уголовно-правовой информатики как ее научного фундамента, необходимо принятие и ряда организационных мер. Как показали результаты обобщения исторического опыта развития отечественной криминалистики, действующие экспертные и экспертно-криминалистические учреждения не обладают необходимыми возможностями для решения обозначенных выше задач государственного масштаба. Поэтому необходимо рассмотреть возможность создания межведомственного центра компьютерной криминалистики, в рамках которого может быть осуществлен комплекс мероприятий по практическому объединению усилий ведущих ученых и специалистов в различных сферах наук уголовно-правового блока, экономики, информатики и других отраслей научного знания для формирования научного фундамента новой системы уголовно-правовой защиты информационного общества от атак высокотехнологичного криминала. На этой основе в кратчайшие сроки могут быть созданы соответствующие программные

средства и проблемно-ориентированные экспертные системы для выявления, раскрытия и расследования таких преступлений.

С участием данной группы ученых и специалистов также может быть создана система непрерывного повышения квалификации и профессиональной переподготовки следователей, оперативных работников, экспертов и специалистов для практического применения разработанного инструментария компьютерной криминалистики. Для этого может быть осуществлена интеграция усилий правоохранительных органов с профильными учебными учреждениями. Соответственно требуется разработка современной версии учебника по компьютерной криминалистике.

Иначе говоря, время объяснений и дискуссии уже исчерпано, необходимы конкретные созидательные действия. При этом очень важно избавиться от бессмысленного межведомственного противостояния и сосредоточить усилия на формировании государственной системы научно-технического обеспечения борьбы с компьютерной преступностью.

Литература

1. Криминалистика. 2-е издание / под ред. Р.С. Белкина. М., 2003.
2. Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
3. Торвальд Ю. Век криминалистики. М., 1990.
4. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999.
5. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1969.
6. Волынский А.Ф. Криминалистическая техника: наука-техника-общество-человек: монография. М., 2000.
7. Кулагин Л.Г. К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР // Экспертная практика. М., 1968. № 2.
8. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Научные труды Академии управления МВД России. М., 2019. № 4 (52).
9. Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия, пути преодоления // Научные труды Академии управления МВД России. М., 2018. № 1 (45).
10. Снетков В.А. Проблемы повышения эф-

Bibliography

1. Criminalistics. 2nd edition. Edited by R.S. Belkin. M., 2003.
2. Hans Gross. Manual for forensic investigators as a system of criminalistics. M., 2002.
3. Torvald Yu. The Century of Criminalistics. M., 1990.
4. Belkin R.S. History of domestic criminalistics. M., 1999.
5. Krylov I.F. Forensic examination in criminal proceedings. L., 1969.
6. Volynsky A.F. Criminalistic technique: science-technology-society-man. Monograph. M., 2000.
7. Kulagin L.G. On the history of the development of forensic examination institutions in the USSR // Expert practice. M., 1968. № 2.
8. Volynsky A.F. To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: the unlearned lessons of history // Scientific works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2019. № 4 (52).
9. Volynsky A.F. The subject of criminology and «scientific separatism»: consequences, ways of overcoming // Scientific works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2018. № 1 (45).

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

фективности экспертно-криминалистической службы (в период 1984–1991 гг.) // 85 лет Экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел России. Сб. статей. М., 2004.

11. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и технико-криминалистические виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. № 2. 2013.

12. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М., 2020.

13. Кузнецов С.К. Борьба с киберпреступностью: проблемы решения и новые возможности. Выступление на международной научно-практической конференции. 62-е ежегодные Криминалистические чтения (Москва, Акад. управ. МВД России. 21 мая 2021 г.)

14. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): монография. М., 2019.

15. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2021.

10. Snetkov V.A. Problems of increasing the efficiency of the forensic service (in the period 1984–1991) // 85 years of the Forensic service of the internal Affairs bodies of Russia. Collection of articles. M., 2004.

11. Volynsky A.F. Forensic and technical-criminalistic activities: general and special // Expert-criminalist. № 2. 2013.

12. Volynsky A.F., Prorvich V.A. Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the «traditional» and digital economy. Monograph. M., 2020.

13. Kuznetsov S.K. Fight against cybercrime: problems of solution and new opportunities. Presentation at the international scientific and practical conference. 62nd Annual Forensic Readings (Moscow, Akad. management. The Ministry of Internal Affairs of Russia. May 21, 2021)

14. Volynsky A.F., Prorvich V.A. Electronic legal proceedings on crimes in the field of economics (scientific and practical aspects): monograph. M., 2019.

15. Forensic economic expertise in criminal proceedings / edited by A.F. Volynsky and V.A. Prorvich. 2nd Ed., reprint. and additional. M., 2021.

© 2021 г. Зиновьева Нина Сергеевна,

преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук.

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАШИФРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ С УСТРОЙСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ И ТАКТИКА ИЗЪЯТИЯ УСТРОЙСТВ СВЯЗИ

Отсутствие в отдельных регионах специалистов экспертных учреждений, обладающих знаниями по получению зашифрованной компьютерной информации, создает необходимость привлечения в качестве таковых сотрудников компаний-разработчиков программных продуктов. Однако на данном этапе существуют сложности организационного порядка. Кроме того, отсутствие специалистов не позволяет оперативно выявлять и исследовать информацию в рамках следственных действий, поэтому чаще происходит не изъятие информации, а их носителей. В исследовании даются криминалистические рекомендации по работе с устройствами связи – носителями такой информации.

Ключевые слова: компьютерная информация, криптографическая защита данных, специальные знания, тактика получения компьютерной информации, следственные действия.

Zinovieva Nina Sergeevna – Lecturer, the Criminal Procedure Department Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

SOME TACTICAL AND FORENSIC PROBLEMS OF ATTRACTING SPECIALISTS TO OBTAIN ENCRYPTED INFORMATION FROM MOBILE COMMUNICATION DEVICES AND TACTICS OF WITHDRAWAL OF COMMUNICATION DEVICES

The absence of experts in certain regions from expert institutions with knowledge on obtaining encrypted computer information creates the need to attract employees of software development companies as such. However, at this stage there are organizational difficulties. In addition, the lack of specialists does not allow the prompt identification and investigation of information within the framework of investigative activities, therefore, it is more often not the seizure of information, but their devices. The study provides forensic recommendations for working with communication devices with such information.

Keywords: computer information, cryptographic data protection, special knowledge, tactics of obtaining computer information, investigative activities.

Преступления, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий, а также посягающие на защищаемую законом информацию, которая хранится, обрабатывается или передается посредством информационно-телекоммуникационных систем, приобретают все большее распространение.

Вызывают особую озабоченность и факты использования новых форм совершения и сокрытия преступлений, совершаемых в рассматриваемой сфере. Так, в качестве одной из распространенных мер сокрытия совершаемых преступлений является применение шифрования информации, передаваемой в Интернете, информации, распространяемой посредством сотовой связи, а также информации, хранящейся на электронных носителях. В зависимости от объекта передачи информации применяются определенные способы

ее сокрытия, а также аппаратно-программные комплексы, использование которых позволяет зашифровывать данные.

Производители программных продуктов и цифровых коммуникационных устройств разрабатывают и интегрируют шифрование, позволяющее защищать информацию личного (конфиденциального) характера, таким образом, ограничивая несанкционированный доступ к информации извне. Мессенджеры, позволяющие передавать мгновенные текстовые сообщения (а также фото- и видеосообщения), осуществляют шифрование данных в момент их обмена между абонентами. Операционные компьютерные системы также имеют возможности для сокрытия данных, а компьютерные программы и утилиты, находящиеся в свободном доступе, предоставляют возможность для более эффективного шифрования хранящейся информации.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

С криминалистической точки зрения анализ информации, содержащей признаки готовящегося или совершенного преступления, имеет важное значение. Вместе с тем доступ к ней затруднен в силу ее закрытости. Уровень сокрытия информации, алгоритмы, применяемые в этих целях, а также характеристика устройств, в которых эта информация содержится, определяют условия работы с ней, влияют на выбор средств и методов выявления алгоритмов шифрования, а также создают процессуальные предпосылки для привлечения к решению таких задач лиц, обладающих специальными знаниями в области компьютерной информации и, в частности, в сфере ее защиты.

В основе работы с информацией, преобразованной методами криптографии, лежит применение специализированных аппаратно-программных комплексов, использующих алгоритмы дешифрования сокрытой информации. Без специальных знаний, касающихся применения подобных технико-криминалистических средств, получить доступ к информации, имеющей криминалистическое значение, невозможно. По этой причине к участию в процессуальных действиях, в ходе которых предполагается изъять компьютерную информацию, сохранив при этом ее целостность и исключив возможность видоизменения или уничтожения, привлекаются в качестве специалистов работники государственных экспертных учреждений, либо негосударственных экспертных учреждений, а также представители компаний-разработчиков программных продуктов. С последними дела обстоят сложнее, поскольку их основная деятельность связана с получением прибыли, поэтому под разными предлогами компании-разработчики стараются минимизировать возможности их привлечения к такому виду деятельности.

Общепринятого порядка привлечения в качестве специалистов представителей компаний разработчиков не существует. Если в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах, где располагаются данные компании, по отдельным резонансным преступлениям удастся на основе соглашений привлекать таковых, то в большинстве других регионов эта проблема остается неразрешенной.

В свою очередь, и не все экспертные учреждения имеют на вооружении аппаратно-программные средства, либо квалификация

специалиста не позволяет в полной мере осуществлять доступ к исследуемым данным. Поэтому следователи обращаются в негосударственные экспертные учреждения, расположенные в других регионах, где есть соответствующие специалисты.

Это первая и основная проблема, которая не позволяет в полной мере реализовывать тактико-криминалистические задачи следственного действия, которые направлены на получение криминалистически значимой компьютерной информации непосредственно на месте его производства, что позволяет экономить время и оперативно получить ориентирующую информацию, важную для принятия неотложных процессуальных решений.

По этой причине взаимодействия между субъектом расследования и специалистами чаще всего осуществляется в процессуальной форме, а именно, в ходе назначения и производства криминалистических экспертиз.

Так, в рамках взаимодействия (при необходимости получения зашифрованной информации, которая хранится на определенном носителе (на жестком диске компьютера, на внешнем диске, в смартфоне и др.)) и в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, следователь привлекает специалиста, обладающего знаниями и располагающего техническими возможностями получения доступа к такой информации. Следователь выносит постановление о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы и ставит на разрешение вопросы, касающиеся возможности расшифровывания сокрытых методами криптографии данных.

В данном случае субъекты расследования сталкиваются с другой, не менее важной проблемой, связанной с изъятием в ходе проведения следственных действий носителей криминалистически значимой компьютерной информации, преобразованной методами криптографии. Поэтому назначению компьютерных экспертиз предшествует изъятие электронного носителя информации либо копирование информации с такого носителя на иной электронный носитель информации.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, изъятие информации с электронных носителей осуществляется в процессуальном порядке при обязательном участии специалиста. Поскольку копирование информации с электронных носителей, которая преобразована методами

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

криптографии, чаще всего невозможно, то возникает объективная необходимость изъятия непосредственно самого носителя информации. Вместе с тем, возникает определенный пробел в процессуальной регламентации порядка изъятия криптографически защищенных данных при складывающейся ситуации.

Так, положение ч. 1 ст. 164.1. УПК РФ [1] «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий» содержит запрет на изъятие электронных носителей информации. Исключение оставляют случаи, при которых:

1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;

3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой по заявлению специалиста может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Как видно из положений анализируемой нормы, изъятие электронных носителей информации, содержащей зашифрованные данные, затруднено в силу исчерпывающего перечня случаев, допускающих такое изъятие. Так, в случае, если отсутствует судебное решение или не вынесено постановление о назначении экспертизы, а также нет предпосылок для наступления обстоятельств, указанных в п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, следовательно утрачивает возможность изъять электронный носитель информации или копировать такую информацию на иной носитель.

Существует достаточно широкий перечень видов носителей компьютерной информации. Физические свойства и особенности

функционирования одних носителей данных (например, оптический (лазерный) диск или флеш-накопитель) не составляют труда в их изъятии, тогда как некоторые из них (например, внешний жесткий диск или внутренний (твердотельный) жесткий диск, установленный в компьютере или смартфоне), при некорректной работе с ними в процессе фиксации и изъятия искомой информации, могут привести к ее уничтожению.

Именно по этой причине криминалистикой разрабатываются рекомендации, позволяющие выполнить ряд тактических действий, при которых и носитель информации, и информация на ней останутся пригодной для диагностирования и исследования. В рамках такой деятельности следует учитывать те недостатки, которые допускаются следователями при изъятии компьютерной информации, преобразованной методами криптографии.

В силу ограниченности формата данного исследования, попытаемся рассмотреть некоторые тактические аспекты получения криминалистически значимой компьютерной информации, хранящейся в памяти смартфона (на примере смартфонов iPhone).

При выключении изъятых устройств. При выключении устройство переводится из состояния AFU* в состояние BFU** со всеми вытекающими последствиями. Ключи шифрования пользовательского раздела хранятся в оперативной памяти устройства. При его выключении ключи исчезают, а восстановить их можно исключительно вводом корректного пароля (кода блокировки экрана).

Если возникнет необходимость подобрать код блокировки, то скорость атаки после выключения или перезагрузки устройства будет почти на порядок медленнее. Перестанут работать записи lockdown, логическое извлечение станет невозможным. Если код блокировки неизвестен, извлечение данных придется проводить в режиме BFU.

* AfterFirstUnlock – данный режим означает, что пользователь хотя бы раз разблокировал телефон паролем после перезагрузки. В режиме AFU расшифрованы пользовательские данные, их можно попытаться извлечь. Скорость перебора кодов блокировки в этом режиме высокая (порядка нескольких минут на PIN-код, состоящий из 4 цифр).

** BeforeFirstUnlock – данный режим означает, что устройство было перезагружено или выключено; ключей шифрования пользовательских данных в памяти нет, а сами данные – надёжно зашифрованы. Скорость перебора паролей низкая; на полный перебор 4 цифр PIN-кода может уйти до нескольких дней, а перебор 6-значного цифрового пароля теряет смысл.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Во избежание таких упущений следует:

При наличии возможности необходимо активировать режим полета и отключить функции Wi-Fi, Bluetooth (они могут быть включенными даже в режиме полета, если пользователь включил Wi-Fi или Bluetooth хотя бы один раз в режиме полета). Чтобы избежать выключение телефона, необходимо его подключить к источнику питания (например, пауэрбанку), а при наличии сумки Фарадея в нее необходимо поместить телефон вместе с адаптером и зарядным устройством, либо обмотать телефон мягкой фольгой.

Данные действия предотвратят саморазряд телефона и переход его в состояние BFU. А также исключают риск того, что телефон будет удаленно заблокирован или информация с него удалена, если сохранится доступ к сети.

Вторая распространенная ошибка – извлечение из устройства SIM-карты. С точки зрения субъекта расследования это действие несет тот же смысл, что и выключение устройства; однако извлечение SIM-карты не дает гарантии сохранности информации, поскольку по-прежнему при наличии соединения по сети Wi-Fi доступ к устройству может быть осуществлен удаленно. Именно по этой причине необходимо исключить возможность подключения устройства к сети посредством разных протоколов соединения.

Если мобильное устройство оборудовано системой распознавания лиц (Face ID), достаточно взглянуть на телефон, и одна из пяти попыток разблокировки по лицу будет утрачена. Если же смартфон (iPhone) оборудован датчиком Touch ID, не стоит пытаться проверить, включено ли устройство, нажимая на кнопку датчика отпечатков пальцев.

Таким образом, следует соблюдать следующие рекомендации:

Если iPhone оснащен датчиком отпечатков пальцев, не следует прикасаться к считывателю Touch ID, поскольку будет утрачено количество попыток разблокировать телефон с помощью отпечатка пальца. Если необходимо проверить, заблокирован ли телефон, нужно ис-

пользовать функцию «боковая кнопка» на телефоне (верхняя кнопка на некоторых моделях).

Если это более новая модель телефона, то не рекомендуется смотреть на датчик Face ID. Когда телефон находится в руках человека, то система Face ID сразу же начинает поиск лица. Если лицо обнаружено устройством, он происходит попытка его идентификации. При отрицательном результате утрачивается одна из пяти попыток разблокировать телефон подобным способом.

При извлечении мобильного устройства необходимо помнить о режиме SOS и его последствиях. После пятикратного быстрого нажатия кнопки питания («Режим сна/Пробуждение») или после того, как пользователь удерживает кнопку «Режим сна/Пробуждение» и одну из клавиш громкости в течение нескольких секунд, на iPhone отображается «Экстренное» меню. В этом меню представлены различные параметры, включая возможность отмены. Независимо от выбранной опции (включая кнопку «Отмена») iOS временно отключит Touch ID (Face ID) и потребует от пользователя ввода пароля для разблокировки устройства. Кроме того, режим ограничения USB* будет активирован сразу после активации режима SOS [2].

При изъятии мобильного устройства необходимо убедиться, что изъят не только сам смартфон, но и все компьютеры (ноутбуки и настольные компьютеры), принадлежащие одному владельцу, или любые компьютеры, к которым iPhone, вероятно, был подключен в прошлом. Иногда могут помочь флеш-накопители и внешние накопители. Так как компьютеры (и внешние запоминающие устройства) могут содержать ценную информацию, которая может помочь получить доступ к заблокированным телефонам, данным iCloud и т. д.

Следует отметить, что рассмотренные нами рекомендации направлены на повышение эффективности деятельности субъектов расследования при обнаружении и изъятии носителей компьютерной информации. Приведенные правила обращения с устройствами

* При включение данного режима становится невозможным подключить посредством порта Lightning программные продукты для передачи данных. Аксессуар будет оставаться подключенным, даже если устройство впоследствии заблокировать. Если сначала не разблокировать защищенное паролем устройство iOS (или не разблокировать и не подключить его к аксессуару USB в течение последнего часа), устройство iOS не будет взаимодействовать с аксессуаром или компьютером, а в отдельных случаях оно может не заряжаться. А еще может появляться уведомление о том, что устройство необходимо разблокировать для использования аксессуаров.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

должны стать основой профессиональных знаний следователей и специалистов. С точки зрения формирования подобных навыков сложностей нет, однако игнорирование таковых приводит к утрате криминалистически значимой информации.

Специфика обращения компьютерной информации, ее использование в преступных целях, хранение таковой создают предпосылки для активного противодействия со стороны преступников субъектам расследования. Технические возможности удаленного доступа к такой информации создают новые прецеденты и формы противодействия, требующие

дальнейшего исследования и выработки на этой основе новых современных криминалистических рекомендаций. Заявленная проблематика может стать очередным предметом научного анализа. Кроме тактической сущности работы с компьютерной информацией (особенно преобразованной методами криптографии) назрела необходимость дополнительной процессуальной регламентации порядка обнаружения и изъятия таковой, а также решения организационных вопросов, связанных с развитием соответствующих компетенции специалистов в области компьютерной информации.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021).
2. URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2020/02/rasprostranyonnye-oshibki-v-mobilnoj-kriminalistike/>.

Bibliography

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FL of 18.12.2001 (as amended on 01.07.2021, with amendments. from 09.23.2021).
2. URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2020/02/rasprostranyonnye-oshibki-v-mobilnoj-kriminalistike/>.

© 2021 г. **Лугинец Эльвира Фаильевна,**

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук.

E-mail: elfik3000nn@yandex.ru

Тихонов Виктор Васильевич,

начальник кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук.

E-mail: victtikhonov@yandex.ru

Лугинец Евгений Александрович,

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России.

E-mail: evgeni-luginec@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННЫМ ГРУППАМ (ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВАМ), ДЕЙСТВУЮЩИМ В СФЕРЕ КРИМИНАЛЬНОГО АВТОБИЗНЕСА

В статье авторами рассмотрены некоторые направления деятельности органов внутренних дел по противодействию хищениям и угонам автотранспорта, совершаемым организованными группами (преступными сообществами). Освещаются актуальные вопросы нормативно-правового регулирования, организационно-тактического взаимодействия оперативных и следственных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации по раскрытию и расследованию данных преступлений. Предлагаются пути решения выявленных проблем, в том числе меры, направленные на совершенствование ведомственного нормативного правового регулирования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная группа, преступное сообщество, неправомерное завладение, хищение транспортного средства, криминальный автобизнес, взаимодействие оперативных и следственных подразделений, оперативно-розыскная деятельность.

Luginets Elvira Failieva – Associate Professor, the Department of Criminal Process of Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Agencies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Tikhonov Victor Vasilievich – Head of the Department of Criminal Process of Educational And Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Agencies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Luginets Eugeny Alexandrovich – Lecturer, the Department of Criminal Process of Educational And Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Agencies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ACTUAL ISSUES OF INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE UNITS IN COUNTERING ORGANIZED GROUPS (CRIMINAL COMMUNITIES) OPERATING IN THE FIELD OF CRIMINAL CAR BUSINESS

In the article the authors consider some areas of activity of the Internal Affairs bodies to counter theft and theft of vehicles committed by organized groups (criminal communities). Topical issues of regulatory regulation, organizational and tactical interaction of operational and investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the disclosure and investigation of these crimes are highlighted. The ways of solving the identified problems are proposed, including measures aimed at improving the departmental regulatory legal regulation of legislation in this area.

Keywords: organized crime, organized group, criminal community, illegal seizure, theft of a vehicle, criminal car business, interaction of operational and investigative units, operational and investigative activities.

В реальном уголовном судопроизводстве не бывает проблем уголовно-процессуальных или оперативно-розыскных. Бывают просто проблемы – жизненные проблемы раскрытия преступления и создания доказательственной базы для направления дела в суд.

В.Т. Томин [1, с. 5]

В соответствии с Планом реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности» на очередной финансовый 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – МВД России) запланировано проведение оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление, а также пресечение деятельности преступных групп и лиц, занимающихся криминальным автобизнесом, выявление и задержание похищенных транспортных средств, установление мест хранения похищенного автотранспорта, изменения его идентификационных обозначений и разуклоплектования, пресечение каналов сбыта похищенных транспортных средств за пределы нашего государства (установленный срок – до 31 декабря 2023 г.) [2].

В 2019 г. законодатель внес ряд изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [3] и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [4], направленных на противодействие организованной преступности. Так, были скорректированы положения ст. 210 УК РФ, предусматривающие ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) и введена новая ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Президент РФ в пояснительной записке обратил внимание на то, что организованными сообществами совершаются наиболее опасные и тяжкие преступления.

Однако тенденция усиления борьбы с организованной преступностью не нова для уголовно-правовой политики нашего государства. Она была задана задолго до указанных изменений в законодательстве и явилась предметом многочисленных научных дискуссий [5].

Рассматривая вопросы теории и практической деятельности оперативных и следственных подразделений МВД России в борьбе с неправомерным завладением, хищением транспортных средств, совершаемых организованными группами (преступными сообществами) (далее по тексту – ОГ (ПС),

в первую очередь необходимо провести анализ современного состояния организации оперативно-розыскной деятельности и внутриведомственного взаимодействия в данной сфере. На наш взгляд, это позволит определить наиболее эффективные пути решения существующих проблем.

Уголовная ответственность за «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» (угон) закреплена в ст. 166 УК РФ. Наряду с этим противоправные посягательства на транспортные средства могут быть квалифицированы и по другим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за хищения (например, по ст. 158 УК РФ – кража, ст. 161 УК РФ – грабеж, ст. 162 УК РФ – разбой) [3].

Санкции нормы права, закрепленной в ст. 166 УК РФ, относительно сопоставимы с санкциями данных норм УК РФ, предусматривающих ответственность за хищения транспортных средств. Так, за угон автомобиля может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, за квалифицированный угон – до 7 лет, а за особо квалифицированный угон (совершенный организованной группой, причинивший особо крупный ущерб, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия) – до 10–12 лет [3].

Наказание за совершение кражи предусмотрено законом в виде лишения свободы на срок до 2 лет, за квалифицированную кражу – до 5 лет, за особо квалифицированную (в том числе, совершенную организованной группой) – до 10 лет. Грабеж наказывается лишением свободы до 4, 7 и 12 лет (в том числе, совершенный организованной группой). Разбой наказывается лишением свободы до 5, 10 лет и (в том числе, совершенный организованной группой) 15 лет, соответственно [3].

Криминальный автобизнес стал неотъемлемой частью организованной преступности, для которой в настоящее время характерна растущая активность ОГ (ПС), вооруженных и технически оснащенных, с четким распределением ролей, налаженными способами продажи угнанных (разуклоплектованных) автомобилей в различные регионы России и за рубеж, а также

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

методика и тактика оказания противодействия правоохранительным органам.

Для организованной преступности имманентно присуща высокая общественная опасность совершаемых преступлений, а также латентность.

На это указал Верховный Суд Российской Федерации в судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): «организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений» [6].

Совершенно справедливо отмечает профессор В.И. Третьяков, подчеркивая опасность данного вида преступности, что организованная преступность способствует снижению доходов государства, повышению расходов на уголовное преследование, а также значительно ускоряет построение замкнутой системы субкультуры с антиобщественными нормами и правилами поведения [7, с. 261].

Грабежи и разбойные нападения являются наиболее опасными видами посягательств в целях насильственного завладения транспортными средствами. Злоумышленники зачастую действуют грубо и нагло, совершают преступления дерзко, с особой жестокостью в отношении потерпевших и свидетелей, чем и обусловлен широкий общественный резонанс преступных деяний рассматриваемой категории.

Предупреждение и раскрытие преступлений корыстно-насильственной направленности продолжает оставаться одним из важных направлений деятельности всей правоохранительной системы нашего государства.

Однако меры, принимаемые органами внутренних дел по предупреждению, раскрытию и расследованию указанных преступлений, к большому сожалению, оказываются не достаточно эффективными.

Чтобы не быть голословными, обратимся к статистическим данным. По России в 2020 г. было совершено: 14 788 хищений транспортных средств (из них – разбой, грабеж, кража), раскрыто 32,9 %, по 10 544 преступлениям преступники остались безнаказанными; 17 287 угонов транспортных средств, раскрыто 80,9 %, по 3 373 преступлениям преступники остались безнаказанными. В 2019 г. – 20 284 хищений, раскрыто 26,9 %, по 15 231 преступлению преступники остались безнаказанными; 18 896 угонов транспортных средств, раскрыто 76,6 %, по 4 295 преступлениям

преступники остались безнаказанными, соответственно. В 2018 г.: было совершено 23 712 хищений, раскрыто 25,6 %, по 18 228 преступлениям преступники остались безнаказанными; 19 460 угонов транспортных средств, раскрыто 76,7 %, по 4 593 преступлениям преступники остались безнаказанными, соответственно. В 2017 г.: было совершено 29 331 хищение, по 22 337 преступлениям преступники остались безнаказанными; 22 442 угона, по 5 652 преступлениям преступники остались безнаказанными, соответственно. В 2016 году: было совершено 34 848 хищений, по 28 339 преступлениям преступники остались безнаказанными; 24 169 угонов, по 6 762 преступлениям преступники остались безнаказанными, соответственно [8].

Ежегодный рост фактов неправомерных завладений транспортными средствами способствовал принятию органами внутренних дел ряда мер, направленных на их сокращение, а также совершенствование оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, проблема противодействия указанным преступлениям остается острой как с социальной, так и с экономической точек зрения. В рассматриваемой сфере продолжает действовать множество организованных, а также этнических преступных групп.

Вместе с тем, за последние годы мы можем наблюдать снижение показателей организованной преступности в Российской Федерации в сфере криминального автобизнеса, что подтверждается следующими статистическими данными: в 2016 г. в составе ОГ (ПС) поставлено на учет 179 краж автотранспорта и 26 угонов, в 2017 г. – 158 краж и 14 угонов; в 2018 г. – 146 краж и 20 угонов; в 2019 г. – 141 краж и 10 угонов; в 2020 г. – 67 краж и 5 угонов соответственно [8].

Вдумчивый анализ статистических данных, анкетирование и интервьюирование сотрудников оперативных и следственных подразделений показали, что дело вовсе не в снижении уровня организованной преступности, а в снижении уровня профессионализма правоприменителей (оперативных сотрудников, следователей), которые не могут надлежащим образом установить, задокументировать и доказать особо квалифицированный признак преступлений «организованная группа», либо составы преступлений, предусмотренные ст. 210 и 210.1 УК РФ. Больше чем в половине случаев преступления, возбужденные по ст. 210 УК РФ, не доходят до суда. Не всегда правоприменители могут отличить организованную группу от преступного сообщества (преступной организации),

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

характеризующейся более сложной внутренней структурой и зачастую объединением нескольких организованных групп (либо являющейся структурированной организованной группой) с целью совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды.

Изучение правоприменительной практики позволило сделать выводы, что ОГ (ПС), действующие в сфере криминального автобизнеса, в большинстве случаев имеют межрегиональный характер противоправной деятельности.

При совершении преступных деяний злоумышленники активно и достаточно успешно используют скоростные автомобили, специальные приспособления (инструменты), группы наблюдения и прикрытия, специальную форменную и камуфлированную одежду.

Следует отметить, что часто в такие группы входят лица, состоящие в близких отношениях, родстве или знакомых друг с другом благодаря совместной деятельности, в том числе криминальной.

Объективная необходимость повышения уровня противодействия данным видам преступлений определяется рядом конкретных обстоятельств. К таковым относятся: устойчивые тенденции роста, их обширный ареал распространенности в различных регионах страны, а также самое важное обстоятельство – это высокая степень организованности при подготовке и непосредственном совершении преступлений. Как отметили более половины интервьюированных респондентов, зачастую низкий уровень раскрываемости рассматриваемых преступлений является итогом недостатков и упущений в оперативно-служебной деятельности служб и подразделений органов внутренних дел [9].

Обобщение опыта борьбы с организованной преступностью показывает, что умение сотрудника оперативного подразделения находить источники получения оперативной информации, тактически и психологически продуманная работа с ними и грамотная оценка полученных от них сведений играют важную роль в документировании преступных действий участников организованных групп. Именно эта информация, дополненная данными, полученными в результате проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий, позволяет «проникнуть» во многие процессы, происходящие в разрабатываемых криминальных структурах, в среде их организаторов и активных участников.

Присущие организованным группам закрытость, клановость, иерархия и строгая

дисциплина существенно осложняют оперативную работу в их среде. Поэтому оперативные сотрудники при сборе оперативно значимой информации должны иметь в виду, что большая часть их усилий будет направлена на доказывание виновности организатора. Для этого необходимо учитывать и фиксировать те ключевые моменты, которые в последующем будут использоваться в уголовном судопроизводстве. К таковым относятся: распределение ролей; распределение средств между участниками преступной группы; построение и поддержание дисциплины, а также «системы безопасности» внутри формирования; конкретные указания организатора по совершению преступлений.

Безусловно, требуются последовательные, наступательные действия со стороны оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории. Следует отметить, что оперативные сотрудники вместе с решением задач оперативно-розыскной деятельности постоянно «загружены» составлением большого количества постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел в рамках материалов проводимых ими следственных проверок, а также заключений по результатам рассмотрения обращений граждан, осуществлением всевозможных переписок и т. п.

Подобная «бумажная» работа, которой с каждым годом становится все больше, безусловно, крайне негативно влияет на конечные результаты работы сотрудников органов внутренних дел при решении задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Основная задача оперативной разработки – документирование, т. е. непрерывный процесс выявления, закрепления и фиксации преступных действий лиц, причастных к преступлениям, осуществляемый сотрудниками подразделений уголовного розыска в соответствии с оперативно-розыскным законодательством посредством разработки и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий с привлечением (в случае необходимости) других подразделений МВД России, а также иных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в целях сбора фактических данных об обстоятельствах совершения преступлений для дальнейшего использования в процессе доказывания по уголовным делам.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Профессор М.П. Поляков замечает: «Сегодня уже никто не сомневается в том, что без средств и методов оперативно-розыскной деятельности современному уголовному судопроизводству не под силу подобраться к большинству серьезных преступлений и, в первую очередь, к организованной преступности» [1, с. 7]. Мы бы добавили к этому: не только «подобраться», но и доказать в последующем наличие ОГ (ПС).

Исследуя проблемы борьбы с преступлениями в сфере криминального автобизнеса, следует также учесть, что оперативные и следственные подразделения территориальных органов МВД России на региональном уровне решают оперативно-служебные задачи по борьбе с организованной преступностью по общему правилу, на территории своего региона (субъекта) Российской Федерации. При этом они руководствуются принципом территориальности и оперативной заинтересованности применительно к закрепленной территории своего оперативного обслуживания. В свою очередь, организованные группы, планируя совершение данных преступлений, тщательно изучают обстановку в районе предполагаемого нападения (разрабатывают план совершения преступления, предварительно наблюдая за объектом преступления, осуществляют подготовку автотранспортных средств, орудий нападения и т. п.). Учет данных обстоятельств при раскрытии преступления может помочь расширить круг лиц, подозреваемых в их совершении, а также возможных свидетелей. Преступники, совершающие грабежи и разбои в отношении водителей автотранспортных средств, используют маскировку и обладают высокой степенью мобильности, что позволяет им совершать преступления, находясь на значительном удалении от места проживания [10].

Следует также отметить недостаточно организованное взаимодействие следственных и оперативных подразделений в процессе противодействия ОГ (ПС), осуществляющих свою преступную деятельность на территории двух и более субъектов России. Данный факт отметили более 80 % опрошенных респондентов. Следствием подобного положения дел является не только негативное влияние на конечные результаты работы правоприменителей, но и создание предпосылок возникновения угрозы для жизни и здоровья лиц, оказывающих содействие оперативными подразделениями. На этот факт обратили внимание более 45 % респондентов [9].

В настоящее время основными нормативными правовыми актами, регламентирующи-

ми вопросы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в составе ОГ (ПС), являются «Положение об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами» [11], а также «Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений ОВД при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел» [12].

Анализ указанных нормативно-правовых актов показал, что они в значительной мере носят декларативный характер. Поэтому для совершенствования нормативно-правовых основ противодействия ОГ (ПС) необходимо изменение ведомственной нормативной базы, регламентирующей аспекты взаимодействия оперативных и следственных подразделений в части подготовки и непосредственного проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие преступной деятельности активных участников ОГ (ПС) [13].

Для оптимизации взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений территориальных органов МВД России на региональном уровне необходимо проработать вопрос о создании межрегиональных следственных подразделений по расследованию организованной преступной деятельности на базе подразделений в составе Следственных управлений (СУ) либо Главных следственных управлений (ГСУ) территориальных органов МВД России на региональном уровне. Данную инициативу поддержали более 80 % опрошенных респондентов.

Это приобретает особую актуальность в условиях отсутствия подразделений правоохранительных органов, специализирующихся на борьбе с организованной преступностью.

Современное состояние, а также анализируемая динамика организованной преступности в Российской Федерации, в том числе и регулярное изменение организационно-правовых и функциональных основ обеспечения противодействия преступной деятельности ОГ (ПС), вне всяких сомнений, требует нормативно-правового закрепления уголовно-процессуальных институтов, используемых в оперативно-служебной деятельности при противодействии криминальному автобизнесу.

Решение перечисленных проблем возможно только путем научно обоснованного применения с учетом общетеоретических, правовых,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

организационных и тактических основ всего инструментария, имеющегося в распоряжении сотрудников оперативных и следственных подразделений. Неслучайно исследование вопросов противодействия организованной преступности приказом МВД России от 01.04.2016 № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» отнесено к числу основных направлений научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [14].

Литература

1. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. Н. Новгород, 2001.

2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (ред. от 03.02.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

5. См., например: Иванцов С.В. Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2009; Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016; Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

6. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: криминологические взаимосвязи и проблемы предупреждения: монография. Волгоград, 2009.

В заключение отметим, что предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, связанных с криминальным автобизнесом, является одной из основных задач органов внутренних дел Российской Федерации. Таким образом, разработка и принятие соответствующих управленческих решений руководством МВД России по рассмотренным направлениям будет способствовать повышению эффективности достижения конечных целей и желаемых результатов в сфере противодействия ОГ (ПС).

Bibliography

1. Polyakov M.P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities: monograph. N. Novgorod, 2001.

2. Resolution of the government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 345 (ed. of 03.02.2021) «On the approval of the State program of the Russian Federation «Ensuring public order and combating crime «Ensuring public order and countering crime» // LRS «ConsultantPlus».

3. Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (ed. of 01.07.2021) // LRS «ConsultantPlus».

4. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (ed. of 01.07.2021, with ed. From 23.09.2021) // LRS «ConsultantPlus».

5. See, for example: Ivantsov S.V. Organized crime: systemic properties and connections (criminological assessment): dis. ... Dr. legal sciences. M. 2009; Videnkina Zh.V. Criminal responsibility for the organization of a criminal community or participation in: dis. of the cand. of legal sciences. M., 2012; Popov V.A. Criminal community (criminal organization): questions of theory and practice: dis. of the cand. of legal sciences. Ekaterinburg, 2016; Yakusheva T.V. Legislative regulation and practice of bringing to criminal responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization): dis. of the cand. of legal sciences. Krasnodar, 2016.

6. About judicial practice of consideration of criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 10.06.2010 № 12 // LRS «ConsultantPlus».

7. Tretyakov V.I. Organized crime and legalization of criminal proceeds: criminological interrelations and problems of prevention: monograph. Volgograd, 2009.

8. Statistical reporting form «Operational statistical information on the state of crime and the results of detection and disclosure of crimes» – Form «1-A» (code 451), approved by the Order

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

8. Форма статистической отчетности «Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений» – Форма «1-А» (код 451), утвержденная приказом МВД России от 28.02.2012 № 134 за январь–декабрь 2020, 2019, 2018, 2017, 2016 гг. / АИС «Портал ГИАЦ».

9. Результаты анкетирования и интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской и Нижегородской областям. Анкетирование проводилось в период с сентября 2019 г. по сентябрь 2020 г., в нем приняли участие 107 сотрудников.

10. Волошин П.В. Особенности личности преступника, совершающего хищения с применением насилия // Российский следователь. 2010. № 1.

11. Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): приказ Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, СКР России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России от 14.05.2013 № 192/420/279/15/229/1071/293 // СТРАС «Юрист-Регион».

12. Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел: приказ МВД России от 29.04.2015 № 495 дсп.

13. Эзрохин П.В. Совершенствование результативности оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по противодействию организованной преступности // Оперативник (сыщик). 2018. № 1 (54).

14. Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Руководством по осуществлению научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации», «Основными направлениями научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Совете МВД России по научно-гуманитарному обеспечению и положительному опыту в органах внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 01.04.2016 № 155 (ред. от 05.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.02.2012 № 134 for January–December 2020, 2019, 2018, 2017, 2016 / AIS «GIAC Portal».

9. The results of the survey and interviewing of managers and employees of operational and investigative units of the MD of the MIA of Russia in the Volgograd and Nizhny Novgorod regions. The survey was conducted in the period from September 2019 to September 2020, 107 employees took part in it.

10. Voloshin P.V. Personality features of a criminal committing embezzlement with the use of violence // Russian investigator. 2010. № 1.

11. On approval of the Regulations on the Organization of interdepartmental cooperation on countering crimes committed by organized groups and criminal communities (criminal organizations): order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, FSB of Russia, TFR of Russia, Federal Drug Control Service of Russia, FCS of Russia, FSIN of Russia от 14.05.2013 № 192/420/279/15/229/1071/293 // STRAS «Lawyer-Region».

12. About the approval of the Instruction on the organization of joint operational and service activities of divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the detection of crimes and investigation of criminal cases: order of the MIA of Russia dated 29.04.2015 № 495 dsp.

13. Ezrokhin P.V. Improving the effectiveness of operational investigative activities of criminal investigation units to counter organized crime // Operative (detective). 2018. № 1 (54).

14. On the implementation of scientific (research) activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation (together with the «Guidelines for the implementation of scientific (research) activities in the internal Affairs bodies of the Russian Federation», «The main directions of scientific support for the activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation», «Regulations on the Council of the Ministry of Internal Affairs of Russia on Scientific and Humanitarian support and positive experience in the Internal Affairs bodies of the Russian Federation»): order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 01.04.2016 № 155 (ed. from 05.08.2021) // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Еремин Сергей Германович,

профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор.

Решняк Ольга Александровна,

доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.

СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье изложены проблемы, связанные с применением некоторых методов исследования компьютерных хозяйственно-финансовых операций в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании экономических преступлений.

Ключевые слова: компьютерная хозяйственно-финансовая информация, судебно-бухгалтерская экспертиза, эксперт-бухгалтер, судебно-экспертное исследование, признаки преступных финансово-хозяйственных операций, отраженных в компьютерной базе данных.

Eremin Sergey Germanovich – Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Reshnyak Olga Aleksandrovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE: SOME METHODS OF RESEARCHING COMPUTER ECONOMIC AND FINANCIAL OPERATIONS IN INVESTIGATING ECONOMIC CRIMES

The article describes the problems associated with using the methods of forensic accounting in the study of signs of criminal business transactions reflected in the computer information. Reveals the necessity of using methods of the subject and object forensic accounting techniques taking into account of the genesis of the investigation of certain types of economic crimes.

Keywords: computer information, forensic accounting, expert accountant, forensic investigation, signs of criminal business transactions, recorded in computer database.

Вряд ли надо убеждать сотрудников правоохранительных органов и следственного комитета в том, что преступления в сфере экономики являются сложными, изощренными, а большинство из них – латентными по способам подготовки, совершения и сокрытия. Все это вызывает определенные трудности у органов дознания и следствия в их своевременном выявлении, раскрытии и расследовании. В происходящих условиях неизбежно нарастающего прогресса инновационных технологий экономические преступления все более связаны с использованием компьютерной информации при фиксации хозяйственно-финансовых операций, получаемой из обширных источников различных специальных программ ЭВМ.

В то же время можно констатировать, что до настоящего периода не в полной мере

выявлены и исследованы закономерности, обуславливающие эффективность оперативно-розыскных, следственных и иных действий, их комбинации. По этому поводу известный ученый криминалист И.Ф. Герасимов справедливо отметил: «Одним из основных недостатков является отсутствие какого-либо статистического анализа и обоснования эффективности как в целом отдельных следственных действий, так и разрабатываемых тактических приемов и рекомендаций» [1, с. 72].

Вполне очевидно, что научный интерес к обозначенной проблеме в значительной степени исходит из анализа всесторонних причин, присущих слабой раскрываемости и низкому качеству расследования отдельных видов преступлений в сфере экономики. Представляется, что результаты такого тщательного анализа позволяют выявить внутренние и

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

внешние связи в системе организации и проведения открытых и скрытых оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений. Полученные результаты должны повысить качество следственных действий, определить основные причины успехов и неудач, а, в конечном счете, научно обосновать пути повышения эффективности указанной деятельности. Одним из немаловажных направлений по раскрываемости и расследованию отдельных видов экономических преступлений является улучшение результативности использования специальных познаний, в частности, судебно-бухгалтерских экспертиз, сопряженных с анализом компьютерной информации.

А.В. Варданян вполне оправданно указывает на то, что «современные тенденции преступности, такие как глобализация, коммерциализация, профессионализация, технизация, актуализирует повышение роли специальных знаний в формировании стройной и непротиворечивой системы доказательств по уголовному делу» [2, с. 72].

Также Е.Р. Россинская отмечает, что «по своей гносеологической сущности судебно-экспертное исследование представляет собой разновидность процесса познания объективной действительности, осуществляемого путем применения методов различных наук» [3, с. 40].

Отсюда можно сделать вывод, что инновационным методом исследования в бухгалтерском учете в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы должна быть совокупность всего спектра эффективных приемов, используемых экспертом-бухгалтером при изучении данных в бухгалтерских, статистических, управленческих документах учета и записей в счетных регистрах. Такое исследование надлежит осуществлять в совокупности с анализом документов гражданско-правового характера, материалов уголовного дела, представленных эксперту-бухгалтеру для дачи заключения по вопросам, входящих в его компетенцию.

Полагаем, что использование инновационных методов исследования предмета судебно-бухгалтерской экспертизы необходимо рассматривать с учетом генезиса существующих разработанных криминалистикой методик по расследованию отдельных видов преступлений в сфере экономики. Это следует из дефиниции предмета судебно-бухгалтерской экспертизы, на которое указывает Н.Т. Белуха: «Основой предмета судебно-бухгалтерской

экспертизы являются хозяйственные операции, которые исследуются экспертом на достоверность ведения бухгалтерского учета и отчетности, для установления несоответствия условий и приемов совершения учетных операций и записей (искажающие факторы) и вместе с этим места, времени, механизма, способа, качественной и количественной характеристик искажения учетных данных, которые стали объектами расследования и судебного рассмотрения правоохранительными органами и требуют специальных знаний для установления истины» [4, с. 36].

Вместе с тем Г.А. Атанесян и С.П. Голубятников указывают, что «в соответствии с предметом доказывания судебно-бухгалтерская экспертиза по уголовным делам имеет цель определения признаков умышленного характера деяний через анализ экономических последствий преступления» [5, с. 12].

На наш взгляд, цель эксперта-бухгалтера заключается в исследовании экономической информации и документов, содержащих в себе следы преступления, даче соответствующего заключения по поставленным на его разрешение вопросам (при необходимости показаний) с разъяснением возникших по данному заключению вопросов.

Среди материальных носителей сведений, относящихся к предмету судебно-бухгалтерской экспертизы, выделяются те объекты исследования, которые представляют собой приобщенные к уголовному делу документы как доказательства, содержащие исходные данные. Объектами исследования могут быть: первичные документы; хозяйственные операции, отраженные в документах бухгалтерского учета; отрицательные явления хозяйственной жизни хозяйствующих субъектов. Определяющим фактором является широта, полнота и объективность исследования объекта, который составляет хозяйственные операции. Его используют многие экономисты, бухгалтеры и юристы, но следует обратить внимание на некоторую неопределенность понятия «хозяйственная операция».

Так, некоторые авторы считают, что эксперт-бухгалтер работает только с первичными документами, не исследует сами хозяйственные операции, изучает лишь их информационное отражение в первичных документах. Тем самым понятие «хозяйственная операция» подменяется понятием «бухгалтерская операция». Рассматривая данное противоречие,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

А.Р. Шляхов и А.М. Ромашов уточнили, что речь идет о тех бухгалтерских операциях, которые «отражают определенные стороны финансово-хозяйственной деятельности» [6, с. 28–32]. По нашему мнению, такое уточнение ничего не меняет, ибо бухгалтерская операция, т. е. финансовая проводка с фиксацией в учетных документах, всегда отражает не что иное, как определенные стороны финансово-хозяйственной деятельности.

Полагаем, что ученые Н.В. Виноградов, Г.И. Кочаров и Н.А. Селиванов неправомерно конкретизируют объект исследования, сводя его до фактов, возникающих в несоответствиях с нормативными документами. Как нам представляется, они существенно ограничивают компетенцию эксперта-бухгалтера только проверкой подтверждения или опровержения выводов ревизии и подчеркивают, что задача эксперта-бухгалтера состоит лишь в оценке фактов, выявленных ревизорами [7, с. 38].

Мы считаем, что судебно-бухгалтерская экспертиза – это самостоятельное исследование, проводимое в целях установления тех существенных обстоятельств, для выявления которых требуются специальные познания, а не контрольные действия по отношению к выводам ревизии. Ведь очевидно, что посредством судебно-бухгалтерской экспертизы следователем проверяется следственная версия, а не утверждение (выводы) ревизора. Такой подход нам представляется более правильным, т. к. в противном случае экспертиза трактовалась бы не как самостоятельное исследование, а как исследование проверки или «ревизия второго уровня».

По нашему мнению, эксперт-бухгалтер должен не только обнаружить несоблюдение требований нормативных документов, но и установить образовавшиеся экономические последствия. Теоретической предпосылкой, послужившей основанием для решения такой задачи, является положение о том, что объекты судебно-бухгалтерской экспертизы представляют собой сложные компьютерные системы, содержащие смысловые и структурные аспекты, подвергающиеся деструктивным изменениям под воздействием преступления.

Отметим, что в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы исследуются содержащиеся в доказательствах исходные данные, относящиеся к предмету рассматриваемой экспертизы. Объектами исследования судебно-бухгалтерской экспертизы выступают документы,

компьютерные данные, содержащие интересные следствие факты. Так, в зависимости от конкретного вида расследуемого преступления к объектам судебно-бухгалтерской экспертизы можно отнести: первичные документы по учету, контролю и движению материальных ценностей; данные оперативного учета и отчетности о ходе финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов; регистры аналитического и синтетического бухгалтерского учета; бухгалтерскую отчетность; акты инвентаризаций, ревизий; заключения иных видов судебных экспертиз; компьютерные средства с источниками базы данных электронных документов хозяйствующих субъектов (персональные компьютеры, периферийные устройства, сетевые аппаратные средства); материалы уголовного дела и др.

Что касается использования компьютерной техники, исходя из предмета судебно-бухгалтерской экспертизы, то здесь задачами исследования могут быть такие, как:

а) обнаружение случаев несоответствия ведения хозяйствующим субъектом бухгалтерского учета и отчетности нормативному законодательству, общим правилам организации финансово-хозяйственной деятельности, сопряженным с использованием компьютерных средств;

б) определение фактов несоблюдения правил ведения хозяйственных операций, требования бухгалтерского учета с использованием автоматизированных форм учета и отчетности;

в) выявление признаков искажения учетных данных приемами, специфическими для автоматизированных систем бухгалтерского учета;

г) диагностика обнаруженных несоответствий и искажений, т. е. определение их характера (вида), механизма и степени влияния на интересующие следствие (суд) показатели хозяйственно-финансовой деятельности;

д) идентификация записей учетного характера, т. е. определение тождества или различия «черновых» записей с данными бухгалтерского учета по их смысловому и структурному содержанию с данными автоматизированных форм учета и отчетности;

е) установление обстоятельств, способствующих снижению контрольных функций бухгалтерского учета, с выявлением учетных несоответствий в данных о хозяйственно-финансовых операциях, отраженных в первичных документах учета, бухгалтерских регистрах и отчетности;

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

ж) определение величины учетных расходов, механизма их образования и влияния на количественные и стоимостные показатели, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность;

з) установление обстоятельств, связанных с исследованием документального оформления и отражения на счетах бухгалтерского учета операций по приему, хранению, реализации товаров, поступлению и выбытию денежных средств с использованием компьютерных средств.

Следственно-судебная и экспертная практика свидетельствует, что комплексное исследование объекта экспертизы специалистами нескольких отраслей знания одновременно дает более качественный результат, чем последовательное проведение нескольких экспертиз в отдельности [8, с. 36–39].

Относительно взаимодействия следователей с сотрудниками органов (дознания) и экспертных подразделений можно назвать результаты работы положительными, но имеется и ряд проблем:

а) недостаточно высокий уровень специальных познаний инициаторов исследования по назначаемым экономическим экспертизам;

б) назначая экспертизу, следователи заведомо знают о бесперспективности расследуемого преступления, поэтому достаточно часто отзывают постановления о назначении экспертизы, в то время, когда экспертом уже был проделана значительная работа;

в) на производство экономических экспертиз часто ставятся вопросы, касающиеся проверки версий;

г) объекты экспертиз предоставляются в трудно читаемом формате (рекомендуется – в формате Excel);

д) следователи не вникают в сущность ряда проблем по уголовному делу и свою работу выполняют без интереса, а порой просто формально;

е) необоснованно затянутые сроки выполнения ходатайств эксперта по представлению документов (банковских выписок, сведений из налоговых органов и т. д.);

ж) следователи часто не понимают сущности и терминологии формулировок в заключении эксперта, что влечет предъявление необоснованных претензий к эксперту.

Многие эксперты-бухгалтеры отмечают следующие негативные моменты в своей деятельности:

а) отсутствие в экспертных подразделениях лицензированных консультационных справочных систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант»;

б) отсутствие семинаров по обобщению экспертной практики, разъяснений по применяемым методикам, изменениям в законодательстве о бухгалтерском учете и по налогообложению;

в) отсутствие методик по производству комплексных экспертиз, компьютерно-бухгалтерских и оценочных;

г) отсутствие дополнительной подготовки экспертов по программам бухгалтерских баз данных с целью возможности их самостоятельного использования при производстве компьютерно-бухгалтерских экспертиз;

д) несоответствие существующей методики проведения финансовых экспертиз практике их производства;

е) отсутствие методики производства экспертизы бухгалтерского учета предприятий, занятых в сфере ЖКХ, в целях определения целесообразности установленных тарифов, обоснованности начисления коммунальных платежей и проведения анализа статей «капитальный ремонт», «содержание жилья» и других расходов;

ж) отсутствие методики производства экспертизы бухгалтерского учета в строительных организациях с целью правильного исследования поступления и расходования денежных средств, поступивших от участников долевого строительства.

Таким образом, рассмотрев вышеприведенные проблемы организации и производства экспертиз при расследовании преступлений экономической направленности, можно прийти к выводу о том, что комплексная судебно-бухгалтерская и компьютерно-техническая экспертиза – наиболее эффективная процессуальная форма реализации общенаучного комплексного подхода к экспертному исследованию. Она выражается в совместной оценке и интеграции результатов исследований, проведенных экспертами (бухгалтерами, экономистами, финансистами, программистами, оценщиками и др.) с целью получения общего (единого) ответа на вопросы, относящиеся к сфере совместной компетенции.

При расследовании экономических преступлений чаще всего возникает необходимость в проведении комплексных экспертиз: судебной компьютерно-бухгалтерской, судебной

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

бухгалтерской и оценочной, судебной бухгалтерской и строительной и др. В этой связи к числу актуальных проблем расследования экономических преступлений следует отнести назначение и проведение комплексных экспертиз, т. к. возникновение комплексных экспертиз – это закономерный процесс научно-технического прогресса. В ходе развития научных знаний дифференциация и интегра-

ция наук диалектически взаимосвязаны. Интеграция вызывает постоянное взаимодействие различных областей знаний, определяет взаимное проникновение и синтез наук. Таким образом, перспективным видится направление по разработке методики комплексных компьютерно-бухгалтерских исследований и применения их в деятельности экспертных учреждений.

Литература

1. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.
2. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования дефиниции понятия специалиста в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведъ. 2017 № 4 (83).
3. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
4. Белуха Н.Т. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М., 1993.
5. Атанесян Г.А., Голубятников С.П. Судебная бухгалтерия. М., 1989.
6. Шляхов А.Р., Ромашев А.М. Судебно-бухгалтерская экспертиза // Социалистическая законность. 1971. № 5.
7. Виноградов И.В., Кочаров Г.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967.
8. Пошюнас П.-З.К. Применение бухгалтерских познаний при расследовании и предупреждении преступлений. Вильнюс, 1977.
9. Корж В.П. Современные проблемы использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений // Эксперт-криминалист. 2013. № 4.

Bibliography

1. Gerasimov I.F. Some problems of crime detection. Sverdlovsk, 1975.
2. Vardanyan A.V. Controversial issues of the formation of the definition of the concept of a specialist in criminal proceedings // Jurist-Pravoved. 2017. № 4 (83).
3. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow, 2005.
4. Belukha N.T. Forensic accounting expertise. Moscow, 1993.
5. Atanesyan G.A., Golubyatnikov S.P. Forensic accounting. Moscow, 1989.
6. Shlyakhov A.R., Romashov A.M. Forensic accounting expertise // Socialist legality. 1971. № 5.
7. Vinogradov I.V., Kocharov G.I., Selivanov N.A. Examination at the preliminary investigation. M., 1967.
8. Poshyunas P.-Z.K. Application of accounting knowledge in the investigation and prevention of crimes. Vilnius, 1977.
9. Korzh V.P. Modern problems of the use of special knowledge in the investigation of economic crimes // Forensic expert. 2013. № 4.

© 2021 г. Кулешов Роман Владимирович,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

E-mail: rui@mvd.ru

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УКАЗАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРИРОВАННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье, согласно научной гипотезе о криминалистической классификации преступлений экстремистской и террористической направленности, в основе которой лежат данные о совокупности криминалистических учений, в частности, учений о криминалистической классификации, о механизме преступления, о способе преступления, о криминалистической характеристике преступления, доказано, что ранее разработанные нами группы преступлений экстремистской и террористической направленности, объединяемые исходя из критериев общности механизма преступной деятельности, находятся в коррелятивных связях с соответствующими группами способов совершения преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, методика, расследование, экстремизм, терроризм, способ преступления, классификация.

Kuleshov Roman Vladimirovich – Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor..

METHODS OF COMMITTING CRIMES IN THE FIELD OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF THESE CRIMES AS AN ELEMENT OF AN INTEGRATED FORENSIC INVESTIGATION METHODOLOGY

In the article, based on the scientific hypothesis about the criminalistic classification of crimes of extremist and terrorist orientation, which is based on the data of a set of criminalistic teachings, in particular, the teachings on criminalistic classification, on the mechanism of crime, on the method of crime, on the criminalistic characteristics of the crime, it is proved that the groups of crimes of extremist and terrorist orientation previously developed by us, combined based on the criteria of the generality of the mechanism of criminal activity, they are correlated with the corresponding groups of methods of committing crimes.

Keywords: criminalistics, methodology, investigation, extremism, terrorism, method of crime, classification.

Учение о способе преступления, рассматривая этапы формирования и реализации преступной деятельности, исходит из единства действий по приготовлению, непосредственному совершению и сокрытию преступлений [1], если все названные этапы охватываются сознанием преступников [2; 3]. В этом случае принято говорить о полноструктурности способов совершения преступления.

Понятие «совершение преступления» рассматривается в широком смысле, охватывая собой не только непосредственное совершение, но и приготовление и сокрытие. Также распространена позиция об обозначении единых с точки зрения преступного умысла действий по приготовлению, непосредственному совершению и сокрытию преступлений через интегрированное понятие «способ преступления» [4]. Неполноструктурные (усеченные) способы пре-

ступления не включают этап приготовления и (или) сокрытия преступления.

Анализ преступлений экстремистской и террористической направленности свидетельствует о наличии длительного, кропотливого и ответственного подготовительного этапа по большинству из них, особенно – по преступлениям, связанным с непосредственным выражением агрессии, повлекшим тяжкие последствия. В порядке исключения можно выделить разновидность агрессивных преступлений экстремистско-террористической направленности спонтанного (ситуативного) характера, где подготовительный этап минимальный либо отсутствует, а именно, причинение вреда жизни и здоровью на почве ненависти или вражды в отношении социальной группы – по национальному, этническому, религиозному, политическому,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

идеологическому признаку. Такие действия характерны для молодежных групп типа компании [5], заблаговременно не планировавших учинить насильственные действия в отношении представителей какой-либо социальной группы (лиц монголоидной или негроидной расы, кавказской или азиатской внешности, представителей нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д.). Однако и в этом случае среди целей объединения молодежи в преступные формирования нередко выступает физическое устранение лиц неславянской внешности, в поисках которых они целенаправленно посещают различные общественные места, популярные для потенциальных жертв – представителей антагонистичной для субъектов преступления социальных групп, причем имея при себе холодное оружие или предметы, используемые в качестве оружия.

Независимо от разновидностей преступлений экстремистской и террористической направленности, подготовительный этап в большинстве случаев осуществляется в условиях жесткой конспирации. В ходе данного этапа осуществляются следующие типичные действия:

- обеспечиваются орудия и средства совершения преступления (изготовление, приобретение, транспортировка различных средств: от оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, предметов, в которые планируется установить взрывные устройства, до тематических плакатов, аудиокomпозиций или видеоизображений, листовок, символики, технических средств усиления звука, красителей, сценических или иных костюмов);

- разрабатываются средства маскировки орудий и средств совершения преступления, а также будущих участников террористических или экстремистских акций. При непосредственном выступлении также используются маски-балаклавы, скрывающие лица, что, как показывает практика, в большей степени свойственно субъектам террористических актов или захватов заложников;

- выбирается место совершения преступления, обстановка которого позволяет в максимальной степени реализовать цели экстремистской или террористической акции и мотивацию виновных: от закрытых помещений с массовым скоплением большого числа или определенного контингента людей;

- рекогносцировка либо репетиция в приближенных условиях;

- формулировка содержания требований или призывов, пропагандистских выступлений, аудио-, видеообращений, разработка

сценария, выбор адресатов обращений или призывов;

- выбор конкретных исполнителей, наиболее подготовленных, по мнению организаторов, для выполнения конкретных задач (чему по необходимости предшествует специальная идеологическая, психологическая, военная, спортивная подготовка); распределение между ними задач, инструктаж о действиях в различных ситуациях, в том числе при усилении бдительности правоохранительных органов.

Итак, совершению подавляющего большинства разновидностей преступлений экстремистско-террористической направленности (будь это преступления, связанные с непосредственным проявлением агрессии, либо носящие лишь агитационно-пропагандистский характер, либо связанные с морально-психологической дискриминацией) предшествует тщательная подготовка. Более того, приготовление к совершению ряда преступлений, связанных с непосредственным выражением агрессии, либо преступлений агитационно-пропагандистского характера включает в качестве подготовительного элемента совершение некоторых самостоятельных преступлений (экстремистско-террористических преступлений предикатного характера – участие в террористическом сообществе, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, незаконное изготовление оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также их незаконное приобретение, хранение, перевозка), системно отражая единый преступный замысел. Это усиливает скрытый, конспиративный характер подготовительных действий, касающихся выбора места преступления, используемых приемов, средств и человеческих ресурсов.

Как известно, для многих групп преступлений, совершенных в групповых или организованных формах, свойственно осуществление на подготовительном этапе действий не только собственно подготовительного характера (обеспечивающих возможность совершения преступления и доведение до конца преступного умысла), но и действий по сокрытию преступления [6] (минимизирующих или затрудняющих возможности следователей установить обстоятельства преступлений [7]). При невозможности осуществления на подготовительном этапе мероприятий по сокрытию преступления субъекты склонны отказываться от совершения преступления [8] или переносить его на другой срок или в другое место. Будучи свойственной большинству

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

групповых, организованных, тяжких и особо тяжких преступлений [9], данная тенденция проявляется достаточно специфичным образом (избирательно) в отношении преступлений экстремистской и террористической направленности.

Различные террористические и экстремистские акции, публичные выступления, в которых звучит чувство ненависти или вражды к определенной социальной группе, содержатся призывы к ее истреблению, нередко фиксируются с помощью средств видеозаписи, выкладываются в Интернете [10; 11; 12].

Среди проанализированных уголовных дел нам встретились ситуации сокрытия данных об организаторе и активных участниках преступления, если их криминальная деятельность носит серийный характер, преступным умыслом охватывается дальнейшее совершение аналогичных преступлений в иных местах.

Кроме того, сокрытие данных об организаторе или активном (квалифицированном) участнике преступления свойственно субъектам, протестное и эпатажное поведение которых сочетается с азартом и авантюризмом, вызовом по отношению именно к сотрудникам правоохранительных органов. По преступлениям, связанным с выражением непубличных насильственных действий в отношении жизни и здоровья лиц, воспринимаемых субъектами как представителей антагонистичной для него социальной группы, субъекты из числа представителей молодежных экстремистски настроенных групп могут скрывать свое лицо под масками (балаклавами), но при этом снимать процесс избиения представителей антагонистичных им социальных групп на мобильные телефоны, планшетные компьютеры, размещая ролики в Интернете.

Таким образом, специфическая идеологическая мотивация детерминирует субъектов преступления на избирательность (неполноту) мер по сокрытию деяния. Это характерно как для групповых или организованных преступлений, так и для преступников-одиночек [13; 14; 15].

Итак, сокрытие преступления как элемент преступной деятельности имеет наибольшую распространенность и наиболее разнообразное проявление в отношении преступлений экстремистско-террористической направленности, связанных с непосредственным и публичным выражением агрессии, проявляясь в следующих типичных формах:

- использование документов, удостоверяющих личность, на имя подставных лиц либо поддельных документов – при соверше-

нии различных гражданско-правовых сделок (аренда помещений, приобретение билетов для отъезда с населенного пункта, где было совершено преступление, приобретение сим-карт для сотовых телефонов и иных средств телекоммуникационной связи и т. п.);

- использование в общении кличек либо псевдонимов с неосведомленностью о подлинном имени и фамилии даже своих соучастников;

- отказ от юридического оформления сделок по приобретению предметов, материалов, оборудования, используемых в качестве орудий и средств преступления, либо юридическое оформление на подставных лиц;

- удаление страниц пользователей после совершения преступления либо использования режима ограниченного доступа на страничку. Эти способы сокрытия являются одновременно как элементами способов совершения преступления (например, изображение на аватаре фотографий одиозных лидеров экстремистских, националистических и иных деструктивных идеологий), так и могут иметь самостоятельное значение, если направлены не на собственно реализацию преступного умысла, а на обеспечение неуязвимости от воздействия правоохранительных органов;

- использование знаний и деятельности других лиц с введением их в заблуждение об истинных намерениях субъектов преступления (использование «втемную»).

Преступления экстремистско-террористической направленности, связанные с непосредственной реализацией агрессии, предусматривают использование при их совершении различных агрессивных способов, наиболее типичными из которых являются следующие группы:

- взрыв – с использованием начиненных взрывчатыми веществами и взрывными устройствами автомобилей, различных иных предметов и т. д. [16]. Правоприменительная практика последних десятилетий свидетельствует о многовариантности данной группы способов вследствие различных по конструкции взрывных устройств и взрывчатых веществ, в том числе самодельных [17], например, управляемых дистанционно [18], с помощью средств телекоммуникационной связи, встроенных в различные бытовые предметы [19], в т. ч. сувениры, детские игрушки, направляемых по почте [20] и т. д. Поэтому данная проблема справедливо заслуживает специального изучения, будучи рассмотренной в различных многочисленных и весьма интересных трудах российских исследователей [21];

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

- самоподрыв с использованием террориста-смертника, снабженного «поясом шахида»;
- расстрел (с близкого расстояния, в упор, с дальнего расстояния);

- поджог;

- захват человека или группы лиц, насильственное перемещение и блокирование возможности к свободным и самостоятельным действиям внутри определенной территории, с использованием физической силы, оружия, различных орудий и приспособлений, транспорта, сочетающиеся с предъявлением определенных требований к государству, должностным лицам государственных органов;

- захват и насильственное удержание группы лиц без их насильственного перемещения в другое место, с использованием физической силы, оружия, различных орудий и приспособлений, сочетающиеся с предъявлением определенных требований к государству, должностным лицам государственных органов;

- нанесение ударов в жизненно важные органы с помощью холодного оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при нападении на лиц, воспринимаемых нападающими как представителей антагонистичной для них социальной группы, подлежащей притеснению вплоть до истребления.

Данные способы могут реализоваться как в комплексе, так и выборочно, в определенном сочетании.

Способы совершения преступлений, связанных с психологическим побуждением виновными иных лиц к осуществлению экстремистской и (или) террористической деятельности (агитационно-пропагандистские преступления экстремистско-террористической направленности), в систематизированном виде отражают следующие действия:

- публичные выступления, отражающие крайнюю степень нетерпимости к существующему государственному строю, ненависти по отношению к высшим государственным деятелям, государственным органам, различным социальным группам (объединенных по национальному, этническому, религиозному, политическому, идеологическому принципу), побуждающие аудиторию к соответствующим деструктивным действиям;

- распространение листовок, буклетов, брошюр и иных растиражированных материалов, отличающихся экстремистской тематикой, в общественных местах, без публичных выступлений;

- размещения в социальных сетях, а также на специальных сайтах различных материалов экстремистского и террористического со-

держания, способных вызвать или усилить ненависть или вражду в отношении каких-либо социальных групп;

- направление с помощью средств почтовой связи обращений и иных документов, содержание которых отражает крайнюю степень нетерпимости к существующему государственному строю, ненависти по отношению к высшим государственным деятелям, государственным органам, различным социальным группам, лицам, которые, по мнению отправителей, отреагируют желательным для них образом;

- установление контакта с лицами, которые, по мнению субъектов преступления, разделяют или могли бы разделять близкие к экстремистским националистические, религиозные, политические, сепаратистские, идеологические или иные взгляды, для дальнейшей их психологической и идеологической обработки.

Раскроем далее способы совершения преступлений экстремистско-террористической направленности, обозначенные нами как преступления организационно-распорядительного характера, основными из которых, по нашему мнению, являются следующие группы способов:

- 1) связанные с созданием криминальной структуры соответствующей специализации и уровня организованности, сплоченности и иерархичности (экстремистской организации, экстремистского сообщества, незаконного вооруженного формирования), которая имеет определенную цель, задачи, концепцию деятельности, нормы поведения, запреты и ограничения и т. д.;

- 2) связанные с текущим руководством созданной криминальной структурой;

- 3) связанные с осуществлением отдельных направлений деятельности по функционированию криминальной структуры, выполнению ее целей и задач, поддержанию «боеготовности», обеспечению неуязвимости – в рамках всей структуры или ее подразделений, имеющих различные специализации.

Способы преступления, связанные с текущим руководством созданной криминальной структуры, на основе обобщения эмпирических источников объединяются следующими действиями:

- разработка плана и тактики проведения конкретных террористических или экстремистских акций;

- выбор конкретных исполнителей планируемой операции, наиболее соответствующих по своим качествам, исходя из специфики предстоящих террористических или экстремистских акций, при необходимости – создание

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

из них специальной группы (диверсионной, агитационной, с распределением между ними обязанностей и назначением руководителя);

- постановка перед участниками формирования задач, обеспечивающих осуществление конкретной террористической или экстремистской акции (инструктаж), выбор средств связи и конспирации;

- постановка перед руководителями подразделений либо квалифицированными участниками сообщества (организации) задач по обеспечению боеготовности задействованных соучастников (приискание оружия, автотранспорта, денежных средств, новых участников и т. п.);

- проведение собраний, лекций и иных мероприятий, направленных на усиление устойчивости и сплоченности формирования, повышение эффективности их преступной деятельности;

- идеологическое и психологическое воздействие на членов сообщества (организации) с целью обеспечения высокой мотивации достижения поставленных задач путем совершения преступлений;

- обеспечение орудиями и средствами, необходимыми для выполнения текущих задач (оружием, взрывными устройствами, автотранспортом, денежными средствами и др.);

- контроль за выполнением задач, внесение корректив в ранее согласованный план;

- разрешение конфликтных ситуаций внутри группировки либо за ее пределами;

- реализация системы ограничений, запретов, санкций в отношении соучастников для обеспечения функционирования преступного формирования, предотвращения возможных срывов выполнения поставленных задач, возможного перехода на сторону противника и т. п.

Способы осуществления организационно-распорядительных преступлений экстремистско-террористической направленности, связанные с осуществлением отдельных направлений деятельности по функционированию криминальной структуры, выполнению целей и задач, поддержанию «боеготовности», обеспечению неуязвимости, – в рамках всей структуры или ее подразделений, имеющих различные специализации, представляются следующими:

- проведение с участниками формирования физических тренировок, занятий по огневой и тактико-специальной подготовке, взрывному делу, диверсионной подготовке для повышения физической выносливости, боеспособности, выполнения поставленных задач;

- проведение с участниками формирования занятий по изучению базовых положений деструктивных идеологий, принятых данным сообществом (радикальному исламу – «ваххабизму», другим деструктивным религиозным или иным учениям); по идеологическому обоснованию агрессивных методов борьбы с «неверными» («джихада»); психологической готовности осуществления террористических и экстремистских акций и т. п.;

- осуществление сбора денежных средств и определение источников их поступления для функционирования организации или сообщества, обеспечения жизнедеятельности участников формирования, приобретения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, непосредственного осуществления террора;

- обеспечение тылового довольствия участников незаконных формирований (питания, экипировки, вооружения, отдыха и т. д.).

Как показало эмпирическое и теоретическое исследование, способы финансирования экстремистской и террористической деятельности различаются не только в зависимости от формы непосредственного предоставления денежных средств и их поступления в распоряжение виновных, но и по другим критериям: критерию однократности или систематичности; критерию добровольности или вынужденности; степени сложности и т. д. Особое внимание следует уделять вопросам цифровизации, которая трансформирует преступную и связанную с ней посткриминальную деятельность. Как отмечают А.В. Варданян и А.С. Андреев, «смена технологий при переходе к цифровому формату проявляется во всех сферах социума, в том числе закономерно изменяет не только преступность и посткриминальную действительность, но и систему деятельности правоприменительных органов. Одним из таких сегментов цифровых техник и технологий, имеющим мультидисциплинарное значение, является беспилотный летательный аппарат. Общественное полемицирование по вопросам правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов резко усиливается в эпоху перехода к цифровым технологиям» [22].

Итак, следуя нашей научной гипотезе о криминалистической классификации преступлений экстремистской и террористической направленности, в основе которой лежат данные совокупности криминалистических учений, в частности, учений о криминалистической классификации, механизме преступления, способе преступления, криминалистической

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

характеристике преступления, мы показали, что ранее разработанные нами группы преступлений экстремистской и террористической направленности, объединяемые исходя

из критериев общности механизма преступной деятельности, находятся в коррелятивных связях с соответствующими группами способов совершения преступлений.

Литература

1. Карагодин В. Криминалистическое значение данных о способе сокрытия преступления // Правоведение. 1990. № 2.
2. Зуйков Г.Г. О способе совершения и способе сокрытия преступления // Оптимизация расследования преступлений. Сборник научных трудов. Иркутск, 1982.
3. Малышкин П.В. Способы сокрытия преступления и его место в структуре способа совершения преступления // Следователь. 2009. № 1 (129).
4. Алексиевко О.Н., Варданыан А.В. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юрист-Правоведь. 2008. № 6.
5. Батршина Л.Р. К вопросу о способах и основных причинах совершения преступлений молодежными группировками нацистского толка // Вестник академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 10.
6. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. М., 1970.
7. Малышкин П.В. Способ сокрытия преступления и его место в структуре способа совершения преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
8. Колесниченко А.Н., Савченко А.Н. К вопросу о понятии способа совершения преступления в криминалистике // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы научной конференции. 1962.
9. Варданыан А.В. Методологическое значение криминалистического учения о способе преступления для формирования классификации приемов по приготовлению к совершению преступлений в сфере земельных правоотношений // Философия права. 2013. № 4.
10. Варданыан А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32).
11. Варданыан А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42).

Bibliography

1. Karagodin V. Criminalistic significance of the data on the method of concealment of the crime // Jurisprudence. 1990. № 2.
2. Zuikov G.G. On the method of commission and the method of concealment of a crime // Optimization of crime investigation. Collection of scientific papers. Irkutsk, 1982.
3. Malyshkin P.V. Methods of concealing a crime and its place in the structure of the method of committing a crime // Investigator. Federal edition. 2009. № 1 (129).
4. Alexienko O.N., Vardanyan A.V. The use of knowledge about the methods of crimes against life and health in identifying and exposing a false alibi // Jurist-Pravoved. 2008. № 6.
5. Batrshina L.R. On the ways and main causes of crimes committed by Nazi youth groups // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 10.
6. Zuikov G.G. Criminalistic teaching about the method of committing a crime. M., 1970.
7. Malyshkin P.V. The method of concealing a crime and its place in the structure of the method of committing a crime // Library of criminalist. Scientific journal. 2012. № 3 (4).
8. Kolesnichenko A.N., Savchenko A.N. On the question of the concept of the method of committing a crime in criminalistics // Questions of criminalistics and forensic examination. Materials of the scientific conference. 1962.
9. Vardanyan A.V. Methodological significance of the criminalistic doctrine of the method of crime for the formation of classification of techniques for preparing to commit crimes in the field of land relations // Filosofiya prava. 2013. № 4.
10. Vardanyan A.V. Criminalistic characteristics of post-criminal activity in cases of crimes in the field of information technology // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 2 (32).
11. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. On the classification of extremism and terrorism phenomena: unity of essence and polyvariance of representation in society // The Rule of Law: theory and practice. 2015. № 4 (42).
12. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of criminalistic scientific

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

12. Варданыан А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31).

13. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27.

14. Андреев А.С., Андреева О.В. Особенности проявления экстремизма среди молодежи с нарушением слуха // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1–1.

15. Андреев А.С. Познание закономерностей посткриминальной деятельности и общая теория криминалистики // Философия права. 2019. № 4.

16. Петухов П.Б. Характеристика взрыва как способа совершения преступления // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты предварительного расследования. Сборник материалов 6-й Ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 2006.

17. Курин Г.И. Криминалистические исследования по реконструкции самодельных осколочных взрывных устройств по следам их воздействия на окружающую обстановку. Волгоград, 1999.

18. Шорин И.Ю. Криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием дистанционно управляемых взрывных устройств. Саратов, 2002.

19. Смольяков П.П. Правовые и методические основы криминалистических исследований самодельных взрывных устройств. Волгоград, 2000.

20. Черненко Е.Н. Опасные товары в почтовых отправлениях: учебное пособие. М., 1997.

21. Моторный И.Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники: монография. М., 1999.

22. Варданыан А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6.

cognition // Legal science and practice. Bulletin of the N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (31).

13. Andreev A.S. Behavior (activity) of persons who happened to be participants in a criminal event as an element of the crime mechanism: from the formulation of a scientific problem to the results of the study // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2018. № 27.

14. Andreev A.S., Andreeva O.V. Features of extremism among young people with hearing impairment // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 1–1.

15. Andreev A.S. Cognition of the laws of post-criminal activity and the general theory of criminalistics // Philosophy of Law. 2019. № 4.

16. Petukhov P.B. Characteristics of an explosion as a method of committing a crime // Criminal law, criminal procedure and criminological aspects of the preliminary investigation. Collection of materials of the 6th Annual Interuniversity Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, 2006.

17. Kurin G.I. Forensic research on the reconstruction of improvised fragmentation explosive devices on the traces of their impact on the environment. Volgograd, 1999.

18. Shorin I.Y. Criminalistic aspects of combating crimes committed with the use of remotely controlled explosive devices. Saratov, 2002.

19. Smolyakov P.P. Legal and methodological foundations of forensic studies of improvised explosive devices. Volgograd, 2000.

20. Chernenko E.N. Dangerous goods in mail: a textbook. Moscow, 1997.

21. Motorny I.D. Theoretical and applied foundations of the use of means and methods of forensic explosives: monograph. Moscow, 1999.

22. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018. № 6.

© 2021 г. Иванов Петр Иванович,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ)

В настоящей научной статье на основе изучения и анализа нормативных правовых актов, монографических работ, а также судебно-следственной практики предпринята попытка рассмотреть современное состояние методического обеспечения деятельности по расследованию преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем (ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса РФ). В работе приведен авторский подход к разработке частной криминалистической методики как одного из вариантов оптимизации названной деятельности. Автором делается вывод о том, что, несмотря на ее востребованность практикой, в настоящее время она испытывает нехватку методических рекомендаций, разработанных на основе концептуальных положений частной криминалистической методики.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика, преступления, связанные с отмыванием доходов, расследование, оптимизация, методические рекомендации.

Ivanov Peter Ivanovich – Chief Researcher, the Department for Research of the Branch Management Problems of the Research Expert Center of the Management Academy of the Ministry of International Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

OPTIMIZATION OF CRIME INVESTIGATION (PRIVATE CRIMINALISTIC METHODOLOGY AND ITS POSSIBILITIES)

In this scientific article based on the study and analysis of regulatory legal acts, monographic works as well as judicial and investigative practice an attempt is made to consider the current state of methodological support for the investigation of crimes related to the legalization (laundering) of criminally acquired income (articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The paper presents the author's approach to the development of a private forensic methodology as one of the options for optimizing this activity. Based on the analysis, the author concludes that, despite its relevance in practice, it currently lacks methodological recommendations developed on the basis of conceptual provisions of private forensic methodology.

Keywords: private forensic methodology, crimes related to money laundering, investigation, optimization, methodological recommendations.

Проблема оптимизации расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем, волнует не только следователей, но и оперативных работников, осуществляющих оперативное сопровождение указанной категории уголовных дел*. Вся деятельность по расследованию подчинена именно оптимизации, предусматривающей повышение ее эффективности посредством применения следователями научно обоснованного и подтвержденного следственной практикой алгоритма действий, предполагающего максимальную экономию имеющихся ресурсов, обеспечение

разумного срока расследования отмывания «грязных» денег.

Как показывает многолетняя практика, достижение указанной цели возможно при условии, когда органы предварительного следствия будут располагать практико-ориентированными методическими рекомендациями, разработанными на основе концептуальных положений частной криминалистической методики, располагающей для этого значительными возможностями. К большому сожалению, такой частной методикой органы предварительного следствия пока не располагают. Учитывая данное обстоятельство,

* Многоаспектность проблемы и ее актуальность диктуют необходимость постоянного поиска путей ее решения.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

нами в настоящей научной статье предпринята попытка высказать на этот счет авторское видение через призму оптимизации расследования преступлений, связанных с отмыванием «грязных» денег.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что оптимизация расследования преступлений самым непосредственным образом связана с формированием частной криминалистической методики. Неслучайно к ней приковано внимание многих ученых-криминалистов. Проблемы, связанные с определением понятия, сущности, содержания и структуры частной методики получили свое разрешение в работах таких ученых-криминалистов, как В.М. Прошин, В.И. Рохлин, М.В. Субботина, С.Н. Чурилов, Н.П. Яблоков и др.

К разрешению проблем предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, приходится возвращаться неоднократно, т. к. законодательные и иные нормативные правовые акты, регламентирующие противодействие этим видам преступлений, часто подвержены изменениям и дополнениям, что, естественно, влечет переработку существующих либо принятие новых методических рекомендаций, содержащих алгоритм действий следователей и оперативных работников уже в новых условиях. Практика подсказывает, чтобы обеспечить их качественную разработку весьма важно иметь частную криминалистическую методику расследования*, которая могла бы послужить как научно обоснованный и подтвержденный практикой комплекс криминалистических рекомендаций. Доказано, что разработка методических рекомендаций намного облегчается, если бы составители основывались на концептуальных положениях частной криминалистической теории расследования преступлений. Трудно не согласиться с таким суждением авторов.

Следует признать, что до сегодняшнего дня таким комплексом, связанным с расследованием дел об отмывании «грязных» денег, органы предварительного следствия, к сожалению, не располагают [2; 3].

Совокупность существующих факторов диктует острую необходимость поиска действенных мер по повышению эффективности расследования рассматриваемой категории дел. Среди этой совокупности наиболее значимыми, на наш взгляд, выступают:

- сопряженность преступлений экономической направленности с отмыванием «грязных» денег;

- имеющиеся трудности расследования, связанные с высоким уровнем латентности легализации криминальных доходов и с необходимостью представить как единую систему доказательств, состоящую из основного (предикатного) преступления и отмывания;

- отсутствие методики, учитывающей особенности расследования дел об отмывании «грязных» денег, что негативно отражается на его качестве.

По нашему мнению, чтобы добиться значительного повышения качества расследования указанной категории дел, необходимо формировать такую методику, которая отвечала бы требованиям сегодняшнего дня. Таким инструментом могла бы послужить частная криминалистическая методика.

Факты необоснованного возбуждения уголовных дел, вынесения судом оправдательных приговоров, переквалификации деяний – вот небольшой перечень последствий отсутствия научно обоснованных рекомендаций, разрабатываемых с учетом положений частной криминалистической методики, обладающей значительными потенциальными возможностями**, а именно:

- способствует рациональному выбору средств и способов организации расследования дел указанной категории;

- обеспечивает алгоритмизацию совершаемых следственных и процессуальных действий (в виде пошаговых действий);

- способствует избежать проб и ошибок при выборе приемлемых форм организации и тактики производства отдельных следственных действий;

- изначально нацеливает при этом на обеспечение экономии сил и средств (снижение издержек и лишних затрат);

* В ходе дальнейшего изложения наряду со словосочетанием «частная криминалистическая методика расследования» будет использоваться термин «частная методика».

** По результатам выборочного исследования, была установлена такая картина: увеличивается количество предварительно расследованных преступлений от общего количества выявленных преступлений, в то же время становится меньше преступлений, уголовные дела по которым направлялись в суд от общего количества предварительно расследованных преступлений. Мы усматриваем здесь невысокое качество их расследования и уровень профессионального мастерства сотрудников. Одновременно негативно сказалось и отсутствие научно обоснованной частной криминалистической методики расследования.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

– максимально учитывает все нюансы до мелочей, поскольку частная методика формируется на основе обобщения передового опыта организации расследования дел указанной категории;

– заблаговременно «вооружает» субъекта предварительного следствия приемами (способами) преодоления возможных случаев противодействия расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых) и их окружения. Отрабатывается алгоритм контрмер в режиме упреждения.

Вышеперечисленные возможности частной криминалистической методики ориентированы на оптимизацию расследования дел об отмывании «грязных» денег, предполагающую повышение ее эффективности.

В обобщенном виде суть проблемы заключается в разрешении противоречия между потребностью совершенствования деятельности по расследованию уголовных дел об отмывании «грязных» денег и недостаточным методическим обеспечением.

Следует отметить, что эффективность деятельности во многом достигается посредством должной ее организации по расследованию рассматриваемых категорий преступлений. Правоприменительная практика показывает, что должная организация приводит к результативности деятельности по их расследованию.

Мы оптимизацию не сводим к сокращению штатной численности следственных подразделений, она гораздо емче и насыщеннее в содержательном плане. Это можно заметить хотя бы в следующем определении понятия самой организации. Итак, **«организация расследования преступлений»** представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования системы органов предварительного следствия по реализации целей и задач, стоящих перед ними. Отсюда квинтэссенция указанной деятельности заключается в достижении такого порядка в системе органов предварительного следствия, при котором субъекты расследования дел об отмывании криминальных доходов, а также оперативные работники, без специальных на то указаний выполняют возложенные на них функциональные обязанности.

Без преувеличения хотим подчеркнуть, что термин «организация» прошел проверку временем, поскольку организация деятельности – это инструмент управления органами расследования преступлений, предполагающий возможность использования руководителями

следственных подразделений, исходя из имеющихся ресурсов и целей, различных способов организации рассматриваемой деятельности, поскольку нет для этого универсальных приемов.

В теории уголовно-процессуального права организация расследования преступлений рассматривается как процесс по упорядочиванию и оптимизации названного вида деятельности. Придерживаясь этой позиции, мы хотим подчеркнуть специфический ее характер, который находит проявление, прежде всего, в совокупности влекущих при этом правоотношений, а также задействованных для этого субъектов – руководителей органов предварительного следствия.

Обратимся к вопросу о корреляционных связях. Как нам представляется, частная криминалистическая методика расследования дел о легализации должна содержать в себе не только «чисто» криминалистически значимую для процесса расследования информацию. Она не должна обойти своим вниманием обширный круг вопросов, наиболее полно раскрывающих механизм «отмывания» с помощью использования знаний многих отраслей права. Заметим, что достижения других наук (в том числе криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности) в определенной мере накладывают свой отпечаток на разрабатываемые научно обоснованные методические рекомендации по оптимизации расследования дел о легализации.

Мы полагаем, здесь уместно говорить о корреляции (взаимных связях). На наш взгляд, такого рода причинно-следственные связи, как правило, проявляются между:

– общей [4] и частной методикой расследования рассматриваемых видов преступлений. Говоря об этом, заметим зарождающиеся в рамках общей методики объективные предпосылки для разработки частной методики расследования преступлений, а также методики оперативно-розыскного противодействия отмывания «грязных» денег. Названные виды методик не исключают друг друга, а, наоборот, взаимодополняют. Основной отличительной особенностью оперативно-розыскной методики является наиболее полное описание типичных способов подготовки и совершения преступных деяний и характеристики лиц, причастных к ним. Благодаря документированию преступных действий фигурантов, в основу которого положена та или иная оперативно-тактическая ситуация, обеспечивается процесс выявления и закрепления

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

фактических данных для последующего использования в уголовном процессе. Содержанием методики выступают научные рекомендации по документированию действий лиц, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с легализацией, а именно ими являются:

- составные компоненты механизма легализации (например, между способами подготовки, совершения и сокрытия предикатного преступления и отмыwania «грязных» денег);

- объектно-субъектная составляющая, причинно-следственные связи которой особенно ярко проявляются в особенностях личности подозреваемых (обвиняемых), в ее корыстной мотивации;

- преступления, связанные с легализацией, состоящие из предикатных (основных) преступлений и самой легализацией. Определяющей в их взаимообусловленности является общность мотивации (корысть), которая и объединяет указанные виды преступлений в единую систему;

- различные виды преступлений, совершаемые во многих сферах экономики, что находит отражение в структуре преступлений, связанных с легализацией. Характерно для них то, что происходит постоянное расширение видов преступных посягательств, которые отличаются высоким уровнем латентности;

- сросшиеся экономической и общеуголовной преступностью, преступные проявления которых являются результатом деятельности организованных преступных формирований. Преступные группировки активно осуществляют свою деятельность преимущественно в наиболее прибыльных отраслях экономики, извлекая при этом криминальный доход с последующей его легализацией;

- нормы различных отраслей права, втянутых в сферу отмыwania «грязных» денег. Знание следователями через призму изучения нарушений уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, налогового, таможенного, валютного, банковского, бюджетного и иного законодательства (в том числе законодательства, регламентирующего отдельные виды экономической деятельности (отрасли экономики), методики обнаружения в них криминалистически значимых сведений, отражающих противоправный их характер. Изуче-

ние и анализ многолетней практики показывает, что достижение сверхприбыли преступниками, как правило, обеспечивается за счет нарушений норм указанных отраслей права;

- множественность причин и условий преступности. Среди них особо значимо усиление дифференциации населения по уровню материального благосостояния. Данный признак должен корреспондироваться задачами расследования преступлений, связанными с общей и специальной превенцией.

Без преувеличения отметим, что эти и иные сведения, заслуживающие внимания, вряд ли следователь в одиночку может получить процессуальным путем, поскольку они, с одной стороны, носят глубоко скрытый характер, и не каждый может ими владеть, с другой – подобного рода данные, как правило, касаются характеристики в большей мере процессов, происходящих внутри самой преступной среды, что является вдвойне «закрытой» от посторонних лиц информацией. Подвожу к мысли о том, что без оперативно-розыскного сопровождения дел о легализации «грязных» денег, иметь в распоряжении такого рода информацию, в том числе следователю, не представляется возможным или крайне затруднительно.

Опираясь на вышеуказанные суждения, хотим научной общественности предложить авторский вариант примерной структуры методики расследования дел об отмыwanии «грязных» денег, представив ее в виде последовательно осуществляемых (пошаговых) действий.

Шаг первый: описание отличительных качеств (черт) криминалистической характеристики легализации (отмыwania) средств, приобретенных преступным путем. Отдельные специалисты делают акцент на криминалистической характеристике механизма преступления. Полагаем, что они не противоречат друг другу.

На *первом этапе* больше всего следователя должен интересовать сам механизм легализации криминальных доходов [1], основным компонентом которого выступают совершаемые финансовые операции и иные сделки*. Важно выяснить, не вовлечены ли криминальные доходы в сферу бизнеса.

Шаг второй: обнаружение совокупности признаков, указывающих на отмыwanие «грязных» денег, и определение последовательности осуществления их проверки.

* Определение понятия *сделки* дается в гражданском законодательстве. В соответствии со ст. 53 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

В центре внимания на этом этапе должно находиться решение такой тактической задачи, как установление механизма совершения основного (предикатного) преступления, являющегося источником получения «грязных» денег.

Шаг третий: выдвижение и разработка версий. Планирование расследования легализации.

По делам о преступлениях, связанных с легализацией, как правило, выдвигаются следующие версии: имеют место указанные виды преступлений; совершено предикатное (основное) преступление как относительно самостоятельный вид деяния; из имеющихся материалов не усматривается состав легализации.

Наконец, *шаг четвертый:* тактика производства на первоначальном и последующем этапах следственных действий при расследовании дел об отмыывании «грязных» денег.

Заметим, что обыск и выемка документов выступают основными следственными действиями, позволяющими обнаружить доказательства по уголовному делу указанной категории.

Особенности осуществления соответствующих действий на каждом из названных этапов расследования дел о легализации криминальных доходов нам не удалось в полной мере рассмотреть из-за ограниченности объема настоящей научной статьи. К тому же следует иметь в виду то обстоятельство, что вряд ли возможно в одной статье решить и эту задачу. Рассчитываем в последующих своих работах вернуться к ней.

В заключение отметим следующее:

Во-первых, под «**оптимизацией расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыыванием) доходов, приобретенных преступным путем**», нами понимается научно обоснованный и подтвержденный следственной практикой алгоритм действий следователя, направленный на повышение эффективности его деятельности по расследованию указанных категорий преступлений, предполагающий максимальную экономию имеющихся ресурсов, обеспечение разумного срока расследования отмыывания «грязных» денег.

Во-вторых, надлежащая организация расследования рассматриваемых видов преступлений – неотъемлемое условие для обеспечения оптимизации их расследования.

В-третьих, частная криминалистическая методика расследования преступлений, связанных с отмыыванием «грязных» денег, есть комплекс криминалистических рекомендаций по их расследованию, содержащих алгоритм действий следователей в целях оптимизации при этом их деятельности.

В-четвертых, под возможностями частной криминалистической методики расследования указанной категории дел нами понимается совокупность преимуществ (достоинств), используемых органами предварительного следствия в интересах повышения эффективности деятельности по расследованию указанных категорий преступлений.

Литература

1. Иванов П.И. О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юрист-Правоведъ. 2021. № 1 (96).
2. Иванов П.И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 3.
3. Иванов П.И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).
4. Лапин В.О. Общие положения методики расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности: предпосылки формирования и перспективы разработки // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58).

Bibliography

1. Ivanov P.I. On private criminalistic methods of crime investigation // Jurist-Pravoved. 2021. № 1 (96).
2. Ivanov P.I. Problems of countering the legalization of criminal proceeds and ways to solve them // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2020. № 3.
3. Ivanov P.I. Stages and methods of legalization of criminal proceeds obtained as a result of economic and tax crimes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (87).
4. Lapin V.O. General provisions of the methodology for investigating crimes in the sphere of entrepreneurial activity: prerequisites for the formation and prospects for development // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (58).

© 2021 г. Миронов Герман Юрьевич,

преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.

ФАКТОРЫ, ПОРОЖДАЮЩИЕ РЕЦИДИВНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В данной научной статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы выявления, раскрытия и предупреждения преступлений, связанных с повторным совершением преступлений, а именно – рецидивная преступность, а также анализируются наиболее ключевые причины и условия, которые способствуют росту преступности данной сферы криминальной деятельности.

Ключевые слова: причины и условия, рецидивная преступность, факторы, предупреждение и пресечение, преступление, рецидив.

Mironov German Yuryevich – Lecturer, the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FACTORS THAT GENERATE RECIDIVISM AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

This scientific article discusses the most urgent problems of identifying, disclosing and preventing crimes related to the repeated commission of crimes, namely recidivism. We also analyze the most key causes and conditions that contribute to the growth of crime in this area of criminal activity.

Keywords: causes and conditions, recidivism, factors, prevention and suppression, crimes, recidivism.

В современном мире наш социум все больше характеризуется повышенной криминализацией в той или иной сфере преступной жизни. Большинство людей подвергаются преступным посягательствам криминального мира, вследствие чего вовлекаются в преступность и становятся ее частью, формируя высокий уровень преступности и повышение криминальной структуры России. Говоря об участниках данной сферы, можем заметить, как совершенствуется их преступный потенциал, а именно навыки и умения, которые способствуют совершению преступлений впервые и повторно. Несомненно, чтобы в полной мере освятить динамику совершения рецидива, следует обратить внимание на показатели Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) в сфере совершения преступлений повторно. В период с 2010 по 2020 гг. в Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений, которые совершались повторно лицами, ранее совершавшими преступления того или иного характера, значительно возросло – с 530 742 до 617 184 (14,01 %). Из данных статистических показателей следует, что самый высокий показатель был выявлен в 2015 г. – 688 817, а самый низкий, в свою очередь, отмечен в 2010 г. и составляет 530 742 зарегистрированных преступления данной сферы. Стоит отметить, что в период с 2015 г.

и вплоть до современных реалий число зарегистрированных преступлений, совершенных рецидивистами в той или иной сфере, идет на снижение с каждым годом (в 2020 г. – 617 184 (10,4 %)). Но при этом стоит заметить, что удельный вес совершенных преступлений данного вида в период с 2010 и по 2020 гг. в процентном соотношении значительно вырос. Таким образом, в 2010 г. показатель данного вида преступлений по этому признаку составляет 37,1 %, а в 2020 г. этот же показатель превысил 59 %.

Приведенные выше показатели лишь подтверждают всю критичность ситуации по выявлению, раскрытию и предупреждению рецидивной преступности наших дней.

Говоря о детерминирующих рецидивную преступность факторах, следует отметить, что большая часть известных научных деятелей утверждают, что рецидивная преступность не является результатом каких-либо причин, а непосредственно проецируется теми же факторами, что и преступность в общем формате, а именно наличием субъективных и объективных элементов состава преступного деяния. Исходя из этого следует, что предупреждение преступлений исследуемой сферы направлено, в первую очередь, на искоренение факторов, которые порождают первичные мотивы и преступные замыслы.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Анализируя факторы, детерминирующие рецидивную преступность, следует выявить и провести конкретизацию наиболее актуальных факторов в наше время. Так, среди основных причин и условий следует выделить:

- недостатки законодательной сферы деятельности (например, пробелы в уголовно-правовом законодательстве, в области профилактики и предупреждения рецидивной преступности);

- безнаказанность, которая является следствием коррупционных составляющих;

- низкий уровень профилактического воздействия на лиц, совершающих или совершивших преступление повторно.

Также говоря о цикличном характере совершения преступлений повторно, следует заметить, что основывается оно на таком факторе, как безнаказанность, которая в большей степени обусловлена низкой эффективностью работы федеральных органов исполнительной власти, выступающим в лице органов внутренних дел России. Из чего следует, что низкая эффективность работоспособности правоохранителей связана с рядом проблемных элементов по состоянию на наше время, а именно:

- подготовкой кадрового состава подразделений на низком уровне;

- несоразмерностью оплаты труда.

Из последнего элемента мы можем заметить, что именно низкая оплата труда в сравнении с количеством выполняемой работы, как правило, способствует возникновению коррупционных связей в правоохранительной системе Российской Федерации, т. е. те связи, которые в последующем способствуют и упрощают преступную деятельность тех или иных лиц, ранее уже совершавших преступления. Коррупционные составляющие, в свою очередь, и будут формировать безнаказанность среди лиц, которые вынашивают свой преступный замысел как при первом совершении преступления, так и при повторном.

Следующим фактором следует выделить низкий уровень профилактического воздействия на лиц, совершающих или совершивших преступление повторно, ведь зачастую от качества проведения данных работ зависит то, будут ли совершаться преступления различного контингента лиц, причем первичные преступления и непосредственно сам рецидив.

К наиболее актуальным и действенным элементам профилактического воздействия следует отнести такие, как:

- 1) ранняя профилактика (т. е. до совершения преступления лицом, или же предотвращение на стадии вынашивания преступного умысла);

- 2) непосредственная профилактика (на момент приготовления и покушения к совершению преступления);

- 3) пенитенциарная профилактика (воздействие на лицо, совершившее преступление и находящееся в исправительном учреждении);

- 4) постпенитенциарная профилактика (воздействие на лицо в посттюремный период, после отбывания назначенного судом уголовного наказания).

Исходя из вышеизложенного, стоит выделить, что в наше время наиболее актуальными и проблемными моментами являются именно выделенные причины и условия, которые способствуют совершению рецидива преступлений. Это и дает возможность сгруппировать итог о том, что данные проблемы напрямую свидетельствуют о некачественной работе правоохранителей в сфере борьбы с рецидивной преступностью нашего времени и, таким образом, требуют повышения качества эффективности мер профилактического воздействия на лиц, совершавших преступления и ранее, а также искоренения коррупционных и криминальных связей среди федеральных органов исполнительной власти и фигурантов преступной среды.

Итак, следует определить криминалистическое значение признаков, которые характеризуют личность рецидивиста и его поведение, и чем обосновывается необходимость разработки методики расследования преступлений, совершаемых рецидивистами.

Рассматривая понятие рецидива преступлений в криминалистическом аспекте, под преступником-рецидивистом мы понимаем лицо, совершающее умышленные повторные преступления неоднократно, независимо от их тяжести и осуждалось ли лицо ранее за эти деяния.

При разработке частной методики наукой криминалистикой должна применяться уголовная регистрация рецидивиста, а также объектов, связанных с его преступными деяниями, которые фиксируются в материалах уголовных дел, которые, как правило, сдаются в архивы после принятия решений по ним,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

т. к. вся эта информация является важной и подлежит использованию в случае рецидива.

Немаловажной криминалистической и, вместе с тем, процессуальной задачей при расследовании рецидива представляется тщательное изучение личности подозреваемого (обвиняемого) рецидивиста, которое необходимо в случаях:

- 1) установления истинных целей и мотивов деяния;
- 2) правильной квалификации преступления;
- 3) для решения вопроса о том, какую меру пресечения целесообразно применить в отношении лица;
- 4) определения дальнейшей тактики проведения отдельных следственных действий при участии рецидивиста;
- 5) принятия решения о необходимости и возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым;
- 6) обеспечения мер безопасности в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;
- 7) определения причин и условий, воздействие которых спровоцировало повторное совершение преступления, и принятие мер к их устранению.

Использование криминалистических рекомендаций по методике изучения личности

обвиняемого необходимо для обеспечения предварительной квалификации следователем либо дознавателем совершенного рецидивистом расследуемого преступления.

Большое значение имеют тактические рекомендации криминалистической методики о выдвижении и проверке следственных версий по делам о «неочевидных преступлениях» в случае, когда личность преступника не установлена, а в установленных обстоятельствах события есть признаки, позволяющие считать, что данное деяние было совершено рецидивистом.

Таким образом, наличие разработанной криминалистической методики при расследовании преступлений рецидивной направленности имеет большое значение, поскольку в практике такие случаи не распространены, и, чтобы добиться раскрываемости такого рода преступлений, сотрудники правоохранительных органов должны иметь возможность воспользоваться научными разработками по данному направлению. Расследование таких преступлений представляется непростой задачей, ведь большая часть данных деяний неочевидна и требует значительных усилий при осуществлении расследования. Именно в этом помогает разработанная криминалистическая методика.

Литература

1. Обух С. В чем корни рецидивной преступности – ответы // Пенитенциарный журнал. Преступление и наказание. 2012. № 4.
2. Антонян Ю.М. Преступность в местах лишения свободы и ее причины // Уголовное право. 2002. № 4.
3. Криминальная психология: программа. Ставрополь, 2010.
4. Антонян Ю.М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М., 1989.

Bibliography

1. Obukh S. What are the roots of recidivism – answers // Penitentiary journal. Crime and punishment. 2012. № 4.
2. Antonyan Yu.M. Crime in places of deprivation of liberty and its causes // Criminal law. 2002. № 4.
3. Criminal psychology: program. Stavropol, 2010.
4. Antonyan Yu.M. Especially dangerous leaders in ITU and the educational impact on them. M., 1989.

© 2021 г. Шатов Дмитрий Викторович,

начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы кандидат медицинских наук.

Попов Всеволод Васильевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности идентификации личности по зубо-челюстному аппарату человека. Приведена историческая справка по стоматологической идентификации. Излагаются особенности формирования и строения зубо-челюстного аппарата человека. Приведены возможные способы стоматологической идентификации. Рассмотрены проблемы стоматологической идентификации в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: зубо-челюстной аппарат, диастема, трема, понтограмма, рентгенограмма, прикус.

Shatov Dmitry Viktorovich – Head the Bureau of Forensic Medicine, PhD in Medicine.

Popov Vsevolod Vasilievich – Senior Lecturer, the Department of Criminalistics and Operational-Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITIES OF DENTAL IDENTIFICATION

The article discusses the features of personality identification by the dentition-jaw apparatus of a person. Provides a historical background on dental identification. The features of the formation and structure of the human tooth-jaw apparatus are described. Possible methods of dental identification are presented. The problems of dental identification in Russia and foreign countries are considered.

Keywords: dento-jaw apparatus, diastema, trema, pontogram, radiograph, bite.

Стоматологическая идентификация – раздел судебной медицины, позволяющий со 100 % точностью установить личность по скелетированным останкам или по рентгеновским снимкам челюстей и зубов. К сожалению, в Российской правоприменительной практике такой способ идентификации личности не имеет распространения. Хотя судебная стоматология была отправной точкой к созданию судебной медицины в целом.

Все произошло в ноябре 1849 г. в Гарвардской Медицинской школе, где преподаватель Джон Уайт Вебстер убил из-за долгов профессора Джорджа Паркмана. После убийства с целью сокрытия тела Вебстер попытался уничтожить тело, расчленив его и сжигая кусками в лабораторной печи. Эти действия были замечены сторожем школы Эфраимом Литлфилдом, о чем он сообщил полиции. В шкафу Вебстера были обнаружены в ходе обыска не уничтоженные части тела, но голова профессора Паркмана обнаружена не была. В печи нашли лишь обгоревшую нижнюю челюсть. Встал вопрос о принадлежности останков. И в суд был вызван известный в то время практикующий стоматолог Натан Кип. Кип неоднократно лечил зубы Паркману и изготавливал для него зубные протезы, а для этого он пользовался слепком челюстей

Паркмана. Кип прямо в суде приложил слепок верхней челюсти к обнаруженной нижней. Совпадение было идеальным. Личность Паркмана была идентифицирована.

Это событие стало широко известным во всем мире, и в судебной практике появился новый вид идентификации – судебно-стоматологическая. До сегодняшнего дня стоматологическая идентификация не теряет своей актуальности. Конечно, с момента создания слепков и до сегодняшнего времени стоматология сделала огромный шаг вперед, появились новые формы диагностики, которые вполне применимы для идентификации личности в правоохранительной деятельности.

Стоматологическая идентификация основана на строго индивидуальном строении зубо-челюстного аппарата каждого человека, который знает, что такое прикус [5]. Общее представление такое: нормальный прикус – верхние резцы на 1/3 перекрывают нижние – ортогнатия, если нижняя челюсть выдвинута вперед – прогения, если резцы смыкаются – прямой прикус. Но это далеко не единственный показатель строения зубо-челюстного аппарата. С момента рождения и с начала прорезывания зубов формируется определенное строение челюсти и расположение на ней зубов [1].

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

На этот процесс влияет множество факторов: генетические, особенности кормления, развитие речевых навыков и т. д. Некоторые заболевания могут кардинально поменять строение зубо-челюстного аппарата, например, аденоиды. И все это к 16–18 годам формирует сложившийся комплекс признаков, сопровождающий человека всю жизнь. Отдельные факторы, например, удаление зубов, несколько изменяют идентификационную значимость, но в целом

грубых изменений при нормальном течении жизни уже не происходит.

Прежде всего индивидуальность зубо-челюстного аппарата определяется формой. В первую очередь она отличается у мужчин и у женщин: мужчины – U-образная, женщины – V-образная. Далее в зависимости от вышеуказанных факторов происходят преобразования челюстей высокой вариабельности [4]. Некоторые из них представлены на иллюстрации № 1.

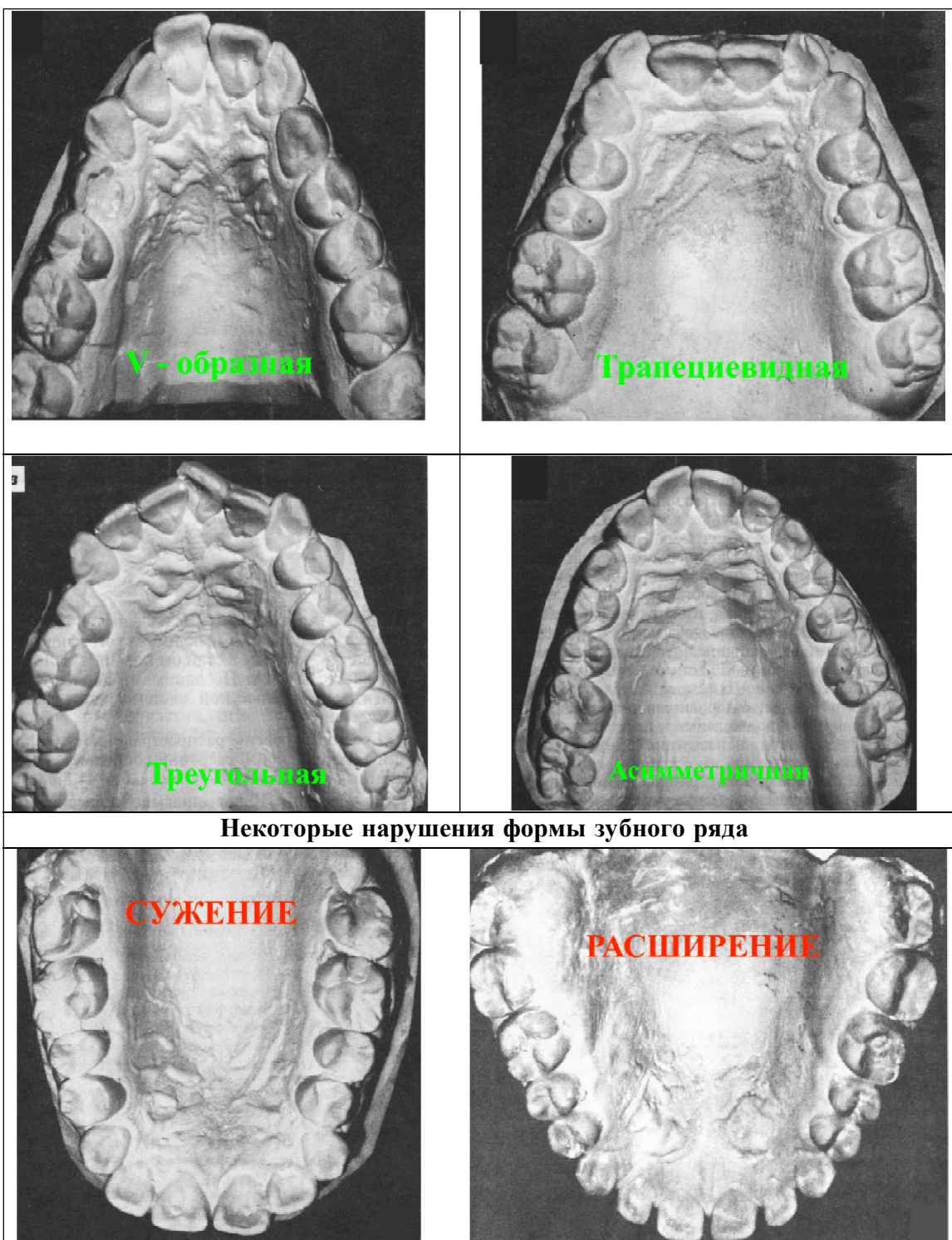

Иллюстрация № 1. Нарушения формы и размера зубного ряда

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Второй немаловажной составляющей, конечно же, являются зубы. Их количество, расположение, отклонение от срединной линии, а также «наезды» зубов друг на друга определяют строгую индивидуальность каждого конкретного человека (иллюстрация № 2).

В случае же отсутствия рентгенограмм и слепков стоматологическая идентификация может дать информацию о возрасте человека. В процессе жизнедеятельности жевательные поверхности зубов стираются [5]. Стертость до определенного уровня происходит к

Иллюстрация № 2. Некоторые отклонения в расположении и количестве зубов

Некоторые люди имеют «щели» между резцами – диастемы, или боковыми зубами – тремы (иллюстрация № 3) [3].

определенному возрасту, это и заложено в основу данного способа. Но нужно учитывать изношенность зубов на верхней челюсти.

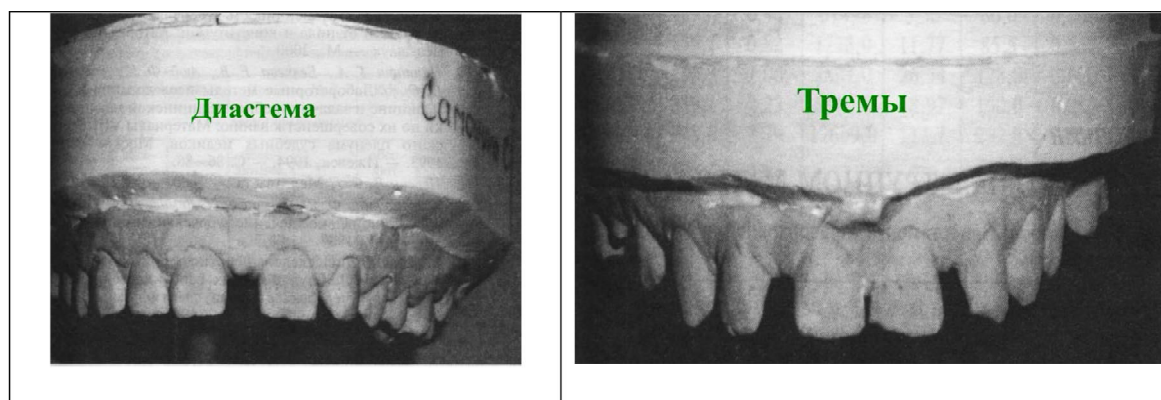

Иллюстрация № 3. Диастема и тремы

Это все также индивидуализирует зубочелюстной аппарат и позволяет установить личность конкретного человека. Но возможности стоматологической идентификации не ограничиваются изготовлением слепков. С внедрением в медицину рентгеновской диагностики появилась возможность изготовления пантограмм челюстей – круговых снимков [6]. Пантограммы также являются достаточными для проведения идентификационного исследования (иллюстрация № 4).

Ввиду того, что нижняя челюсть – подвижная структура, изнашиваемость зубов на ней несколько выше. Наиболее распространенным способом установления возраста по изнашиваемости жевательной поверхности зубов является установление по таблицам П.А. Маскина (таблица). Но существуют и другие таблицы: по М.М. Герасимову, по Н. Haishi, по Takeietal, по Токэй, по Хаяши, по Сонг.

Таким образом, возможности стоматологической идентификации личности достаточно широки. Сюда же добавляется преимущество

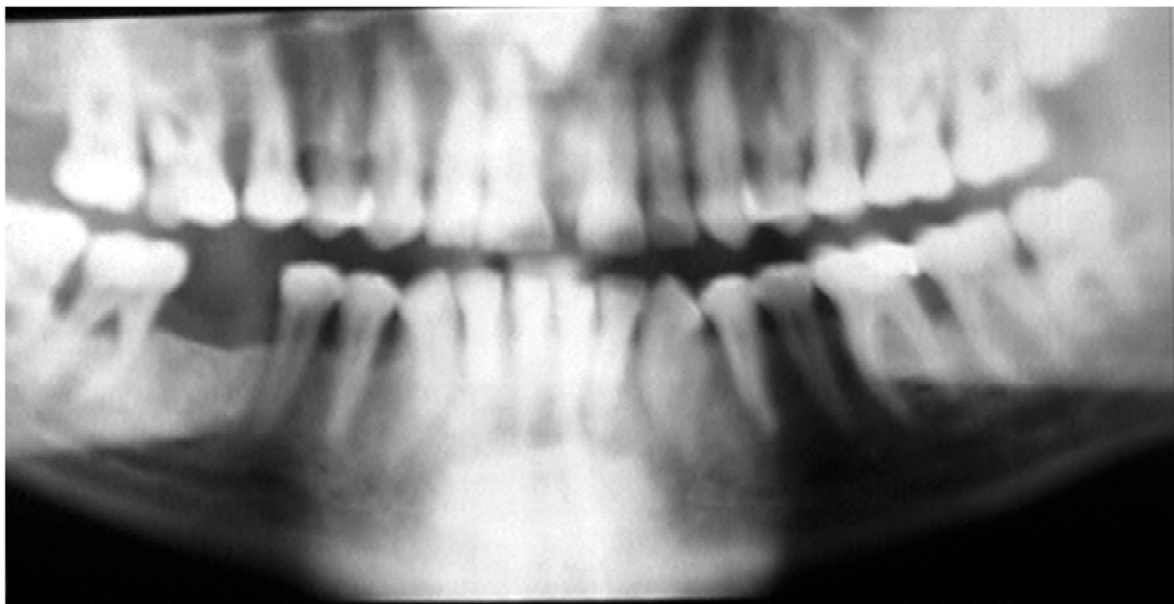

Иллюстрация № 4. Рентгенограмма (пантограмма) челюстей

Таблица

Определение возраста по степени стирания отдельных зубов (П.А. Маскин, 1974 г.)

Зубы	Признак	Годы	Оценка степени стирания исследуемых зубов
Резцы	незначительная стертость на жевательной поверхности	25	
Резцы, премо-ляры, моляры	небольшое обнажение дентина резцов с начальными явлениями стирания бугров жевательных зубов	30	
Резцы, премо-ляры, моляры	резкое обнажение дентина резцов, выраженная стертость бугров жевательных зубов	35	
Резцы, премо-ляры, моляры	уменьшение высоты резцов за счет стертости, обнажение дентина жевательных зубов	40	
Резцы, премо-ляры, моляры	выраженная стертость резцов и жевательных зубов, выпадение отдельных коренных зубов	45	
Премоляры, моляры	постепенное кратерообразное углубление центрального отдела жевательных зубов	50	
Премоляры, моляры	значительная стертость выравнивает поверхность жевательных зубов	60	

относительной дешевизны проводимого исследования. В Европейских странах, в США и Канаде стоматологический способ идентификации личности является одним из приоритетных. Существует даже обмен стоматологической информацией между странами, например, между Канадой и США, что связано с большими миграционными потоками. В России такой способ идентификации нахо-

дится на уровне информационной подготовки. Этому способствует ряд причин.

Во-первых, отсутствует законодательная база, регламентирующая порядок, ведение, учет и использование стоматологической информации. Каждая клиника при обращении любого человека должна сделать рентгенограмму до и после прохождения лечения и направить ее в единую базу с указанием

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

паспортных данных и даты прохождения стоматологических процедур. Таким образом бы учитывались изменения в стоматологическом статусе человека с течением времени.

Во-вторых, в постперестроечное время стоматологические клиники стали набирать обороты. Появилось множество частных стоматологий. Их количество не подконтрольно даже Минздравсоцразвитию. Многие из них появляются и исчезают в течение нескольких месяцев. Соответственно, даже при наличии рентгенограммы челюстей неизвестного лица найти клинику, в которой оно проходило лечение, становится невыполнимой задачей.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что стоматологическая идентификация незаслуженно отвергнута в нашей стране. Бывают единичные случаи идентификации по

стоматологическому статусу, как, например, было при раскрытии убийства неизвестной девушки в Перми в 1956 г. У девушки была обнаружена необычная звездчатообразная пломба. По совпадению несколько дней назад теще участкового стоматолог поставил точно такую же. После обращения к стоматологу личность девушки удалось установить. Но такие случаи являются исключением из правил, нежели стойкой закономерностью.

Любая экономическая ситуация в стране предполагает экономию бюджетных средств. Поэтому стоматологическая идентификация должна стоять вровень с остальными «дешевыми» способами идентификации (например, дактилоскопия). Не стоит тратить огромные деньги на проведение молекулярно-генетических исследований, если есть возможность более простого и легкодоступного способа.

Литература

1. Бетельман А.И., Позднякова А.И., Мухина А.Д., Александрова Ю.М. Ортопедическая стоматология детского возраста. Киев, 1965.
2. Зубкова Л.П., Хорошилкина Ф.Я. Зубо-челюстно-лицевые аномалии и деформации и их диагностика. Киев, 1993.
3. Калвелис Д.А. Ортодонтия. М., 1964.
4. Персии Л.С. Ортодонтия. Виды зубочелюстных аномалий. М., 1996.
5. Справочник по ортодонтии. Кишинев, 1990.
6. Фальк Ф., Малыгин Ю.М., Френкель К. Диагностика и функциональное лечение зубочелюстно-лицевых аномалий. М., 1987.

Bibliography

1. Betelman A.I., Pozdnyakova A.I., Mukhina A.D., Alexandrova Yu.M. Orthopedic dentistry of children. Kiev, 1965.
2. Zubkova L.P., Khoroshilkina F.Ya. Dental-facial anomalies and deformities and their diagnosis. Kiev, 1993.
3. Kalvelis D.A. Orthodontics. M., 1964.
4. Persii L.S. Orthodontics. Types of dental anomalies. M., 1996.
5. Handbook of Orthodontics. Kishinev, 1990.
6. Falk F., Malygin Yu.M., Frenkel K. Diagnosis and functional treatment of maxillary-facial anomalies. M., 1987.

© 2021 г. Бондарева Галина Викторовна,

доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: gbon2018@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты производства обыска и выемки, связанные с изъятием электронных носителей информации, сформулированы выводы и рекомендации, направленные на повышение эффективности производства рассматриваемых следственных действий.

Ключевые слова: электронные носители информации, обыск, выемка, осмотр, изъятие, тактические рекомендации.

Bondareva Galina Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics and Operational-Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

SOME ISSUES OF SEARCH AND SEIZURE OF ELECTRONIC MEDIA

The article deals with the criminal procedural and criminalistic aspects of the search and seizure related to the seizure of electronic media, formulated conclusions and recommendations aimed at improving the efficiency of the investigative actions under consideration.

Keywords: electronic media, search, seizure, inspection, seizure, tactical recommendations.

Изменения, произошедшие в мире в условиях действия ограничительных мер, связанных с распространением COVID-19, привели к росту числа людей, пользующихся компьютерными технологиями, открыли новые возможности для преступной деятельности. Это коснулось и нашей страны, что подтверждается взрывным количеством зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации на территории Российской Федерации. Так, за январь–май 2021 г. количество таких преступлений выросло на 25,7 % в сравнении с аналогичным периодом 2020 г. Удельный вес преступлений в сфере IT-технологий среди их общего количества составляет 26,8 % [6]. В силу динамичного развития информационной среды и активного роста числа преступлений, совершаемых в сфере телекоммуникационных технологий, возрастает особое внимание к вопросу о тактике производства следственных действий, направленных на получение доказательств в электронной форме. Специфические свойства цифровой информации и механизма слеодообразования при совершении преступлений в сфере высоких технологий диктуют выработку новых методических рекомендаций производства следственных действий.

К числу следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие электрон-

ных носителей информации, относятся не только осмотр места происшествия, но также обыск и выемка. Особый интерес представляют тактические приемы изъятия исследуемых носителей в целях повышения эффективности производства следственных действий, сохранения информации, необходимой для расследования преступления, а также проблемы соблюдения прав человека при изъятии и копировании электронной информации.

К особенностям тактики производства рассматриваемых следственных действий можно отнести подготовительный, рабочий и заключительный этапы.

Анализ материалов уголовного дела составляет основу подготовительных действий до выезда на место проведения обыска (выемки). Он позволяет следователю оценить сложившуюся обстановку и выбрать наиболее эффективную тактику производства следственного действия. При изучении имеющихся материалов следует обратить внимание на личность обыскиваемого лица: его профессиональную подготовку и опыт работы с компьютерной техникой, а также на возможность оказания противодействия следствию [1]. Учитывать необходимо и имеющиеся в деле доказательства, протоколы следственных действий, иные документы, содержащие информацию об искомых объектах, а также результаты оперативно-розыскной деятельности.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Качественная подготовка к обыску должна включать сформированный образ искомого объекта и его признаки: необходимо определить, какие электронные носители информации находятся по месту проведения следственного действия; установить наличие и виды средств защиты информации и компьютерно-технических средств; установить тип источников электропитания данных средств.

При планировании изъятия средств компьютерной техники и электронных носителей следует обратить внимание:

- на категорию обрабатываемой ими информации (при содержании на носителях конфиденциальной информации следует предусмотреть принятие дополнительных мер для ее санкционированного получения [2]);

- необходимо учитывать вид компьютерной среды (автономный и сетевой). Автономная работа компьютера предполагает наличие самостоятельной операционной системы и не зависит от других компьютеров. Сетевое подключение предполагает использование общего канала обмена данными между компьютерами, поэтому возникает необходимость в определении всех соединенных компьютеров, в том числе находящихся за пределами обыскиваемого помещения. Если следователю заранее известно, что компьютерная техника установлена в нескольких помещениях, то целесообразно проводить обыск одновременно во всех помещениях.

При определении круга участников обыска (выемки) следователю необходимо учитывать их знания и опыт в сфере компьютерной информации. Целесообразно на стадии подготовки заранее привлечь специалиста необходимого профиля, а также осуществить подбор понятых, сведущих в компьютерной технике и порядке работы на ней.

Подготовительный этап проведения обыска с целью изъятия электронных носителей информации включает определение перечня специальных технических средств и программного обеспечения, с помощью которых будет осуществляться изъятие, передача и хранение изъятых электронных данных. Для этого необходимо подготовить соответствующие компьютерно-технические средства, специальную аппаратуру и материалы для поиска, просмотра, распаковки, расшифровки, изъятия и последующего хранения машинной информации, компьютерно-технические средства и специальные технические устройства [3].

Учитывая постоянный оборот электронной информации, которая в силу своих свойств легко поддается уничтожению или изменению при совершении преступлений в сфере компьютерной информации, необходимым также является решение вопроса о времени производ-

ства обыска (выемки), которое носит зачастую неотложный характер. В помещениях целесообразнее проводить данное следственное действие в нерабочее время, когда компьютерные системы отключены от сети и отсутствует рабочий персонал. Помимо этого, при определении времени и продолжительности производства следственного действия стоит учитывать возможность участия в нем специалиста, т. к. в силу загруженности экспертов с этим могут возникнуть сложности. При изучении места производства обыска (выемки) следователю необходимо выяснить ряд вопросов, связанных с доступом и хранением электронной информации, в том числе определить режим функционирования обыскиваемого объекта, характеристики систем охраны объекта, установить тип источников электропитания и пункты обесточивания, а также обозначить круг средств компьютерной техники, которые могут находиться в месте обыска, способы защиты компьютерной информации на них.

По прибытии на место проведения следственного действия рекомендуется, используя фактор внезапности, быстро проникнуть в помещение, тем самым обеспечив сохранность электронных носителей и информации на них. Следует также ограничить доступ всех присутствующих к электронным носителям информации, в том числе запретить прикасаться к работающим компьютерам и другим носителям, включать и выключать компьютеры и энергоснабжение объекта; с помощью специалиста осуществить отключение от электросети всех компьютеров и периферийных устройств без повреждения содержащейся на них информации; предотвращать любые манипуляции с источниками электронной информации, если они могут повлечь уничтожение или повреждение данных.

В рамках обзорной стадии следователь осматривает все объекты, подлежащие обыску, с целью выяснения объема и порядка предстоящей работы.

Далее необходимо тщательно осмотреть электронные носители информации и провести поисковые мероприятия, направленные на отыскание тайников, в которых могут находиться предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Выбор тактики поисковых мероприятий зависит от множества факторов, связанных как с объемами обыскиваемых объектов, так и с особенностями электронных носителей информации.

На практике известны случаи, когда тайником служил сам компьютер. При этом наибольший интерес представляет системный блок, т. к. благодаря своим конструктивным особенностям создает возможность

организации в его корпусе тайников. Зная особенности строения системного блока, специалист и самостоятельно следователь без труда смогут отыскать такой тайник.

Значительная часть электронной информации, которая хранится и обрабатывается с помощью компьютерной техники, может быть скопирована на портативные электронные носители информации. Поэтому помимо самих ЭВМ необходимо отыскивать и изымать такие носители цифровых сведений. Стоит обратить внимание на поиск магнитных носителей, т. к. при работе с ними нельзя использовать металлоискатель или рентгеновскую установку, поскольку это может привести к уничтожению содержащейся на них информации. Все обнаруженные носители информации специалист осматривает на месте, а в случае невозможности такого осмотра изымает их в процессуальном порядке для дальнейшего исследования.

В ходе проведения данных следственных действий могут быть обнаружены не только сами цифровые носители информации, но и предметы, указывающие на их наличие в данном помещении. Например, при обыске могут быть найдены коробки от телефонов, инструкции по применению, чеки на покупку электронных носителей информации, дающие основания полагать, что данные предметы находятся у обыскиваемого лица или хранятся в обыскиваемом помещении.

Носители информации, имеющей значение для расследования, могут изыматься с соблюдением процессуального порядка и приобщаются к уголовному делу в качестве вещественного доказательства [4]. Изыматься может как работающая, так и не работающая в момент проведения обыска (выемки) компьютерная техника. Если компьютер не работает, то необходимо точно отразить в протоколе и на прилагаемой к нему схеме местоположение самого компьютерного устройства и его периферийных устройств, а также описать порядок соединения между собой этих устройств с указанием особенностей соединительных проводов и кабелей. В случае отсоединения проводов при необходимости изъятия компьютерной техники целесообразно фиксировать места их соединения с помощью фотографирования или видеозаписи.

В случае работы с включенным компьютером целесообразнее привлечь специалиста в целях корректной работы с компьютерной информацией. При работе с активным компьютером следователю необходимо определить, какая операция в данный момент выполняется, отобразить в протоколе следственного действия все то, что отображено на экране дис-

плея, и только после этого прервать выполнение операции. Все манипуляции, осуществляемые следователем с компьютером, необходимо фиксировать в протоколе. Затем следует определить наличие у компьютера внешних накопителей информации, а также внешних устройств удаленного доступа, после чего скопировать хранимые на них программы и данные, и только после этого разъединить кабели с целью предотвращения изменения и уничтожения информации и отключить компьютер от электропитания. После чего упаковать отдельно компьютер и отсоединенные от него устройства в полиэтиленовые пакеты с соответствующей пояснительной запиской.

При работе со стационарным видеорегистратором следователю необходимо изымать его полностью без извлечения накопителя информации, т. к. вынутый, а затем обратно установленный накопитель может быть отформатирован видеорегистратором, а данные на нем будут утеряны. Также целесообразно изымать и блоки питания с целью дальнейшей бесперебойной работы с видеорегистратором.

В случае изъятия сервера его необходимо изымать совместно с системным блоком, т. к. накопители в сервере могут быть объединены в RAID-массивы различной конфигурации. Данные о RAID-массиве чаще всего хранятся в памяти RAID-контроллера, который находится внутри системного блока. Извлечение одних накопителей приведет к тому, что эксперту не будет известна конфигурация RAID-массива, и исследование информации будет невозможно или крайне осложнено [5].

При изъятии сотового телефона необходимо установить состояние его активности. В случае если телефон включен, то его следует изолировать от постороннего вмешательства путем введения в автономный режим либо в режим «в самолете». Это обеспечит безопасность информации от манипуляций через удаленный доступ либо синхронизацию аккаунтов. В случае отключения телефона могут быть активированы средства блокировки и защиты, такие как ПИН-код для сим-карты или коды безопасности, что значительно усложнит работу эксперта. Если на изымаемом телефоне сразу обнаруживается автоблокировка экрана, то целесообразно выяснить у владельца алгоритм разблокировки. Также следует обращать внимание на дату и время, отображенные на экране, и сравнивать их с текущими на момент изъятия, а любые несоответствия следует фиксировать в протоколе. Помимо этого не рекомендуется извлекать карты памяти, сим-карты и другое аппаратное обеспечение, которое находится в телефоне. Мобильные устройства рекомендуется

изымать вместе с сетевым кабелем и упаковывать в картонные коробки или полиэтиленовые пакеты, которые позволят исключить воздействие на телефон (его включение или выключение) с целью изменения или уничтожения содержащейся на них информации.

Следует знать, что некоторые смартфоны, в частности iPhone, обладают функцией синхронизации с компьютером либо ноутбуком. Поэтому целесообразно производить изъятие не только телефона, но и других компьютерных устройств. Избежать изъятия можно путем проверки наличия специального программного обеспечения для телефона на указанном устройстве.

Следует отметить, что упаковка изъятых компьютерных средств и электронных носителей информации должна осуществляться с учетом обеспечения целостности информации на них, т. е. исключая возможность доступа путем подключения периферийных устройств. Эффективнее всего упаковывать изымаемые объекты целиком в полимерный пакет с прикреплением пояснительной записки. При фиксации в протоколе изымаемых электронных носителей информации необходимо указывать сведения о них, по которым можно будет однозначно идентифицировать изъятое средство. Чаще всего достаточно указать цвет, марку, модель и инди-

видуальный заводской номер устройства, а также индивидуализирующие признаки, такие как характерные повреждения, имеющиеся на нем. Целесообразно помимо процессуальной фиксации в протоколе следственного действия использовать фотографирование и видеозапечатление изымаемых электронных носителей.

В заключение стоит сказать, что тщательное планирование тактики действий с учетом знаний о специфике работы с электронными носителями информации является неотъемлемой частью его качественного производства. Отметим, что в практической деятельности правоохранительных органов нередко изъятие сообщений из переписки по электронной почте осуществляется путем изъятия всей компьютерной техники в ходе обыска (выемки) и назначения впоследствии компьютерной экспертизы. Полученные таким образом доказательства могут быть признаны недопустимыми по причине нарушения требований ч. 7 ст. 185 УПК РФ к порядку изъятия электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений путем проведения их осмотра и выемки. Также подобные действия приводят к неоправданному возрастанию нагрузки на экспертные подразделения, как следствие – увеличение сроков производства экспертизы и расследования по уголовному делу.

Литература

1. Земзикова Е.Ю., Васюков В.Ф. Особенности производства обыска, выемки электронных носителей информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орел, 2015.
2. Клевцов В.В. Проблемные аспекты изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков с использованием сети Интернет // Российский следователь. 2015. № 6.
3. Казанцев С.Я., Самитов Э.О. Тактические особенности проведения обыска при расследовании хищений, совершенных с использованием современных интернет-технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8.
4. Бондарева Г.В. Электронные доказательства в раскрытии и расследовании преступлений // Юрист-Правоведъ. 2020. № 3 (94).
5. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
6. URL: <https://pravo.ru/news/232676/>.

Bibliography

1. Zemzikova E.Yu., Vasyukov V.F. Features of the search, seizure of electronic media // Criminal procedural and criminalistic problems of combating crime All-Russian scientific and practical conference. Orel, 2015.
2. Klevtsov V.V. Problematic aspects of the seizure of electronic media in the investigation of the distribution of «designer» drugs using the Internet // A Russian investigator. 2015. № 6.
3. Kazantsev S.Ya., Samitov E.O. Tactical features of conducting a search during the investigation of embezzlement committed using modern Internet technologies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 8.
4. Bondareva G.V. Electronic evidence in the disclosure and investigation of crimes // Yurist-Pravoved. 2020. № 3 (94).
5. Gavrillin U.V. Electronic information carriers in criminal proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (44).
6. URL: <https://pravo.ru/news/232676/>.

© 2021 г. Денисов Сергей Леонидович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты производства обыска и выемки, связанные с изъятием электронных носителей информации, сформулированы выводы и рекомендации, направленные на повышение эффективности производства рассматриваемых следственных действий.

Ключевые слова: электронные носители информации, обыск, выемка, осмотр, изъятие, тактические рекомендации.

Denisov Sergey Leonidovich – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

SOME ASPECTS OF INSURANCE FRAUD INVESTIGATION PLANNING

The article analyzes the theoretical and practical aspects of the investigator's activities in planning the investigation of insurance fraud. The concept of planning is given, its principles are considered. Selected recommendations are proposed for planning an investigation of insurance fraud.

Keywords: investigation planning, insurance fraud, plan, organization of the investigation.

Борьба с преступностью на современном этапе развития общества является одной из приоритетных задач правоохранительных органов, значимым звеном которых является раскрытие, расследование и предупреждение противоправных деяний, в том числе и специфичных преступлений, таких как экстремизм, терроризм, мошенничество и т. д.

Среди всего многообразия мошеннических схем высокие обороты набирают такие преступления, как мошенничество в сфере автострахования. Это обусловлено тем, что рынок автострахования на сегодняшний день крайне несовершенен и имеет множество вариантов получения материальной выгоды противоправным путем.

Важное значение в процессе расследования мошенничества в сфере страхования играет планирование.

Существует много точек зрения о том, что необходимо понимать под планированием расследования преступления.

По мнению В. П. Антипова, под планированием расследования следует понимать сопутствующий всему предварительному следствию по делу мыслительный процесс уяснения следователем стоящих перед ним задач расследования и определения оптимальных путей и наиболее эффективных способов их решения [1, с. 4].

Мы согласны с автором, поскольку тоже считаем, что планирование расследования является мыслительным процессом, позво-

ляющим следователю наметить пути решения стоящих перед ним задач.

На наш взгляд, полное и лаконичное определение дает Р.С. Белкин, по мнению которого планирование расследования – это сложный мыслительный процесс, суть которого заключается в определении направленности и задач расследования, способов и средств их решения в рамках закона [2, с. 475].

С точки зрения М.В. Савельева и А.Б. Смушкина, планирование расследования – это мыслительный процесс, заключающийся в определении задач расследования, путей и способов достижения данных задач, находящий отражение в письменной или графической форме [3, с. 234].

Отдельные ученые, рассматривая в своих трудах теоретические основы и методы криминалистики, относят планирование к специальным методам общекриминалистического значения наравне с идентификацией и выдвижением версий (гипотез). Ошибочным, на наш взгляд, является утверждение, что планирование расследования есть метод расследования. Как верно заметил И.С. Нестер, планирование не является средством установления всех обстоятельств (либо отдельных, если речь идет о планировании следственного действия) произошедшего, оно является методом обеспечения организации расследования преступления [4, с. 65].

Таким образом, по нашему мнению, под планированием расследования нужно понимать

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

мыслительный процесс, позволяющий следователю наметить ряд мероприятий, направленных на решения стоящих перед ним задач, и закрепить их в письменной или графической форме.

Расследование преступлений – это достаточно трудоемкий и сложный процесс, требующий решения вопросов организационного характера, а соответственно, и высокого уровня ответственности и вдумчивости со стороны сотрудника следственного подразделения, занимающегося расследованием конкретного вида преступлений.

Чтобы планирование расследования достигало данной цели, оно должно основываться на определенных принципах.

Мы хотим выделить основные из них.

1. Принцип конкретности означает, что в плане необходимо отразить все вопросы, касающиеся проверки версий; следственные действия, в которых необходимо прописать не только их перечень, но и конкретных участников, например, провести допрос подозреваемого Л.; провести обыск в жилище у подозреваемого Л.; оперативно-розыскные, следственные, организационно-подготовительные и иные мероприятия; сроки их проведения и исполнители.

2. Принцип индивидуальности означает, что необходимо прописывать план только в рамках конкретного дела, не допускать использования одного плана для нескольких уголовных дел.

3. Принцип динамичности означает, что план не является окончательным, он должен изменяться в зависимости от хода расследования преступления.

Существуют и иные принципы планирования (своевременности, научности, законности, обоснованности и т. д.), но в них нет отличительных особенностей, отграничивающих планирование расследования по уголовным делам от планирования по делам в других сферах. Безусловно, план должен строиться в рамках действующего законодательства, быть осуществимым и обоснованным, в нем должны использоваться достижения науки и техники, которые делают планирование расследования эффективным.

Планирование следователем может осуществляться несколькими способами:

1. Планирование расследования по конкретному уголовному делу. В данном случае следователем составляется план следственных и процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий по одному расследуемому делу и по одному эпизоду.

2. Планирование расследования по многоэпизодным делам, что характерно именно

по исследуемой категории преступлений, осуществляется по конкретному уголовному делу, т. е. составляется план по каждому эпизоду в отдельности, а после предъявления окончательного обвинения планируется расследование по одному общему делу.

3. Планирование конкретного следственного действия. Предполагается составление плана последовательности проведения того или иного следственного действия, а также подготовка к нему.

4. Планирование расследования по нескольким уголовным делам. Следователь осуществляет планирование всех необходимых мероприятий по разным уголовным делам, которые записывает в свой ежедневник.

5. Планирование работы группы следователей по сложному уголовному делу. Руководитель следственной группы планирует, какие мероприятия необходимо выполнить каждому следователю, участнику следственной группы и в какие сроки [5, с. 94].

На первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере страхования следователь обладает минимальным количеством информации о совершенном преступлении, при котором требуется безотлагательно осуществить ряд следственных мероприятий, направленных на закрепление следов преступления, поиск доказательств, розыск лица, совершившего преступление. По этой причине план может не фиксироваться в письменной форме. С данным утверждением согласны более 70 % опрошенных практических работников (в ходе проведенного исследования были опрошены следователи и оперативные работники, имеющие опыт расследования мошенничества в сфере страхования).

При составлении плана расследования мошенничества в сфере страхования следователю необходимо тщательно продумать, каких специалистов он хочет привлечь, а также в каких следственных мероприятиях они будут участвовать. При расследовании мошенничества в сфере автострахования такой вид применения специальных знаний зачастую используется, когда по делу назначают такие судебные экспертизы, как видеотехническая, компьютерная. Связано это, в первую очередь, с тем, что эти экспертизы назначаются редко, соответственно, по ним зачастую у следователей нет устоявшегося перечня вопросов, который был бы им понятен, это касается как идентификационных вопросов, так и диагностических [6, с. 51].

Важным моментом при планировании являются наличие научно-технического и организационного обеспечения и тактические приемы их использования.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Для данного этапа могут использоваться комплексные мероприятия, неотложные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, а также программа действий следственной оперативной группы для выезда на осмотр места происшествия.

Следует отметить, что план не является неизменной конструкцией. В ходе расследования, учитывая вновь открывшиеся обстоятельства, получая ранее неизвестную информацию, можно скорректировать план, и, как следствие, план будет являться не просто списком перечисленных следственных действий и сроков их исполнения, но и средством самоконтроля следователя, его «помощником» в ходе всего процесса расследования.

На последующем этапе в зависимости от собранных доказательств и имеющейся в распоряжении следователя информации по преступлению планируется дальнейшее его расследование. На данном этапе план нередко нуждается в корректировке, поскольку происходит восполнение недостающей информации или уточнение имеющейся. Деятельность следователя и сотрудников оперативных подразделений направлена на закрепление и систематизацию полученных доказательств, анализ имеющейся информации, предъявление обвинения. Проводятся дополнительные допросы, очные ставки, следственные эксперименты, проверка показаний на месте, экспертизы и т. д.

Необходимо также отметить, чтобы расследование уголовного дела о мошенничестве прошло успешно и завершилось в возможно короткие сроки, необходимо как можно тщательнее спланировать совместную деятельность следо-

вателя с другими сотрудниками правоохранительных органов. При необходимости, когда уголовное дело о мошенничестве в сфере страхования является сложным, многоэпизодным, следователь совместно с оперативным сотрудником составляет план мероприятий по организации взаимодействия, который согласовывается с начальниками структурных подразделений и утверждается начальником органа внутренних дел.

Подводя итог, необходимо сказать, что для расследования мошенничества в сфере страхования важное значение имеет планирование расследования. К плану расследования предъявляются следующие требования: логичность – построение на основе фактических данных и вытекающих из них умозаключений; законность – строгое соответствие требованиям уголовно-процессуального законодательства РФ, обеспечивающая допустимость полученных в ходе проверки версий доказательств; научность – в основе запланированных мероприятий должны лежать передовые разработки криминалистики; индивидуальность – учет специфики конкретного преступления; реальность – объективная возможность осуществления намеченных мероприятий; конкретность – четкое определение цели расследования и направленных на ее достижение задач; динамичность – возможность изменения плана с учетом новых обстоятельств.

Как на первоначальном, так и на последующем этапе расследования следователь должен иметь четкий план действий, который позволит эффективнее и быстрее расследовать мошенничество в сфере страхования. При этом план требует определенной корректировки в зависимости от хода расследования преступления.

Литература

1. Антипов В.П. Планирование расследования нераскрытых преступлений. М., 2002.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Крухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. М., 2017.
3. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. М., 2004.
4. Нестер И.С. Планирование в деятельности специалиста при проведении следственных действий // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2021. № 1 (49).
5. Решняк О.А. Организация расследования и планирование // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сборник научных статей. Могилев, 2021.
6. Усачев С.И. Особенности использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере автострахования. Иркутск, 2021.

Bibliography

1. Antipov V.P. Planning the investigation of unsolved crimes. M., 2002.
2. Averyanov T.V., Belkin R.S., Kruhov Yu.G., Rossinsky E.R. Forensic science: textbook. Moscow, 2017.
3. Saveliev M.V., Smushkin A.B. Forensics. Moscow, 2004.
4. Nestor I. S. Planning in the activities of a specialist in the investigation // Questions of criminology, criminology and forensic examination. 2021. № 1 (49).
5. Reshnyak O.A. Organization of investigation and planning // In the collection: Actual problems of criminal procedure and criminalistics. Collection of scientific articles. Mogilev, 2021.
6. Usachev S.I. Features of the use of special knowledge in the investigation of fraud in the field of auto insurance. Irkutsk, 2021.

© 2021 г. Климова Яна Александровна,

доцент кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

кандидат юридических наук.

E-mail: aya3008@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Анализируются уголовные дела, следственно-судебная практика, приводятся статистические данные, подтверждающие необходимость разработки методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, с учетом современного аспекта развития преступности, на примере разработки криминалистической характеристики механизма таких преступлений, как возбуждение ненависти либо вражды, публичные призывы к террористической и экстремистской деятельности.

Ключевые слова: методика расследования, несовершеннолетний, криминалистическая характеристика механизма преступлений, преступность несовершеннолетних, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, цифровизация, призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности.

Klimova Yana Aleksandrovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

FEATURES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE MECHANISM OF CRIMES COMMITTED BY MINORS: THE MODERN ASPECT

The article deals with the actual problems of the methodology of investigation of crimes committed by minors. The article analyzes criminal cases, investigative and judicial practice, provides statistical data confirming the need to develop a methodology for investigating crimes committed by minors, taking into account the modern aspect of crime development, using the example of the development of criminalistic characteristics of the mechanism of crimes such as incitement to hatred or enmity, public calls for terrorist and extremist activities.

Keywords: investigation methodology, juvenile, criminalistic characteristics of the mechanism of crimes, juvenile delinquency, crimes using information and telecommunication technologies, digitalization, calls to carry out terrorist and extremist activities.

В настоящее время борьба с преступностью несовершеннолетних является приоритетным направлением реализации Стратегии национальной безопасности [1]. Это обусловлено тем, что указанная проблема не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий и вызывает серьезную обеспокоенность государства и общества, поскольку характеризуется масштабностью, комплексностью и крайне негативным характером социальных последствий.

Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними, на протяжении длительного времени остается на достаточно высоком уровне. Данная тенденция продолжает усиливаться, во многом приобретая новое качественное содержание.

Согласно данным анализа состояния преступности несовершеннолетних в г. Волгограде по итогам 2020 г. зарегистрировано 374

преступления, за первое полугодие 2021 г. – 148 преступлений. Структура и динамика преступности среди несовершеннолетних в г. Волгограде характеризуется следующим образом (Рис. 1) [2]:

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что, помимо совершения «традиционных» преступлений, значительно увеличилось количество несовершеннолетних, совершающих преступления с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Об этом свидетельствует обращение Президента РФ В.В. Путина, состоявшееся 26 февраля 2020 г. в рамках проведения ежегодного расширенного заседания коллегии МВД РФ. В своем выступлении В.В. Путин подчеркнул важность активной работы правоохранительных органов в направлении сни-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

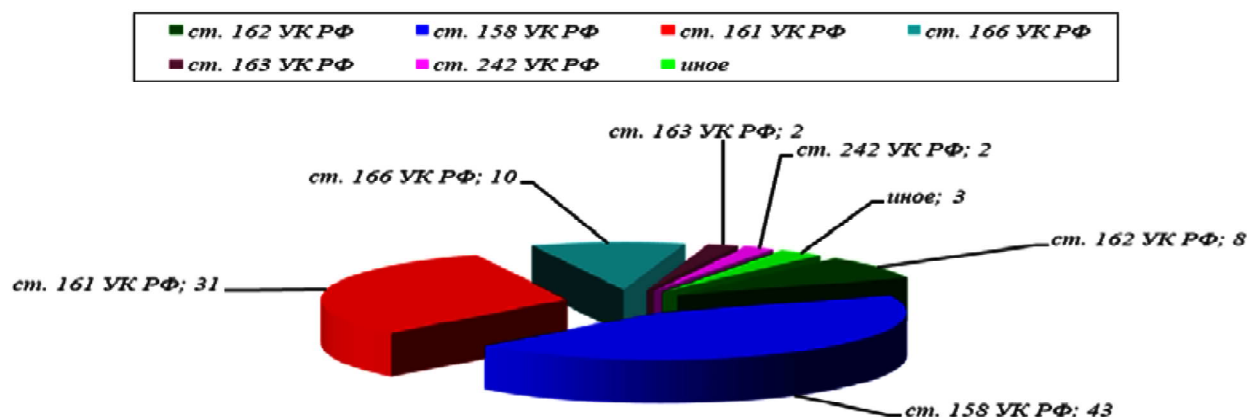

Рис. 1. Структура и динамика преступности среди несовершеннолетних в г. Волгограде по итогам 2020 г.

жения подростковой преступности. Особое внимание Президент заострил на необходимости наращивания активности в интернет-пространстве с целью недопустимости склонения несовершеннолетних к совершению преступлений посредством глобальной сети [3].

Безусловно, стремительное развитие современных технологий, а также сложившиеся условия пандемии способствовали активной цифровизации всех сфер жизни, в том числе и сферы преступности. Это обуславливается расширением диапазона и разнообразием видов преступлений с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и, как следствие, доступности их для несовершеннолетних, являющихся самыми активными пользователями IT-продуктов [4].

В качестве основной проблемы, снижающей качество предварительного расследования данной категории дел, можно выделить тот факт, что в настоящего времени отсутствуют разработки соответствующей научно обоснованной криминалистической характеристики и методик расследования новых видов преступлений, совершенных несовершеннолетними (например, мошенничества при помощи Интернета и сотовой связи, сбыта наркотических средств бесконтактным способом, киберпреступлений, склонения к совершению самоубийства, склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, участия в массовых беспорядках, призывов к терроризму и экстремизму и др.).

Особое внимание хотелось бы уделить криминалистической характеристике механизма преступлений, которые совершаются несовершеннолетними в составе группы. Анализ уголовных дел показал, что современной тенденцией является все большая распространен-

ность среди групп несовершеннолетних преступников таких видов преступлений, которые раньше были характерны исключительно для взрослых лиц: возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, публичные призывы к террористической и экстремистской деятельности.

Говоря о личности несовершеннолетнего преступника, следует учитывать, что негативное влияние на преступность несовершеннолетних оказывают экстремистские проявления в молодежной среде, которые развиваются практически на всей территории Российской Федерации. В качестве основной причины их популярности следует отметить широкое распространение «деструктивных идей» в Интернете. При этом в процессе осуществления своей деятельности идеологи экстремизма особую ставку делают на несовершеннолетних. Это обусловлено тем, что именно они являются наиболее мобильной средой, легко подверженной внешнему влиянию и воздействию. При этом на сегодняшний день большое распространение получили такие неформальные движения, как «скинхеды», националисты и неонацисты.

Проведенные в субъектах РФ проверки свидетельствуют о наличии во многих из них неформальных организаций и группировок экстремистской направленности с участием молодежи. В настоящее время на учете Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России состоит примерно 150 экстремистских молодежных группировок общей численностью до 10 тыс. человек [5]: скинхеды, Русское национальное единство, Национально-державная партия России, Национально-большевистская партия, идеологической основой которых является пропаганда расовой и национальной исключительности, стремление к вытеснению, а в ряде случаев – и физическому уничтожению неславянских национальностей

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

на территории России, что является прямым нарушением Конституции РФ, а также влечет за собой ответственность, предусмотренную Законодательством РФ.

Согласно статистическим данным, всего на территории г. Волгограда и Волгоградской области осуществляет свою деятельность 61 национальное общественное объединение, из них – 49 зарегистрированных и 12 без статуса юридического лица (по городу – 38 и 6, соответственно) [2].

Анализ уголовных дел дает основание утверждать, что чаще всего рассматриваемые преступления совершают несовершеннолетние в возрасте 14–18 лет, как правило, нигде не работающие и не учащиеся, реже – учащиеся школ, студенты ссузов и вузов [5].

Проведен детальный анализ уголовных дел в отношении смешанных групп, по которым в отношении взрослых участников не была вменена ст. 150 УК РФ. В результате анализа было установлено, что умысел на совершение преступления возник обоюдно между несовершеннолетними и взрослыми участниками преступного деяния. Кроме того, одной из причин является то, что несовершеннолетние имеют небольшую разницу в возрасте с взрослыми участниками преступной группы и нередко выступают инициаторами преступлений, а также многие из них уже имели приводы в органы внутренних дел и на момент совершения преступления уже состояли на учете в подразделении по делам несовершеннолетних. Характерной чертой личности таких несовершеннолетних является отсутствие способности критически подходить к содержанию публикаций в средствах массовой информации. Их характеризует отсутствие жизненного опыта, внушаемость. Чаще всего несовершеннолетние члены групп имеют смутное представление об идеологической подоплеке экстремистских движений. Их привлекают громкие лозунги, призывы, внешняя атрибутика, возможность почувствовать себя членом своеобразного «тайного общества», имеющего право безнаказанно творить расправу над «неудобными».

В таких группировках несовершеннолетние участники попадают под влияние «сильного» авторитетного лидера, ими становится легко управлять. Они готовы пойти на совершение любого преступления. Различными неформальными группами несовершеннолетних совершаются многочисленные хулиганства, акты вандализма, а порой даже убийства и избияния граждан, в том числе и иностранных.

Так, жестокое убийство произошло в ночь на 13 июня 2020 г. Виталий Васильев нанес 20 ножевых ранений 17-летнему гражданину Азер-

байджана Тимуру Гаврилову, который скончался на месте происшествия. Было установлено, что на протяжении нескольких лет (в том числе являясь несовершеннолетним) Васильев состоял в неформальной организации, где воспитывалась ненависть к людям иной национальности. В результате этого Васильев принял целенаправленное решение убить «нерусского». В настоящее время дело рассматривается в суде [7].

Кроме этого, для уяснения специфики расследования данной группы преступлений, совершенных несовершеннолетними, следует особое внимание уделить рассмотрению такого элемента криминалистической характеристики, как способ совершения преступлений. Особенность заключается в том, что рассматриваемые преступления все чаще совершаются с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. В основной своей массе несовершеннолетние преступники предпочитают дистанционный способ общения, не требующий специальных знаний в области техники, характеризующийся доступностью и анонимностью, легким доступом к широкой аудитории, глобальным распространением, высокой скоростью передачи информации, простотой в использовании, наличием мультимедийных возможностей, а также минимальными затратами и усилиями для подготовки и совершения таких преступлений.

Вследствие этого подготовка к совершению преступления и непосредственно объективная сторона, т. е. внешнее проявление преступления, переместились из реальной действительности в виртуальное пространство и осуществляются посредством передачи сообщений, аудио-, видеозаписей, геотрекеров, временных маркеров в мобильных мессенджерах («WhatsApp», «Viber», «Telegram»), социальных сетях («TikTok», «ВКонтакте», «Twitter», «Instagram», «Мой Мир» (на Mail.ru), «FaceBook», «Одноклассники», «Моя живая страница», «Планета», «Внезапно.ру», «Привет.ру»), на специализированных сайтах (видеохостинг «YouTube», игровые сообщества), на интернет-площадках маркетплейсов теневой сети «DarkNet».

Этим обусловлена современная особенность проявления экстремизма в молодежной среде, заключающаяся в развитии принципиально новой тенденции: объединению преступных групп несовершеннолетних по «сетевому» принципу. Деструктивные группы, построенные по «сетевому принципу», в своей деятельности предполагают большую самостоятельность, действуя в обычное время автономно. Они в определенное время могут объединяться для проведения групповых противоправных действий, создавая достаточно

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

большие массы правонарушителей. В качестве координирующего органа, определяющего время и место проведения подобных «акций», используется Интернет.

За 2020 г. инспекторами ПДН Волгоградской области организовано и проведено 216 специализированных рейдов, направленных на профилактику экстремистских течений среди несовершеннолетних, выявление подростков, причисляющих себя к различным неформальным молодежным объединениям, в ходе которых выявлено 5 мест концентрации несовершеннолетних, носящих неформальный характер [2].

В подтверждение этого можно привести многочисленные примеры из следственной и судебной практики [6].

Так, в августе 2017 г. несовершеннолетний Панов публиковал посты в социальных сетях, в которых высказывал намерение устроить террористический акт. Ему помогал Смышляев. Северо-Кавказский окружной военный суд признал Панова виновным в призывах к терроризму (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ), в подготовке к террористическому акту (ч. 1 ст. 205 УК РФ с применением ч. 1 ст. 30 УК РФ), склонении к терроризму (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ), а также в незаконном изготовлении (ч. 1 ст. 223.1 УК РФ) и хранении (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ) взрывчатых веществ, а Смышляева признал виновным в пособничестве в подготовке теракта (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ).

В качестве другого примера можно привести следующий факт: в феврале 2016 г. 16-летний житель Дербента с использованием своего мобильного телефона разместил в свободном доступе в Интернете видеоматериал, содержащий публичные призывы к осуществлению терро-

ристической деятельности и оправдывающий практику терроризма, а также направленный на возбуждение ненависти и вражды по признаку отношения к религии и принадлежности к определенной социальной группе.

«Северо-Кавказским окружным военным судом он был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности») и ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти и вражды»)), – сказал собеседник агентства.

Кроме этого, летом 2020 г. группа 14-летних вела во «ВКонтакте» переписку, где обсуждали идеи анархизма. Летом 2020 г. они наклеили на здание ФСБ соответствующие листовки. По данным ФСБ, школьники готовились к террористической деятельности с октября 2019 г., изучая запрещенную экстремистскую литературу и просматривая фильмы об изготовлении взрывчатки, а также отработывая навыки в заброшенных зданиях и на пустырях. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ст. 205.3 УК РФ («Прохождение обучения с целью осуществления террористической деятельности») [8].

Таким образом, борьба с преступлениями несовершеннолетних экстремистской и террористической направленности является одним из приоритетных направлений органов внутренних дел РФ. В этой связи возникает объективная необходимость в разработке эффективных средств и методик выявления, раскрытия и расследования как «традиционных» преступлений, совершенных несовершеннолетними с применением современных технологий, так и новых, пока не широко распространенных видов преступлений, которые совершаются несовершеннолетними.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
2. Анализ состояния преступности несовершеннолетних в г. Волгограде по итогам 2020 г., за первое полугодие 2021 г. (на основании материалов уголовных дел).
3. URL: <https://ria.ru/20200226/1565224302.html>.
4. Трифонова К.А. Получение образцов для сравнительного исследования: проблемы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. Вып. 1 (52).
5. URL: <https://ncpti.su/>.
6. URL: <https://sudrf.ru/>.
7. URL: <https://v1.ru/text/theme/18835/>.
8. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/20/kansk/>.

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
2. Analysis of the state of juvenile delinquency in Volgograd for 12 months of 2020, for the first half of 2021 (based on the materials of criminal cases).
3. URL: <https://ria.ru/20200226/1565224302.html>.
4. Trifonova K.A. Obtaining samples for comparative research: problems of regulatory regulation and law enforcement practice // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Issue 1 (52).
5. URL: <https://ncpti.su/>.
6. URL: <https://sudrf.ru/>.
7. URL: <https://v1.ru/text/theme/18835/>.
8. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/20/kansk/>.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 342.9
ББК 67.400

© 2021 г. **Мясников Анатолий Павлович,**

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.
E-mail: 89613010202@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье на основе анализа и оценки различных электоральных формул показан процесс становления и развития правовой основы избирательной системы по выборам депутатов нижней палаты российского парламента.

Ключевые слова: выборы, избирательное законодательство, избирательная система, избирательная кампания, парламент, правовая основа, электоральная формула.

Myasnikov Anatoly Pavlovich – Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL BASIS OF THE MODERN ELECTORAL SYSTEM

Based on the analysis and evaluation of various electoral formulas, the article shows the process of formation and development of the legal basis of the electoral system for the election of deputies of the lower house of the Russian parliament.

Keywords: elections, electoral legislation, electoral system, election campaign, parliament, legal framework, electoral formula.

Свободные, справедливые и альтернативные выборы в любом современном демократическом обществе стали обязательным атрибутом, поскольку любое государство сегодня немисливо представить без проведения периодических выборов.

Высшим непосредственным выражением власти народа, закрепленного в ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации, являются свободные выборы. Выборы как политико-правовой институт являются не только важнейшим политико-правовым институтом, но и политической ценностью, завоеванной российским народом.

На постсоветском пространстве, в частности, Российской Федерации, процесс становления и развития современной избирательной системы занимает умы ученых и специалистов ни одно десятилетие.

Вопросы становления и развития российской избирательной системы были предметом исследования многих российских и зарубежных ученых. Так, к анализу и оценке избирательной системы как способу сменяемости выборных лиц государственной власти

обращались не только юристы, но и философы, политологи, социологи, а также представители других областей научных знаний.

Так, например, В.Я. Гельман, В.Л. Шейнис, И.С. Яргомский и И.С. Яжборовский показали степень воздействия тех или иных электоральных формул на партийно-политическую систему общества, отметив при этом, что мажоритарная избирательная система меньше всего влияет на развитие многопартийности в государствах с развивающейся демократией.

Становлению региональных избирательных систем и их правовой регламентации были посвящены научные изыскания П.И. Гаркуши, Е.П. Добровиной, М.Л. Луговского и А.В. Пономелкова.

Сравнительно-правовому анализу и классификации избирательных систем посвятили свои труды С.А. Авакьян, Ю.А. Веденеев, В.И. Лысенко, А.Е. Постников и др.

Политико-правовой статус таких понятий, как избирательное право, избирательная система и избирательный процесс, был предметом исследования А.С. Автомонова, М.В. Баглая, А.А. Вешнякова, С.Д. Князева и О.Е. Кутафина.

Еще раньше, в период советской истории, к общетеоретическим и методологическим аспектам обращались известные советские ученые Д.Л. Златопольский, И.П. Ильинский, В.М. Сафронова и Б.В. Щетинин.

К вышеупомянутой теме обращались не только отечественные ученые, но и зарубежные исследователи, в первую очередь, Дж. Хоган, Э. Лейкман, А. Липхарт, М. Дюверже и Дж. Сартори.

Отдельные элементы избирательной системы, такие как заградительный барьер, панаширование и преференциальное голосование, были предметом пристального внимания таких зарубежных ученых, как Р. Катца, Д. Ривома, М. Шугарта и др.

Все это свидетельствует о том, что избирательная система и близкие к ней категории в нашем государстве и за рубежом на протяжении десятилетий были и остаются в поле зрения ученых разных областей научных знаний.

Ознакомление с трудами вышеупомянутых и других ученых и специалистов в области избирательного права и процесса свидетельствует о том, что большинство научных изысканий в рассматриваемой сфере общественных отношений использовали историко-политические и теоретико-правовые подходы. Бесспорная значимость этих трудов заключается в том, что они по праву могут считаться очередной отправной точкой для новых научных изысканий.

Однако многие принципиальные вопросы юридической стороны избирательных отношений остаются дискуссионными. Например, до сих пор остаются весьма противоречивыми взгляды на сущностные характеристики таких понятий, как избирательная система, избирательный процесс и избирательное право. Поскольку на этот счет мы уже высказывали свои мнения и суждения [1, с. 6–34], то в настоящей статье мы остановимся на правовой основе избирательной системы и правовых нормах, регламентирующих порядок выборов депутатов нижней палаты российского парламента.

Основополагающим документом в регулировании избирательных прав граждан по праву можно считать Конституцию Российской Федерации, хотя она и не содержит специального раздела под названием «Избирательная система», который был в прежней Конституции РСФСР 1978 г. Игнорирование принципов избирательного права и отсутствие

главы об избирательной системе, по мнению А.Е. Постникова, не способствовали определению четких ориентиров избирательной реформы, приоритетным направлением которой являлось воссоздание на новых принципах всего избирательного законодательства в Российской Федерации [2, с. 48–49]. Однако это обстоятельство не помешало начать воссоздание новой российской избирательной системы. Так, например, формирование депутатского корпуса первого созыва Государственной Думы прошло на основании норм Указа Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [3]. Утвержденное этим указом «Положение о выборах депутатов Государственной Думы» заложило основы принципиально новой смешанной избирательной основы, согласно которой парламент формировался из 225 депутатов, избираемых в одномандатных избирательных округах на основе мажоритарной системы относительного большинства, и из 225 депутатов, избираемых на основе системы пропорционального представительства по общефедеральному избирательному округу с 5 % заградительным барьером. Выборы депутатов Государственной Думы были проведены одновременно с всенародным голосованием по проекту Конституции Российской Федерации 1993 г.

Таким образом, выборы в 1993 г. депутатов российского парламента первого созыва прошли на основании указов главы государства и инструкций Центральной избирательной комиссии РФ. Однако следующая избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы второго созыва уже опиралась на достаточно сформированную правовую основу избирательного законодательства: Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [4] и Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5]. Если первый закон закреплял гарантии избирательных прав граждан при проведении выборов любого уровня, определял систему избирательных комиссий и полномочия их членов, а также порядок проведения итогов голосования, то второй закон не только закреплял на общенациональном уровне смешанную избирательную систему по выборам депутатов российского парламента, но и детализировал многие избирательные

процедуры. По сути, как отмечал бывший председатель ЦИК РФ А.А. Вешняков, они стали результатом компромисса между Президентом и региональными лидерами, заседавшими в Совете Федерации, и лидерами политических партий, заседавшими в Государственной Думе [6, с. 95]. Здесь уместно заметить, что формирование депутатского корпуса второго созыва хотя и осуществлялось в рамках вышеупомянутых законов, но мало чем отличалось от прежней электоральной формулы: та же смешанная избирательная система с тем же заградительным барьером, за исключением одной коррективы. Был изменен порядок размещения кандидатов в списках общественных объединений и блоков. Таким образом, как отмечал А.Е. Постников, сокращение численности центральной части федерального списка до 12 кандидатов позволило несколько сместить центр тяжести избирательной компании в регионы и отчасти создать зависимость результатов голосования от поддержки кандидатов в депутаты на местах [7, с. 108]. Другим нововведением стало ужесточение требований к процессу выдвижения и регистрации кандидатов. Так, для регистрации кандидата по одномандатному избирательному округу требовалось собрать подписи избирателей этого округа не менее одного процента, а выдвижение от избирательного объединения или блока – не менее 200 тыс. подписей. Таким образом, количество подписей избирателей увеличилось в два раза и существенно затруднило регистрацию кандидатов, не имеющих ресурсов для их сбора.

Отличительной особенностью проведения выборов депутатов Государственной Думы стало и то, что широкое распространение получила судебная форма разрешения избирательных споров, поскольку закон не только закреплял избирательные права граждан, но и правовой механизм их защиты.

Несмотря на сформированную правовую основу к выборам депутатов Государственной Думы второго созыва, избирательные процедуры, прописанные в вышеупомянутых законах, по мнению ученых и участников избирательного процесса, в своем содержании имели массу пробелов и юридико-технических погрешностей. В частности, участниками избирательного процесса было обращено внимание законодателя на несовершенство механизма по использованию денежных средств избирательными объединениями и

блоками, основания признания выборов недействительными, установление юридической ответственности за уголовные деяния и административные деликты в сфере избирательных отношений.

Все это дало повод и основание к очередному реформированию только что сформированного избирательного законодательства. Таким образом, к третьему электоральному циклу избирательная система Российской Федерации подошла со значительно обновленной правовой основой.

Новая редакция закона о выборах депутатов российского парламента не только восполнила очевидные пробелы в избирательно законодательстве, но и отразила в своем содержании все гарантийные нормы Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В частности, в законе были закреплены принципы обязательности и периодичности проведения выборов, а также прописаны избирательные цензы, правовые гарантии и механизмы гражданского контроля за деятельностью властных структур и избирательных комиссий всех уровней. Реформирование избирательного законодательства потребовало внесение изменений и дополнений и в другие отрасли права, в первую очередь, административное, гражданско-процессуальное, а также отдельные законодательные акты, например, в Федеральный закон «Об общественных объединениях». Кроме этого, был определен точный день голосования: им стало первое воскресенье после четырехлетнего голосования на предыдущих общих выборах в российский парламент. В законе также были перечислены избирательные права граждан и конкретизирован статус избирателя. Таковым мог быть только гражданин Российской Федерации, который постоянно или преимущественно проживал на территории соответствующего одномандатного избирательного округа.

Еще категоричнее были прописаны принципы образования одномандатных избирательных округов. Согласно ст. 12 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы...», предусматривалось отклонение от средней нормы представительства не более чем на 10 %, вследствие этого количество избирателей в одномандатных округах в абсолютных цифрах расходилось в пределах не более 50 тыс. человек.

Не менее важной новеллой закона стала предписанная в нем процедура проверки подписей избирателей и признание их недействительными и недостоверными. Кроме этого, в практику был введен избирательный залог для регистрации кандидата, списка кандидатов как альтернатива подписям избирателей.

Значительное место в законе о выборах депутатов Государственной Думы было посвящено такой стадии избирательного процесса, как предвыборная агитация.

Таким образом, закрепленные в законе правила и процедуры позволили провести очередную избирательную кампанию в нижнюю палату российского парламента не только в соответствии с общепризнанными международными стандартами, но и на существенно реформированной правовой основе.

Законодателем за основу электоральной формулы была взята, как отмечал Ю.А. Веденеев, несмешанная избирательная система, для которой характерны пересечения и взаимный баланс элементов мажоритарного и пропорционального принципов представительства в выборных государственных органах, а дуалистическая система, механически объединяющая на принципе автономного существования двух классических систем [8, с. 208]. Хотя ради справедливости надо отметить, эта система имеет значительное число разновидностей, которые позволяют добиваться специфических электоральных успехов.

Четыре электоральных цикла (1993, 1995, 1999 и 2003 гг.) показали как сильные, так и слабые стороны используемой электоральной формулы. Анализ и оценка применяемой избирательной системы показали, что партийно-политическая система государства в значительной степени зависит не только от волеизъявления граждан, но и от электоральной формулы, применяемой на выборах.

К сожалению, как уже ранее нами отмечалось, применявшаяся смешанная электоральная формула была далека от своего совершенства и обосновано вызвала справедливую критику у значительного числа участников избирательного процесса, в том числе и наблюдателей ОБСЕ. Было очевидно, что используемая избирательная система почти не стимулировала развитие политической системы российского общества. Эти и другие причины побудили Президента РФ внести проект нового федерального закона о выборах депутатов Государственной Думы, который

предусматривал переход со следующего электорального цикла к пропорциональной избирательной системе, которая предусматривала соперничество между списками различных политических партий. Два последующих электоральных цикла показали, что пропорциональная избирательная система, как отмечает Г.И. Комарова, хотя и имеет ряд определенных плюсов и преимуществ, была введена в России слишком рано с момента начала построения демократического государства [9, с. 116–117].

Таким образом, к очередному электоральному циклу Президентом РФ вновь был внесен проект федерального закона о выборах депутатов Государственной Думы по той же смешанной абсолютной несвязанной избирательной системе с тем же заградительным барьером в 5 % и рядом незначительных инноваций, в частности, освобождением от сбора подписей избирателей кандидатами тех партий, которые были допущены к распределению депутатских мандатов на предыдущих выборах или получивших на предыдущих выборах 3 % и более голосов, а также партий, получивших хотя бы один или два мандата по пропорциональной системе.

Общеизвестно, что международные избирательные стандарты призывают демократические государства к созданию стабильных электоральных формул. Однако, как свидетельствует законотворческая деятельность, российское избирательное законодательство с известным постоянством склонно к бесконечному «совершенствованию». Так, например, только за период с 2016 г. по настоящее время в действующее избирательное законодательство внесено около 20 изменений и дополнений, а самое удивительное, часть из них внесены буквально за несколько месяцев до старта очередной избирательной кампании 2021 г.

Отдельные поправки инновационного характера вызвали большую дискуссию среди участников избирательного процесса, в частности, новеллы, касающиеся ограничения пассивного избирательного права отдельных категорий граждан, введения многодневного голосования, а также предвыборной агитации.

Прошедшая избирательная кампания (осень 2021 г.) в очередной раз показала не только несовершенство электоральной формулы в целом, но и очевидные пробелы в избирательном законодательстве, в первую очередь касающиеся таких избирательных

процедур, как введение в Москве в качестве эксперимента дистанционного электронного голосования, создание цифровых избирательных участков в Москве и других субъектах Российской Федерации, нарезки одномандатных избирательных округов на федеральной территории «Сириус».

Анализ и оценка генезиса и развития российской избирательной системы как одного из институтов избирательного права за период трех десятилетий (с 1993 г. по наше время) свидетельствуют о нестабильности избирательного законодательства в целом, постоянной смене электоральных формул (от смешанной к пропорциональной и обратно к смешанной) и о несовершенстве нынешней несвязанной электоральной формулы.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что введенная в октябре 1993 г. избирательная система принципиально отличается от всех электоральных формул советского периода нашей истории. При всех своих недостатках используемые избирательные

системы позволили российскому государству структурировать депутатский корпус нижней палаты российского парламента, придать определенный импульс партийному строительству в целом, а также существенно обновить демократическим путем партийно-политическую систему российского общества. Вместе с этим надо признать, что нынешняя избирательная система в очередной раз нуждается в устранении правовых пробелов, в изъятии норм, нарушающих в той или иной степени избирательные права и законные интересы граждан, в том числе признанные несоответствующими Конституции Российской Федерации. В конечном счете, избирательная система и ее правовая основа должны не только в полной мере соответствовать международным избирательным стандартам, но и со всей очевидностью гарантировать и защищать избирательные права и законные интересы всех граждан в сфере избирательных отношений.

Литература

1. Мясников А.П. Избирательные системы: становление и развитие: монография. Ростов н/Д, 2003.
2. Постников А.Е. Мажоритарная и пропорциональная избирательные системы: плюсы и минусы // Народный депутат 1993. № 12.
3. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
4. Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.
5. Собрание законодательства РФ. 1995. № 26. Ст. 2998.
6. Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. М., 1997.
7. Постников А.Е. Избирательное право России. М., 1996.
8. Веденеев Ю.А. Понятие избирательного права // Введение в избирательное право: учебное пособие. М., 2003.
9. Комарова Г.И. Пропорциональная избирательная система как способ формирования высшего законодательного органа страны: из опыта российского парламентаризма // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39).

Bibliography

1. Myasnikov A.P. Electoral systems: formation and development: monograph. Publishing House of the Russian State University, 2003.
2. Postnikov A.E. Majoritarian and proportional electoral systems: pros and cons // People's Deputy 1993. № 12.
3. A collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. № 39. Art. 3597.
4. Meeting of the legislation of the Russian Federation 1994. № 33. Art. 3406.
5. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1995. № 26. St. 2998.
6. Veshnyakov A.A. Electoral standards in international law and their implementation in the legislation of the Russian Federation. M., 1997.
7. Postnikov A.E. suffrage Russia: scientific. and educational edition. M., 1996.
8. Vedeneev Yu.A. The concept of electoral law // Introduction to Electoral Law: textbook. M., 2003.
9. Komarova G.I. Proportional electoral system as a way of forming the highest legislative body of the country: from the experience of Russian parliamentarism // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (39).

© 2021 г. Искалиев Равиль Гарифуллаевич,

доцент кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: isk74ravil@gmail.com

Пономаренко Александр Владимирович,

слушатель 2 факультета Академии управления МВД России.
E-mail: avp_19_avp@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭБИПК ОВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируется современная система организационно-структурного обеспечения подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Обозначается необходимость выработки научно обоснованных критериев, определяющих штатное построение подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел РФ, с учетом приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности данных подразделений.

Ключевые слова: экономическая безопасность, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, правоохранительные органы, приоритетные направления деятельности.

Iskaliev Ravil Garifullaeovich – Associate Professor, the Department of Operational-Search Activities, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Ponomarenko Aleksandr Vladimirovich – Student of the 2d Department of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

STATE OF ART OF THE ORGANIZATIONAL AND STRUCTURAL SUPPORT OF THE ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AND THE PROSPECTS OF ITS IMPROVEMENT

The article analyzes the modern system of the organizational and structural support of the economic security and anti-corruption units. The need of defining scientifically sound criteria determining internal formation of the economic security and anti-corruption units of the ministry of internal affairs of Russia considering the priority areas of operational and official activities of these units is expressed.

Keywords: economic security, economic security and anti-corruption units, law enforcement agencies, priority areas of activity.

В настоящее время перед органами внутренних дел стоит задача формирования и развития организационной структуры как средства целенаправленной координации усилий всех образующих элементов. Это создается путем воздействия количественных и качественных преобразований на деятельность структурных подразделений, в результате изменяются или уточняются задачи, стоящие перед подразделениями, и методы работы. В каждом отдельном случае для конкретного подразделения возникает необходимость в преобразовании организационно-штатного построения в поисках новых организационных решений [1, с. 23].

В МВД России Главное управление ЭБиПК является главным структурным подразделением центрального аппарата, «выполняет функции головного подразделения МВД России по обеспечению экономической безопасности государства, противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности»*. В составе ГУЭБиПК МВД России функционируют Управление организации ОРД подразделений ЭБиПК (Управление № 1), Управление организации проверочных мероприятий и реализации оперативной информации (Управление № 2), а также 4 отраслевых управления. На отраслевые управления возлагается организация ОРД и непосредственная

* Приказ МВД России от 16.03.2015 № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации».

борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности на приоритетных направлениях работы. К ним относятся: Управление «Р» – по борьбе с правонарушениями в сферах добычи, переработки и транспортировки природных ресурсов; Управление «П» – по борьбе с правонарушениями в сферах производства и потребительского рынка; Управление «Ф» – по борьбе с правонарушениями в сфере финансовой деятельности. До недавнего времени четвертым отраслевым управлением являлось Управление «Б», основной задачей которого являлась борьба с правонарушениями в сфере распределения и использования бюджетных средств. С 10 августа 2021 г. данное подразделение реорганизовано, в результате чего получило название Управление «К» – по противодействию преступлениям коррупционной направленности в области использования и распределения бюджетных денежных средств*.

Действующая организационно-штатная структура ГУЭБиПК МВД России оптимизирована и соответствует задачам осуществления комплексного анализа эффективности мер, принимаемых территориальными органами МВД России, их структурными подразделениями по реализации основных направлений государственной политики, отнесенных к компетенции Главного управления; мониторинга оперативной обстановки в установленной сфере деятельности, разработке мер по оперативному реагированию на ее изменение, а также подготовке проектов стратегических решений по вопросам, отнесенным к компетенции Главного управления, на основе проводимого анализа прогнозов изменения оперативной обстановки.

Также, по мнению Л.В. Мищенко и Н.А. Теплицына, подразделения ЭБиПК наделены оптимальным объемом полномочий, позволяющим успешно решать стоящие перед ними задачи [2, с. 219].

Аналогичной позиции придерживается Н.В. Макарейко, который отмечает, что наиболее обширными полномочиями по обеспечению экономической безопасности обладают органы внутренних дел [3, с. 136].

Преступность в сфере экономики – это сложное общественно опасное явление, ока-

зывающее значительное влияние на дестабилизацию банковской, внешнеэкономической, торговой и иной деятельности, наносящее огромный вред экономике страны в целом. Экономические преступления отличаются достаточно высокой степенью общественной опасности ввиду их крайне деструктивного влияния на состояние экономики страны в целом [4, с. 201].

Кроме этого, по мнению И.Б. Гетмана, внутриэкономические проблемы России осложнены дефицитом госбюджета, безработицей, экономическими санкциями в отношении России, увеличением объемов теневой экономики и другими негативными явлениями, характеризующими экономический спад [5, с. 62].

Сотрудники подразделений экономической безопасности работают в постоянно изменяющихся экономических условиях, что предъявляет повышенные требования к организационно-штатному обеспечению подразделений. Типовое положение о подразделении экономической безопасности и противодействия коррупции территориального органа МВД России на региональном уровне** не определяет структуру данных подразделений, обозначая лишь их основные задачи, функции и полномочия.

Правом утверждения организационной структуры и штатной численности подразделений ЭБиПК, в соответствии с п. 7 указанного Типового положения, наделен руководитель территориального органа внутренних дел МВД России. Этим объясняется, что при единых задачах, функциях и полномочиях структурное и штатное построение подразделений ЭБиПК в разных регионах значительно отличается.

Данные отличия характерны, в том числе, для распределения штатной численности среди аппаратов Управлений ЭБиПК и территориальных органов внутренних дел на районном уровне.

При этом объективные критерии для единообразного принятия подобных решений в настоящее время отсутствуют.

Рассмотрим штатное построение подразделений ЭБиПК на примере территориальных органов на региональном уровне в пределах Сибирского Федерального округа (табл.).

* Приказ МВД России от 08.06.2021 № 403 «Об организационно-штатных вопросах ГУЭБиПК МВД России».

** Утвержденное приказом МВД России от 06.06.2017 № 363.

**Штатное построение подразделений ЭБиПК
территориальных органов Сибирского Федерального округа**

Регион	Штат сотрудников ЭБиПК			Население региона (тыс.)
	Всего	УЭБиПК на региональном уровне	Тер. органы на районном уровне	
Новосибирская область	312	92 (29,5 %)	220 (70,5 %)	2 785,8
Республика Алтай	48	32 (66,5 %)	16 (33,5 %)	221,0
Алтайский край	263	108 (41 %)	155 (59 %)	2 296,4
Иркутская область	309	155 (50,2 %)	154 (49,8 %)	2 375,0
Республика Хакасия	83	36 (43,4 %)	47 (56,6 %)	532,0
Кемеровская область	306	116 (37,9 %)	190 (62,1 %)	2 633,4
Красноярский край	410	164 (40 %)	246 (60 %)	2 855,9
Омская область	285	150 (52,6 %)	135 (47,4 %)	1 903,7
Томская область	122	51 (41,8 %)	71 (58,2 %)	1 070,3
Республика Тыва	53	27 (51 %)	26 (49 %)	330,4

Из приведенных сведений наглядно виден дисбаланс как в части формирования подразделений ЭБиПК на региональном уровне, так и в части распределения штатной численности сотрудников внутри территориального органа МВД России.

Так, в Республике Алтай, Иркутской области, Омской области, Республике Тыве численность сотрудников аппаратов Управлений на региональном уровне составляет более половины от общей штатной численности подразделений ЭБиПК (в Республике Алтай – 66,5 %). В то же время в Новосибирской области численность Управления ЭБиПК составляет лишь 29,5 % от общей штатной численности подразделений.

Обращает на себя внимание различие общей штатной численности подразделений ЭБиПК в указанных регионах. В субъектах с населением более 2 млн человек

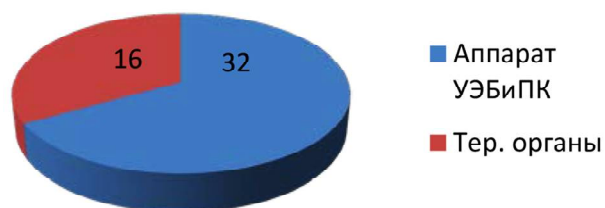
штатная численность составляет от 263 до 410 единиц.

Аналогично наблюдается диспропорция в двух субъектах Сибирского федерального округа – Новосибирской области и Красноярском крае, где при примерно одинаковом населении региона штатная численность подразделений ЭБиПК составляет 312 и 410 единиц соответственно.

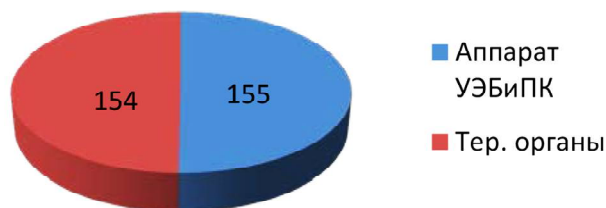
Безусловно, определение организационной структуры и штатной численности подразделений ЭБиПК руководителями территориальных органов МВД России на региональном уровне видится обоснованным ввиду специфики каждого региона (географическое расположение, уровень экономического развития, приоритетные для региона отрасли экономики).

Однако при этом считаем целесообразным выработку неких общих, понятных и

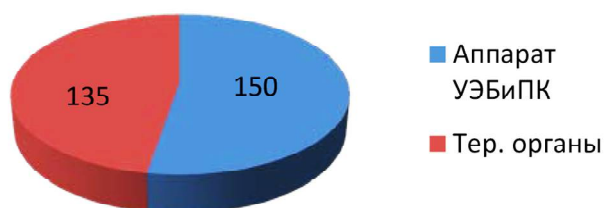
Республика Алтай (48)

Иркутская область (309)

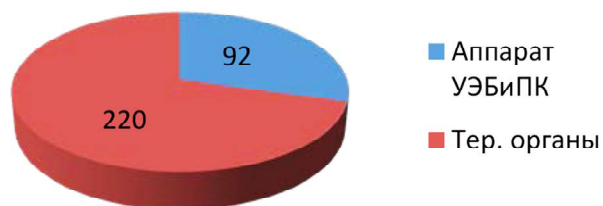
Омская область (285)

Республика Тыва (53)

Новосибирская обл. (312)

Кемеровская обл. (306)

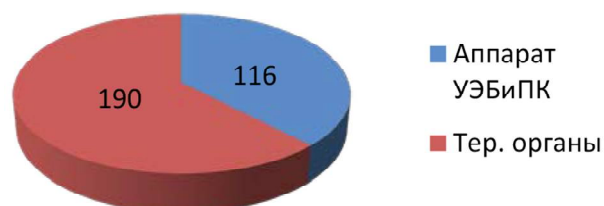

Рис. 1. Современное состояние организационно-структурного обеспечения подразделений ЭБиПК территориальных органов Сибирского Федерального округа

объективных критериев для организационно-штатного обеспечения подразделений экономического блока и на уровне МВД России. Подобными критериями в совокупности и при надлежащей научной проработке могли бы стать:

- уровень экономического развития региона;
- население региона;
- количество объектов оперативной заинтересованности;
- количество заявлений и обращений граждан (среднее значение за несколько лет);
- статистические показатели, характеризующие результативность обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции (среднее значение за несколько лет).

В этой связи согласимся с мнением А.В. Васева и Ю.А. Левиной, которые еще в 2012 г. предложили подготовить ведомственный нормативный правовой акт, который бы утвердил Инструкцию об организационно-штатном построении подразделений ЭБиПК, в которой были бы предусмотрены нормы положенности сотрудников ЭБиПК с учетом территориальных, географических, демографических и экономических особенностей региона [6, с. 34].

В обоснование актуальности выработки научно обоснованных критериев и акцентируя внимание на необходимости взвешенного подхода к формированию штатной численности отметим, что штатная численность подразделений ЭБиПК на региональном

уровне используется и в действующей системе оценки деятельности подразделений экономического блока*. Так, ежемесячно деятельность по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции оценивается по десяти статистическим критериям. В основе каждого из них лежит отношение достигнутого результата по тому или иному направлению работы к штатной численности подразделений ЭБиПК. Проводя дальнейший анализ современного состояния организационно-структурного обеспечения подразделений ЭБиПК, отметим, что также в отдельных регионах наблюдается различие и в использовании в штатных структурах подразделений должностей федеральных гражданских служащих и работников (рис. 1).

Так, в штатную структуру УЭБиПК ГУ МВД России по Красноярскому краю входят 13 должностей работников, в УЭБиПК ГУ МВД России по Иркутской области – 6 работников, в Омской области – 1 ФГГС и 4 работника, в Кемеровской области – 4 ФГГС и 1 работник. В Управлениях ЭБиПК по Новосибирской области, Алтайскому краю, Республике Хакасия, Томской области, Республике Тыве – по одному работнику или ФГГС.

Указанное обстоятельство также свидетельствует об отсутствии единых критериев организационно-штатного построения подразделений ЭБиПК, необходимости определения конкретных перечней должностей, отнесенных к категориям аттестованного состава, федеральных гражданских служащих и работников, указания конкретного должностного функционала для каждой из указанных категорий.

Наконец, наибольшие различия в организационном построении, обусловленные различной штатной численностью сотрудников, наглядно видны в самом организационном построении подразделений экономического блока. При этом налицо отсутствие единых критериев, определяющих сочетание линий обслуживания в рамках структурных подразделений.

Например, Управление ЭБиПК МВД по Республике Алтай состоит из 3 отделов, в рамках которых сформированы отделения, группы и

направления по противодействию конкретным видам экономической преступности.

1. Отдел **организации ОРД, зонального контроля и документальных исследований**:
– группа документальных исследований.

2. Отдел по борьбе с преступлениями **коррупционной направленности, подрыву экономических основ организованной преступности** и противодействию финансированию террористической и экстремистской деятельности:

– группа по противодействию финансированию террористической и экстремистской деятельности;

– группа по защите **бюджетных средств**.

3. Отдел по борьбе с преступлениями **на приоритетных для региона направлениях**:
– отделение по борьбе с преступлениями в **сфере налогообложения**;

– группа по борьбе с преступлениями в сфере **ЖКХ и строительства**;

– направление по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием **информационно-телекоммуникационных технологий**.

Для схожего по численности Управления ЭБиПК МВД по Республике Тыве характерно иное организационно-штатное построение. При наличии в структуре того же количества отделов (3), их функциональное назначение иное.

I. Отдел по борьбе с преступлениями **коррупционной направленности** и подрыву **экономических основ ОГиПС**:

– группа по противодействию финансирования террористической и экстремистской деятельности.

II. Отдел по борьбе с преступлениями в сферах **налогообложения** и защиты **бюджетных средств**:

– группа проведения документальных исследований и ревизий.

III. Отдел по борьбе с преступлениями **на приоритетных направлениях**:

– группа **организации ОРД и оперативно-справочных учетов**;

– направление по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием **информационно-телекоммуникационных технологий**

* Распоряжение МВД России от 12.09.2019 № 1/1552дсп «О системе изучения и оценки оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России на региональном уровне по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности».

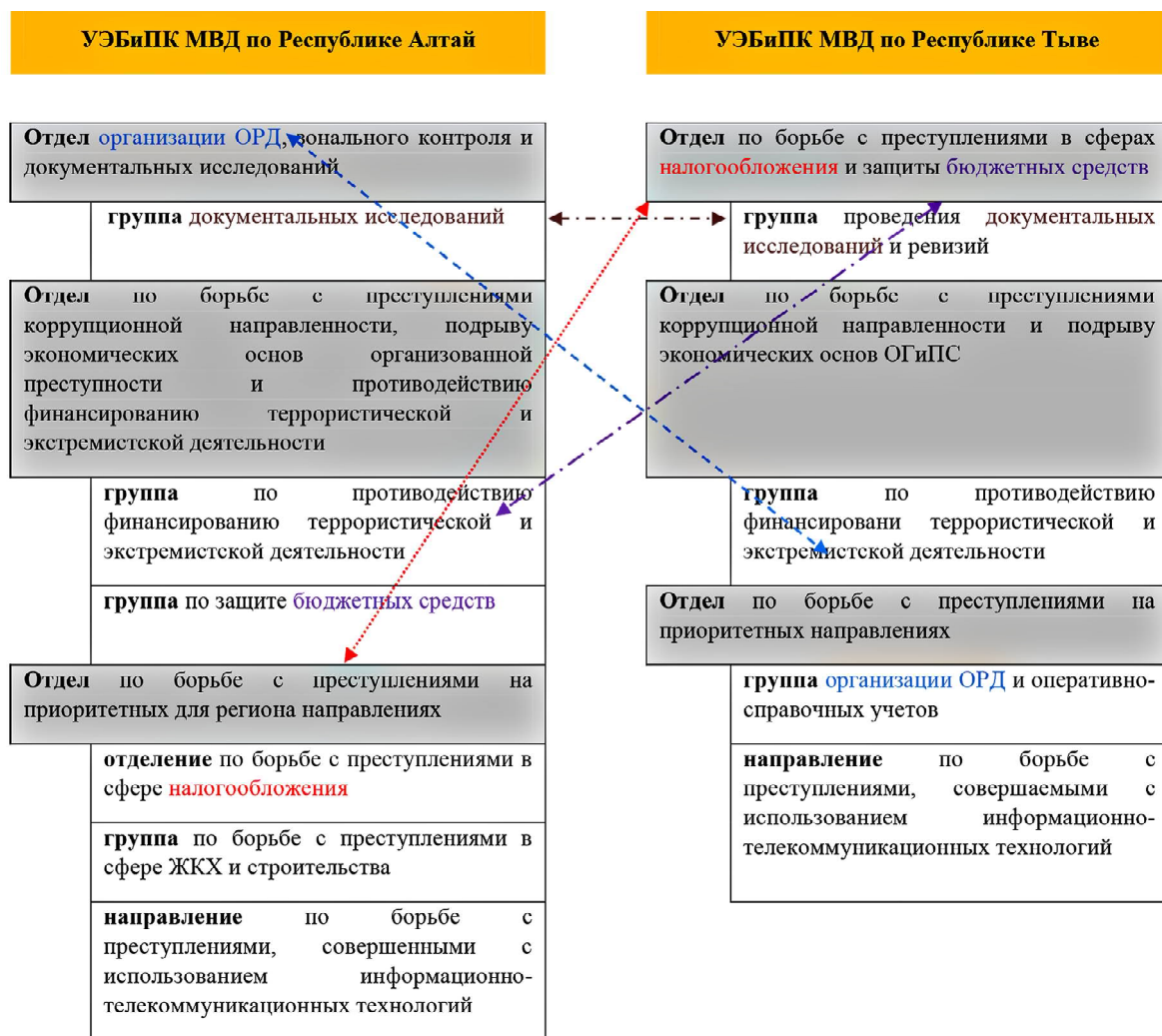

Рис. 2. Организационно-штатное построение подразделений ЭБиПК по Республике Алтай и Республике Тыве

Одновременно в структуре Управления ЭБиПК МВД по Республике Тыве, в отличие от Управления ЭБиПК МВД по Республике Алтай, в качестве самостоятельного структурного подразделения выделяется канцелярия.

В структурном построении Управлений экономической безопасности с большей штатной численностью по округу различия еще более очевидны.

Таким образом, можно сделать вывод, что при достаточно оптимизированной в настоящее время структуре Главного управления ЭБиПК МВД России организационно-структурное построение подразделений экономического блока на региональном уровне требует дальнейшей проработки и совершенствования.

При этом необходимо обратить внимание на возможность применения так называемых гибких организационных форм, позволяющих осуществлять оперативный маневр

силами и средствами в зависимости от изменения оперативной обстановки, определения новых приоритетных направлений деятельности [1, с. 24].

С этой целью необходимо выработать единые, объективные и научно обоснованные подходы к формированию штатного построения, что позволит руководителям территориальных органов внутренних дел на региональном уровне взвешенно подходить к решению вопросов организационно-структурного построения подразделений ЭБиПК, не допуская объединения отдельных сотрудников в структурные подразделения (отделения, группы) без достаточных к тому оснований, по весьма надуманным предложениям, путем простого сложения направлений (линий) работы, отраслей и даже сфер экономики, зачастую не имеющих тесных экономических взаимосвязей.

Литература

1. Анисимов А.П. Оптимизация организационно-структурного обеспечения штабной функции в территориальных органах МВД России на региональном уровне // Отечественная юриспруденция. 2017. № 2 (16).

2. Мищенко Л.В., Телицын Н.А. К вопросу об оптимизации организации деятельности подразделений ЭБиПК по проверке заявлений (сообщений) о преступлениях экономической и коррупционной направленности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).

3. Макарейко Н.В. Полиция как субъект обеспечения экономической безопасности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23.

4. Кузнецова Е.И., Филатова И.В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3.

5. Гетман И.Б. Роль полиции в обеспечении экономической безопасности России // Современное общество и власть. 2017. № 2 (12).

6. Васев А.В., Левина Ю.А. Актуальные проблемы организации оперативно-розыскной деятельности территориальных подразделений экономической безопасности МВД России по линии борьбы с коррупцией и пути их решения // Труды Академии управления МВД России. М., 2012. № 3 (23).

Bibliography

1. Anisimov A.P. Optimization of organizational and structural support of the staff function in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level // Domestic jurisprudence. 2017. № 2 (16).

2. Mishchenko L.V., Telitsyn N.A. On the issue of optimizing the organization of the activities of EBS&PK subdivisions for verifying statements (messages) about crimes of economic and corruption orientation // Bulletin of the N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (44).

3. Makareiko N.V. Police as a subject of ensuring economic security // Bulletin of the N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 23.

4. Kuznetsova E.I., Filatova I.V. Economic crime and its impact on economic security // Bulletin of economic security. 2017. № 3.

5. Getman I.B. The role of the police in ensuring the economic security of Russia // Modern society and power. 2017. № 2 (12).

6. Vasev A.V., Levina Yu.A. Actual problems of organizing operational-search activities of territorial units of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the fight against corruption and ways to solve them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2012. № 3 (23).

© 2021 г. Михайлов Станислав Владимирович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.
E-mail: bk@spark-mail.ru

Шпак Андрей Викторович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: a161aa161@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ РЕПАТРИАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению аспектов правового регулирования административной ответственности за неисполнение обязанности репатриации. Рассмотрены примеры применения данного вида ответственности в компаративизме с ранее действующим законодательством. Отдельное внимание уделено практике правоприменения ст. 15.25 КоАП РФ.

Ключевые слова: репатриация, административная ответственность, санкции, предупреждение, штраф.

Mikhailov Stanislav Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law.

Shpak Andrey Viktorovich – Associate Professor, the Department of Civil and Law Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

RESPONSIBILITY FOR FAILURE TO FULFILL THE OBLIGATION OF REPATRIATION

The article is devoted to the consideration of aspects of legal regulation of administrative responsibility for failure to fulfill the obligation to repatriate. The examples of the application of this type of responsibility in comparative terms with the previous legislation are considered. Special attention is paid to the practice of law enforcement of Art. 15.25 Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: repatriation, administrative responsibility, sanctions, warning, fine.

В статью 15.25 КоАП РФ, устанавливающую ответственность за нарушения валютного законодательства, годом ранее двумя законами внесены значительные поправки. Они касаются всех ее основных составов. Есть как смягчающие ответственность нововведения, так и негативные. Объем статьи вырос, затронута и ее структура. Наиболее существенные изменения затронули составы нарушений, связанные с репатриацией, т. е. с обязанностью резидентов зачислить на свои счета в уполномоченных банках выручку и возвраты денежных средств по внешнеторговым договорам и договорам займа с нерезидентами. Таким образом, целью написания настоящей статьи является исследование аспектов правового регулирования административной ответственности за неисполнение обязанности репатриации, предусмотренные ст. 15.25 КоАП РФ.

Поправки внесены Федеральными законами от 01.04.2020 № 72-ФЗ «О внесении изменений в ст. 15.25 и 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (принят в одном пакете с

Федеральным законом № 73-ФЗ от той же даты, которым внесены смежные поправки в УК РФ); от 20.07.2020 № 218-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

В новую ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ выделен состав нарушения на сумму свыше 100 млн руб.

Одновременно приняты поправки в ч. 1 ст. 193 УК РФ. К уголовной ответственности за неисполнение обязанности репатриации, если речь не идет об особо крупном размере, может быть привлечено только лицо, подвергнутое административному наказанию по ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ. Пороговая сумма деяния, признаваемого преступлением, повышена до 100 млн руб., ранее она составляла 9 млн руб.

Для особо крупного размера деяния (ч. 2 ст. 193 УК РФ) условие о предварительном привлечении к административной ответственности не установлено. Но пороговая сумма особо крупного размера также увеличена и составляет 150 млн руб. (ранее – 45 млн руб.).

Таким образом, в отдельный состав в ст. 15.25 КоАП РФ выделены нарушения, по которым возможна последующая уголовная ответственность физлиц по ч. 1 ст. 193 УК РФ после «предупредительной» меры в виде административного штрафа.

Для организаций и предпринимателей за нарушения, выделенные в ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ, сохранена прежняя ответственность: штраф в размере от 75 до 100 % суммы денежных средств либо штраф, исчисляемый в зависимости от количества дней просрочки.

Для должностных лиц по таким составам нарушений ужесточена административная ответственность:

- штраф увеличен и составляет от 40 до 50 тыс. руб.;

- вместо штрафа может быть сразу применена дисквалификация на срок от шести месяцев до трех лет.

Для должностных лиц по базовым составам нарушений на сумму до 100 млн руб. установлена административная ответственность:

- штраф – от 20 тыс. до 30 тыс. руб.;

- дисквалификация – если лицо ранее было подвергнуто административному наказанию за аналогичное правонарушение.

Ответственность по ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ не будет применяться, если просрочка в исполнении обязанности репатриации составила до 45 дней.

Дела о таких правонарушениях, как и ранее дела по ч. 5.1 ст. 15.25 КоАП РФ, отнесены к рассмотрению судьями. Иными словами, постановление о привлечении к ответственности теперь должно выноситься не налоговым или таможенным органом, а судом. При этом законом не внесены изменения в норму с перечнем дел, рассматриваемых арбитражными судами (ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). А значит, пока не будут внесены соответствующие поправки, дела о привлечении к ответственности организаций и предпринимателей формально подлежат рассмотрению мировыми судьями или, если будет производиться административное расследование, судьями районных судов. Из-за этого данное изменение, изначально имевшее целью защиту привлекаемых к ответственности лиц, приходится оценить как негативное: споры по самым крупным суммам нарушений с наиболее крупными (конфискационными) штрафами могут выпасть из компетенции арбитражных судов.

В отношении нарушений обязанности репатриации на меньшую сумму ответственность смягчена: введено наказание в виде предупреждения, штрафы снижены, дифференцированы их размеры.

Вводится дополнительный вид санкции в виде предупреждения для всех видов нарушений обязанности репатриации на сумму до 100 млн руб. (кроме нарушений профессиональных участников ВЭД по импортным договорам).

Одновременно уточнено, что дисквалификация для должностных лиц за повторные нарушения (ч. 5.1 ст. 15.25 КоАП РФ) будет применяться, только если за предыдущее нарушение на должностное лицо был наложен штраф, а не предупреждение.

По общим правилам ст. 3.4 КоАП РФ наказание в виде предупреждения может быть применено лишь при выполнении следующих условий: совершение правонарушения впервые, отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда, отсутствие имущественного ущерба.

Ранее нормы об административной ответственности за неисполнение репатриации предусматривали в качестве санкции только штраф. Возможность его замены на предупреждение была лишь в порядке ст. 4.1.1 КоАП РФ для субъектов малого и среднего предпринимательства (при соблюдении общих условий для данного вида санкции), но на практике органы валютного контроля не применяли эту норму. Более того, они нередко указывали, что предупреждение неприменимо к нарушениям валютного законодательства, поскольку такие нарушения несут угрозу причинения вреда экономической безопасности государства. Лишь в судах изредка удавалось обосновать возможность замены штрафа на предупреждение.

Изменение позитивное с точки зрения того, что санкция в виде предупреждения прямо предусмотрена в нормах об ответственности за нерепатриацию и довод о том, что предупреждение вообще неприменимо к таким нарушениям, больше не может заявляться.

Однако практика, как и прежде, может пойти по пути использования предупреждения лишь в исключительных случаях при оспаривании штрафов в суде, т. к. органы валютного контроля крайне неохотно применяют любые нормы КоАП РФ, позволяющие снизить или отменить штраф. Поэтому при

обосновании возможности применения предупреждения по-прежнему желательно не только доказывание выполнения общих условий ст. 3.4 КоАП РФ, но и всех возможных смягчающих и исключительных обстоятельств.

Размер штрафов за нарушения обязанности репатриации на сумму до 100 млн руб. существенно снижен. По общему правилу штрафы, если средства не зачислены, составляют:

- от 5 до 30 % суммы нарушения – по внешнеторговым договорам, предусматривающим оплату в иностранной валюте, а также по договорам займа (в рублях и иностранной валюте);

- от 3 до 10 % – по внешнеторговым договорам, заключенным и исполняемым в рублях.

Ответственность не будет применяться при выполнении одного из условий:

- сумма обязательств по внешнеторговому экспортному договору не превышает в эквиваленте 200 тыс. руб. Освобождение от ответственности в случаях, когда сумма обязательств по внешнеторговому экспортному договору не превышает в эквиваленте 200 тыс. руб., неприменимо к договорам займа, импортным внешнеторговым договорам, а также нарушениям профучастников ВЭД (в том числе по экспортным договорам) и повторным нарушениям обязанности репатриации должностными лицами;

- обязанность выполнена с просрочкой до 45 дней. Освобождение распространяется на все типы ситуаций и не применяется лишь к случаям повторного нарушения правил репатриации должностными лицами;

- денежные средства зачислены от самого резидента – с его зарубежного банковского счета, если на него своевременно поступила выручка по внешнеторговому договору и резидент перечислил ее на счет в уполномоченном банке в течение 45 дней. Это освобождение применяется к ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ, а также к ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ (штрафы за незаконные зачисления на зарубежный счет) и имеет наибольшее значение для зарубежных филиалов и представительств российских организаций.

Установлен сниженный штраф от 3 до 5 %, если резидент включен в перечень профучастников ВЭД (новые ч. 4.2 и 5.3 ст. 15.25 КоАП РФ). Эти размеры штрафов относятся только к внешнеторговым договорам, но не к займам.

К должностным лицам таких резидентов при повторном нарушении не будет применяться дисквалификация по ч. 5.1 ст. 15.25 КоАП РФ.

Для профучастников не предусмотрен штраф из расчета за каждый день просрочки, когда обязанность выполнена, но несвоевременно. При длительной просрочке такой штраф может быть больше, чем 3–5 %, тогда это может рассматриваться как дополнительное смягчение ответственности. Однако при небольшой просрочке (даже с учетом льготного периода 45 дней) и низкой ключевой ставке такой штраф мог бы быть меньше 3–5 %.

Альтернативное прочтение новых норм предполагает, что для профучастников вообще не установлена ответственность за зачисление денежных средств с задержкой. Но, исходя из буквальных формулировок, при просрочке зачисления состав правонарушения формально есть. Об этом говорит и практика контролирующих органов, которые в 2000-х гг., когда штрафы за каждый день просрочки еще не были предусмотрены ст. 15.25 КоАП РФ, при зачислении денежных средств с задержкой налагали общий штраф на основании формулировок санкций, аналогичных тем, что в настоящее время закреплены в нормах об ответственности профучастников.

К нарушениям профучастников неприменимо освобождение от ответственности, если сумма обязательств по договору не превышает 200 тыс. руб.

Для нарушений профучастников по импортным договорам (ч. 5.3 ст. 15.25 КоАП РФ) также не установлена возможность наказания в виде предупреждения и не прописана ответственность должностных лиц, тогда как для базового состава нарушений по импортным договорам и для нарушений профучастников по экспортным договорам такие санкции предусмотрены.

Диспозиция состава при сумме нерепатрированных средств свыше 100 млн руб. (ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ) сформулирована через отсылку к базовым составам, но в нее не добавлена ссылка на ч. 5.3 той же статьи – невозврат предоплаты профучастнику. До вероятного устранения этого несоответствия при совершении таких правонарушений должен применяться пониженный штраф по ч. 5.3 ст. 15.25 КоАП РФ, а не конфискационный штраф в размере 75–100 % от суммы незачисленных средств.

Перечень профучастников ВЭД утвержден в порядке, установленном Правительством РФ по согласованию с ЦБ РФ [1, пп «в» п. 6 ч. 1 ст. 1]. С 1 января 2021 г. уполномоченной организацией на утверждение перечня профессиональных участников внешнеэкономической деятельности является акционерное общество «Российский экспортный центр».

Введена ответственность граждан за нарушение правил репатриации. Уточнения внесены в базовый состав, касающийся неполучения выручки и неполучения средств от заемщика (ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ). Это связано с тем, что физические лица обязаны обеспечить репатриацию средств при предоставлении займов нерезидентам. В составе, касающемся возврата предоплаты (ч. 5 ст. 15.25 КоАП РФ), граждане по-прежнему не упоминаются.

Целью внесения поправок было введение ответственности за нерепатриацию по займам [2]. Однако налоговое ведомство однажды высказывало позицию, что физлица обязаны репатриировать выручку [3]. В письме ФНС России от 10.08.2020 № ВД-4-17/12881@ также не указано, что поправки об ответственности граждан за нерепатриацию применяются только в отношении договоров займа. Поэтому у физлиц помимо ответственности за непоступление средств от заемщиков появляется и риск привлечения к ответственности за нерепатриацию выручки, в частности за оказанные нерезиденту услуги.

Штрафы для физлиц такие же, как сниженные штрафы для организаций и предпринимателей: в размере от 5 до 30 % сумм, не зачисленных по договору займа, либо в размере, исчисляемом в зависимости от количества дней просрочки. На граждан не распространяется повышенная ответственность при нарушении на сумму свыше 100 млн руб.

С 2020 г. частично или полностью отменена обязанность репатриации по большей части экспортных внешнеторговых договоров, заключенных и исполняемых в рублях. Вместо нее установлена обязанность резидентов обеспечить исполнение или прекращение обязательств по таким договорам способами, разрешенными законом [4, ч. 4 ст. 2].

Введена новая ч. 4.3 ст. 15.25 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за неисполнение этой обязанности. Такой ответственностью будет предупреждение или штраф в размере 5–30 % от причитающихся

сумм для организаций и предпринимателей и в размере от 20 тыс. до 30 тыс. руб. для должностных лиц.

Штраф за нарушение новой обязанности выше, чем за неисполнение обязанности репатриации, когда она по таким договорам сохраняется. Он равен штрафу за неисполнение обязанности репатриации по договорам в иностранной валюте, а не по рублевым договорам. Также штраф 5–30 % предусмотрен и для профучастников ВЭД, на что прямо указано в законе, тогда как за нарушение обязанности репатриации штрафы для них ниже (3–5 %). Основание таких различий неясно.

Как и в составах для профучастников, не предусмотрен пониженный штраф исходя из количества дней просрочки для случаев, когда обязанность все же выполнена, хотя и несвоевременно. Вместе с тем, как и по составам о неисполнении обязанности репатриации, ответственность не будет применяться при просрочке до 45 дней.

Нельзя не задаться вопросом, в чем смысл вменения резидентам обязанности исполнения или прекращения обязательств иными способами, учитывая, что она не обеспечивает тех экономических целей, на которые направлена репатриация. Фактически обязанность репатриации по соответствующим договорам заменена иной обязанностью с такой же необходимостью представления в банки документов и информации и даже с большими штрафами. Очевидно, что это не является полноценной отменой обязанности репатриации по таким договорам: необходимость зачисления денежных средств отменена, но административная нагрузка сохранилась.

В целом, несмотря на отдельные негативные изменения, в особенности для граждан, нельзя не поддержать общее смягчение ответственности за неисполнение обязанности репатриации. Снижение размеров штрафов давно назрело и ожидалось участниками ВЭД. Учитывая долгую историю правоприменительной, нередко печальной, практики по соответствующим спорам, такие изменения можно рассматривать как революционные. Благодаря им многие резиденты получили возможность уменьшения штрафа либо освобождения от административной ответственности.

Однако следует отметить неудачную юридическую технику ст. 15.25 КоАП РФ в текущей редакции. Теперь в ней пять частей,

относящихся к ответственности организаций за репатриацию (ч. 4; 4.2; 5; 5.2; 5.3), но они расположены не подряд, а нормы об ответственности профучастников ВЭД – даже не симметрично (ч. 4.2 и 5.3). Между ними находится отдельная норма о дисквалификации должностных лиц (ч. 5.1) и еще две части с нормами об ответственности за неисполнение других обязанностей (ч. 4.1 и 4.3 – обязанность получения валюты РФ в доле, определяемой Правительством РФ, и обязанность по исполнению или прекращению обязательств по договору). Найти внутреннюю логику расположения этих норм затруднительно.

Ряд противоречий в нормах в текущей редакции также вызывает сомнения, отражают

ли они сознательные цели законодателя или дефекты юридической техники. Противоречия подходов к схожим нарушениям вряд ли могут быть признаны оправданными.

Надо признать, что в условиях, когда обоснованность многих валютных ограничений и так под большим вопросом, конструкция норм ст. 15.25 КоАП РФ об ответственности становится все запутаннее. Это требует от привлекаемых к ответственности лиц правильного определения всех обстоятельств дела и проработки правовой позиции на самых ранних этапах привлечения к ответственности. По-прежнему актуальным остается принятие необходимых мер по предупреждению рисков еще на этапе заключения и исполнения договоров с нерезидентами.

Литература

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4859.
2. URL: <http://government.ru>.
3. URL: <https://www.nalog.ru>.
4. Федеральный закон от 02.08.2019 № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в части либерализации ограничений на совершение валютных операций резидентами с использованием счетов (вкладов), открытых в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и репатриации денежных средств» // СЗ РФ. 05.08.2019. № 31. Ст. 4424.

Bibliography

1. Federal Law № 173-FL of 10.12.2003 «On Currency regulation and Currency control» // SZ RF. 15.12.2003. № 50. St. 4859.
2. URL: <http://government.ru>.
3. URL: <https://www.nalog.ru>.
4. Federal Law № 265-FL dated 02.08.2019 «On Amendments to the Federal Law «On Currency Regulation and Currency Control» regarding the liberalization of restrictions on Foreign Exchange Transactions by Residents using accounts (Deposits) Opened in Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation and the Repatriation of Funds» // SZ RF. 05.08.2019. № 31. St. 4424.

© 2021 г. Панасенко Вероника Николаевна,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления

МВД России кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: ver08nika@mail.ru

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Статья посвящена вопросам профилактики, осуществляемой в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП). По результатам обсуждения темы: «Развитие профилактического потенциала центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей» на заседании круглого стола по вопросам совершенствования законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних автор обозначает проблемные вопросы деятельности ЦВСНП, на которые стоит обратить пристальное внимание, в целях их проработки и устранения, практическим работникам, научным деятелям и законодателю. Помимо этого в статье предложен алгоритм профилактической работы, проводимой параллельно с несовершеннолетним и его окружением.

Ключевые слова: эффективность, профилактика, правонарушения, исправление, центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Panasenko Veronika Nikolaevna – Leading Researcher of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF TEMPORARY DETENTION CENTERS FOR JUVENILE OFFENDERS

The article is devoted to the issues of prevention carried out in the centers of temporary detention of juvenile offenders. Based on the results of the discussion of the topic: «Development of the preventive potential of temporary detention centers for juvenile offenders» at a round table meeting on improving legislation in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency, the author identifies problematic issues of the activities of the Central Administrative Board which should be paid close attention to in order to study and eliminate them, practitioners, scientists and legislators. In addition, the article proposes an algorithm for preventive work carried out in parallel with the minor and his entourage.

Keywords: efficiency, prevention, offences, correction, temporary detention center for juvenile offenders.

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП) являются одним из элементов системы профилактики. В настоящее время в Российской Федерации функционируют 77 ЦВСНП в 73 субъектах.

Одним из важнейших условий эффективности работы ЦВСНП выступает недопущение формального подхода субъектами профилактики к осуществлению своей деятельности. Главный риск формального подхода лежит в создании фиктивных свидетельств выполнения работы. Именно формализм является главным препятствием на пути достижения цели предупреждения правонарушений и преступлений, устранения причин девиантного поведения несовершеннолетних.

Причины совершения несовершеннолетними противоправных деяний многогранны и берут начало из разных сфер общества. Исходя из анализа причин, при осуществлении

профилактики девиантного поведения несовершеннолетних необходимо учитывать следующее:

- психического здоровья несовершеннолетнего;
- социум, в котором живет, воспитывается и обучается несовершеннолетний;
- благополучие семьи, условия жизни, взаимоотношения с родителями и другими членами семьи;
- условия воспитания и обучения в образовательной среде;
- окружение несовершеннолетнего в свободное время;
- наличие значимых лиц (авторитетов), влияющих на формирование личности несовершеннолетнего;
- наличие аддиктивных зависимостей у несовершеннолетнего (алкоголизма, наркомании, токсикомании и т. д.);
- психологические особенности и состояние несовершеннолетнего.

Исходя из изложенного, становится очевидным, что для устранения причин формирования девиантного поведения, достижения результата исправления несовершеннолетнего и осуществления профилактики предупреждения совершения им противоправных действий недостаточно усилий только лишь сотрудников полиции.

В настоящее время работа ЦВСНП сведена к временному изъятию несовершеннолетнего из «нездоровой» среды и оказанию на него воздействия в целях исправления. Следует понимать, что достижение цели окончательного исправления несовершеннолетнего за столь короткий срок маловероятно. Возвращаясь в прежнюю среду вероятность продолжения девиантного поведения приближена к 100 %. Это значит, что в период пребывания несовершеннолетнего в ЦВСНП и после необходимо проводить параллельную работу с его окружением.

В первую очередь целесообразно проведение поэтапной разъяснительной работы с родителями (законными представителями) и педагогическим коллективом образовательной организации (с классным руководителем, психологом, руководством организации), заключающейся в следующем:

- обозначение имеющейся проблемы;
- доведение выявленных причин и условий формирования девиантного поведения, которые необходимо устранить;
- предоставление алгоритма действий, направленных на устранение причин и условий формирования девиантного поведения;
- контроль за исполнением и эффективностью разработанного алгоритма действий, при необходимости его коррекция.

В процессе разъяснительной работы с учетом целесообразности следует:

- 1) стремиться к достижению согласованности действий;
- 2) привлекать психологов для работы с родителями;
- 3) организовывать обучение родителей с целью получения знаний по воспитанию детей и формированию гармоничных с ними отношений.
- 4) привлекать необходимые службы системы профилактики для оказания помощи семье (трудоустройство родителей или законных представителей, организация прохождения лечения от алкогольной или иных аддиктивных видов зависимостей и т. д.).

27 мая 2021 г. состоялось заседание круглого стола по вопросам совершенствования законодательства в сфере профилактики безнадзорно-

сти и правонарушений несовершеннолетних на тему: «Развитие профилактического потенциала центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей», в работе которого приняли участие представители Государственной Думы Российской Федерации, Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, Минпросвещения России, Минобрнауки, Минздрава России, Минтруда России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования. На заседании обсуждались следующие вопросы:

1. Уточнение возраста несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП (от 8 до 17 лет).
2. Изменение срока нахождения несовершеннолетних в ЦВСНП в сторону увеличения.
3. Расширение категорий несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП.
4. Проблемы взаимодействия ЦВСНП с органами опеки и попечительства субъектов Российской Федерации.
5. Воспитательный и профилактический потенциал ЦВСНП.
6. Изменение названия центров и др.

Действительно, на сегодняшний день существует ряд проблем, которые снижают эффективность деятельности ЦВСНП. Это проблемы такие, как:

- недостаточное межведомственное взаимодействие в вопросах профилактики девиантного поведения несовершеннолетних;
- несовершенство законодательного регулирования деятельности ЦВСНП;
- кадровые проблемы – недостаточная квалификация сотрудников ЦВСНП;
- недостаточная работа с окружением несовершеннолетнего во время пребывания его в ЦВСНП и после;
- отсутствие комплексной диагностики несовершеннолетнего, заключающееся в:
 - обследовании его физического и психического здоровья, психологического состояния, уровня развития;
 - изучении условий жизни и развития несовершеннолетнего, а также его окружения;
 - выявлении аддитивных зависимостей несовершеннолетнего с целью их коррекции.

Помимо этого стоит отметить, что вопрос получения образования в период пребывания несовершеннолетних в ЦВСНП также не урегулирован и требует дополнительного внимания.

В рамках круглого стола с целью выявления причин девиантного поведения обсуждался проект федерального закона, регламентирующий

деятельность ЦВСНП. Выступающими была положительно оценена работа ЦВСНП и были внесены отдельные предложения по совершенствованию их деятельности.

Представляется несвоевременным обсуждение законопроекта без качественного анализа результатов деятельности ЦВСНП. Для этого необходимо проанализировать в совокупности следующие данные: количество несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП; количество несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния после содержания в ЦВСНП; количество несовершеннолетних, повторно направленных и содержащихся в ЦВСНП.

Анализируя обозначенные данные, важно установить причины и условия продолжения девиантного поведения после пребывания в ЦВСНП и период, в течение которого несовершеннолетний совершил противоправное деяние, после пребывания в ЦВСНП.

Аналогичный опыт профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних существовал и ранее. Так, в первой половине XX в. А.С. Макаренко организовал и возглавлял колонию для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей. Выдающиеся достижения всемирно известного педагога, особенно в части перевоспитания трудных подростков, говорят сами за себя. Превалирующее большинство воспитанных им трудных подростков прожили достойную жизнь, став выдающимися людьми своего времени. Среди почти 3 000 воспитанников не известно ни одного рецидива, причем многие исследователи судьбы этих выпускников отмечают, что «они были счастливыми людьми» [1]. Отказ от противоправных действий – главная цель, к которой необходимо стремиться, осуществляя профилактическую работу. В ином случае повторные правонарушения или преступления свидетельствуют либо о формальном подходе, либо об ошибках, допущенных в ходе профилактической работы.

На основе изложенного, на наш взгляд, необходимо:

– ввести дополнительные формы статистической отчетности, отражающие количество несовершеннолетних, совершивших правонарушение или преступление после пребывания в ЦВСНП;

– урегулировать вопрос получения образования в период пребывания в ЦВСНП;

– предусмотреть и организовать разработку индивидуальных программ, включающих взаимодействие между педагогами (в первую очередь, классным руководителем) и родителями (представителями) несовершеннолетних, в целях профилактики и предупреждения совершения ими противоправных действий;

– наладить межведомственное взаимодействие по вопросам профилактики противоправных действий среди несовершеннолетних.

Профилактика противоправных действий несовершеннолетних – стратегический вопрос государства, поскольку именно подрастающее поколение – генофонд нашей страны, от которого зависит будущее. Очевидно, что девиантное поведение имеет корни в семье несовершеннолетнего. Среди множества факторов формирования отклоняющегося поведения, мы выделяем 2 основных:

1) аморальный образ жизни родителей, которые безответственно относятся к воспитанию детей;

2) отсутствие гармоничных детско-родительских отношений в семье.

Для устранения этих факторов необходимо своевременно их выявлять и проводить работу по устранению – оказывать психологическое сопровождение, помощь в трудоустройстве; содействовать в вопросах лечения от алкогольной или наркотической зависимостей; предоставлять возможность обучения по вопросам формирования благоприятного семейного климата и гармоничных детско-родительских отношений.

К сожалению, в России в рамках государственной программы отсутствуют бесплатные курсы для родителей. Повышение грамотности населения в области семейных и детско-родительских отношений способствовало бы укреплению семей и, как следствие, созданию благоприятной обстановки для гармоничного формирования подрастающего поколения. Родительское просвещение – основа профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, поскольку семья имеет огромное значение в становлении личности.

Литература

1. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/pedagogicheskaya-sistema-a.s.makarenko>.
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/pedagogicheskaya-sistema-a.s.makarenko>.
2. Federal Law 24.06.1999 № 120-FL «About the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency»// LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Иваньшина Анастасия Эдуардовна,

адъюнкт кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

E-mail: 19nastja94@mail.ru

«ПРИЗНАНИЕ СВОЕЙ ВИНЫ»: СУЩНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ СО СХОЖИМИ КАТЕГОРИЯМИ

Признание своей вины довольно спорное и многозначное доказательство. Его изучают длительное время, однако до сих пор идет спор о его значении, роли и сущности. Несмотря на множественность мнений, до сих пор не ясна его взаимосвязь с такими близкими понятиями, как «показания подозреваемого, обвиняемого» и «согласие с предъявленным обвинением», что приводит к противоречиям и путанице. С целью решения этих вопросов необходимо подробно рассмотреть понятие «признание своей вины» и разграничить его со смежными категориями.

Ключевые слова: признание своей вины, показания подозреваемого, показания обвиняемого, согласие с предъявленным обвинением.

Ivanshina Anastasia Eduardovna – Adjunct of the Criminal Procedure Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

«CONFESSION OF GUILT»: THE ESSENCE AND CORRELATION WITH SIMILAR CATEGORIES

The confession of guilt is a rather controversial and ambiguous evidence. It has been studied for a long time, but there is still a dispute about its meaning, role and essence. Despite the multiplicity of opinions its relationship with such close concepts as «testimony of the suspect, the accused» and «agreement with the sentence» is still not clear which leads to contradictions and confusion. In order to solve these issues it is necessary to consider in detail the concept of «confession of guilt» and distinguish it from related categories.

Keywords: confession of guilt, testimony of the suspect, testimony of the accused, acceptance of the sentence.

Признание своей вины – доказательство с особой историей и миссией, которое постоянно вызывает интерес научного сообщества и законодателя. Еще со времен Русской Правды его наличие, так или иначе, сказывалось на ходе самого дела и вынесении приговора.

Высокую значимость признания своей вины отмечают многие авторы, среди них: М.П. Поляков, Н.В. Крыленко, А.С. Барабаш, Н. Андросенко, А.В. Победкин, С.А. Новиков, А.Я. Вышинский, Н.С. Алексеев и В.З. Лукашевич, Н.А. Соловьева и В.Н. Перекрестов, И.П. Попова, М.А. Корчагин и другие. Мы также считаем, что признание своей вины является особым видом доказательства, истинно значимым для уголовного процесса в целом, а также для расследования уголовных дел. С помощью него собирается доказательственная информация; подтверждается факт совершения преступления; устанавливается причастность лица и изобличение иных лиц; устанавливается информация, ранее неизвестная следствию; устанавливается истина по делу и выносится правосудный приговор.

Однако в данной статье речь пойдет не о статусе рассматриваемого понятия, ибо его особый статус еще никто не опроверг. Главная идея кроется в сущности признания и его соотношении со схожими дефинициями – «показаниями подозреваемого, обвиняемого», «согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением».

Указанные формулировки истолковываются не совсем верно. Некоторые дефиниции отсутствуют в законе, что дает исследователям поле для размышления относительно них. Это приводит к дискуссиям, множеству мнений на то, что следует понимать под «признанием своей вины», вообще под «признанием», «согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Часто происходит подмена понятий, нарушение иерархии и взаимосвязи.

Путаницу вносят также и нормы закона. Так, ч. 2 ст. 74 УПК РФ устанавливает точный перечень доказательств по уголовному делу, среди которых «показания подозреваемого, обвиняемого», но при этом ст. 77 УПК РФ,

раскрывающая сущность одного из доказательств, апеллирует таким понятием как «признание своей вины». Также и с «согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Являясь одним из условий реализации сокращенных порядков, он тесно переплетается с понятием «признание своей вины», но каким образом и в какой степени не совсем ясно.

Из вышеизложенного возникает масса вопросов об их соотношении и сущности «признания своей вины» как претендента на роль доказательства. Это приводит к ошибкам и недочетам в законодательстве и правоприменении. С этой целью необходимо выяснить некоторые вопросы.

Первый из них: что следует понимать под «признанием своей вины», в том числе под самим фактом признания?

Согласно толковому словарю, признанием является «открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках», признаться же означает «согласиться считать законным, существующим, действительным» [1]. В сочетании с «виной» «признание» будет являться откровенным сообщением правоохранительным органам о своей вине, которое можно считать действительным и законным, если были соблюдены все условия, прописанные в УПК РФ.

С понятием «вины» все немного сложнее. Многие рассматривают «вину» как «психическое отношение лица к совершаемому им преступлению в форме умысла и неосторожности» [2, с. 101]. Однако упомянутый выше толковый словарь подразумевает более широкое значение этой категории как «проступка, преступления» [1].

Исходя из смысла понятий, предложенных толковым словарем, можно сделать вывод, что «признание вины» будет являться откровенным сообщением правоохранительным органам о своем преступлении, такое сообщение можно будет считать действительным и законным, если будут соблюдены все условия, прописанные в УПК РФ.

Трактовку «признания вины» также предлагают многие авторы. Так, М.Л. Якуб под этой дефиницией понимает показания обвиняемого, в которых он признал себя виновным в предъявленном обвинении и изложил обстоятельства, инкриминируемого ему преступления, приведя данные, подтверждающие его виновность в этом преступлении [3, с. 80].

Нам это утверждение кажется немного искаженным ввиду статуса признаваемого лица – обвиняемый. Скорее всего, автор, используя указанный процессуальный статус, просто охватил иные существующие. Так как признать вину можно не только в статусе обвиняемого, а значительно раньше – когда лицо находится в иных статусах (подозреваемый, свидетель) или вообще без них (при проверке сообщения о преступлении).

По мнению В.И. Каминской, признание вины обвиняемым – это такое его объяснение, в котором он признает правильность предъявленного ему обвинения, сообщает обстоятельства совершенного им преступления и раскрывает субъективную сторону совершенного деяния [4, с. 74].

Опять же, признание вины – это факт сообщения о совершенном преступлении, который оформляется должным образом и преобразуется в процессуальную форму. Если лицо призналось в совершенном преступлении при проверке сообщения о преступлении, то факт сообщения принимает процессуальную форму явки с повинной, а также объяснения. Если же лицо уже находится в определенном статусе, тогда процессуальной формой будет являться протокол допроса. Конечный факт признания, оформленный в надлежащую процессуальную форму, и составит доказательственную базу по уголовному делу.

Есть множество других дефиниций «признания вины». Н.А. Соловьева и В.Н. Перекрестов под «признанием подозреваемым (обвиняемым) своей вины» понимают «сообщаемые (даваемые) подозреваемым, обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства сведения против самого себя, в которых он изобличает себя в совершении преступного деяния и сознает его противоправность» [5, с. 55].

Все указанные дефиниции похожи между собой и отталкиваются от общих понятий «признания» и «вины». На наш взгляд, стоит расширить это понятие, включив сюда основные нюансы «признания вины»: это всегда факт предоставления (сообщения) лицом, совершившим преступление, сведений о совершении им преступления; предоставить сведения можно на всех этапах расследования; лицо, предоставляемое такие сведения, может находиться в различных статусах; факт признания не будет отнесен к доказательственной базе, пока он не приобретет необходимую

процессуальную форму. Конечно, такой факт должен быть добровольным.

На наш взгляд, вышеуказанные признаки позволяют сформулировать более полное понятие «признания своей вины». Под этой дефиницией следует понимать факт добровольного предоставления (сообщения) лицом, совершившим преступление, сведений, в которых он изобличает себя в совершении преступления, осуществляемый на любом этапе расследования уголовного дела и оформляемый в надлежащую процессуальную форму для приобщения к доказательственной базе.

Следующий вопрос – как соотносятся понятия «признание своей вины» и «показания подозреваемого, обвиняемого»?

Согласно ст. 76 и ч. 1 ст. 77 УПК РФ, «показаниями подозреваемого» и «показаниями обвиняемого» будут являться «сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства» [6]. Разница заметна лишь в требованиях к их получению. Эти сведения, оформленные в надлежащем виде, будут отнесены к доказательствам, согласно п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

На первый взгляд все очень просто, однако, переходя к соотношению этого понятия с «признанием своей вины», возникает не очень понятная ситуация. Статьи 76 и 77 УПК РФ раскрывают сущность «показаний подозреваемого, обвиняемого», однако в ч. 2 ст. 77 УПК РФ законодатель использовал такую формулировку как «признание обвиняемым своей вины», обозначив, что в основу обвинения такое признание не может быть положено без подтверждения виновности лица другими доказательствами по уголовному делу. В связи с этим можно сделать вывод о том, что эти дефиниции очень тесно переплетаются.

Их отличие носит скорее идеологический характер. В законе есть такое доказательство, как «показания подозреваемого (обвиняемого)», которое может, как содержать признание данных лиц своей вины, так и наоборот. Когда обвиняемый (задержанный, подозреваемый) признается в содеянном, данный факт фиксируется в форме того или иного документа, и, соответственно, такое признание становится частью доказательства по уголовному делу – «показаниями подозреваемого (обвиняемого)». Само «признание своей вины» не будет являться доказательством по уголовному делу. Оно лишь повлечет определенные правовые последствия и, будучи правильно

оформленными, приобретет процессуальную форму доказательства, предусмотренного ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а именно «показаний подозреваемого, обвиняемого».

Последний вопрос – это соотношение понятий «признание своей вины» и «согласие с предъявленным обвинением». В соответствии с толковым словарем, «согласием» является «утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение» [1]. В отличие от понятия «признание своей вины», рассматриваемое наиболее «узаконено» в уголовно-процессуальном плане.

По поводу соотношений этих понятий существует несколько точек зрения. И.В. Смолькова выделяет четыре, мы же остановимся на трех нижеперечисленных [7, с. 33–40].

Согласно первой точке зрения, понятия «признание своей вины» и «согласие с предъявленным обвинением» отождествляются. Этой позиции придерживается О.А. Глобенко, которая считает, что с лингвистической точки зрения «согласие с предъявленным обвинением – не что иное, как признание вины» [8, с. 15].

По мнению С.А. Касаткиной, центральным понятием среди рассматриваемых будет именно «согласие с предъявленным обвинением». Именно оно является требуемым условием для реализации сокращенного производства. И при этом именно оно одновременно будет являться процессуальной формой выражения «признания вины» [9, с. 14].

Вторая точка зрения состоит в том, что «согласие с предъявленным обвинением» и «признание вины» родственные понятия и для реализации особого порядка судебного разбирательства необходимы в совокупности. Но при этом они не тождественны. Эту позицию поддерживают большинство авторов.

А.В. Победкин считает, что «согласие с обвинением, безусловно, предполагает признание вины, а признание вины является обязательным условием принятия рассматриваемого процессуального решения» [10, с. 18], но при этом они не тождественны. О.В. Гладышева и Н.В. Редькин также сопоставляют эти понятия как взаимодополняемые. Так, если лицо, которому предъявлено обвинение, соглашается с ним, оно таким образом признается в совершении конкретного преступления [11, с. 88].

Н. Андросенко разделяет эти понятия, но отмечает, что соглашаясь с обвинением, лицо

не может не признать свою вину, т. к. в состав обвинения входят такие обстоятельства, подлежащие доказыванию, как форма вины, виновность и т. д., а они, соответственно и составляют основу признания своей вины [12, с. 6].

Также некоторые авторы относят «согласие обвиняемого с предъявленным обвинением» к праву обвиняемого, которое имеет большое значение для дальнейшего разрешения уголовного дела. Это не подвид признания, по своему значению оно шире и представляет собой право, которым обвиняемый может воспользоваться при выполнении всех условий [13, с. 248], предусмотренных гл. 40 УПК РФ. Так видят данную позицию Д.А. Степаненко и М.А. Днепровская. Разделяя по своему значению такие понятия как «признание вины» и «согласие с предъявленным обвинением», они полагают, что последнее является основанием реализации особого порядка судебного разбирательства. При этом признание является неотъемлемым элементом такого согласия, что мы и наблюдали ранее [14, с. 29].

И последняя позиция абсолютно кардинально отличается от перечисленных выше. Согласно ей, «согласие с предъявленным обвинением» и «признание своей вины» абсолютно разные понятия, при этом признавать свою вину вовсе не обязательно при решении вопроса об особом порядке судебного разбирательства, достаточно согласиться с обвинением.

Этой позиции придерживается Н.М. Хромова, которая отмечает, что обвиняемый «может вообще не давать показаний, но при этом не спорить с обвинением» [15, с. 112].

В.Н. Перекрестов наоборот, возвышает роль «признания своей вины» над «согласием с предъявленным обвинением», по его мнению «следует на законодательном уровне заменить выражение «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением», со-

держась в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, на «признание обвиняемым своей вины» [16, с. 8].

Сама И.В. Смолькова высказывается по этому вопросу довольно подробно и лаконично. При согласии обвиняемого с обвинением, которое ему предъявляется, он соглашается также и с фактом совершенного преступления. А состав любого преступления состоит из обязательных элементов, без которых деяние не будет признаваться преступлением: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. В состав последней входит вина. Таким образом, если лицо согласно с обвинением, оно согласно с фактом совершения преступления, значит согласно и с его составом, в который входит вина [7, с. 37].

Мы согласны с рядом авторов, поддерживающих второе направление. На наш взгляд, «согласие с предъявленным обвинением» и «признание своей вины» очень близки, оба имеют огромное значение для реализации упрощенных форм судопроизводства, но при этом они не тождественны. «Согласие с предъявленным обвинением» будет являться правом обвиняемого, которым он может, как воспользоваться, так и наоборот. Если обвиняемый воспользовался этим правом, согласился с предъявленным обвинением, он автоматически признает вину (полностью или частично).

В заключение хочется обратить внимание на множественность мнений и направлений по поднятым вопросам, что свидетельствует об актуальности исследуемой темы по настоящее время. Несмотря на многочисленные исследования, дискуссии не утихают, а пробелы до сих пор существуют. Разрешение этих проблем – важная задача уголовно-процессуальной науки, т. к. разное понимание одних и тех же понятий, их подмена или отождествление делает из маленькой проблемы огромную.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2012.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров. М., 2016.
3. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств. М., 1963.
4. Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960.

Bibliography

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 28th ed., Rev. M., 2012.
2. Criminal law of Russia. General part: textbook for bachelors. M., 2016.
3. Yakub M.L. Defendant's testimony as a source of evidence. M., 1963.
4. Kaminskaya V.I. Testimony of the accused in the Soviet criminal trial. M., 1960.

5. Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. 2008. № 11.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (в ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22).
8. Глобенко О.А. Показания обвиняемого в российском уголовном процессе. Н. Новгород, 2007.
9. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М., 2010.
10. Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1.
11. Гладышева О.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. М., 2008.
12. Андросенко Н. Признание в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. 2007. № 3.
13. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2014.
14. Степаненко Д.А., Днепровская М.А. Признание вины и/или согласие с обвинением: соотношение понятий // Глаголь правосудия. 2014. № 1 (7).
15. Хромова Н.М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6.
16. Перекрестов В.Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ. Волгоград, 2010.
5. Solovieva N.A., Perekrstov V.N. Evidentiary function of recognition // Russian justice. 2008. № 11.
6. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174 - FL dated 12/18/2001 (as amended on 06/11/2021) // LRS «ConsultantPlus».
7. Smolkova I.V. Does the accused need to admit his guilt under a special procedure for making a court decision (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) // Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings. 2018. № 4 (22).
8. Globenko O.A. Testimony of the accused in the Russian criminal process. N. Novgorod, 2007.
9. Kasatkina S.A. Confession of the Accused: Monograph. M., 2010.
10. Pobedkin A.V. Some issues of collecting evidence under the new criminal procedural legislation of Russia // State and Law. 2003. № 1.
11. Gladysheva O.V. Special order of trial in the criminal justice system of the Russian Federation. M., 2008.
12. Androsenko N. Confession of a crime as a condition for making procedural decisions under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Russian investigator. 2007. № 3.
13. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific. ed. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. 7th ed., Rev. and add. M., 2014.
14. Stepanenko D.A., Dneprovskaya M.A. Admission of guilt and / or agreement with the prosecution: correlation of concepts // Verb of justice. 2014. № 1 (7).
15. Khromova N.M. The principle of the presumption of innocence in a special procedure of trial // Journal of Russian law. 2013. № 6.
16. Perekrstov V.N. Criminal-procedural significance of the accused's admission of his guilt in the criminal proceedings of the Russian Federation. Volgograd, 2010.

© 2021 г. Мысливцева Тамара Юрьевна,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России, следователь отдела по расследованию преступлений на территории обслуживания отдела полиции № 2 Следственного управления УМВД России по г. Ростову-на-Дону.
E-mail: tamriko.myslivtseva@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, НА ПРИМЕРЕ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье раскрываются проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, на примере сбыта наркотических средств, установления лиц, причастных к совершению таких преступлений, доказательства их вины. Сформулированы тактические приемы и комбинации, необходимые при расследовании данной категории дел.

Ключевые слова: информационные технологии, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, методика расследования, Даркнет, следственные действия, компьютерная судебная экспертиза.

Myslivtseva Tamara Yurievna – Adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Investigator of the Department for Investigation of Crimes in the Service Territory of the Police Department № 2 of the Investigation Department of the Russian MIA Administration for Rostov-on-Don.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF THE INTERNET ON THE EXAMPLE OF SALES OF NARCOTIC DRUGS

The article reveals the problems of investigating crimes committed using the Internet on the example of the sale of narcotic drugs, the identification of persons involved in the commission of such crimes, the proof of their guilt. The tactical techniques and combinations necessary for the investigation of this category of cases have been formulated.

Keywords: information technology, crimes related to drug trafficking, investigation methods, Darknet, investigative actions, computer forensic examination.

В настоящее время одним из наиболее распространенных способов совершения преступлений является использование Интернета. С его помощью и на его пространстве совершаются хищения денежных средств с банковских карт и счетов, продажа оружия, уничтожение компьютерной информации, распространение детской порнографии, преступления в сфере интеллектуальной собственности, призывы к экстремизму и терроризму и многое другое.

Наибольшую опасность составляют преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. За период с января 2021 г. по апрель 2021 г., согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только на территории Ростовской области зарегистрировано 1 958 фактов незаконного оборота наркотических средств [8].

Начальник Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ Андрей Некрасов заявил, что свыше 41 % преступлений, связанных с оборотом наркотиков, совершаются через Интернет.

В общей сложности в 2020 г. было зафиксировано 47,1 тысяча таких преступлений [9].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации, либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Максимальное наказание за такое преступление может быть назначено в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет. В зависимости от размера наркотического средства срок лишения свободы может составлять до двадцати лет [1]. Настолько строгая санкция говорит о том, что совершение такого преступления несет в себе реальную угрозу общественной нравственности и здоровью населения, и другим государственно важным интересам.

В период пандемии 2020–2021 гг. значительно возрос оборот наркотических средств, совершенный бесконтактно, посредством закладок с использованием сети Интернет. Это

связано с ограниченной работой различных увеселительных заведений, клубов, баров, ресторанов, где собирались большие количества людей, и где могли встречаться сбытчики наркотических средств со своими потенциальными клиентами. Приспособившись к условиям данного периода времени, преступный мир перенес процесс оборота наркотических средств на просторы социальных сетей, мобильных мессенджеров и других средств интернет-коммуникаций. Рост безработицы стал также одной из причин скачка преступности в этой сфере, т. к. от безысходности и необходимости к зарабатыванию средств к существованию, многие молодые люди обратились к интернет-магазинам, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, за поиском работы.

12 апреля 2021 г. состоялась 64-я сессия Комиссии по наркотическим средствам Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций, на которой рассматривались проблемы наркозависимости и наркопреступности в период пандемии COVID-19 [10].

В настоящее время российские и зарубежные ученые, представители правоохранительных органов предпринимают меры к противодействию совершения преступлений данной категории.

Преступления, совершенные с использованием сети Интернет, одна из наиболее динамичных групп общественно опасных посягательств. С высокой скоростью увеличиваются показатели распространения этих деяний, а также постоянно растет их специфичность и опасность. Конечно, это обусловлено ускоренным развитием науки и технологий в сфере компьютеризации, а также постоянным и стремительным расширением сферы применения компьютерной техники, образованностью, совершенствованием знаний лиц, применяющих IT-технологии в своей незаконной деятельности.

Практика расследования уголовных дел показывает, что установить наркоторговцев, которые для своих целей используют сеть Интернет, составляет особую сложность, это обусловлено следующими причинами:

- высокая латентность данной категории преступлений, проблемы в сборе доказательств;
- усовершенствование системы защиты мобильных устройств, мобильных приложений, используемых для обмена сообщениями

между наркоторговцем, координатором, складчиком и покупателем наркотического средства;

- отсутствие должного взаимодействия с отделом «К» МВД России, БСТМ МВД России, с сотовыми операторами, службой регионального Роскомнадзора, банками;

- недостаточной компетенции экспертов, специалистов, которые привлекаются при осмотрах мобильных устройств, ноутбуков и персональных компьютеров;

- несовершенство имеющегося программного обеспечения экспертно-криминалистических центров, позволяющей при проведении компьютерной судебной экспертизы извлечь данные из заблокированных мобильных устройств, удаленные сведения, информацию из систем «облачного» хранения.

Специфичность рассматриваемой категории преступлений обуславливает наличие целого ряда проблем, влияющих на эффективность их выявления, раскрытия и расследования. Прежде всего, к их числу следует отнести проблему установления лица, совершившего преступление в сети Интернет. Она связана с трансграничностью сети и наличием эффективных механизмов обеспечения анонимности при работе в ней.

Другой проблемой, которая является логическим следствием вышеописанной, является длительность получения оперативно значимой информации [5]. Учитывая существование множества платежных систем, активное использование криптовалют, бесчисленное количество интернет-провайдеров, регистраторов доменных имен и т. д., источник этой проблемы становится вполне очевидным.

Незаконный оборот наркотических средств в Интернете применяет все возможности глобальной сети: социальные сети, мобильные мессенджеры и другие каналы. Сайты, форумы, мессенджеры – удобная среда для совершения анонимных преступлений.

Одним из наиболее известных сайтов, на котором возможно приобрести наркотические средства, связаться с наркоторговцами, устроиться на работу в интернет-магазин, является hydraruzxpnew4af.onion.

Для того чтобы получить доступ на указанный сайт, необходимо попасть в так называемый «Даркнет», который используется преступным миром для совершения преступлений.

Даркнет – это общее понятие для сети ресурсов, которые объединены свойством, позволяющим поддерживать абсолютную анонимность своих пользователей, для чего используется несколько ступеней шифрования данных. Попасть на просторы Даркнета не так уж и сложно для постоянных обывателей Интернета. Для этого необходимо получить доступ к системе темной сети, одной из которых является TOR (The Onion Router) Project [3]. Войти в пространство TOR можно, скачав официальный браузер. Браузер работает с самыми популярными операционными системами современных компьютерных устройств. Необходимо скачать браузер, выполнить все пункты установки и таким образом вы получите доступ к Даркнету, и сможете воспользоваться всеми его возможностями.

При этом для лиц, ведущих расследование уголовных дел, отслеживание цепочки действий лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет, дается не так просто. На первоначальном этапе следственная ситуация не всегда складывается благоприятно.

Особенностью расследования, рассматриваемой в данной статье категории преступлений, является комплекс первоначальных следственных действий. Исходя из собственной практики, в большинстве случаев поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, является рапорт об обнаружении признаков преступления и материал проверки, собранный органом дознания. Сотрудниками уголовного розыска, отдела или управления по контролю за оборотом наркотиков и другими службами может быть зафиксирован факт хранения в расфасованном виде большого количество запрещенных веществ или проведение оперативно-розыскных мероприятий, например «Проверочной закупки», по ранее полученной информации в отношении конкретного лица или нескольких лиц [2]. В результатах оперативно-розыскной деятельности должна содержаться информация о выявленных лицах, а также лицах, которым может быть известно о фактах, имеющих значение для уголовного дела, позволяющих сделать выводы о подследственности, об объеме проведения следственных действий и о выборе эффективной тактики их производства [7]. Изучив поступивший материал и, приняв решение о возбу-

ждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователю необходимо допросить лиц, проводивших и участвующих при административном задержании подозреваемого, или при проведении оперативно-розыскного мероприятия. При возбуждении уголовного дела по результатам оперативной информации может возникнуть необходимость в проведении опознания. Далее, лицу, в производстве которого находится уголовное дело, следует решить вопрос о проведении обыска по месту жительства подозреваемого. Целесообразнее проводить безотлагательный обыск для того, чтобы не были утеряны возможные вещественные доказательства. После чего проводится допрос подозреваемого лица. В зависимости от его показаний для устранения противоречий могут быть проведены очные ставки между подозреваемым и свидетелями.

Особое внимание стоит уделить назначению судебных экспертиз. Это вызвано потребностью к обращению к специальным познаниям, которые не являются обыденными, относятся к конкретной сфере науки и которые не являются в полной мере доступными лицу, производящему предварительное расследование [6]. По изъятым наркотическим средствам, инструментам и оборудованию, используемых для производства, изготовления и расфасовки наркотических средств, назначается физико-химическая судебная экспертиза, перед экспертом необходимо поставить вопросы о принадлежности вещества к наркотическому или иному запрещенному, его наименовании, количестве и первоначальном весе. Если при задержании лица с ладоней и пальцев его рук были сделаны смывы на тампоны или салфетки, то необходимо поставить вопрос о наличии на изъятых смывах следов наркотических средств и их количества, такой же вопрос ставится и по изъятым инструментами оборудованию. При наличии мобильного телефона, персонального компьютера или ноутбука, изъятых у подозреваемого при личном досмотре, выемке или обыске по месту жительства, необходимо решить вопрос о назначении компьютерной судебной экспертизы и поставить перед экспертом вопросы о наличии переписки (входящих, исходящих SMS сообщений, MMS сообщений, аудио-сообщений, в том числе удаленных, а также

входящих, исходящих сообщений, отправленных либо принятых при помощи приложений, программ обмена сообщениями, таких как WhatsApp, Viber, Telegram, VIPole и др. (в том числе удаленные), фотографий, видео и аудиозаписей, свидетельствующих о причастности к незаконному обороту наркотиков, информации об использовании платежных систем, кошельков, банковских счетов и карт в памяти устройства, представленного на экспертизу. Также необходимо поставить вопрос о наличии истории активности в браузере.

На дальнейших этапах лицу, ведущему расследование, необходимо установить соучастников совершенного преступления [4]. Ими являются заказчики наркотических средств, кураторы интернет-магазинов, занимающиеся незаконным оборотом наркотических средств. С данной целью следователь может направить запросы в сотовые компании для установления собственников абонентских номеров, с которыми ведется переписка, свидетельствующая о причастности лица к сбыту наркотических средств, в банки, с целью получения расширенных выписок по имеющимся картам и счетам у подозреваемого. При установленном IP-адресе персонального компьютера или ноутбука подозреваемого, необходимо направить запрос интернет-провайдеру с целью получения сведений за кем зарегистрирован, установочные данные при регистрации, адрес, предпочитаемое программное обеспечение, наиболее часто используемые сайты в определенный промежуток времени, аккаунты, содержащие различные идентификационные данные, внесенные в систему при регистрации.

На данном этапе следователь может столкнуться со следующими проблемами:

- затратная по времени процедура, получение судебного разрешения для выемки охраняемой законом информации;
- большое количество времени, в течение которого готовятся необходимые для выемки документы;
- отсутствие возможности контакта с конкретными сотрудниками, исполнителями запроса по вопросам готовности ответа;
- обмен документами посредством почты России, отсутствие электронного документооборота.

Все это затягивает сроки предварительного расследования и приводит к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства, а также своевременного осуществления уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела по существу.

На заключительном этапе следователь, получив заключения экспертов, ответы на запросы, устранив имеющиеся противоречия, проанализировав все доказательства, выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого, с учетом всех доказанных в ходе производства по уголовному делу обстоятельств, т. е. предъявляет обвинение в полном объеме, допрашивает лицо в качестве обвиняемого. В ходе допроса могут предъявляться фото, видео, аудио материалы и другие доказательства. После чего выполняются следственные действия, направленные на окончание предварительного следствия.

Наибольшее значение для разрешения проблем, с которыми сталкиваются следователи при расследовании уголовных дел, по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием Интернета, которые рассмотрены в данной статье, составляют:

– организация эффективного взаимодействия со службами и подразделениями МВД России, а при необходимости и с другими ведомствами;

– повышение уровня профессиональных знаний специалистов и экспертов, привлекаемых для участия в следственных действиях и к проведению экспертиз, а также обновление и совершенствование материально-технического оснащения экспертно-криминалистических центров;

– налаживание документооборота с сотовыми операторами мобильной связи, банками и другими организациями, которое помогло бы значительно сократить срок предварительного следствия.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод о том, что проблема с незаконным оборотом наркотических средств в Интернете в дальнейшем будет только набирать актуальность. Предложенные нами меры по разрешению некоторых проблем, с которыми сталкиваются следователи на различных этапах расследования уголовных дел, не являются исчерпывающими. Однако их реализация в совокупности с совершенствованием законодательства в данной сфере, по нашему мнению, могла бы существенным образом повлиять на улучшение наркоситуации в стране.

Литература

1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.
3. Колычева А.Н. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие. М., 2020.
4. Криминалистика: курс лекций. М., 2019.
5. Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты). М., 2017.
6. Варданыан А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // Философия права. 2019. № 2 (89).
7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv/viewer>.
8. URL: <http://crimestat.ru/21>.
9. URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/05/24/genprokuratura-internet-vse-chashhe-ispolzuet-sya-dlya-sbyta-narkotikov.html>.
10. URL: https://viennamission.mid.ru/narcotics/asset_publisher/xlMX0AWSOqs0/.

Bibliography

1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.
3. Kolycheva A.N. Investigation of crimes using computer information from the Internet: a tutorial. M., 2020.
4. Forensic science: a course of lectures. M., 2019.
5. Parkhomenko V.I. Interaction of investigators, operational workers and specialists in the investigation of criminal cases on illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances (tactical, forensic and organizational aspects). M., 2017.
6. Vardanyan A.V. Forensic examination in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems // *Filosofiya prava* 2019. № 2 (89).
7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv/viewer>.
8. URL: <http://crimestat.ru/21>.
9. URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/05/24/genprokuratura-internet-vse-chashhe-ispolzuet-sya-dlya-sbyta-narkotikov.html>.
10. URL: https://viennamission.mid.ru/narcotics/asset_publisher/xlMX0AWSOqs0/.

© 2021 г. Цветков Владимир Александрович,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА К РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Степень опасности экстремистских проявлений настолько высока, что не может не стать угрозой единству многонационального народа и целостности России. Данный факт, по мнению автора статьи, обязывает в процессе расследования преступлений экстремистской направленности, в том числе и связанных с организацией экстремистского сообщества, применять всевозможные средства, ориентированные на привлечение виновного к ответственности. В числе таких средств и специальные знания специалистов, которые в условиях распространения экстремизма особо актуализируются.

Ключевые слова: организация экстремистского сообщества, проблемы, расследование, специалист, специальные познания, экстремизм.

Tsvetkov Vladimir Alexandrovich – Adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

INVOLVEMENT OF A SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ORGANIZATION OF AN EXTREMIST COMMUNITY: PROBLEMS AND PROPOSALS FOR THEIR MINIMIZATION

The degree of danger of extremist manifestations is so high that it cannot but become a threat to the unity of the multinational people and the integrity of Russia. This fact, according to the author of the article, obliges in the process of investigating crimes of an extremist nature including those related to the organization of an extremist community to use all possible means aimed at bringing the perpetrator to justice. Among these tools is the special knowledge of specialists which is particularly relevant in the context of the spread of extremism.

Keywords: organization of the extremist community, problems, investigation, specialist, special knowledge, extremism.

Одна из главных государственных задач в условиях продолжающегося построения демократических основ в Российской Федерации – противодействовать экстремизму как негативному явлению, угрожающему современной России, проявляющемуся в разных видах и формах, содержащих религиозную составляющую и политическую целенаправленность, нарушающего деятельность органов власти, разных общественных институтов, негативно сказываясь на подрастающем поколении и обществе в целом. Принимая во внимание статистику преступлений экстремистской направленности, представленную на рис. 1, говорить о решении данной задачи пока не приходится.

Выскажем предположение, что темпы возрастания преступлений экстремистской направленности связаны с развитием Интернета, в котором количество сайтов этой направленности уменьшается незначительно. Только в течение начала 2020 г. экстремистские материалы были обнаружены и удалены с 50 тыс. российских интернет-ресурсов [5].

Сложно спорить с тем, что «борьбу с экстремизмом нужно делать более активной, эффективной, что позволит лишить преступников их публичной идеологической основы и предотвратить по возможности максимальное количество межэтнических конфликтов» [5]. В данном направлении делается немало, например, правительство России поддержало законопроект, предполагающий ограничение доступа к ресурсам, содержащим информацию об экстремистской деятельности.

Экстремизм является серьезной угрозой не только целостности и государственной безопасности, но и сохранности прав и свобод граждан, их психического и физического здоровья. Однако прогрессирующее нарастание экстремистской преступности указанную угрозу «переносит» в разряд проблем, которую нужно решать во взаимодействии и незамедлительно.

Сегодня активными темпами развиваются новые и совершенствуются уже действующие технологии, что позволяет преступным субъектам совершать преступления новыми способами, в том числе используя Интернет.

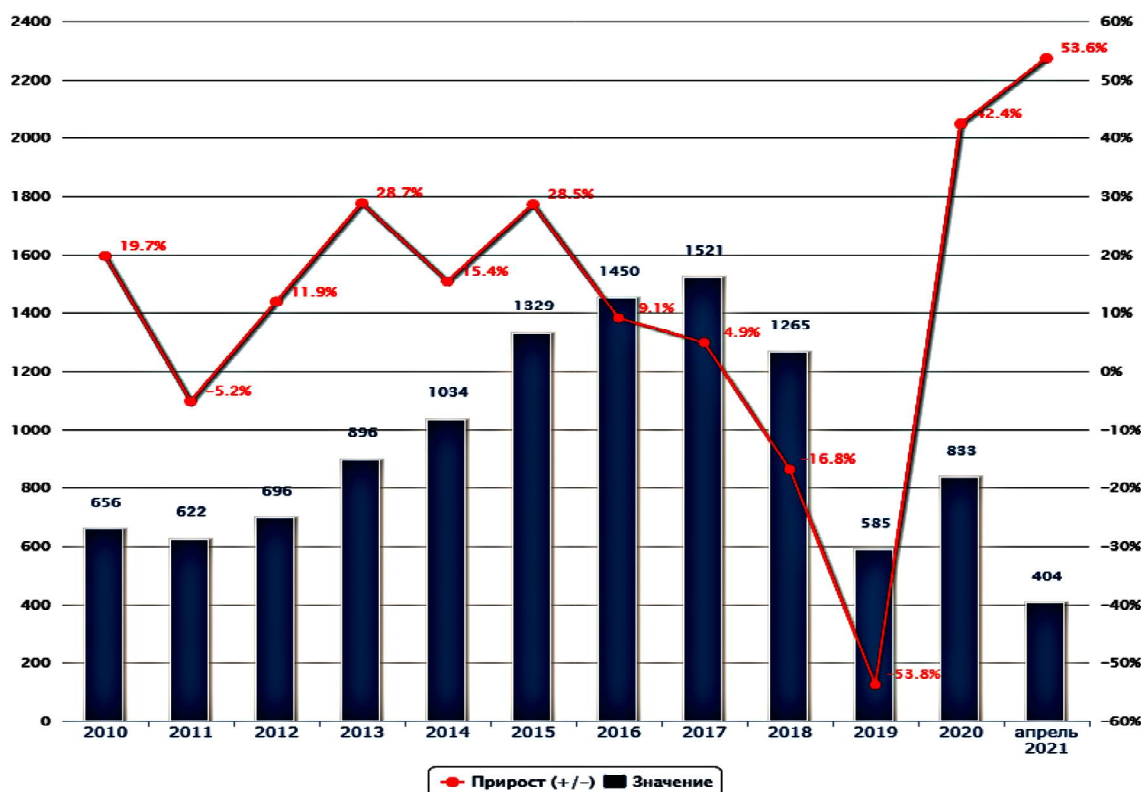

Рис. 1. Статистика преступлений экстремистской направленности [8]

К примеру, именно так распространялись экстремистские материалы представителями субкультуры «Арестантское уголовное единство», пропагандирующей воровские и тюремные понятия. Участники данной субкультуры причастны к преступлениям, организации бунтов и побегов из мест лишения свободы, массовым беспорядкам. С октября 2020 г. данная организация признана экстремистской и запрещена на территории России [6].

Не является редкостью, когда должностные лица правоохранительных органов сталкиваются в процессе раскрытия и расследования преступлений со сложностями, связанными с отсутствием у них специальных знаний и опыта, который не является характерным для их сферы деятельности. Именно возникновение данных сложностей и обуславливает необходимость их обращения к консультативной помощи лиц, обладающих особыми знаниями в специфических вопросах, разрешение которых необходимо для детального анализа установленных по делу фактов или выявления новых. Такая консультативная помощь может быть представлена «сведущими людьми». Сегодня востребованность в таких лицах возрастает. Зачастую информация, от них полученная, может стать единственным доказательством в рамках расследуемого уголов-

ного дела. По данным Центра экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики, экспертизы и исследования проводят по каждому второму уголовному делу, по каждому четвертому уголовному делу назначают разного рода экспертизы. При этом в системе МВД России организовано более 49 видов разных экспертиз, к проведению которых привлекают специалистов [4; 9].

Сегодня специалист – это не пассивный, а активный участник уголовного судопроизводства, способный оказать неоценимую помощь следствию, например, содействовать в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов (ст. 58 УПК РФ).

Ответственность за организацию экстремистского сообщества предусмотрена в ст. 282.1 УК РФ. Применительно к данному преступлению следует отметить, что специальные знания специалиста могут быть использованы в двух разных формах – процессуальной и непроцессуальной. Разница указанных форм в том, что только процессуальным формам свойственно доказательственное значение. Непроцессуальная деятельность специалиста в расследовании организации экстремистского сообщества может быть сведена к тому, что данный участник может предоставить информацию консультативного или

справочного характера, провести в случае необходимости «предварительные исследования».

Несмотря на то, что специалист не может углубленно исследовать объекты или проводить эксперименты, его деятельности все же присущи некоторые черты экспертных исследований: в процессе предварительного исследования объектов он выявляет их признаки, анализирует их, используя при этом необходимые ему методики. Если принять во внимание, что перед специалистом не могут быть поставлены идентификационные задачи, заключение специалиста должно быть изложено как «простой логический силлогизм, а вывод — как умозаключение» [2, с. 36].

Знания специалиста необходимы следователю для того, чтобы выдвинуть версии. Тем более не редкость, когда версии выдвигаются только лишь о том, что совершено преступление экстремистской направленности, при этом факт совершения преступления в составе экстремистского сообщества не учитывается.

В процессе расследования интересующего нас в рамках статьи преступления проводится ряд следственных действий. Например, к проведению осмотра места происшествия можно привлечь разных специалистов: лингвистов, религиоведов, кинологов и др. Однако, исходя из опыта практической деятельности, в большинстве случаев к осмотру привлекают только специалистов-криминалистов.

К допросам могут привлекаться лингвисты, религиоведы, особенно, если допрашиваемый придерживается иных традиций, обычаев. В процессе допроса сложности могут возникнуть в том случае, если лицо не владеет или владеет недостаточно языком судопроизводства [7, с. 77]. В процессе допроса сложности могут быть связаны с установлением психологического контакта, пониманием терминологии или отдельных сторон предмета допроса. Для того чтобы минимизировать данные сложности, нужно привлекать специалиста, владеющего в аспекте допроса необходимыми знаниями. Некоторые авторы придерживаются мнения, что «при расследовании преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества, к допросу нужно привлекать специалиста в области социологии, психологии и педагогики, который, учитывая возрастные и другие особенности личности допрашиваемого, способен оказать помощь в получении достоверной информации и установлении психологического контакта с допрашиваемыми лицами» [3, с. 96]. Если нужно установить мотив религиозной ненависти или вражды, неоченимой

становится помощь специалиста, который владеет знаниями в области религиоведения или теологии. При изучении материалов, распространяемых через Интернет, нужно привлекать специалиста в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Обыск при расследовании интересующего нас преступления, связанного с организацией экстремистского сообщества, может быть ориентирован на поиск материально-фиксированных источников информации, способных подтвердить тот факт, что лицо участвовало в деятельности сообщества или разделяло их взгляды. Помощь специалиста при анализе обнаруженных материалов бесспорна. Он может помочь расшифровать нацистскую, расистскую, религиозно-экстремистскую и другую символику, дать оценку найденной атрибутике. Более того, специалист-криминалист, используя видео- и аудиоаппаратуру, поэтапно зафиксирует все составляющие обыска.

Несмотря на значимость привлечения специалиста к расследованию преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества, имеют место сложности, способствующие тому, что использование специальных знаний в расследовании преступления может стать малоэффективным. Например, сегодня не все отделы, занимающиеся расследованием анализируемых преступлений, имеют методические рекомендации по организации и их расследованию. В настоящее время продолжают действовать рекомендации для работников правоохранительных органов «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе», в которых представлены проблемы использования методов психолингвистического исследования текстов. Эти рекомендации датированы 2001–2005 гг., что позволяет говорить об их несовершенстве, несоответствии современным реалиям.

Отсутствует разработанный служебный регистр учета специалистов, способный оказать помощь при расследовании экстремистских преступлений. Подобный регистр мог бы стать базой данных, которой при необходимости могли бы воспользоваться лица, расследующие дела данной категории. Не будем вдаваться в подробности значения такого регистра (учета), который бы позволил систематизировать всю информацию о специалистах в данной области в одной электронной базе, поскольку это выходит за пределы темы данной статьи.

В настоящее время не так много можно найти опытных и профессиональных специалистов в области социальной психологии, лингвистики, психолингвистики, этнологии,

религиоведения. Такая ситуация оказывает негативное влияние на продолжительность проведения исследований, что связано с поиском нужного специалиста в озвученной области.

До сих пор среди авторов нет единого мнения относительно понимания специалиста и его соотношения с экспертом. М.В. Бобовкин и С.В. Волкова считают, что вся выполняемая специалистом деятельность должна именоваться научно-методической [1, с. 36]. Вывод авторов аргументирован тем, что в заключении специалист должен только представить свои суждения, не имеющие никакого отношения к утверждению в категоричной форме [1, с. 37]. Полагаем, общим у специалиста и эксперта является то, что оба обладают специальными знаниями, и результаты их деятельности имеют доказательственное значение. Различия между субъектами в том, что их заключение не только различается содержанием, но и результаты, представленные в нем, получены разными способами.

Не менее значимой проблемой видим отсутствие законодательно определенной формы и содержания заключения. Именно отсутствие конкретизации такой формы заключения специалиста порождает многочисленные трудности в практической деятельности. Сложно не согласиться с тем, что для того, чтобы заключение специалиста признавать подлинным, нужно чтобы доводы, представленные в нем, были аргументированными, а сам документ имел четкую структуру изложения.

Считаем, что при расследовании анализируемой категории преступлений в любом случае нужно использовать специальные знания, даже если законодатель не предусматривает обязательного участия специалиста в деле. Какого специалиста необходимо привлечь, должен решать следователь, расследующий уголовное дело, исходя из специфики конкретной следственной ситуации и учитывая, что специалист может работать не только с материалами уголовного дела, но и над описанием материала.

Литература

1. Бобовкин М.В. Рецензия на заключение эксперта как разновидность заключения специалиста в уголовном судопроизводств // Эксперт-криминалист. 2008. № 1.
2. Зинин А.М. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 8 (24).
3. Ершов В.А. Методика расследования преступлений против жизни и здоровья гра-

Привлекая специалиста к расследованию преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества, предлагаем придерживаться следующей формы заключения данного им документа с точки зрения его структуры.

Подписка. В этой части нужно зафиксировать, что лицу разъяснены его права, и он предупрежден об ответственности. Если этот атрибут игнорировать, то доказательство может быть впоследствии признано недопустимым.

Вводная часть. В данной части должны быть представлены сведения об уголовном деле, представлена нормативно-правовая база, сведения о специалисте (специалистах). В данной части нужно представить и вопросы, поставленные перед специалистом. Ответы на вопросы рекомендуется излагать именно в том виде, в котором они были сформулированы в запросе. Если при формировании вопросов возникают сложности, то уместно рекомендовать изначально получить устную консультацию специалиста, который поможет в правильности формулирования вопросов.

Описательная часть. В данной части должны быть представлены результаты работы специалиста. Эта часть должна содержать всю информацию, по которой изучались доказательства. Результаты ответов на вопросы должны группироваться в конкретном разделе, размещенном в описательной части.

Предлагаемые в рамках статьи мероприятия ориентированы на совершенствование расследования преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества с использованием всех возможных средств, ориентированных на привлечение виновного к ответственности. В числе таких средств и специальные знания специалистов, которые сегодня особо необходимы в условиях распространения экстремизма.

Bibliography

1. Bobovkin M.V. Review of the expert opinion as a kind of expert opinion in criminal proceedings // Expert-criminalist. 2008. № 1.
2. Zinin A.M. Specialist's conclusion: essence, content and form // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2016. № 8 (24).
3. Ershov V.A. Methods for investigating crimes against the life and health of citizens committed by members of informal groups (movements). М., 2007.

ждан, совершаемых членами неформальных групп (движений). М., 2007.

4. URL: https://xn-b1aew.xnp1ai/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centri/Publikacii_i_vistuplenija/item/19676399/.

5. URL: <https://iz.ru/1095414/2020-12-03/medvedev-rasskazal-o-masshtabakh-ekstremistskoi-deiatelnosti-v-internete>.

6. URL: <https://iz.ru/1080168/2020-10-29/min-iust-vkliuchil-aue-v-perechen-zapreshchennykh-ekstremistskikh-organizatsii>.

7. Назаркулова Ч.Н. Участие специалиста в следственных действиях при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды // Вестник СПб университета МВД России. 2016. № 3 (71).

8. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

9. URL: https://ceur.ru/library/articles/sudebnaja_jekspertiza/item128831/.

4. URL: https://xn-b1aew.xnp1ai/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centri/Publikacii_i_vistuplenija/item/19676399/.

5. URL: <https://iz.ru/1095414/2020-12-03/medvedev-rasskazal-o-masshtabakh-ekstremistskoi-deiatelnosti-v-internete>.

6. URL: <https://iz.ru/1080168/2020-10-29/min-iust-vkliuchil-aue-v-perechen-zapreshchennykh-ekstremistskikh-organizatsii>.

7. Nazarkulova Ch.N. The participation of a specialist in investigative actions in the investigation of crimes committed on the basis of national, racial, religious or interregional hatred or enmity // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (71).

8. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

9. URL: https://ceur.ru/library/articles/sudebnaja_jekspertiza/item128831/.